

87.3 (ЧВК)

С. 63

СОЧИНЕНИЯ

СМАЙЛЬСА

ТОМЪ 4.

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЛЬСА

87.31

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
САМУИЛА СМАЙЛЬСА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦИЕЮ

М. Н. НИКОЛЬСКАГО

Съ биографіей и портретомъ Сам. Смайльса.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

1957

10

ИЗДАНИЕ

поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, 18, | МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12.
1903

Д О Л Г Ъ

Исторія чловѣчества учитъ насть,
Что путь долга былъ для міра неодно-
кратно и путемъ славы.

Теннисонъ

Строгія предписанія долга,
Раскрыту книгу судебъ,
Мученія зда и блаженство небесъ—
Все это носите вы въ самихъ себѣ.

Уайтхеръ.

Долгъ—мой Богъ и повелитель!

Фридрихъ Великій.

ГЛАВА I.

ДОЛГЪ — СОВѢСТЬ.

Совѣсть—могутій боечъ, вела его за себой.

Макроне.

За что, о, человѣкъ, порицаешь ты міра? Міръ прекрасенъ и созданъ согласно требованиямъ совершенѣйшей мудрости; если-же онь кажется тебѣ злымъ и грѣшнымъ, то потому, что ты самъ золъ и требашъ среди этого прекраснаго міра.

Марсилій Фініанъ.

Человѣкъ живеть не для одного себя; онъ живеть не для одного только собственнаго благополучія, но и для блага другихъ. На каждого изъ нась возложены известныя обязанности, на знатнаго богача, какъ и на послѣдняго бѣдняка. Для однихъ жизнь—праздникъ, для другихъ страданіе. Но благородныя сердца не ставятъ себѣ цѣлью жизни ни наслажденіе, ни даже славу; ихъ высокія стремленія побуждаютъ ихъ къ полезному труду и добрымъ дѣламъ во имя общаго блага.

По выражению Гіероклеса, каждый изъ нась является центромъ, обнесеннымъ многими концентрическими кругами. Самый близкій къ намъ кругъ,—первый,—родители, жена и дѣти; слѣдующій заключаетъ въ себѣ нашихъ друзей и родственниковъ, третій кругъ—нашихъ соплеменниковъ и четвертый—остальное человѣчество, и мы несемъ на себѣ обязанности по отношенію ко всѣмъ четыремъ.

Чтобы суметь ревностно и неуклонно исполнять свой долгъ по отношению къ Богу и людямъ, мы должны прежде всего позаботиться о возможно совершенномъ развитіи всѣхъ ниспосланныхъ намъ Богомъ способностей. Его высшая воля вдохновляетъ и управляетъ нашей волей. Сознаніе того, что есть добро и зло, что правда и ложь, справедливость и несправедливость — налагаетъ на насъ ответственность здѣсь, на землѣ передъ людьми, тамъ, на небесахъ передъ Богомъ.

Область обязанности безгранична и связана со всевозможными положеніями въ жизни. Не отъ нашего выбора зависитъ быть богатыми или бѣдными, счастливыми или несчастными, но человѣку вмѣняется въ обязанность всегда исполнять свой долгъ, въ чемъ бы онъ ни выражался. Подчиненіе чувству долга въ самомъ затруднительномъ положеніи составляетъ первую сущность цивилизациіи. Теперь, какъ это было и раньше, въ прошломъ, слѣдуетъ прилагать всѣ силы въ дѣлѣ исполненія своего долга, работать во имя его, и, если нужно, умирать за него.

Представленіе о долгѣ связываемъ мы зачастую съ военной дисциплиной. Память о часовомъ изъ Помпей, найденномъ мертвымъ на своемъ посту въ то время, какъ городъ былъ восемнадцать вѣковъ тому назадъ захваченъ пепломъ и лавою, сохранилась до нашихъ дней. Это былъ солдатъ, преданный своему долгу, не покинувший своего поста въ то время, какъ всѣ другие искали спасенія. Онъ исполнялъ свою обязанность и не тронулся съ мѣста, которое должно было оберегать и задохся отъ смрадныхъ сѣрнистыхъ испареній засыпавшихъ его облаковъ пепла. Его тѣло стало прахомъ, но память о немъ жива и его щлемъ, копье и нагрудникъ до сихъ поръ показываютъ послѣтиемъ въ Борбоническомъ музѣй, въ Неаполѣ.

Этотъ солдатъ выказалъ геройское послушаніе и выдающуюся преданность долгу: онъ довелъ свое дѣло до конца. Къ послушанію, къ повиновенію родителямъ, на-

ставникамъ и начальству каждый долженъ пріучаться съ самаго ранняго дѣтства, но и позднѣйшій возрастъ не освобождаетъ насъ отъ повиновенія, мы должны умѣть повиноваться до самаго послѣдняго вздоха. Долгъ, въ своемъ благороднѣйшемъ проявленіи, заключаетъ въ себѣ такъ много ограничительнаго, связывающаго, что, при выполненіи его, человѣкъ не имѣеть возможности думать о самомъ себѣ или считать это выполненіе своей обязанности самопожертвованіемъ.

Перейдемъ теперь къ много позднѣйшему времени, чѣмъ то, въ которое жилъ помпейскій солдатъ. Когда англійскій военный корабль «Биркенгидъ» пошелъ 26 февраля 1852 года ко дну у береговъ Африки со всѣмъ своимъ храбрымъ экипажемъ, который, скрываясь въ волны, даль прощальный залпъ, увидѣвъ въ безопасности на шлюпкахъ дѣтей и женщинъ, за спасеніе которыхъ онъ пожертвовалъ своей собственной жизнью—герцогъ Веллингтонъ получилъ это печальное извѣстіе на торжественномъ обѣдѣ въ королевской академіи. И Маколей разсказываетъ слѣдующее:

«Я сейчасъ же замѣтилъ американскому посланнику мистеру Лауренсу, что герцогъ въ своей похвальной рѣчи несчастному утонувшему экипажу ни разу ни обмолвился объ ихъ мужествѣ, но много разъ остававлялся на ихъ примѣрномъ подчиненіи, дисциплинѣ и ихъ выдержанкѣ. На мужество же ихъ, онъ, казалось, смотрѣлъ, какъ на нѣчто само собой подразумѣвавшееся и вполнѣ естественное».

Преданность долгу всегда связана съ самопожертвованіемъ, представляющимъ нѣчто большее, чѣмъ простая неустрашимость. Гладіатора, боровшагося въ римскомъ циркѣ со львами, исполненнаго львиаго мужества, воодушевляла горячность зрителей, но при этомъ онъ никогда не упоскаль изъ виду ожидавшей его награды и не увлекался до самозабвенія. Пизарро былъ однимъ изъ храбрѣшихъ людей, но среди всѣхъ его трудовъ и лишеній жажда золота

одна помогала ему преодолевать всевозможные препятствия и заботы.

«Хочешь сдѣлаться великимъ? — спрашивается блаженный Августинъ, — въ такомъ случаѣ будь сначала маленькимъ. Хочешь ты создать обширное и высокое зданіе? — Подумай сначала о прочности фундамента, о смиреніи. Чѣмъ выше должно быть твое зданіе, тѣмъ глубже закладывай фундаментъ. Скромное смиреніе — вотъ вѣнецъ красоты!»

Лучшимъ способомъ исполненія обязанностей является совершение ихъ въ тайнѣ, такъ чтобы оно не бросалось въ глаза людямъ. Самоотверженно и съ достоинствомъ исполняетъ въ такомъ случаѣ человѣкъ свой долгъ, не хвались имъ и не подчиняясь предписаніямъ узкой свѣтской нравственности. Подобный образъ дѣйствій обусловливается болѣе высокими взглядами на жизнь, благороднѣйшими нравственными началами, подчиняясь которымъ каждую человѣческую жизнь и каждое дѣло мы считаемъ выполняемымъ нами обязательствомъ по отношенію ко всему человѣчеству.

Какъ-же намъ научиться выполнять свои обязанности? Развѣ это такъ ужъ трудно? На первомъ мѣстѣ стоить всегда врожденное человѣку ясное и постоянное сознаніе нашихъ обязанностей по отношенію къ Богу; за ними слѣдуютъ другія: обязанности наши по отношенію къ нашей семье, сосѣдямъ, обязанности слугъ по отношенію къ своимъ господамъ, обязанности гражданина по отношенію къ его согражданамъ, обязанности по отношенію къ государству, которое въ свою очередь несетъ на себѣ обязанности по отношенію къ своимъ подданнымъ. Большая часть этихъ обязанностей исполняется въ тайнѣ. Наша общественная дѣятельность можетъ быть хорошо известна другимъ, но внутренней, нравственной и духовной стороны нашей жизни никто не видѣть. Отъ насть самихъ зависитъ идти по хорошему или дурному пути, потому что никто

не можетъ, кромѣ насъ самихъ, погубить нашей души. Если намъ удалось постепенно сдѣлаться лучше, благородный и совершенный и воспитать въ такомъ же направленіи своихъ близкихъ, то тѣмъ самымъ мы, можетъ быть, сдѣлали все, что было въ нашихъ силахъ и такова задача жизни, отъ которой никто не имѣеть права уклониться.

Одинъ американскій законодатель слѣдующимъ образомъ отнесся ко ввѣренному ему посту.

Лѣтъ сто тому назадъ въ Соединенныхъ Штатахъ произошло солнечное затменіе. Все сильнѣе мракъ окутывалъ небо, и многимъ казалось, что наступаетъ день страшного суда. Между тѣмъ въ Конентикутской палатѣ засѣдало законодательное собраніе. Съ увеличеніемъ мрака одинъ изъ членовъ, блѣдный и испуганный, предложилъ разойтись по домамъ, на что старый пуританинъ, Девенпортъ изъ Стамфорда возразилъ, поднявшись съ мѣста:

«Если даже день страшного суда действительно наступилъ—я хочу, чтобы онъ засталъ меня на моемъ посту, при исполненіи моихъ обязанностей, а потому пусть подадутъ огня, чтобы палата могла продолжать свои занятія».

Пристыженные, остальные члены присоединились къ нему и засѣданіе продолжалось; и всеѣ были глубоко благодарны старому Девенпорту за то, что онъ поддержалъ такимъ образомъ ихъ колеблющуюся волю въ трудный моментъ жизни.

Одинъ человѣкъ слабый здоровьемъ, хрупкій и нѣжный посвящалъ большую часть своего времени благотворительной дѣятельности. Онъ посѣщалъ больныхъ и бѣдныхъ въ ихъ убогихъ помѣщеніяхъ, ухаживалъ за ними и утѣшалъ ихъ и всѣми средствами старался прийти имъ на помощь. Друзья часто упрекали его въ томъ, что, отдаваясь этой дѣятельности, онъ запускаетъ свои дѣла и замѣчали ему, что у изголовья больныхъ и умирающихъ онъ легко мо-

жеть заразиться какой-нибудь опасной болезнью. Въ отвѣтъ на эти упреки онъ просто, но съ твердостью возразилъ: «Своими личными дѣлами я достаточно усердно занимаюсь изъ любви къ своей семье, во-я считаю, что человѣку вмѣняется въ обязанность относительно общества заботиться не объ однихъ только своихъ кровныхъ близкихъ, но также и о другихъ, не принадлежащихъ къ членамъ моей семьи».

Истинными благодѣтелями человѣчества являются не тѣ, которые жертвуютъ на благотворительныя дѣла денежнія суммы, но тѣ, которые посвящаютъ служенію близкихъ самихъ себя, т.-е. свое время, силы и душу; первые пріобрѣтаютъ себѣ известность, снискиваютъ всеобщія похвалы; вторые пріобрѣтаютъ любовь неимущихъ и страдающихъ. Память о первыхъ можетъ надолго сохраняться въ обществѣ, вторые будутъ, можетъ быть, скоро позабыты, но добрыя съмена, посланныя ими, никогда не погибнутъ.

Что представляютъ, однако, основы долга? Жюль Симонъ написалъ солидное произведение «Долгъ», въ которомъ проводить мысль, что долгъ находится въ зависимости отъ свободы. Люди должны быть свободны, какъ для исполненія своихъ общественныхъ обязанностей, такъ и для выработки своего личного характера.

Разъ люди обладаютъ свободой мысли — они должны располагать и свободой дѣйствій: слѣдуетъ, однако, замѣтить, что свободой этой человѣкъ можетъ пользоваться и дурно, направляя ее вѣ столько на добро, сколько на зло. Тираннія толпы хуже, чѣмъ деспотизмъ отдѣльной личности. Американецъ тоже весьма основательно утверждаетъ, что новѣйшій либерализмъ представляетъ не что иное, какъ замѣну феодального рабства рабствомъ общественнаго мнѣнія.

✓ Свобода, какъ общественное достояніе каждой отдѣльной личности,—является понятіемъ, возникшимъ, какъ учить

исторія, лишь въ позднѣйшее время *). Въ старину, такъ называемымъ свободнымъ людямъ даровано было право владѣть рабами. Рабство процвѣтало не только въ государствѣ, но и въ семье, въ республикахъ, равно какъ и при монархическомъ образѣ правленія. Катонъ старшій, значительный изъ римскихъ экономистовъ эпохи республики, проводилъ мысль о полезности избавленія общества отъ престарѣлыхъ рабовъ, чтобы не нести на себѣ необходимости содержать ихъ. Рабы, неспособные болѣе къ работѣ отъ старости или болѣзни, отвозились на острой Эскулапа посреди Тибра, гдѣ погибали отъ болѣзни или холодной смерти. Въ императорскомъ Римѣ плебѣсъ (народъ) зависѣлъ отъ благотворительности патриціевъ. Такжѣ и въ Англіи при отмѣнѣ рабства, когда бѣдняки не могли болѣе существовать монастырскими подаяніями—изданъ былъ законъ о бѣдныхъ, который являлся чѣмъ-то въ родѣ вознагражденія за утрату свободы.

* Понятіе о труде, какъ о чѣмъ-то унизительномъ -- остатокъ временъ язычества и феодализма, когда слугъ предоставлялись только рабамъ и крестьянину, воздѣлывавшимъ землю. Римляне опредѣляли благородство въ слѣдующихъ словахъ: «gentem habent soli cuius parentes nemini servierunt», что значитъ: «тѣ лишь благородны, чьи предки никому не служили». Распространенное въ сѣверо-американскихъ штатахъ убѣжденіе, что рабская кровь, даже въ самыхъ отдаленныхъ предкахъ — является позоромъ для человека — чисто римского происхожденія. «Отправтесь-ка въ Америку, вы, любезные вѣмецкіе крестьяне,— говорить по этому поводу Гейше, — тамъ вы не встрѣтите ни принцевъ, ни знатныхъ, всѣ люди равны тамъ, правда, за исключеніемъ яѣсколькихъ миллионовъ чернокожихъ, съ которыми обращаются какъ съ собаками! Тотъ, кто удержаль даже малѣйшіе признаки негрскаго происхожденія, даже не въ цвѣтѣ кожи, а въ чертахъ лица или въ чёмъ иномъ, осужденье выносить всевозможныя униженія, которыхъ намъ въ Европѣ кажутся невѣроятными. Разумѣется, встрѣчается и тамъ не одно благородное сердце, которое въ тайнѣ порицаеть и жалуется на всеобщее себялюбіе и несправедливость. Но попробуй оевъ открыто побороться съ подобнымъ положеніемъ вещей—его ждетъ такое мученичество, о какъ-мъ мы въ Европѣ и испытія имѣть не можемъ!»

✓ Есть въ мірѣ нѣчто выше и лучше свободы — это совѣсть! Могущество этого слова признано было въ эпоху самого ранняго расцвѣта цивилизациї. Уже греческій поэтъ Менандръ, жившій за триста лѣтъ до Р. Хр., сказалъ: «Въ нашей собственной груди мыносимъ бога — это наша совѣсть!» и дальше: «Жить для одного лишь себя — это нельзя назвать жизнью. Совершая какое-либо святое и добroe дѣло — будь радостенъ и добръ, потому что самъ богъ, какъ это всякий понимаетъ, принимаетъ въ немъ участіе. Отзовчивое сердце — вотъ что является самой на-сущной необходимостью для человѣка».

Совѣсть представляетъ ту особую силу души, которую можно также было бы назвать религіознымъ инстинктомъ и которая открывается въ насъ, какъ-только мы замѣчаемъ въ себѣ самихъ борьбу между высшими и низшими душевными побужденіями, борьбу между духомъ и плотью, между злымъ и добрымъ началомъ. И куда ни оглянется человѣкъ — всюду онъ видитъ ту же самую борьбу не на жизнь, а на смерть. Тысячи мужчинъ и женщинъ живутъ, терзаясь душевными муками только потому, что они любятъ добро, но въ то же время не могутъ вполнѣ следовать его высшимъ идеаламъ.

На основаніи этой борьбы создалась первоначальная релігія; высшій законъ приводить насъ къ Единому, представителемъ которого является голосъ совѣсти. Каноникъ Мозли говорить: «Всѣ религіи основаны на этомъ испытаніи самого себя. Углубляясь въ свою внутреннюю жизнь и замѣчая происходящую внутри борьбу — люди учатся познавать самихъ себя, а изъ этого самопознанія возникаетъ и познаніе Бога». Подъ влияніемъ подобныхъ впечатлѣній человѣкъ приобрѣтаетъ возможность познавать и чувствовать, что справедливо и что несправедливо; ему предоставляется выборъ между добромъ и зломъ, и такъ какъ за нимъ остается свобода выбора, — то онъ является и отвѣтственнымъ за него.

Во что бы ни вѣрили люди въ теоріи, въ дѣйствительности никто изъ насть не чувствуетъ, чтобы его поступки были заранѣе предопределены, необходимы и неизбѣжны, потому что воля наша ничѣмъ не связана, не подлежитъ никакому принужденію. Никакое колдовство не заставляетъ насть непремѣнно повиноваться тому или другому побужденію. «Мы чувствуемъ,—говорить Джонъ Стюартъ Милль, —что если бы мы захотѣли доказать, что обладаемъ силой воли, способной противостоять какому-бы то ни было желанію — мы можемъ сдѣлать это: для нашей гордости думать иное было бы и унизительно и недостойно».

Наши поступки должны подвергаться известной проверкѣ, иначе для какой цѣли издаются законы по всему свѣту: они имѣютъ въ виду, чтобы имъ повиновались. Весь известная и ставшая убѣжденіемъ каждого, что люди повинуются или не повинуются законамъ, смотря по тому, насколько они хотятъ повиноваться или не повиноваться. Каждый изъ насть сознаетъ, что въ сущности не наши привычки или искушенія властствуютъ надъ нами, но мы сами господствуемъ надъ ними.

Чтобы достигнуть возможности располагать духовной свободой, — умъ человѣка долженъ быть пробужденъ знаніями. Отвѣтственность человѣка растетъ вмѣстѣ съ просвѣтленіемъ и развитіемъ его ума и тѣмъ явственный становится голосъ его совѣсти. Онъ подчиняется вліянію высшей воли и дѣйствуетъ согласно съ нею, не по принужденію, но съ радостью, потому что связующій его законъ человѣкъ признаетъ за законъ любви. Человѣкъ приходитъ къ убѣжденію, что только своей жизнью и поступками, своимъ довѣріемъ къ цѣлямъ Божественной воли и согласными съ ней дѣйствіями онъ творить добро и обеспечиваетъ себѣ величайшее блаженство. «Человѣкъ безъ религіи,—говорить архидіаконъ Гэрэ,—является игрушкой случая, но религія стоитъ выше случайностей и поднимаетъ за собою человѣка». Въ Новомъ завѣтѣ находимъ

мы также соответствующее изречение: «Гдѣ духъ Господень—тамъ свобода». А Куперъ говоритъ: «Свободенъ лишь человѣкъ, освобожденный вѣрой: всѣ остальные—рабы рядомъ съ нимъ.

Человѣкъ, не признающій этого божественнаго закона, поступаетъ лишь подъ давленіемъ холоднаго разсудка, слѣпой страсти или эгоизма и себялюбія. Люди прекрасно сознаютъ, что поступаютъ дурно, подчиняясь своимъ порочнымъ склонностямъ, совѣсть обвиняетъ ихъ, этотъ внутренній законъ нельзя заставить молчать. Они сами называютъ извращенными и грѣшными свои поступки, но ихъ способность сопротивленія уже ослаблена на будущее время, воля ихъ теряетъ свое могущество. Какъ-только имъ представится новое искушеніе, они ему поддаются гораздо скорѣе, чѣмъ раньше, и, такимъ образомъ, извѣстный поступокъ превращается современемъ въ привычку. Изъ всякаго злого дѣла вытекаетъ, какъ слѣдствіе, рядъ новыхъ дурныхъ поступковъ.

Тѣмъ не менѣе совѣсть не умерла. Мы не можемъ вырыть ей могилы и заставить ее молча успокоиться въ ней—мы можемъ растоптать ее ногами, и все же она останется живой. Въ минуту совершенія какого бы ни было грѣха, или преступленія, тутъ-же поднимается его ангель-местиль, и мы не въ состояніи закрыть глаза, чтобы не видѣть. Совѣсть превращаетъ человѣка въ труса, и день страшнаго суда приходитъ для насъ уже въ этомъ мірѣ, въ тотъ моментъ, когда совѣсть пробуждается и предостерегаетъ насъ, заставляя обратиться на правый путь.

Эта вѣчная, всѣмъ присущая совѣсть является истинной сущностью каждого человѣческаго характера. Она учитъ насъ самообладанію, даетъ намъ силу противостоять искушеніямъ, побѣждать ихъ. Каждый человѣкъ обязанъ работать надъ развитіемъ собственной личности, стараться отыскать для себя правый путь, чтобы слѣдовать ему. У

него есть достаточно для этого воли, онъ властенъ быть самимъ собою, а не какимъ-нибудь эхомъ чужого голоса, отражениемъ общихъ плоскихъ «общоднѣй» мнѣній. Настоящее человѣческое достоинство вытекаетъ только изъ самообладанія, изъ побѣды надъ нашими низшими влечениями, одержанной благороднѣйшими побужденіями нашего существа.

Широкое и постоянное примѣненіе къ жизни самообладанія можетъ быть достигнуто только съ помощью власти совѣсти надъ нашей душою. Совѣсть является человѣку главной опорой въ жизни и освобождаетъ его отъ господства его собственныхъ страстей и склонностей, показывая ему дорогу къ высшимъ и благороднѣйшимъ идеаламъ человѣчества. Чистый источникъ радости появляется только на пути долга; онъ одинъ услаждаетъ намъ всякий трудъ и укрѣпляетъ насть на правомъ дѣлѣ. Слѣдя за голосомъ совѣсти, мы достигаемъ личного счастья, потому что этотъ голосъ учитъ насть только добруму и справедливому и запрещаетъ все, что приводить его къ несчастью.

«Немного, среди цивилизованного міра, встрѣчается людей, не раздѣляющихъ убѣжденія, что благополучие человѣка находится въ связи съ Божіей волей, — говоритъ Гербертъ Спенсеръ. — Это учение проповѣдывалось всѣми религіями и всѣми философами о нравственности, потому что мы можемъ со спокойнымъ духомъ считать его истиной».

Вѣдь совѣсти остается у человѣка одинъ лишь могущественный возбудитель — его личное удовольствіе; онъ дѣлаетъ только то, что ему нравится, и безъ колебаній слѣдуетъ своей жаждѣ наслажденія, въ чувственномъ, какъ и въ нравственномъ отношеніи. Но вѣдь мы живемъ на свѣтѣ не для того, чтобы удовлетворять однимъ лишь собственнымъ склонностямъ и предаваться одному только самоуслажденію. Весь міровой порядокъ противорѣчитъ подобному возврѣнію на жизнь. Тамъ, где пріобрѣтаютъ господ-

ство низшія сторони нашей природы, не можетъ быть и рѣчи о самоотречениі, самоножертвованіи и самообладаніи— въ лучшихъ случаяхъ эти три качества примѣняются лишь постольку, поскольку требуютъ того государственные законы.

Общество, сложившееся на такихъ началахъ, съ прирожденными человѣку страстиами и умственными, и нравственными силами, не допустившее, однако, совѣсть управлять человѣческими дѣйствіями, очень скоро пришло бы къ анархіи и полнѣйшему общему распаденію. Извѣстные результаты подобнаго положенія дѣлъ мы уже видимъ отчасти въ безсмысленныхъ насилияхъ русскихъ нигилистовъ и нѣмецкихъ соціаль-демократовъ, такъ же какъ и въ опустошительной коммунистической войнѣ въ Парижѣ. Распространеніе подобныхъ началь въ обществѣ приводить его лишь къ полнѣйшей деморализаціи, какъ въ лицѣ его отдельныхъ членовъ, такъ и въ лицѣ цѣлаго народа.

Въ такихъ случаяхъ остается одно средство: попробовать вернуть людей къ сознанію своего долга. Наши предки ставили себѣ жизненной цѣлью борьбу за свои права; настоящему же поколѣнію выпала задача грудью стоять за чувство долга и работать для его распространенія. На одной доскѣ съ вѣрностью долгу стоитъ справедливость, самая блестящая изъ добродѣтелей и добро желательность неразлучна съ нею. Въ Библіи есть изреченіе, которое безпрестанно звучитъ въ нашемъ сердцѣ и должно было бы быть непрестанно повторяemo всѣмъ и каждому: «Поступайте съ людьми такъ, какъ вы хотѣли бы, чтобы они поступали съ вами». Гумбольдтъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «Часто случается въ жизни, что въ тѣ моменты, когда мы не слишкомъ заботимся о своемъ счастьѣ или несчастьѣ, а предаемся исключительно добросовѣстному исполненію своей обязанности — счастье является само собою, даже большее: оно словно вытекаетъ изъ заботъ, бѣдъ и лишеній, съ которыми мы ежедневно бо-

ремся». И Гёте ставить вопросъ: «Въ чёмъ заключается нашъ долгъ?—и отвѣтъ:—Въ исполненіи обычнаго дѣла». Но подобный взглядъ на обязанность слишкомъ узокъ. Далѣе Гёте спрашиваетъ: «Какое правленіе наиболѣшее?—То, которое учитъ насъ управлять самими собою». Плутархъ сказалъ императору Траяну: «Пусть твое господство начинается съ твоей собственной жизни, а въ основу его положи владычество надъ своими собственными страстями».

Истиннымъ достоинствомъ обладаютъ дѣла, совершаемые изъ чувства любви и долга, а не ради себялюбивыхъ цѣлей. Все, что дѣлается съ радостью и по собственному побужденію, разумѣется, въ тысячу разъ лучше дѣлъ, совершаемыхъ во имя какого бы то ни было вознагражденія. Но купленая обязанность не имѣть никакой цѣны. Людвигъ Фейербахъ глубоко правъ былъ, говоря: «Есть одно лишь доброе на свѣтѣ — любовь, одно зло — эгоизмъ. Имѣй въ душѣ любовь и остальные добродѣтели сами придутъ къ тебѣ».

У каждого человѣка есть обязанности по отношенію къ себѣ самому и своимъ собратіямъ; жизнь, не освѣщенная чувствомъ долга, не имѣла бы въ сущности никакой цѣны.

«Не зарывай достоинствъ, показывать которыя въ твоей власти: искренность, строгость, постоянство въ трудѣ, отвращеніе къ наслажденіямъ, умѣніе быть довольнымъ малымъ, благосклонность, благородство и искренность».

Есть люди, одаренные величайшей силой ума и познанія, рядомъ съ которыми уживается въ нихъ полнѣшее отсутствие благородства или великодушия. Послѣдняя качества вытекаютъ изъ высшей силы человѣческаго духа — совѣсти и высшей его способности — разума, который въ соединеніи съ вѣрой возвышаетъ человѣка надъ животнымъ. Дарвинъ вполнѣ справедливо выразилъ это въ слѣдующихъ словахъ: «Внушенія совѣсти въ связи съ раскаяніемъ и чувствомъ долга являются важнѣйшимъ различіемъ между человѣкомъ и животнымъ».

Нельзя упирать во всемогущество материю: мы должны върить только тому, что видимъ своими глазами и осязаемъ собственными руками. Мы не должны върить въ то, чего не понимаемъ. Но какъ безконечно мало знаемъ мы и постигаемъ въ точности! Мы видимъ только поверхность вещей, словно сквозь тусклое зеркало. Какъ можетъ матерія помочь намъ разгадать тайны жизни? Мы совершенно ничего не знаемъ о причинахъ чувственной, умственной и волевой дѣятельности. Мы знаемъ о ихъ существованіи и образѣ выраженія, но объяснить ихъ себѣ не можемъ. Когда одинъ молодой человѣкъ увѣрялъ однажды доктора Парра, что желаетъ въровать лишь въ понятныи ему явленія, — докторъ отвѣтилъ ему: «Въ такомъ случаѣ вспять символъ вѣры является самимъ короткимъ и исключительнымъ въ цѣломъ мірѣ». Сидней Смитъ выразился по этому поводу еще остроумнѣй. Однажды на званомъ обѣдѣ, одинъ изъ гостей—иностраницъ—объявилъ, что онъ отъявленный матеріалистъ, вѣрующій только въ то, что онъ видитъ. Сидней Смитъ, мѣняя разговоръ, тутъ же сказалъ: «Вотъ отличное кушанье!» Матеріалистъ согласился съ нимъ: «Да, оно восхитительно!» — «Кстати,—вразмыль Смитъ, со своей обычной находчивостью,—смѣю васъ спросить, вѣрите-ли вы въ повара?»

Намъ приходится върить въ тысячу вещей, которыхъ мы не понимаемъ, матерія съ ея разнообразными сочетаніями является такой-же глубокой тайной, какъ и сама жизнь. Взглянемъ на безчисленные далекіе міры, величаво обращающіеся въ своихъ опредѣленныхъ орбитахъ, посмотримъ на землю—наше жилище, совершающую ежедневное обращеніе вокругъ собственной оси и въ то же время годовое вокругъ солнца—въ состояніи-ли мы уяснить себѣ причины этого обращенія, что можемъ мы знать о немъ, исключая факта, что они существуютъ въ дѣйствительности?

Знаменитый французскій математикъ Блезъ Паскаль

говорить по этому поводу въ своихъ «Мысляхъ о религії»: «Какимъ грандіознымъ ни кажется намъ круговое обращение солнца въ небесномъ пространствѣ само по себѣ, оно представляетъ лишь незначительное явленіе въ сравненіи съ гораздо болѣе обширнымъ круговымъ обращеніемъ, совершающимъ звѣздами. Какимъ-бы необозримымъ ни казался намъ этотъ мірь—онъ является все-же лишь точкой въ необъятномъ содержаніи вселенной. То, о чёмъ мы можемъ составить себѣ представлениe—лишь отдельные атомы въ сравненіи съ дѣйствительностью—безконечнымъ иругомъ, центръ котораго всюду, а окружность остается безграничной. Что представляетъ человѣкъ среди всего этого безконечнаго? Но слѣдуетъ остановиться еще на одномъ, не менѣе поразительномъ: на безконечномъ подъ нимъ. Разсмотримъ самую крохотную, первую попавшуюся намъ подъ руки букашку: у нея есть члены, жилы, кровь, обращающаяся въ этихъ жилахъ, и которая совершенно та же, какъ кровь человѣка, содержитъ въ себѣ шарики, мокроты и лимфа. Въ предѣлахъ этого атома я вамъ укажу не только видимый мірь, но и самую безпредѣльность природы. Каждый, душу котораго занимаютъ подобныя мысли, придетъ въ ужасъ при мысли о самомъ себѣ, со страхомъ призадумается онъ надъ тѣмъ, гдѣ отвела ему мѣсто природа: между безконечностью и ничѣмъ. Только одинъ Творецъ этихъ чудесъ можетъ постичь ихъ; но кроме Него никто».

Конфуцій училъ своихъ учениковъ, что Богъ открывается не въ словѣ или писаніи: «Небо не говорить,—получалъ онъ,—оно даетъ познавать себя въ дѣйствіи. Блаженъ тотъ, кто слѣдуетъ божественному закону, проявившемуся въ тѣхъ или другихъ событияхъ; несчастенъ тотъ, кто не слѣдуетъ ему. Мыслите честно и живите добродѣтельно. Знаніе, благородство души и энергія вмѣняются въ обязанность каждому». Эти слова дошли до насъ, какъ отдаленное эхо великаго учителя, жившаго и дѣйствовавшаго больше чѣмъ за 2.400 лѣтъ тому назадъ.

Онъ могъ бы еще прибавить: все эти добродѣтели являются только слѣдствіемъ наставленій внутренняго руководителя человѣка — совѣсти: изъ этого первоначального источника проистекаютъ все дальнѣйшія правила поведенія; она учитъ насъ различать добро отъ зла, дѣлать первое и избѣгать второго. Совѣсть показываетъ намъ, какъ мы должны поступать, чтобы дать счастье другимъ и тѣмъ снискать собственное счастье и душевное спокойствіе. Совѣсть — это та молчаливая власть, которая даетъ намъ силу бороться съ нашими слабостями и возможность проникаться сознаніемъ духа и воли Божіей.

У древнихъ грековъ мы также могли бы многому поучиться относительно великой добродѣтели долга. Сократъ, который считается преимущественно основателемъ греческой философіи, проникнуть былъ убѣжденіемъ, что божество избрало его, чтобы будить въ сердцахъ людей нравственное сознаніе. Онъ родился въ Афинахъ въ 468 г. до Р. Х. и получилъ для того времени самое лучшее образованіе. Сначала онъ посвятилъ себя скульптурѣ и пріобрѣлъ даже себѣ въ ней нѣкоторую известность. Затѣмъ, какъ это было у афинянъ въ обычай, служилъ своему отечеству въ качествѣ солдата и, присягая, произнесъ вмѣстѣ съ другими юношами слѣдующую формулу: «Клянусь не опозорить вѣреннаго мнѣ родиной священнаго оружія и не покинуть поста, порученнаго моей защитѣ!»

Съ большимъ мужествомъ и храбростью участвовалъ онъ во всѣхъ походахъ пелопонесской войны. Въ одной изъ битвъ, происходившихъ при Потидеѣ раненый Алкивіадъ упалъ среди непріятелей. Сократъ кинулся къ нему на помощь и на рукахъ вынесъ его вмѣстѣ съ оружиемъ съ поля битвы, не обращая вниманія на окружавшихъ его враговъ. За это отважное дѣло ему было присуждено въ награду за храбрость гражданскій вѣнецъ — желѣзный крестъ тѣхъ временъ. Не меньшей славой покрылъ его имя и второй походъ. Въ бѣдственномъ сраженіи при Де-

лумъ онъ спасть жизнь Ксенофонту и на собственныхъ плечахъ вынесъ его въ безопасное мѣсто, все время отбиваясь по дорогѣ отъ непріятелей. Онъ послужилъ отечеству еще и въ третьемъ походѣ, а затѣмъ перешелъ на некоторое время на гражданскую службу. Въ бытность свою сенаторомъ, онъ выказалъ не меныше мужества, чѣмъ выказывалъ его, служа солдатомъ. Онъ обладалъ тѣмъ высоко-нравственнымъ мужествомъ, съ которымъ человѣкъ готовъ бросить вѣровъ не только смерти, но и общественному мнѣнию, что часто бываетъ еще труднѣе сдѣлать. Онъ такъ-же мало отступалъ передъ разнузданной чернью, какъ и передъ правителемъ-тираномъ. Когда предводители флотскихъ силъ въ битвѣ при Аргинузскихъ островахъ преданы были суду за то, что не выкупили тѣла убитыхъ, Сократъ одинъ осмѣлился защищать ихъ. Народъ пришелъ въ бѣшенство, Сократъ былъ удаленъ изъ совѣта, но его твердость спасла по крайней мѣре жизнь адмираламъ.

Въ позднѣйшіе лишь годы своей жизни Сократъ посвятилъ себя окончательно дѣлу распространенія своего ученія. Онъ говорилъ на площадяхъ, посѣщалъ школы и заходилъ въ мастерскія ремесленниковъ и художниковъ, завязывалъ разговоръ съ разными людьми, съ цѣлью выспросить ихъ убѣжденія относительно міра, религіи и нравственности и незамѣтно познакомить грековъ со своими собственными воззрѣніями, а въ особенности пробудить въ нихъ пытливость ума и мышленія. Ему пришлое преодолѣть массу трудностей на избранномъ имъ пути. Ученіе его появилось въ эпоху полнѣйшаго скептицизма. Онъ старался разубѣдить людей въ ихъ метафизическихъ воззрѣніяхъ, приводившихъ ихъ къ безвыходному сомнѣнію и путаницѣ понятій: «Стоитъ-ли жить, вообще?» — такой вопросъ въ тѣ времена пробуждалъ къ себѣ не менѣе вниманія, чѣмъ теперь.

Сократъ училъ ихъ заглянуть въ глубину своей души

(«познай самого себя!») и убеждалъ ихъ, что путь нравственности и совѣсти—единственный, слѣдя которымъ человѣкъ можетъ завоевать себѣ счастье въ земной и загробной жизни.

Число послѣдователей Сократа увеличивалось съ каждымъ днемъ: и юноши, и люди зрѣлаго возраста, и философы группировались вокругъ него. Аристиппъ изъ Кирены отыскалъ Сократа въ Аѳинахъ, вступилъ въ число его учениковъ и хотѣлъ обезпечить ему спокойную старость извѣстной суммой денегъ. Но Сократъ решительно отказался отъ этого предложенія и отвѣчалъ, что онъ учитъ не ради денегъ, но во имя распространенія мудраго ученія. Лучшую же для него наградой, какую онъ могъ бы, по его словамъ, охотно принять,—было-бы убѣженіе, что его труды послужатъ въ пользу человѣчеству.

Онъ училъ не по книгамъ, онъ высказывалъ свои убѣженія въ простыхъ разговорахъ. «Книги нельзѧ разспрашивать,—говорилъ онъ,—и онѣ не могутъ отвѣтить, потому-то онѣ не могутъ учить». Онъ стремился къ тому, чтобы отыскать первоисточники всѣхъ вещей и такимъ образомъ достигнуть достовѣрности, какъ единственного мѣрила истины. Познаніе добра представлялось ему настолько существеннымъ по отношенію къ нравственности, что онъ считалъ добродѣтель—наукой, которую можно передавать людямъ, какъ всякое научное знаніе: никто, познавшій добродѣтель, не могъ, по его мнѣнію, быть дурнымъ человѣкомъ. Онъ ненавидѣлъ несправедливость и глупость во всѣхъ ихъ проявленіяхъ и никогда не упускалъ случая возвѣстить противъ нихъ. Онъ съ ироніей относился къ убѣженію, будто каждый человѣкъ способенъ быть правителемъ. Онъ держался того мнѣнія, что управлять могутъ только мудрые и что ихъ немногого.

На семьдесятъ второмъ году враги Сократа обвинили его на судѣ въ богохульствѣ и развращеніи своими проповѣдями юношества; ему вмѣнили въ вину его невѣріе въ

боговъ, признаваемыхъ государствомъ, и то, что онъ хочетъ ввести новыхъ боговъ. На этихъ основаніяхъ судь приговорилъ его къ смерти. Во время своего тридцатидневнаго пребыванія въ тюрьмѣ онъ продолжалъ бесѣдоватъ со своими послѣдователями на свою любимую тему о бессмертіи души *), о добродѣтели, мужествѣ, умѣренности, обѣ абсолютной красотѣ и добрѣ, также и о своей женѣ и дѣтяхъ, которыхъ онъ поручилъ заботамъ друзей. Всѣ попытки къ бѣгству, которыя предлагали ему устроить, онъ решительно и мужественно отклонилъ.

Онъ утѣшалъ своихъ плачущихъ послѣдователей и дружески порицалъ ихъ за жалобы на несправедливость приговора. Онъ былъ готовъ къ смерти. Зачѣмъ роптать и жаловаться? Онъ былъ уже старикъ; все равно смерть уже стояла за его плечами въ силу естественнаго мірового порядка и выѣ этого приговора. Смерть представлялась ему только какъ возрожденіе къ лучшей, высшей жизни. Когда наконецъ наступила минута появленія тюремщика съ ядовитымъ настоемъ цикуты въ чашѣ, которую онъ подалъ мудрецу, Сократъ мужественно осушилъ ее и умеръ со спокойнымъ духомъ. «Таковъ былъ конецъ нашего друга, котораго я съ полнымъ правомъ могу назвать мудрѣйшимъ, справедливѣйшимъ и лучшимъ изъ людей, какихъ я когда либо стрѣчалъ»—говорить Федонъ.

«Въ позднѣйшія эпохи люди сохранили свято память обѣ этомъ философѣ и его добродѣтеляхъ,—говорить Льюис (Исторія философіи въ біографіяхъ), но къ сожалѣнію не особенно стараясь подражать его примѣру, не научась

*) Онъ говорилъ по этому поводу: «Если бы смерть была концомъ всего—то порочнымъ и безбожникамъ было бы пріятно умирать, ибо они счастливо раздѣливались бы не только со своими тѣлами, но также со своими душами и дурными поступками. Но такъ какъ душа, вѣнѣ сомнѣнія, бессмертна, то для злого не можетъ быть иного облегченія и спасенія, какъ стремление къ высшей добродѣтели и мудрости (Діалоги Платона).

изъ исторіи его жизни ни терпимости, ни благородству ума и сердца. Имя его послужило темой нравоучительныхъ разсужденій для школьноровъ и студентовъ. Остается пожелать, чтобы нравственное вліяніе его примѣра пріобрѣло большую власть надъ человѣчествомъ».

Сократъ не написалъ ни одной книги. Почти все, что мы о немъ знаемъ, почерпнуто изъ твореній его знаменитыхъ учениковъ Платона и Ксенофонтъ, которые увѣко-вѣчили память о его дѣлахъ, ученіи и смерти. Платонъ прожилъ вмѣстѣ съ Сократомъ цѣлые десять лѣтъ и изложилъ впослѣдствії воззрѣнія своего учителя въ своихъ знаменитыхъ диалогахъ; но въ этихъ «разговорахъ» трудно отличить—какія слова принадлежать Сократу а какія самому Платону. Послѣ того какъ смерть разлучила этихъ двухъ друзей, Платонъ на сороковомъ году жизни поѣхалъ въ Сицилію, гдѣ познакомился съ сиракузскимъ тираномъ Діонисіемъ. Всльдствіе разногласія въ воззрѣніяхъ на политику, въ выраженіи которыхъ относительно свободы безстрашный Платонъ нисколько не стѣснялся, тиранъ приговорилъ его къ смерти. Благодаря заступничеству Діона, брата Діонисія, тиранъ подарилъ философу жизнь, но продалъ его въ рабство. Спустя нѣкоторое время одинъ изъ киренскихъ друзей выкупилъ его и возвратилъ ему свободу. Тогда Платонъ вернулся въ Аеины и по примѣру своего учителя принялъся за безвозмездное преподаваніе своей философіи. Вскорѣ онъ достигъ такой славы, что даже государственные люди, воины и герои посѣщали его лекціи. Онъ также задался великой цѣлью запечатлѣть въ душахъ своихъ слушателей правдивость, нравственность, поклоненіе долгу. Основными добродѣтельями онъ считалъ слѣдующія: мудрость и осмотрительность, мужество, стойкость и храбрость, умѣренность скромность и самообладаніе, правдивость и справедливость. Подобное подраздѣленіе обычныхъ понятій о добродѣтели онъ называлъ основой своей нравственной философіи.

«Пусть каждый,—говорил онъ, къ какому бы сословію и общественному положенію онъ ни принадлежалъ, исполняетъ свой долгъ, все равно ведетъ его это исполненіе къ счастью и успѣху, или къ несчастью и горю: каждый долженъ довольствоваться своей судьбой». Какой глубокій смыслъ сохраняетъ это учение для всѣхъ временъ и поколѣній!

Послѣдніе дни своей жизни Платонъ провелъ въ мирномъ уединеніи, въ своей академіи, но тѣмъ не менѣе въ неустанной дѣятельности. Сочиненіе его тридцать пять «Діалоговъ» и рядъ многочисленныхъ другихъ трудовъ, спасавшихъ ему глубокое уваженіе потомства, доставили ему много утѣшенія и радости, въ особенности въ преклонный лѣтъ. Его называли божественнымъ Платономъ. Сердце его билось только для правды, которая, по его мнѣнію, одна должна наполнять душу человѣка. Подобно своему учителю, онъ неразлучно соединялъ съ высшимъ разумомъ понятіе о добротѣ, справедливости и мудрости, а также и о вмѣшательствѣ этого разума въ дѣла міра и людей. Поэзія онъ, подобно Карлейлю, придавалъ мало значенія *). Единственный родъ поэзіи, который онъ одобрялъ,—поэзія нравственная, другими словами, переложенная въ поэтическую форму философія. Вспомнимъ, что Платонъ жилъ за 400 лѣтъ до Р. Х. Кольриджъ называетъ его истиннымъ предтечою христіанской вѣры и графъ де-Местръ такъ преклонялся передъ

*) Карлейль говоритъ по одному поводу: «Если у васъ есть что сообщить людямъ полезнаго — зачѣмъ вы неизрѣмѣнно хотите выражать это въ стихахъ? Мне кажется большимъ несчастьемъ для человѣка то обстоятельство, что намъ приходится выражать свои способности въ какой бы то ни было словесной формѣ, а не въ божественномъ молчаливомъ дѣйствіи, которое одно въ состояніи выражать ихъ. Я всегда сожалѣлъ, что въ наше полное серьезнаго значенія время, люди, одаренные гениемъ, что значитъ—свѣтость разума, силы и мужества—постоянно стремятся выражать свой божественный даръ въ стихахъ, къ которымъ мало кто относится теперь

нимъ, что не решалъ ни одного важнаго вопроса, не посовѣтовавшись съ Платономъ.

Новый завѣтъ указываетъ намъ на величайшій идеалъ человѣческой жизни, но тому, кто намѣревается послѣдовать этому идеалу, предстоитъ не мало борьбы на жизненномъ пути. Мы чувствуемъ вѣчно, что есть въ мірѣ вещи, которыя мы охотно стали бы дѣлать вмѣсто того, что требуетъ нашъ долгъ. Но обязанность взываетъ къ намъ и должна быть исполнена немедленно и безъ отклоненій. Какъ много счастливой и здоровой философіи заключается въ выраженіи: «Какое бы дѣло ни попадало въ твои руки, дѣлай его какъ - только можешь лучше!» Тотъ, кто старается влагать въ свой трудъ всевозможное усердіе — стоитъ на пути къ успѣху, какова бы ни была его доля въ жизни.

Рассказываютъ, какъ нѣкто воскликнулъ въ минуту глубокаго отчаянія: «Безполезно стремиться къ добру, потому что невозможно быть добродѣтельнымъ, а если-бы это и было возможно, то не принесло бы человѣку никакой пользы!» Тяжело слышать подобныя вещи: они несправедливы и недобросовѣсты. Каждый изъ насъ можетъ принести въ своей жизни хоть малѣйшую крупицу добра и каждый обязанъ стремиться къ этому. Мы не имѣемъ права вести безполезное существованіе, какъ не имѣемъ права на самоубийство.

Мы должны быть добросовѣсты какъ въ мелочахъ,

серьезно. — Съ другой стороны Метью Арнольдъ въ предисловіи къ «The English Poets» выражаетъ убѣжденіе, что человѣчество все болѣе и болѣе будетъ опираться на поэзію. «Нѣтъ той вѣры, которая не была бы поколеблена, — говоритъ онъ. — Религія и ша слишкомъ матеріализировалась въ фактѣ, фактѣ предполагаемомъ, который возведенъ въ догматъ, а теперь отъ насъ отнимаютъ этотъ фактъ — исчезаютъ и чувства, которыхъ были къ нему приязаны. Поэзія же все свое значеніе и содержаніе почертнаетъ въ ідеѣ и своимъ царствомъ признаетъ міръ божественныхъ грезъ».

такъ и въ крупныхъ дѣлахъ, употребляя съ возможно большей пользой дарованные намъ таланты и знанія. Мы обязаны только повиноваться голосу своей совѣсти и неукоснительно идти по пути долга. Каждый долженъ быть честенъ, правдивъ и трудолюбивъ, если питаетъ къ самому себѣ хоть нѣкоторое уваженіе. Трогательный въ этомъ смыслѣ отвѣтъ далъ однажды молодой рабъ на вопросъ своего покупателя: «Будешь-ли ты вѣренъ и честенъ, если я куплю тебя!»—«Буду все равно, купите-ли вы меня или нѣть!»

Въ изложениіи г.^{р.} новѣди, обращенной къ рабочимъ классамъ въ одной изъ глесговскихъ церквей, покойнымъ докторомъ богословія Меклеодомъ — упомянуто, что проповѣдникъ говорилъ преимущественно на тему о нравственности, которая должна служить цѣлью стремленій, какъ высшихъ, такъ и низшихъ сословій. «Самое цѣнное наслѣдство, оставшееся послѣ принца Альберта, — говорилъ проповѣдникъ,—это его замѣчательный характеръ, полный справедливости и твердости, богатый въ то же время истинной человѣчностью, кротостью и добротой. Я хорошо знаю убѣжденія нѣкоторыхъ бѣдняковъ, что для нихъ недостижимо составить себѣ честное имя, необходимое и возможное только для людей съ лучшимъ положеніемъ. Я не хочу и слышать объ этомъ, потому что это исправда. Въ вашей средѣ вѣ найдется такого мужчины, или женщины, какъ бы они ни были бѣдны, которые не могли бы, по милости Божьей, оставить по себѣ лучшее, что свойственно на землѣ человѣку—добрую, честную по себѣ славу. И ваши дѣти идя по вашимъ слѣдамъ возвлажодарять въ такомъ случаѣ Бога за то, что ихъ отецъ или мать были благочестивые и честные люди».

Характеръ человѣка складывается благодаря добросовѣстному исполненію самыхъ первыхъ обязанностей: самоотреченія, способности жертвовать собою для блага своихъ близкихъ, дѣлами любви и милосердія, дѣлами долга. Основы нравственности полагаются въ домашнемъ воспи-

таний человѣка: хороши или дурны врожденный ему склонности, вліяніе родителей и наставниковъ, проводимое въ жизнь съ постоянной любовью и терпѣніемъ — даетъ имъ окончательное направление. Уже въ раннемъ дѣтствѣ главныя черты характера высказываются въ мелочахъ, какъ впослѣдствіи они будуть высказываться въ крупномъ, потому-то родители и должны неуклонно и внимательно слѣдить за своими дѣтьми, служа имъ лучшимъ примѣромъ. Доброта и любовь рождаются къ себѣ доброту и любовь и въ другихъ, а правда и довѣріе приносятъ богатые плоды правды и довѣрія.

Ничто доброе не пропадаетъ даромъ. Ни одинъ хороший поступокъ, ни одинъ благородный примѣръ не умираютъ съ тѣми, кто показалъ ихъ намъ. Они нетленны и переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, чтобы воспитать по своимъ образцамъ какъ образъ мысли, такъ и волю слѣдующихъ поколѣній. Одно великое благородное дѣло возвышало не разъ цѣлое селеніе, цѣлый городъ, цѣлый народъ и воспитывало ихъ. Маленькое сѣмья можетъ разрастись въ громадное великолѣпное дерево: такимъ же образомъ великій чѣловѣкъ и благородный характеръ складывается изъ раннихъ привычекъ къ добросовѣстному исполненію долга, которое запечатывается въ душѣ благодаря великимъ примѣрамъ. Лучшее, что можетъ оставить человѣкъ — это свои честные и высокія мысли, которыя, воплотясь въ дѣло, распространяются на тысячи и тысячи лѣтъ свое благотворное вліяніе. Припомнимъ тутъ къ случаю прекрасное стихотвореніе англійского поэта Уордесуорса:

«Строгій законодатель! ты облечень тѣмъ не менѣе благостной милостью божества; и я не знаю ничего очаровательнѣе улыбки на твоемъ лицѣ; тебѣ улыбаются дѣти на твоемъ пути и благоуханіе идетъ по твоимъ слѣдамъ; ты даешь правильное теченіе звѣздамъ и благодаря тебѣ сами зревнія небеса остаются въ расцвѣтѣ юности и силы».

ГЛАВА II.

ИСПОЛНЕНИЕ ДОЛГА.

Вѣришь себя Богу, не отвращайся отъ пути долга; благословенъ ты, исполнилъ неуклонно свою обязанности.

Лютгрд.

Дѣлай добрыхъ дѣлъ, а не мечтай о нихъ цѣльныхъ дѣлъ, и ты превратишь жизнь и смерть и ожидающее насъ неизбѣжное будущее въ одну торжественную хвалебную пѣснь!

Ч. Нижелѣй.

Человѣкъ, основательно обдумавшій, какія требованія предъявляетъ къ нему его долгъ, тотчасъ же постарается провести свои уображенія въ жизнь. Наши дѣйствія—единственное что въ нашей власти. Они выражаютъ, какъ образъ нашихъ мыслей, такъ и весь нашъ характеръ.

Ясно, конечно, что далеко не всегда легокъ путь долга, слѣдяя ему, человѣку, приходится преодолѣвать много затрудненій и препятствій. Часто мы хорошо распознаемъ, что правда и благо, но у насъ не хватаетъ воли и рѣшимости поступать согласно ихъ требованіямъ—духъ бодръ, но плоть немощна. Нерѣшительный человѣкъ повсюду видитъ неисполнимое, онъ мечтаетъ, философствуетъ и колеблется, но не дѣйствуетъ, а мысли и слова не приносить и тысячной доли той пользы, какую можетъ принести могучее рѣшительное дѣйствіе. Въ Библіи говорится: «Будьте исполнителями заповѣдей, а не ихъ слушателями только, чтобы не обмануть самихъ себѣ!»

Исполнение долга зависит не только от победы человека дань своими склонностями, но также, что еще гораздо труднее, от решимости пренебречь въ нужную минуту неблагосклоннымъ къ намъ общественнымъ мнѣніемъ. Человѣкъ, который во всѣхъ случаяхъ жизни прежде всего задаетъ себѣ вопросъ, что о немъ скажутъ?—никогда не выработается въ настоящаго дѣятеля. Если-же онъ задаетъ себѣ вопросъ: «Долженъ-ли я такъ поступить?»—онъ чувствуетъ себя нравственно вооруженнымъ и можетъ спокойно ждать осуждения свѣта или даже его издѣвательствъ и насмѣшки. Г. де-ля Бретель справедливо говоритъ: «Сохранимъ глубокую вѣру въ добрыя и благородныя дѣла, и съ сомнѣніемъ и недовѣріемъ будемъ относиться только къ злымъ. Лучше быть обманутымъ, чѣмъ жить, порабощеннымъ вѣчнымъ недовѣріемъ».

Первые понятія о долгѣ почерпаетъ человѣкъ въ семье. Ребенокъ является на свѣтъ безломоцнымъ и вполнѣ зависитъ отъ другихъ, какъ въ отношеніи своего здоровья, такъ и нравственного и умственнаго своего развитія. По-степенно онъ начинаетъ воспринимать понятія и идеи, учится при надлежащемъ руководствѣ послушанію и обузданію себя, учится съ добротой и любовью относиться къ окружающимъ, исполнять свой долгъ и быть счастливымъ. У него есть самостоятельная собственная воля, но будетъ ли она направлена къ добру или злу—это большей частью зависитъ отъ вліянія и воспитанія родителей.

Намѣренія воспитываются волей: и очевидно, что пробужденіе въ душѣ человѣка благихъ и честныхъ намѣреній въ самый ранній періодъ его жизни—имѣть глубоко-важное значеніе. По словамъ Новалиса: «Характеръ—есть вполнѣ сложившаяся воля». Если эта воля разъ навсегда вышла въ твердые формы, она останется на всю жизнь сильной и устойчивой. Человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова хорошій безошибочно идетъ къ своей цѣли и мало придаетъ значенія людскимъ похваламъ и наградамъ. Удовле-

творение его собственной совести служить ему лучшей наградой.

Воля сама по себѣ, вѣдь всякаго направленія—является не болѣе какъ постоянствомъ, твердостью и настойчивостью; при должно направленномъ или плохомъ воспитаніи твердая воля можетъ вылиться въ злую и вредную силу. Въ лицѣ жестокихъ деспотовъ твердая воля обращается въ демоническую силу, потому что въ соединеніи съ властью и могуществомъ она не знаетъ себѣ предѣла. Она подчиняетъ себѣ миллионы людей, разжигаетъ ихъ страсти, заражаетъ ихъ неукротимой жаждой войны и питается лишь завоеваніями, притѣсненіями и разрушениемъ. Ничѣмъ не сдержанная воля порождаетъ завоевателей въ родѣ Александра Македонскаго или Наполеона. Александръ проливалъ слезы надъ тѣмъ, что нѣть уже въ мірѣ больше царства, которое онъ могъ бы завоевать, а Бонапартъ, въ триумфальномъ шествіи завоевавъ польско-Европы, сложилъ свои силы въ холодныхъ снѣгахъ Россіи. «Побѣда сдѣлала меня властителемъ,—сказалъ онъ,—она же должна и удержать меня на высотѣ величія». Но такъ какъ это былъ человѣкъ, безъ твердыхъ нравственныхъ принциповъ, то Европа свергла его съ его шаткаго пьедестала, утомившись его деспотизмомъ, и отвернулась отъ него.

Но, когда твердая воля человѣка направлена на добро, она возбуждаетъ и распространяетъ вокругъ себя столько же благословенія и счастья, сколько злая воля — бѣдъ и проклятія. Человѣкъ, обладающій твердой, направленной на благо волей, управляетъ умами и сердцами человѣчества, вдохновляетъ ихъ своими нравственными идеалами, внушиаетъ имъ свои благородныя возврѣнія на долгъ и истину, ведетъ ихъ къ добру и прекрасному и отвлекаетъ отъ заблужденій и порока. Въ силѣ воли мы распознаемъ источникъ всякой другой нравственной силы и потому именно преклоняемся передъ этимъ высшимъ и благороднымъ источникомъ всего прекраснаго. Энергичный человѣкъ даетъ

тоинъ направленію умовъ окружающаго его общества, согражданъ и можно даже сказать цѣлаго родного народа. Онъ является утѣшениемъ и опорой для робкихъ и вѣчнымъ упрекомъ для лѣнивыхъ. Перваго онъ одушевляетъ надеждой и ободрениемъ, внушиаетъ ему увѣренность въ себѣ и силу, а второго вызываетъ къ дѣятельности своимъ примѣромъ.

Но переходной ступеню между людьми, обладающими сильной, злой волей, и людьми съ волей твердой и направленной на доброе — является громадное число слабовольныхъ или безвольныхъ вовсе. Это люди безхарактерные: они не имѣютъ твердой склонности ни къ добродѣти, ни къ пороку. Они пассивно воспринимаютъ разнообразныя впечатлѣнія, которыя ненадолго овладѣваютъ ими. Они склоняются то въ одну, то въ другую сторону, словно тростникъ подъ вѣтромъ. Душа ихъ походитъ на доску, на которой можетъ каждый писать собственнымъ грифелемъ, что ему угодно, при чёмъ эта надпись также быстро стирается; всякая чужая воля способна управлять ими; они не умѣютъ стремиться къ правдѣ, не понимаютъ, что представляеть строгое и ревностное отношение къ дѣлу. Изъ подобныхъ людей всюду почти составляется наиболѣе многочисленная часть общества—люди беспечные, апатичные, слабые, покорные и пассивные.

Отсюда ясно, какого глубокаго вниманія требуетъ укрепленіе и правильное развитіе воли въ человѣкѣ, начиная съ дѣтства и юности: отсутствіе воли ведетъ за собою недостатокъ силы, самостоятельности, индивидуальности характера, любви къ правдѣ, хорошихъ нравственныхъ начальствъ. Безхарактерный человѣкъ опускается до роли простого орудія въ рукахъ перваго попавшагося авантюриста. Умственнаго развитія недостаточно для сообщенія характеру необходимой рѣшительности: философы обсуждаютъ и создаютъ идеи, рѣшительные люди проводятъ ихъ въ жизнь. Беконъ говоритъ: «Не рѣшать—значить рѣшать, то-есть ничего не дѣлать».

Англійскій філософъ Локкъ высказываетъ по этому по-
вому слѣдующее: «Самое подходящее время для правиль-
наго воспитанія воли—юность, когда наша душа открыта
всѣмъ жизненнымъ впечатлѣніямъ, когда она свободно
воспринимаетъ богатое сокровище полезныхъ истинъ, когда
еще наши страсти находятся подъ властью разсудка и
добрья начала могутъ настолько прочно укорениться въ
насъ, что послужатъ намъ твердой опорой на всю послѣ-
ющую жизнь. Но этотъ счастливый періодъ далеко не
распространяется на все время нашего земного странство-
ванія. Онъ ограничивается обыкновенно нѣсколькими лишь
годами нашего жизненнаго срока, и когда они исчезнутъ
бездѣлно—нашимъ удѣломъ, какъ это въ порядкѣ вещей,
становятся заблужденія и невѣжество. Мы уже не признаемъ
надъ собой иного закона, кроме собственной воли, и страсти
пускаютъ въ нашемъ сердцѣ такіе глубокіе корни, кото-
рымъ мы уже не въ силахъ противостоять впослѣдствіи».

Лордъ Шефтебюри развилъ однажды въ разговорѣ съ
Локкомъ вполнѣ опредѣленную теорію характера и нрав-
ственного кодекса, пролившую свѣтъ на его собственный
душевный складъ. Онъ говорилъ, что источникъ благо-
разумія заложенъ не въ умѣ, а въ сердцѣ человѣка, а
также всевозможныя безразсудства рождаются не отъ не-
вѣдѣнія, а скорѣе отъ извращенности воли, благодаря ко-
торой врываются въ ихъ жизнь распущенность и всевоз-
можная безумства. Одно знаніе еще не сообщаетъ человѣку
твердости характера. Человѣкъ иногда склоненъ къ
продолжительнымъ размышленіямъ, обсужденіямъ со всѣхъ
сторонъ всякаго дѣла и взвѣшиванію всевозможныхъ вѣро-
ятныхъ случайностей—и не приходитъ ни къ какому ре-
шенію. Въ подобныхъ случаяхъ знаніе является лишь
препятствиемъ къ дѣйствію. Воля должна проявляться въ
насъ въ союзѣ съ умомъ и духомъ, и только тогда душа
наша живеть полной и дѣятельной жизнью.

Во всякомъ случаѣ глубокія познанія вовсе не играютъ

вь жизни такой замѣтной роли, какъ это нѣкоторые думаютъ. Ученость не имѣть ничего общаго съ добротой и счастьемъ. Она нерѣдко губить въ людяхъ скромность и превращаетъ ихъ въ гордецовъ и самонадѣянныхъ. Геніи, стоявшіе во главѣ общественныхъ движеній, не были исключительно людьми науки. Ученые, въ истинномъ смыслѣ этого слова, часто поднимались на необыкновенную высоту мысли, которая, конечно, имѣла громадное вліяніе не только на настоящія, но и на будущія поколѣнія, но очень рѣдко эти люди были великими дѣятелями въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Люди въ массахъ не въ силахъ дать поднять себя до слишкомъ высокаго нравственного уровня, какъ горы въ періоды міровыхъ геологическихъ катастрофъ во вселенной. Здѣсь приходится имѣть дѣло съ отдельными лишь единицами, такъ какъ возвышеніе массъ достигается лишь путемъ возвышенія отдельныхъ лицъ. Учителя и проповѣдники вліяютъ на нихъ съ вѣшней стороны, но возрожденіе должно происходить внутри ихъ самихъ. Каждый долженъ самъ себѣ приходить на помощь, потому что иначе всякая помощь извнѣ не въ силахъ что-либо сдѣлать для него.

«Подобно тому, — говорилъ докторъ Бутлеръ, — какъ вѣшнія привычки порождаются движеніями тѣла, такъ привычки нравственныя, послушаніе, любовь къ правдѣ, чувство справедливости и человѣколюбія, проис текаютъ изъ развитія заложенныхъ внутри человѣка началь, посредствомъ ихъ выраженія въ дѣйствіи».

Мистеръ Стефенъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ говорить объ епископѣ Бутлерѣ, что его воззрѣнія производятъ впечатлѣніе только съ одной нравственной стороны, но за то съ этой стороны они полны несомнѣннаго и безспорного величія. Въ «Аналогіи» такъ же, какъ и въ проповѣдяхъ, началомъ, серединой и концомъ Бутлерова ученія является обогатвореніе совѣсти. Долгъ—его первое и

послѣднее слово. Какія бы затрудненія и сомнѣнія ни мучали его, онъ твердо держится убѣжденія, что тайна мірозданія, насколько она вообще раскрыта, раскрыта только черезъ нравственность.

Между школьнімъ учениемъ и нравственнымъ воспитаніемъ существуетъ весьма небольшая связь, а можетъ быть и вовсе никакой; развитіе познанія едва-ли имѣть особенное вліяніе на поведеніе, и самыя лучшія убѣжденія, усвоенные памятью, не въ сплахъ искоренить дурныхъ наклонностей. Уже является лишь орудіемъ, приводимымъ въ движение скрытыми за нимъ внутренними, болѣе значительными силами: самообладаніемъ, умѣренностью, энтузіазомъ, воображеніемъ и т. п. способностями, сообщающими силу и энергию характеру. Эти-же качества приобрѣтаются преимущественно не въ школѣ, а дома. Когда въ семье живется неуютно, когда она несчастна и порочна—конечно школа является единственнымъ приближницемъ, гдѣ ребенокъ можетъ научиться послушаній и дисциплинѣ; но все же семья представляетъ самую лучшую почву для наслажденія добродѣтели. Всякія семейные события, крупныя и мелкія, принимаются человѣкомъ ближе къ сердцу и сильнѣе интересуютъ его, чѣмъ школьнія дѣла. Въ семье яснѣе обрисовывается настоящій характеръ ребенка и ярче опредѣляется, какія надежды подаетъ онъ на будущее.

Дѣломъ старшихъ въ семье является воспитаніе ея младшихъ членовъ, молодежь же должна платить имъ за это любовью и развиваться согласно внушаемымъ ей нравственнымъ началамъ. Христіанство, по мнѣнію Гизо, является прекраснейшей школой уваженія и нравственности. И въ общемъ, одно только религіозное воспитаніе способно вдохновить человѣка великими добродѣтелями, возвышенными мыслями и духомъ самоотречеанія. Только истинно религіозный человѣкъ способенъ терпѣливо переносить различныя жизненныя испытанія безъ ропота на Провидѣніе.

Величайшая главная цѣль воспитанія—свобода, и чѣмъ раньше ребенокъ будетъ доведенъ до способности предписывать самому себѣ законы, тѣмъ скорѣе онъ созрѣеть и станетъ человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Епископъ орлеанскій Дюпанлу замѣтилъ однажды: «Я уважаю человѣческую свободу въ самомъ маленькому ребенка даже болѣе, чѣмъ въ эрѣломъ человѣкѣ, потому что послѣдній имѣть всѣ средства защитить ее, а первый нѣтъ. Никогда не способенъ я отнести къ ребенку какъ къ сырому материалу, который можно положить въ какую угодно форму и отмѣтить его на-вѣки печатью моей собственной воли».

Но свобода еще не все: также необходимо послушаніе, самообладаніе и самоуправлениѣ: качества, для достижениія которыхъ человѣкъ долженъ прилагать всевозможныя старанія. Послѣднєе является конечной и самой существенной цѣлью воспитанія. Но самоуправлениѣ достигается не только съ помощью одного лишь обученія, но главнымъ образомъ съ помощью примѣра. «Первые уроки молодежи, говорить Бопальдъ,—выражаются не столько въ нравоученіяхъ, сколько въ образованіи привычекъ, не столько въ словесныхъ разсужденіяхъ, сколько въ примѣрахъ. Примѣръ—вотъ самая убѣдительная проповѣдь: потому что подать примѣръ много труднѣе, чѣмъ прочитать нравоученіе. При этомъ хорошее вліяніе прививается медленно, какъ доброе сѣмя выростаетъ не торопясь въ противоположность сорной травѣ».

Правильный образъ дѣйствій является такимъ образомъ чѣмъ-то въ родѣ предохранительнаго клапана нравственой стороны нашей природы. Доброй воли мало, она не всегда ведетъ за собою добрыя дѣла; усердный, настойчивый трудъ приводить къ лучшимъ результатамъ и является лучшимъ воспитателемъ, какъ бы онъ ни выражался, въ формѣ-ли физической или умственной работы. Праздность и лѣнъ разврѣгаютъ тѣло, душу и совѣсть. Изъ ста-

пороковъ девяносто вытекаютъ изъ лѣни. Безъ труда невозможенъ ни малѣйшій прогрессъ въ человѣческомъ благосостояніи и никакое счастье. Представимъ себѣ лѣниваго человѣка, одареннаго вѣчной юностью, когда все вокругъ него разрушается и умираетъ. Какъ невыносимы были бы его страданія и какой искренностью звучалъ бы его призывъ къ смерти, какъ избавительницѣ отъ невыносимой тяжести жизни. «Слабѣйшее изъ земныхъ созданій,— говоритъ Карлейль,— можетъ совершить что-нибудь, посвятивъ всѣ свои силы какому-нибудь одному предмету; но, разбрасываясь въ разныя стороны, и самый сильный можетъ ничего не сдѣлать».

Когда на пути воздвигаются препятствія—постараземся мужественно преодолѣть ихъ. Никакое заклинаніе не дѣйствуетъ сильнѣе труда. Умственная и физическая лѣнота подобна ржавчинѣ; она скорѣе, чѣмъ работа уноситъ силы человѣка. Шиллеръ выразилъ это въ прекрасной поэтической формѣ, сказавъ: «Работа—потребность жизни, мудрость—ея цѣль, а самоудовлетвореніе—награда».

Величайшія затрудненія чаще всего попадаются тамъ, где мы ихъ менѣе всего ожидаемъ встрѣтить. Когда судьба испытываетъ насъ тяжелыми бѣдствіями, они можетъ быть являются для насъ лишь пробнымъ камнемъ. Если мы останемся твердыми въ минуты такихъ испытаній,—тѣмъ самыми мы пріобрѣтемъ внутренній міръ, удовлетвореніе, возникшее изъ сознанія исполненного долга. «Битвы въ пустынѣ, та внутренняя борьба, которую вели отщельники,— говоритъ Норманъ Меклеодъ,—походятъ на ту молчаливую борьбу, которая ежедневно совершается въ насъ; только послѣдняя болѣе нравственного, чѣмъ тѣлеснаго происхожденія: какъ пустынникамъ, намъ приходится побѣждать необыкновенное зло, выносить труды и тягости, превозмогать препятствія, переживать пораженія и побѣды».

Школа жизни, полная препятствій и трудностей, является лучшей школой для выработки характера: она настъ

учить съ бодрымъ духомъ идти на встречу опасности. Уже Аристотель утверждалъ, что счастье заключается не столько въ достижениі намѣченной цѣли, сколько въ энергичномъ стремлениі къ этому достижению. Настойчивая борьба съ затрудненіями—лучшій способъ преодолѣть ихъ. Твердое рѣшеніе достичь поставленной себѣ цѣли — является нравственнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что мы можемъ и хотимъ это сдѣлать. Нашъ умъ воспитывается необходимостью и борьбою человѣка съ лежащими на пути его препятствіями.

Воспоминанія людей, безплодно проигравшихъ свою жизнь, составили-бы грустную, но весьма поучительную для человѣчества книгу. «Ни одинъ здоровый и сильный человѣкъ,—говоритъ Эбенезеръ Элліотъ,—оставаясь вѣрнымъ самому себѣ не пройдетъ въ мірѣ безслѣдно. Ради блага юношества хотѣль-бы я подсчитать точный процентъ людей, не имѣвшихъ въ жизни успѣха, на тысячу упорно стремившихся поступать правильно и честно. Я не думаю, чтобы подсчетъ далъ больше одного процента».

Люди съ завистью относятся къ чужому успѣху, а въ сущности онъ является лишь послѣднимъ звеномъ въ длинной цѣпи неудачъ. Они переживали неудачу за неудачей, пока не преодолѣли всѣхъ затрудненій, взявъ свое съ бою.

Стремленіе къ обладанію, не купленному трудомъ — вѣрный признакъ слабости характера и лѣни. Всякое удовлетвореніе пріобрѣтается только съ помощью всевозможныхъ усилий, и тѣмъ выше его цѣна, чѣмъ больше труда положено на его достижениe. Если мы заранѣе рѣшили предпочесть работу лѣности и беспечности, здоровое упражненіе всѣхъ нашихъ душевныхъ способностей безплодному ихъ усыплению,—мы въ концѣ-концовъ придемъ вѣроятно къ выводу, что эта дѣятельная напряженность всѣхъ нашихъ силъ доставила намъ болѣе истиннаго счастья, чѣмъ удовлетвореніе, послѣдовавшее за пріобрѣтеніемъ столь желаннаго нами блага.

Мы должны трудиться, твердо уповая, что хоть некоторые изъ брошенныхъ нами въ землю сѣмянъ пустятъ крѣлкіе корни и принесутъ зрѣлые плоды. Начатое человѣкомъ для своего собственного блага Богъ часто приводить къ концу ради блага другихъ. Сами мы ничего не въ силахъ довести до настоящаго конца. Другіе принимаются за дѣло съ того мѣста, гдѣ мы кончили, и доводятъ нашъ трудъ до слѣдующей степени совершенства. Намъ вмѣняется въ обязанность оставить пришедшемъ послѣ насъ благородное и достойное подражанія начало и тѣмъ вплести новое звено въ цѣнь добрыхъ дѣлъ, которыя изъ прошлаго перейдутъ посредствомъ настоящаго въ будущее.

Очень немногіе люди имѣютъ право думать, что они безполезно живутъ на свѣтѣ. Уже въ самомъ фактѣ ихъ существованія предполагается его необходимость. Передъ ними цѣлый міръ, они пользуются возможностью свободнаго выбора между добромъ и зломъ, безполезностью и пользой; что предприняли они, какъ распорядились своими силами и своимъ временемъ? Доказали ли они міру, что ихъ существованіе принесло какую бы то ни было пользу? Своими поступками и примѣромъ обратили ли они къ добру хоть одну душу? Или вся ихъ жизнь протекла въ лѣнности, праздности, себялюбіи, равнодушіи ко всему и всѣмъ? Погоня за удовольствіями не была ли ихъ главной цѣлью? Истинное же счастье несовмѣстимо съ праздностью и недостижимо для лѣнивой воли: оно плодъ труда и работы и не уживается съ беззечностью и пассивностью.

Одинъ несчастный юноша, прійдя къ убѣждению въ полной безполезности своего существованія, рѣшилъ положить ему конецъ публично. Дѣло было въ августѣ 1868 г. въ Капронѣ (Соединенные штаты). Юноша былъ человѣкомъ весьма образованнымъ, но и только: ни добродѣтель, ни религія, ни долгъ не имѣли власти надъ его ду-

шою. Материалистъ до мозга костей, онъ не вѣрилъ въ будущую жизнь и не боялся ея. Онъ объявилъ, что прочтеть лекцію и послѣ окончанія ея пустить себѣ пулю въ лобъ. Входная плата на эту изумительную лекцію назначена была по доллару съ человѣка. Часть этихъ денегъ должна была быть исрасходована на погребеніе лектора, а остальные на приобрѣтеніе сочиненій трехъ англійскихъ материалистовъ для городской библіотеки. Въ назначенный вечеръ зала ломилась отъ множества присутствовавшихъ. Несчастный сдѣлалъ то, что обѣщалъ: онъ прочель лекцію—наборъ вздорныхъ убѣжденій, смѣшанный съ запутанными научными выводами—и, кончивъ, размокжилъ себѣ голову. Несчастная жизнь, ужасный конецъ: предстать съ обагренными собственной кровью руками предъ лицо Божіе!

Весьма возможно, что это ужасное рѣшеніе вызвано было вздорнымъ тщеславіемъ, желаніемъ бить на эффектъ. Имя его, думаль можетъ быть юноша, появится въ газетахъ, всѣ будутъ изумляться его мужеству! И все же въ подобныхъ поступкахъ на самомъ дѣлѣ больше трусости, чѣмъ мужества. Тщеславіе, которое можетъ быть разсчитывало ранѣе на иного рода успѣхъ и обманулось въ своихъ ожиданіяхъ — вотъ гдѣ вѣрнѣе всего скрываются причины этого безумнаго поступка. Шерidanъ сказалъ однажды: «Люди считаютъ корыстолюбіе, сластолюбіе и властолюбіе—величайшими человѣческими страстями. Они ошибаются: самая могущественная, господствующая надъ всѣми остальными страстью—тщеславіе. Вдохновляемый ею человѣкъ идетъ какъ на самые геройскіе подвиги, такъ и на самыя ужасныя преступленія. Спасите меня отъ этой страсти, и я самъ избавлюсь отъ остальныхъ. Онъ не болѣе какъ крошечные гномы, тогда какъ тщеславіе — титанъ».

Твердая воля нужна человѣку не только для исполненія тяжелыхъ обязанностей, но еще и для того, чтобы съ

должной энергией, живостью и самообладанием преодолевать тѣ многочисленныя затрудненія, которыя на каждомъ шагу попадаются на пути каждого изъ насъ. Для борьбы съ каждымъ отдельнымъ препятствиемъ требуется, казалось бы, вовсе не большой запасъ нравственной силы, но чтобы стойко встрѣчать цѣлый рядъ ихъ, борясь съ каждымъ въ отдельности, не падая духомъ отъ неудачъ и всегда чувствуя себя наготовѣ столкнуться съ новой неудачей—для человѣка необходимо постоянное напряженіе всѣхъ его духовныхъ способностей.

Каждое поколѣніе несетъ на своихъ плечахъ собственный гнетъ, должно преодолѣвать свои особыи, ему одному свойственные испытанія и опасности. Ежедневно всплываютъ въ нашей жизни всевозможныя искушенія, которыми мы должны сопротивляться, цѣною какихъ бы то ни было житейскихъ выгодъ. Когда такимъ образомъ добрѣтель обратится для насъ въ излюбленную привычку,---мы достигаемъ известной независимости характера, который уже болѣе или менѣе сложился для выполненія нашего житейской задачи.

Какъ много добра погибаетъ для міра отъ недостатка мужества! Мы полны иногда готовности и желанія поступить такъ или иначе—но не можемъ провести ихъ въ дѣло. Все значеніе міровой жизни стоитъ въ такой тѣсной зависимости со всеобщей дѣятельностью, что со всѣхъ сторонъ самые разнообразные голоса, повидимому, взываютъ къ намъ: «Трудись, трудись!» Бѣдный сельскій священникъ, неустанно возстающій въ своеемъ приходѣ противъ несправедливости, пороковъ и всевозможнаго зла—одаренъ много высшими понятіями о долгѣ, чѣмъ тѣ, которые властвовали душой Александра Великаго.

Но встрѣчается масса людей, которые никогда не имѣютъ смѣлости взяться за проведеніе въ жизнь тѣхъ началь, которыхъ они являются жаркими поборниками въ теорії: робко стоять они у порога жизни, не отваживаясь

смѣлымъ прыжкомъ ринуться въ ея стихію. Кто знаетъ, сколько прекраснаго и добродѣтельнаго могли бы они совершить, если бы у нихъ хватило мужества приступить къ дѣлу. «Начало половина цѣлаго»,—сказалъ Гораций.

Професоръ нравственнаго права въ Эдинбургѣ—Уильсонъ, въ своихъ лекціяхъ постоянно ставилъ на видъ студентамъ идею долга, долга, проведенного въ жизнь—и убѣдительныя рѣчи его производили глубокое впечатлѣніе на его слушателей и за нимъ сохранилась заслуга умѣнья основательно вооружать ихъ, посыпая на жизненную борьбу. Подобно древнему датскому герою, онъ вдохновлялъ ихъ благородной смѣлостью, воспитывалъ въ нихъ твердую волю и непреклонную стойкость на пути долга. Таковъ былъ его символъ вѣры.

Всевозможныя отклоненія, колебанія и неустойчивость человѣческихъ душъ зависятъ преимущественно отъ отсутствія мужества. Когда Лютеръ упрекнулъ Эразма, озабоченнаго, какъ бы не испортить своихъ отношеній съ какой либо изъ враждовавшихъ между собою партій, говоря: «Вы стремитесь ходить по яйцамъ, но такъ, чтобы не раздавить ихъ, и по стекламъ, желая, чтобы они не побились»—робкий и колеблющийся Эразмъ отвѣчалъ ему: «Я не измѣню дѣлу Христа, по крайней мѣрѣ настолько, насколько мнѣ позволить настоящее смутное время». Лютеръ обладалъ совсѣмъ инымъ, стойкимъ, живымъ и твердымъ нравомъ: «Пойду въ Вормсъ,—воскликнулъ онъ,—хотя бы встрѣтился столько чертей, сколько черепицъ на кровляхъ домовъ!» А святой Павель въ свое время сказалъ: «Не боюсь не только быть связаннымъ, но даже умереть въ Иерусалимѣ за дѣло Христа».

Сэръ Александръ Бернестъ рассказывалъ про себя, что серьезное отношение ко всякому дѣлу—главнѣйшая черта его характера. «Разъ предпринявъ что-либо, я никогда не отношусь равнодушно къ предпринятыму и прилагаю всѣ усиія, чтобы выполнить его по мѣрѣ возможности ус-

пъшно». Этот принципъ достаточно выясняетъ намъ разницу между сильнымъ и слабымъ характеромъ. Дѣла показываютъ каковы мы, слова—какими мы стремимся быть. Мужественные нерѣдко погибаютъ, болтуны плеются сзади, а трусы обращаются въ бѣгство. Каждая минута дѣятельной жизни походить на одержанную победу.

Пессимисты утверждаютъ, что трудъ, или необходимость трудиться—является врагомъ человѣка, но мы, тѣмъ не менѣе, каждый день ~~ж~~льшимъ противоположное. Профессоръ Каро говоритъ: «Непреодолимый инстинктъ влечь человѣка къ дѣятельности, все равно—является ли для него трудъ мимолетнымъ наслажденіемъ, или приватой на себя обязанностью. Этотъ непреодолимый инстинктъ—не что иное, какъ духъ самой жизни, все содержаніе которой сосредоточивается въ немъ. Въ ту минуту, когда имъ пробуждается въ насъ сознаніе бытія—онъ показываетъ намъ и настоящую цѣнность нашего существованія. Чистѣйшая радости, какія только посылаетъ намъ жизнь, вытекаютъ изъ неустанной борьбы и конечнаго преодолѣнія препятствій. Энергія, которая сначала властвуетъ сама собою, а потомъ и всей жизнью, съ помощью ли подчиненія себѣ чужой злой воли, или съ помощью торжества надъ трудностями науки, или техническими затрудненіями искусства—является утѣхой и другомъ смертнаго, возвышаетъ его надъ всѣми его слабостями, очищаетъ и облагораживаетъ его и поддерживаетъ его въ дни неуспѣха и бѣдствій, когда проходятъ первыя минуты острого горя. Трудъ, самъ по себѣ, независимо отъ его конечнаго итога—является источникомъ истиннаго удовольствія. Смотрѣть на него съ пессимистической точки зрѣнія, какъ на врага человѣчества, значитъ совершенно извращенно понимать сущность удовольствія и радости. Съ какимъ удовольствиемъ труженикъ замѣчаетъ, какъ дѣло кипитъ въ его рукахъ или въ его мысляхъ, тѣсно сливаясь съ этимъ дѣломъ, какъ выражается Аристотель, въ своей «Этике», все

равно будетъ ли то трудъ пахаря, воздѣльвающаго свое поле, или архитектора, воздвигающаго домъ, скульптора, высѣкающаго статую, или поэта, занятаго творчествомъ.

«Наслажденіе творчества съ лихвою вознаграждается трудящагося за всѣ его старанія и подобно тому, какъ сознательная работа, вступающая въ борьбу съ виѣшними препятствіями, представляетъ радость пробудившейся жизни, такъ доведенный до конца трудъ является величайшимъ удовольствіемъ, будя въ насъ сознаніе собственного достоинства и освящая наше, хотя-бы и преходящее и частное, торжество надъ природою. Таковъ истинный характеръ усилія и стремленія или дѣйствующей воли» *).

Многіе великіе люди, которыхъ мы считаемъ поразительными геніями, достигли своего пьедестала, совершая чудеса трудолюбія. Сила воли и дѣятельность побѣждаютъ самыя затруднительныя обстоятельства, выравниваютъ самыя каменистые дороги и поднимаютъ насъ выше обычнаго курса колебанія несчастья и счастья. Радости, которые міръ посыаетъ намъ на долю, служать увеличенію нашихъ силъ для новыхъ, большихъ трудовъ. Мудрость человѣчества проявляется въ его дѣлахъ, и каждый человѣкъ является созданіемъ собственныхъ трудовъ. Жанъ Рихтеръ говорить, что добрыя дѣла возносятся къ небесамъ, какъ звуки колокола.

Дѣятельное и полное участія сношеніе между людьми въ ежедневной жизни является лучшей подготовкой для здоровой, устойчивой дѣятельности, чѣмъ самыя глубоко-мысленные размысленія въ уединеніи. Справедливы воззрѣнія Сведенборга на объты нищеты и отшельничества и посвященія себя небесному служенію. «Жизнь, которая можетъ привести къ небесному блаженству, вовсе не представляетъ необходимости отреченія отъ міра: она является дѣятельностью въ мірѣ. Жизнь, исполненная любви къ

*) Le pessimisme au XIX siecle, par E. Caro.

людямъ, участія къ своимъ собратьямъ въ минуты ихъ радостей и горестей, какъ это завѣщано намъ евангеліемъ — не представляетъ трудности, но жизнь, посвященная исключительно подвигу благочестія, чаше отвлекаетъ насъ отъ неба, чѣмъ приводить къ нему».

Религіозность большей части людей выражается въ однихъ лишь разговорахъ; они являются чуть ли не образцами совершенства — на словахъ. Но дѣла ихъ, мысли и весь образъ жизни рѣдко, согласуются со словами. Нерѣдко наши религіозныя чувства выражаются лишь исключительно вѣнчаниемъ образомъ, вместо того чтобы съ ревностью и усердіемъ воплотиться въ серьезному дѣлѣ. Душеспасительное чтеніе о подвигахъ благочестія не достигаетъ цѣли: истинная, воплощенная въ дѣйствіяхъ и характерѣ человѣчества религія въ тысячу разъ болѣе поучительна, чѣмъ цѣлый сводъ книгъ о религіи. Человѣкъ, лишенный твердой и настойчивой воли, ведущей къ добру, или становится празднымъ лѣтнемъ, или превращается въ игрушку плотскихъ страстей.

Опаснѣйшимъ порокомъ, засасывающимъ въ настоящее время англійскую молодежь — является лѣность. То, что мы привыкли подразумѣвать подъ словомъ «культура», мало что значитъ. Культура не исключаетъ въ человѣкѣ возможности уживаться съ самой жалкой нравственностью, презрѣннымъ служеніемъ «лицамъ» (высокопоставленнымъ), но не дѣлу, и пошлой кичливостью по отношенію къ безвѣстнымъ бѣдникамъ. Юноша нашего вѣка, самоувѣренный и вялый ни во что не вѣритъ, ничего не уважаетъ, ничего не ждетъ отъ жизни: онъ не живетъ даже надеждой на конечную победу добра надъ зломъ въ человѣческой личности. Ежедневно и отовсюду раздаются возгласы: «это безразлично» или «все равно, какъ-бы я ни поступалъ, это никого не касается». Между тѣмъ это далеко не безразлично и не будетъ безразличнымъ можетъ быть еще въ продолженіе цѣлаго вѣка. Жизнь каждой отдельной личности

является лишь страницей въ исторіи всего человѣческаго общества. На каждомъ изъ насть лежитъ свойственный ему долгъ, который онъ долженъ выполнить, свое особое дѣло, которое онъ обязанъ сдѣлать. Если-же онъ его не выполняетъ, то страдаетъ не только самъ, но и его окружающіе. Его лѣнъ заражаетъ другихъ и даетъ дурной примѣръ. Безполезная жизнь вносить разложение въ бытіе міра.

Среди нашей молодежи вообще слишкомъ много личностей, настроенныхъ пессимистически. Вместо того, чтобы съ удовольствиемъ и свѣжими силами, какъ то подобаетъ юношеству, трудиться для осуществленія своихъ идей и идеаловъ, они теряютъ время, разливаючись въ пространныхъ жалобахъ на несовершенство и несправедливости міра и судебъ. «Стоить-ли жить?» Конечно нѣтъ, разъ жизнь растрачивается на вѣтеръ. Даже чтеніе является сплошь и рядомъ лишь пріятнымъ времяпрожажденіемъ, высшей ступенью праздности. Между людьми, читающими много и постоянно, встрѣчаются поэтому личности разочарованные, равнодушные ко всему, но не лишенные нѣкоторой умственной полировки и остроумія, дающаго имъ возможность въ своемъ бездѣйствіи иронически относиться къ труду другихъ. Они осмысливаютъ всякое серьезное отношение къ жизни, съ жалкой индифферентностью относясь ко всему на свѣтѣ. Души ихъ, если только они сознаютъ ихъ присутствіе въ себѣ, колеблются, словно пламя свѣчи подъ вѣтромъ въ ту сторону, куда онъ подуетъ, потому что у нихъ нѣть опоры ни въ какихъ нравственныхъ или религіозныхъ началахъ. Имъ не достаетъ твердыхъ принциповъ вѣры и какихъ бы то ни было стремлений къ усовершенствованію—они похожи на больное дерево, которое уже не дастъ ни цвѣтовъ, ни плода.

Такимъ образомъ, цѣлый народъ можетъ гордиться уточненнѣйшей культурой, не дѣлал никакихъ шаговъ впередъ въ иныхъ отношеніяхъ. Знаніе и мудрость, какими ни кажутся они другъ другу близкими—часто не

сохраняютъ между собою никакой внутренней связи, и еще вопросъ, ведеть ли знаніе хотя отчасти ко благу и мудрости? Есть пословица: «Высшая мудрость—это умѣніе быть настоящимъ человѣкомъ».

Одинъ изъ знаменитыхъ французскихъ писателей такъ характеризуетъ современное ему общество: «Со всѣхъ сторонъ надвигается на насъ въ настоящее время глубокій индифферентизмъ по отношенію къ вѣрѣ и долгѣ, неразлучно связанный съ жаждой наслажденій и денегъ, которыя помогаютъ удовлетворять всякое желаніе. Все можно купить: совѣсть, честь, религію, мнѣніе, могущество, санъ, даже уваженіе. Куда ни оглянись, всюду крушеніе всякихъ истинъ и добродѣтелей. Всѣ философскія теоріи, даже самая атеистическая ученія разрѣшились во всепоглощающемъ индифферентизмѣ, настоящей могилѣ пониманія, гдѣ не найдется со временемъ даже костей».

Но мы вѣдь ждемъ спасенія отъ «культуры». Это модное слово *) требуетъ однако многихъ поясненій. Многіе преклоняются передъ культурой, считая ее своимъ единственнымъ божествомъ. Но подобная «культура» является лишь выражениемъ умственного цинизма, во всемъ сомнѣвающагося, прикрытое лишь вѣнчаниемъ лоскомъ. Ея поборники живутъ въ атмосфѣрѣ извращенной утонченности, подобно Мольеровскимъ «Precieuses ridicules». Ихъ девизъ—nil admirari. Они съ насмѣшкой относятся къ устарѣлымъ

*) Еще одно такое-же любопытное словечко вошло нынче въ моду — «Филистеръ». Лесли Стефенсъ называетъ его браннымъ словомъ, которымъ модные франты обзываютъ остальныхъ людей. Артуръ Шопенгауэръ даетъ этому понятію иное опредѣленіе: «Филистеръ лишенъ духовныхъ потребностей, — говоритъ онъ,—и следовательно и духовныхъ наслажденій, согласно справедливому изреченію: «яѣть истинныхъ удовольствій, не вызванныхъ истинными потребностями». Его удовольствія исключительно чувственные, вѣнчанія, вся задача его жизни выражается въ стремлениі къ вѣнчаному комфорту».

добродѣтелемъ въ родѣ трудолюбія, энергіи и самопомощи, и успокаиваются въ холодномъ отрицаніи безъ надеждѣ и благоговѣнія передъ чѣмъ либо. Они скептики во всѣхъ отношеніяхъ и вѣрять лишь въ самихъ себя, своего единственнаго божка.

Гёте является однимъ изъ поборниковъ и творцовъ «культуры». Его творенія однако, служа утѣхой утонченаго ума, не будятъ въ душѣ человѣка того страстнаго стремленія къ благороднымъ дѣламъ, какое возбуждаются поэмы Шиллера. Какъ ни былъ блестящъ и разностороннъ умъ Гёте, проницателенъ и ясенъ его взглядъ на вещи, обширны его познанія, — темной стороной въ его характерѣ является та черта, что всѣ эти благородныя качества онъ безплодно сосредоточивалъ на игрѣ въ любовь съ безчисленными женщинами, которыхъ чаровалъ и привлѣзывалъ къ себѣ могуществомъ своего духа. «Когда его сердце оставалось временно свободнымъ,—говорить его послѣдній біографъ,—онъ напоминалъ специалиста-анатома, лишенного объекта для опыта». Гёте, говоря о Бальзакѣ, замѣтилъ, что каждый изъ его *chef d'oeuvres* овъ словно цѣликомъ почерпнутъ изъ страдающаго женскаго сердца. Бальзакъ могъ бы ему отвѣтить то-же самое. Описывая свое пристрастіе къ естествовѣдѣнію, Гёте самъ разсказываетъ слѣдующее: «Вспоминаю, какъ я рвалъ ребенкомъ цветы на части, чтобы лучше разсмотрѣть, какъ прикреплены лепестки къ вѣнчику; случалось, что я общипывалъ и птичекъ, чтобы изнаблюдать, какъ перья воткнуты въ крылья». Однажды Беттина замѣтила лорду Гаутону, что онъ совершенно такъ же обращался съ женщинами, и всѣ его увлеченія, какого бы они ни были свойства, поверхностны или серьезныя, подвергались подобной вивисекціи. Велика была сила его очарованія, и если онъ во имя своихъ литературныхъ цѣлей считалъ нужнымъ проявить сильное, страстное чувство—онъ безъ раскаянія и размышленія разыгрывалъ роль страшно-влюбленнаго, какъ тотъ ху-

должникъ, который, рисуя картину Распятаго Христа и желая придать своему натуралику болѣе естественное выражение страданія, вонзилъ ему мечъ въ бокъ. Способность предаваться въ подобныхъ случаяхъ жизни наблюденіямъ и анализу заставляетъ прийти къ заключенію о нѣкоторой холодности сердца и мы легко можемъ представить себѣ Гёте, какъ онъ высчитываетъ, подобно герою романа «*homme blasé*», удары своего пульса, чтобы во-время остановить растущее въ немъ возбужденіе, оберегая себя отъ бреда горячки. Гёте откровенно разсказываетъ, что умѣль извлекать пользу изъ каждого своего романического похожденія, смотрѣль на свою любовь къ женщинѣ съ эстетической точки зрѣнія и находилъ, что самымъ дѣйствительнымъ палліативнымъ средствомъ въ случаѣ неудачи или разочарованія — является описание того, что произошло.

Сколько откровеннаго тщеславія таится въ исключительно умственномъ развитіи! Какимъ маленькимъ и мало стоящимъ является оно въ сравненіи съ истинной глубиною чувства! Что даютъ намъ эти исключительно - умственные страсти, виѣ души, которая одна сообщаетъ имъ жизнь, движеніе, силу и сущность. Каждому должны тутъ прийти на память простыя слова знаменитаго физика, астронома, философа и математика, Ньютона, одного изъ самыхъ великихъ міровыхъ геніевъ, знаменитаго изобрѣтателя интегральныхъ и дифференціальныхъ исчислений, теоріи всемірного тяготенія и разложения свѣта,—сказавшаго, что онъ представляетъ себѣ самому ребенкомъ, который, играя на берегу, видитъ передъ собою безграничный и неизвѣданный еще океанъ правды и истины. Найдется-ли еще гдѣ-нибудь философъ, способный произнести такого рода признаніе?

«Есть истины,—говорить графъ де-Местръ,—которые могутъ быть постигнуты только сердцемъ человѣка. Добрый человѣкъ часто изумляется при видѣ противорѣчій, кото-

рыя овладѣваютъ очень умными людьми по отношенію къ истинамъ, для него совершенно ясныи и понятныи. Вѣры и религіозныхъ убѣждений недостаетъ этимъ людямъ. Какъ бы ни былъ уменъ человѣкъ, если онъ лишенъ религіознаго чувства,—мы не въ силахъ не только убѣдить его, но даже заставить его насть понять».

Широчайшии пути долга находятся прежде всего въ предѣловъ мудрости или книжной учености. Человѣку сильнѣе врождено быть существомъ общественнымъ, чѣмъ разумнымъ, и лучшая сторона человѣческаго развитія обвязана своими основами именно общественнымъ его отношеніямъ: они являются главнымъ источникомъ вѣжливости, обоюдной синходительности и способности поступаться своими правами въ пользу другихъ. Опытность имѣть въ жизни человѣка гораздо большее значеніе, чѣмъ ученость. Жизнь—книга, на чтеніе которой уходитъ у человѣка цѣлый длинный рядъ годовъ, но для пониманія наиболѣе трудныхъ ея страницъ требуется не мало мудрости.

Въ старинное время дѣтямъ въ самомъ раннемъ возрастѣ внушали уже стремленіе къ серьезному исполненію ихъ обязанностей: единственная награда состояла въ томъ, что, по исполненіи возложенной на ребенка обязанности, ему поручали другую, труднѣйшую; единственное наказаніе—обвиненіе ребенка въ слабости духа, если онъ не исполнилъ своего долга. «Что же касается прелестной, но лживой мечты, будто образованіе послужило къ повышенію общаго уровня нравственности человѣчества—то это не болѣе, какъ иллюзія: люди пытаются посредствомъ усерднаго тренія обратить въ золото мѣдныя монеты; но имъ это не удается: они наводятъ на нихъ лишь внѣшній блескъ, цѣнность-же остается та-же.

Лучшимъ воспитательнымъ факторомъ въ жизни человѣчества, указаннымъ Самимъ Богомъ все таки является семья; благосостояніе же и устроеніе семьи всецѣло зависятъ отъ женщины. «Надежда Франціи въ рукахъ мате-

рей!»—устно и письменно восклицалъ покойный епископъ орлеанскій Дюпанлу. То-же самое можетъ относиться и къ Англіи. Но, къ несчастью, нашъ слухъ поражаютъ крики и протесты противъ своего женскаго назначенія современныхъ эмансипированныхъ женщинъ, стремящихся всѣми силами уничтожить въ себѣ свои наиболѣе привлекательныя черты. Онѣ домогаются могущества и политическихъ правъ, а между тѣмъ оуѣ и безъ этого сильны и властны, потому что управляютъ міромъ, благодаря своему вліянію на собственную семью. Онѣ требуютъ разрѣшенія подачи голосовъ и полной политической равноправности. Неужели онѣ серьезно вѣрятъ въ то, что послужатъ прогрессу, если получать право разъ въ три года или въ пять лѣтъ выбрать представителя въ парламентъ? Св. Павель отдавалъ пальму первенства домовитымъ и работающимъ женщинамъ, потому что смотрѣлъ на семью, какъ на общество въ миниатюрѣ и признавалъ, что семейное благополучіе и исполненіе женщиной своего долга—лучшая гарантія постоянства, вѣрности и чистоты сердца.

Одно изъ новѣйшихъ сочиненій, изобразивъ отличительные качества женской натуры, прибавляется: «Видя, съ какой легкостью современные женщины устремляются въ погоню за новомодными ученіями вѣры или нравственности, можно опасаться, что небо гораздо болѣе удалено отъ нихъ, чѣмъ отъ ихъ предшественницъ прошлыхъ вѣковъ, что религія постепенно теряетъ надъ ними свое вліяніе и что сердца ихъ лишены бывалой благородной вѣры въ блажость Божьяго Промыслы». Это писала женщина, повидимому очень хорошо знакомая съ положеніемъ дѣль въ этой области.

Передъ началомъ послѣдней франко-пруссской войны, военный агентъ въ Берлинѣ, баронъ Штафель, получилъ порученіе составить докладъ объ общественномъ мышлѣ и нравственномъ уровнѣ Пруссіи сравнительно съ Франціей. Въ своемъ донесеніи онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Дис-

циплина въ армії находится въ тѣсной зависимости отъ дисциплины въ семье и обществѣ. Молодежь воспитывается въ Пруссіи, начиная съ ранняго дѣтства, въ повиновеніи, привыкаетъ уважать властей и строго относиться къ своему долгу. Подобная дисциплина не можетъ, очевидно, утвердиться во французской арміи, разъ ея нѣтъ во французской семье. Заглянемъ во французскія семьи, школы, гимназіи и т. п. Развѣ тамъ стремятся къ развитию въ дѣтяхъ уваженія по отношению къ родителямъ, ревностнаго исполненія своего долга, повиновенія законамъ и власти, а, главное, вѣры въ Бога? Вовсе нѣтъ или почти-что нѣтъ. Отсюда вытекаетъ, какъ слѣдствіе, что французская армія увеличивается ежегодно большими числомъ молодыхъ людей, по большей части совершенно лишенныхъ какихъ бы то ни было религіозныхъ началъ и здоровыхъ принциповъ нравственности, привыкшихъ съ дѣтства никому не повиноваться, ничего не уважать и порицать все. И находятся люди, которые утверждаютъ, что, примкнувъ къ арміи, эта молодежь сразу усваиваетъ себѣ строгую дисциплину. Тѣ, кто проповѣдуетъ подобныя вещи, забываютъ, что военная дисциплина является, въ сущности, такой же самой, какая примѣняется и въ частной жизни: она заключается въ сознаніи долга, повиновеніи начальству, уваженіи къ принципамъ власти и установленнымъ учрежденіямъ. Искусственная дисциплина можетъ держаться короткое лишь время подъ давлениемъ затруднительныхъ обстоятельствъ: при первомъ серьезнѣ испытаніи она, что всего вѣроятнѣе, сразу же будетъ нарушена». Нужно ли прибавлять, что эти слова барона Штафеля оказались поистинѣ пророческими.

Неужели и мы, англичане, идемъ въ настоящее время навстрѣчу такому же тяжелому положенію дѣлъ? Потокъ демократическихъ идей, захватывающей все больше ширь и глубь, неужели и у насъ снесетъ и поглотить богатые плоды нравственного воспитанія и семейной выдержанки? Мы

—народъ тщеславный, гордый своимъ могуществомъ и богатствомъ, своими морскими и сухопутными военными силами, своимъ превосходствомъ въ отношеніи торговли и промышленности. Но вѣдь можетъ случиться, что всѣ эти преимущества будутъ отъ насъ со временемъ отняты и мы, подобно голландцамъ, можемъ превратиться хотя и въ богатый, но почти лишенный политического значенія народъ. Народъ въ массѣ, воплощаетъ то, что вносятъ въ него отдельные личности, и ни одинъ народъ не можетъ обладать высокимъ уровнемъ нравственности, строгимъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ и уваженіемъ къ законамъ правды и чести, если граждане его, каждый въ отдельности и въ массѣ, не обладаютъ благородными чертами нравственного склада. Въ одной изъ своихъ рѣчей лордъ Дерби замѣтилъ однажды:

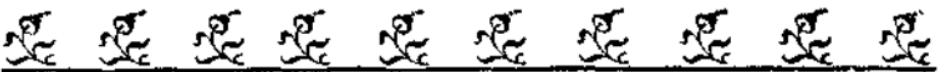
«Одно высокопоставленное лицо сказало мнѣ на дняхъ, что, по его мнѣнію, Англія со времени сраженія при Ватерлоо постепенно теряла въ тѣхъ качествахъ, которые обусловливаютъ силу и могущество національного характера; хотя онъ не высказалъ мнѣ этого рѣзко, но изъ его словъ и недомолвокъ я понялъ, что онъ потерялъ всякую надежду на возстановление того, что потеряно, что потокъ приближается и что блаженны тѣ, кто отжилъ свой вѣкъ и не увидитъ картины окончательной гибели».

Въ этихъ словахъ заключается весьма серьезное предстереженіе! Близка ли на самомъ дѣлѣ катастрофа, которая вѣкъ тому назадъ разразилась надъ Франціей? Покойный докторъ Норманъ Мекмодъ сказалъ: «Смутное время, наступившее послѣ войны 1815 г., является томительно-гнетущимъ. Съ одной стороны, мы видимъ полнѣйшій переворотъ, переоценку всѣхъ прежнихъ понятій, касающихся политики, общества, науки, богословія и философіи. Несмотря, однако, на безразсудный атеизмъ и самоувѣренность со стороны предводителей, направляющихъ противъ старыхъ стѣнъ свои убийственные орудія — въ

сердцахъ массы еще живо глубокое сознаніе настоятельной необходимости признанія крайней важности истины и долга, выражавшихся, нельзя съ этимъ не согласиться, исключительно лишь въ крѣпкой вѣрѣ въ Бога: Богъ и истина всегда стоять рядомъ».

Ничего не можетъ быть прискорбнѣе зрѣлища мужчинъ и даже женщинъ, вѣчно легкомысленно и бесплодно разсуждающихъ о священныхъ началахъ, которыхъ служили имъ предкамъ предметами глубокаго благоговѣнія. Двѣ великия мысли, овладѣвъ однажды нашимъ умомъ, однѣ способны совершенно измѣнить теченіе нашей жизни: вѣра въ то, что настоящій міръ представляетъ лишь переходъ къ безконечному бытію, и мысль о Томъ Всемогущемъ, въ Которомъ человѣкъ живетъ и въ томъ и въ этомъ мірѣ. Каждому изъ насъ предоставлено на выборъ идти путемъ добра и правды или зла и несправедливости. Кто можетъ угадать, какое побужденіе одержитъ верхъ? Это зависитъ отъ насъ самихъ—отъ чуткости нашей совѣсти, отъ ясности нашей воли. Несомнѣнныя тревоги и горести ожидаютъ насъ на пути исполненія нашего долга; и все же онъ долженъ быть исполненъ бодро и радостно, потому что такова воля Божія. Добрыя дѣла вдохновляютъ и вливаютъ въ насъ свѣжую силу и кроме того служатъ воодушевляющими примѣромъ для другихъ. Они похожи на зарытыя въ землю сокровища, которые приносятъ намъ великую пользу въ черный день. И потому приложимъ всѣ силы къ тому, чтобы всегда идти впередъ къ вѣчному свѣту! Отъ этого зависитъ наше спасеніе въ настоящей и будущей жизни!

ГЛАВА III.

ПРАВДИВОСТЬ И ЧЕСТНОСТЬ.

Не покидайте никогда дороги долга и чести —
это единственное, въ чемъ мы почерпаемъ счастье.
Бюффонъ.

Какъ бы ни былъ бѣденъ честный человѣкъ —
все же онъ царь людей.
Бернисъ.

Честность и правдивость тѣсно связаны другъ съ другомъ и дополняютъ одна другую: нельзя думать объ одной, не вспомнивъ въ то-же время о другой. Правда, что одной честности недостаточно, чтобы сдѣлаться великимъ человѣкомъ, но тѣмъ не менѣе она является одной изъ необходимѣйшихъ чертъ великаго и благороднаго характера. Правдивость человѣка служитъ ему порукою въ глазахъ тѣхъ, отъ кого онъ зависитъ, и внушаетъ довѣrie тѣмъ, кто зависитъ отъ него. Правдивость — первое качество, необходимое каждому, потому что изъ нея вытекаютъ чистота душевная и твердость. Въ настоящее-же время, болѣе чѣмъ когда-либо въ раний периодъ жизни человѣчества, абсолютная правдивость составляетъ первую необходимость.

Какъ бы ни была обыкновенна ложь, она обличаетъ себя прежде всего въ лицѣ самого лжеца, потому что онъ, хорошо понимая какимъ уваженiemъ пользуется правда, всюду выдаетъ за нее свою ложь. Ложь не только недостойна, но она является еще и признакомъ трусости. «Дерзай быть правдивымъ,—говорить Джорджъ Герберть,—

къ чему тебѣ послужить ложь?» Худшіе лгуны тѣ, которые не смѣютъ переступить границы правды: у нихъ часто не хватаетъ мужества объявить истину и они виляютъ изъ стороны въ сторону, извращая правду. Ложь, на половину смѣшанная съ правдой—худшая изъ лжей.

Подобная двойственность часто оказывается и въ жизни иныхъ людей; и дѣлами, какъ словами, подобного человѣка міръ очень часто можетъ быть обманутъ. Низкіе люди зачастую выставляютъ на словахъ на видъ добродѣтели, которыхъ не имѣютъ, и ведутъ, такимъ образомъ, двойную игру, тогда какъ справедливый, правдивый человѣкъ говорить то, что думаетъ, поступаетъ такъ, какъ считаетъ должною, и дѣлаетъ то, что обѣщаетъ. Мистеръ Спордженъ высказываетъ въ своемъ сочиненіи «Біблія и газета», что «въ ежедневной жизни сплошь и рядомъ встрѣчаются самыя кричащія противорѣчія между словами и дѣлами человѣка — иные доходятъ до крайней нетерпимости въ своихъ либеральныхъ убѣжденіяхъ, другіе черезчуръ жаркие защитники мира, третыи доходятъ до крайности въ своей защитѣ воздержанности, и нерѣдко горячіе сторонники щедрости являются на самомъ дѣлѣ самыми мелочными скучными, попадаются и такие, которые, считая себя ревностными поборниками истины, какъ извѣстной научной системы, сами,ничтоже сумнявшись, въ дѣлахъ торговыхъ, или по отношенію къ доброй славѣ своихъ сосѣдей, или, наконецъ, въ семейныхъ дѣлахъ поступали совершенно вопреки требованіямъ этой самой истины».

Ложь представляетъ самый обычный и общеупотребительный порокъ и въ особенности властно господствуетъ въ такъ-называемомъ обществѣ: «дома нѣть!», обычный, вошедший въ моду отказъ непрошенному посѣтителю, уже съ дѣтства усваиваемый человѣкомъ. Ложь считается настолько необходимой для поддержания свѣтскихъ отношеній, что всѣ молча мирятся съ нею. Мелочная ложь вошла во всеобщее употребленіе, а когда она всплываетъ наружу,

то считается незначительной, простительной и безвредной. Но если ложь и допускается въ обществѣ—то каждый болѣе или менѣе чистосердечный человѣкъ относится къ ней въ глубинѣ души съ ненавистью и презрѣniемъ. «Какой бы незначительной и ничтожной ни казалась ложь,—говорить известный английскій философъ, Рескинъ,—все же она оставляетъ черный налѣтъ на сердцѣ, отъ которого мы должны стремиться очистить его, какъ постарались бы смыть эту копоть съ лица, если-бы она его загрязнила».

«Лгать виѣ своего отечества, ради блага этого отечества»—таковъ былъ обычный пріемъ дипломатовъ. А между тѣмъ честному человѣку слово должно бы въ сущности быть дороже жизни. Когда кароагеняне отправили вмѣсть съ послами въ Римъ пльненнаго ими Регула, съ тѣмъ чтобы онъ ратовалъ передъ своими соотечественниками въ пользу мира — они взяли съ него слово возвратиться, въ случаѣ если цѣль переговоровъ не будетъ достигнута.

По прибытіи въ Римъ Регулъ убѣдилъ сенаторовъ продолжить войну и не соглашаться на обмѣнъ пльнныхъ. Сенаторы и верховный жрецъ, понимая что грозитъ само-отверженому Регулу, постановили, что такъ какъ слово взято съ него насильно,—то ничто не обязываетъ его возвращаться въ Кароагенъ. «Вы хотите опозорить меня! — воскликнулъ Регулъ:—я хорошо знаю, что въ Кароагенѣ ждетъ меня мучительная смерть, но что она значить передъ безчестiemъ нарушенія клятвы? Пусть я рабъ кароагенянъ, но я римлянинъ въ душѣ. Я обѣщалъ вернуться и мнѣ остается исполнить свой долгъ, остальное предоставлю на волю боговъ». И Регулъ спокойно вернулся въ Кароагенъ и умеръ на пыткѣ.

Библія говоритъ: «Правда освобождаетъ человѣческую душу». Также и Платонъ замѣчаетъ: «Кто хочетъ достигнуть счастья—пусть стремится постигнуть истину, и онъ освободится отъ всякихъ печалей». Приведемъ кстати небольшую выноску изъ твореній императора Аврелія - Фи-

лософа: «Поступающій несправедливо — въ одно и то-же время совершаеть безчестный поступокъ, потому что, если всемогущая природа создала разумныя существа съ тѣмъ, чтобы они помогали другъ другу и защищали другъ друга, но отнюдь никому не вредили, тотъ, кто преступаетъ эту высшую волю — повиненъ въ неуваженіи божества. Безбожно и богохульно поступаетъ и тотъ, кто лжетъ, грѣша относительно того же божества по природѣ всего существующаго, тѣсно связанныаго съ грядущимъ. Эта вся природа называется правдой, представляя первоначало всего истиннаго. И такъ лгущій умышленно совершаеть нечестіе; лгущій неумышленно не менѣе виновенъ въ томъ же, потому что поступаетъ въ противорѣчіи съ природой и нарушаетъ порядокъ вещей, покоящейся на правдѣ. Онъ пренебрегаетъ и разбрасываетъ на вѣтеръ тѣ нравственныя силы, которыми одарила его природа и съ помощью которыхъ онъ имѣль бы полную возможность отличать ложь отъ правды».

Честность и правдивость могутъ проявляться въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Она является на сцену и въ торговыхъ и дѣловыхъ сношеніяхъ хорошихъ, честныхъ, не идущихъ на компромиссы людей чаше, чѣмъ это принято думать. Подобная честность представляетъ простѣйшее и скромнѣйшее выраженіе принциповъ правды. Полная мѣра, вѣрный вѣсь, добросовѣстная служба, строгое исполненіе обязанностей — необходимыя качества нравственнаго дѣлового человека. Приведемъ для примѣра наиболѣе обыкновенный случай: Самуэль Футъ нашелъ, что ему подавали на обѣдь не полную порцію пива. Онъ призвалъ хозяина и сказалъ ему: «Сколько бочекъ пива расходится у васъ въ мѣсяцъ, сэръ, извините за вопросъ?» — Десять, сэръ, — отвѣчалъ содержатель гостиницы. «Желали бы вы, чтобы у васъ расходилось ихъ одиннадцать?» — Конечно! «Я вамъ дамъ совѣтъ, какъ это сдѣлать, — возразилъ Футъ, — пополните свою мѣру!»

Обманъ и ложь идутъ однако и дальше, распространяются и въ болѣе серьезныхъ областяхъ. Мы жалуемся на невѣрныя мѣры и вѣсы, на поддѣлку товаровъ, на то, что, покупая одно, получаемъ другое. Ясно, конечно, что купецъ хочетъ сбыть свои товары съ барышомъ, но если при этомъ онъ прибѣгаешь къ обману, то много теряетъ, потому что мы идемъ въ другую лавку. Ле Пле, посѣтивъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Англію, съ большими удовольствиемъ замѣтилъ необыкновенную честность англійскихъ фабрикантовъ въ торговыхъ дѣлахъ и хвалилъ ихъ добросовѣстность въ количествѣ и качествѣ отправляемыхъ за границу товаровъ.

Едва-ли въ настоящее время онъ далъ бы о нихъ такой же лестный отзывъ. Не разъ уже раздавались голоса, толкующіе объ упадкѣ англійскихъ фабрикатовъ. Вспомнимъ толки о хлопкѣ, приготовляющемся съ примѣсью фарфоровой глины, цинка, крахмала и магнезіи, для того чтобы придать ему видъ болѣе плотнаго и цѣннаго, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Со временемъ же подобный хлопокъ, особенно при перевозкѣ моремъ, скоро портится, покрывается ржавыми пятнами и затѣмъ съ трудомъ или вовсе не распродается. Ржавчина—грибовидный паразитъ, зарождается отъ сырости и питается и размножается въ средѣ, где есть крахмаль. Съ появлениемъ ржавчины, одинъ изъ самыхъ значительныхъ рынковъ для сбыта англійского хлопка—Китай, постепенно пересталъ покупать его.

Китайская поговорка гласитъ: «Фокусникъ не проведеть того человѣка, который аккомпанируетъ ему на гонгѣ». Впрочемъ сами китайцы по части всякихъ плутней не уступятъ англичанамъ. Они подмѣшиваютъ желѣзныя опилки въ свой чай и поливаютъ шелкъ водою, чтобы увеличить ихъ вѣсъ; потому-то они вѣчно на-сторожѣ, подозревая въ обманѣ всѣхъ, имѣющихъ съ ними дѣло. «Слѣдствіемъ подобнаго положенія дѣлъ, — говоритъ англійскій консулъ въ Чифу,—является постепенносложившаяся здѣсь

печальная репутація нашихъ мануфактурныхъ издѣлій, которыя мало-по-малу вытѣсняются съ рынка американскими, хотя послѣднія нерѣдко на 40%, дороже. Намъ уже не оказывають довѣрія: прежде англійское клеймо являлось полнымъ ручательствомъ въ доброкачественности товара,— но эти счастливыя времена давно миновали.

То-же самое замѣчается и въ англійской торговлѣ съ Индіей. Англійскій шердингъ и другія англійскія ткани плохо выдерживаютъ мытье: они слишкомъ накрахмалены; когда же вода смоетъ крахмаль—матерія превращается въ тряпку. Въ Индіи начинаютъ изготавлять теперь собственныя ткани изъ растущаго тамъ хлопка; туземцы—искусные работники съ тонкими, гибкими пальцами: они прядутъ и ткутъ такъ плотно, ровно и тонко, какъ манчестерскіе ткачи. Достаточно въ Индіи и капиталовъ, съ помощью которыхъ возникли значительныя мѣстныя прядильныя фабрики, и такимъ образомъ индузы развиваются собственное мануфактурное производство и потребляютъ ткани мѣстнаго изготошенія.

Все это давнымъ-давно хорошо известно въ мануфактурно-промышленныхъ центрахъ Англіи и не разъ уже обсуждалось публично на митингахъ. Приготовленіе тканей съ подмѣсью фарфоровой глины уже ни для кого не тайна. Мелларъ, членъ парламента, рѣзко порицалъ фабрикантовъ за эту фальсификацію: «Неужели они считаютъ всѣхъ потребителей, кромѣ самихъ себя, глупцами, которые попадутся въ ловушку?»—спрашивалъ онъ. Онъ рассказалъ между прочимъ объ инженерѣ, который во время плаванія въ Индійскомъ океанѣ обматывалъ свою шляпу бѣлой кисеєю въ защиту отъ палящихъ лучей солнца. «Это англійская кисея?»—спросили его. «О нѣтъ, она швейцарскаго издѣлія: англійская до того пропитана kleemъ, что прилипаетъ къ рукамъ». Такимъ образомъ мы теряемъ возможность сбыта для своихъ товаровъ и сами призываемъ на свою голову дурной оборотъ дѣла.

Американскія хлопчато-бумажныя издѣлія съ большімъ успѣхомъ расходятся даже въ Лондонѣ и Манчестерѣ, индійскія же ткани проникли въ Китай и Австралію, хотя онъ и дороже англійскихъ. Индусскія туземныя издѣлія едва-ли не превосходятъ англійскія. Развѣ это не изумительный фактъ? Мы стараемся въ настоящее время открыть доступъ къ техническому образованію нашимъ рабочимъ классамъ, но что оно можетъ значить при вошедшемъ въ обычай обманѣ въ торговлѣ?

Подобное явное понижение уровня общественной нравственности и другихъ жизненныхъ принциповъ — является прискорбнымъ знаменіемъ времени. Когда известный французскій общественный дѣятель, Дюпенъ, посѣтилъ Англію лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, — онъ съ восторженными удивленіемъ говорилъ о неутомимой энергіи, умѣ и дѣловитости нашего коммерческаго класса. «Не одной предпримчивостью, умомъ или трудолюбиемъ коммерсантовъ,— замѣтилъ онъ — однако, еще обеспечивается превосходство торговли и промышленности какой-либо страны; но гораздо болѣе значенія имѣеть въ этомъ дѣлѣ ихъ благородство, выдержанка, а главное честность. Если-бы когда-либо купецъ британскихъ острововъ лишился этихъ качествъ—мы убѣждены, что Англія потеряла бы возможность успешно вести свои торговые обороты, несмотря на поддержку сильнаго флота, на дальновидную дѣятельность талантливѣйшей дипломатіи и серьезной политической науки. Потерявъ доступъ въ иностранные порты, англійскіе торговые корабли принуждены были бы очистить моря, по которымъ разносятъ теперь товары, сокровища трудолюбивой промышленности трехъ соединенныхъ королевствъ, обмѣнивая ихъ на произведения всѣхъ странъ свѣта» *).

Нѣкоторое объясненіе и извиненіе упадка нашего тор-

*) Торговое могущество Великобританіи—Пьера Карла Франсуа, барона Дюпена.

гового дѣла слѣдуетъ искать въ необыкновенно развивающейся конкуренціи и различныхъ стѣсненій свободного производства со стороны правительства. Различные ограничительные законы связываютъ промышленниковъ по рукамъ и по ногамъ. Нѣкоторые изъ этихъ постановлений безусловно хороши и необходимы: таковъ законъ, воспрещающій женщинамъ и дѣтямъ работать въ каменноугольныхъ копяхъ, а также законъ, уменьшающій число рабочихъ часовъ, но въ общемъ фабричные законы заходятъ едва-ли не слишкомъ далеко, нанося вредъ промышленности; это въ особенности замѣтно на англійскомъ желѣзномъ дѣлѣ: всѣ машины небольшихъ размѣровъ ввозятся въ Англію изъ Бельгіи и Голландіи, потому что эти страны, не стѣсненные никакими ограничениями, обрабатываютъ мелкія подѣлки съ помощью рабочихъ рукъ мальчиковъ, получающихъ много дешевле взрослыхъ.

Кромѣ ограничительныхъ законовъ, дѣятельность фабрикантовъ еще болѣе стѣсняется стачками. Едва дѣло начинаетъ повидимому процвѣтать—рабочіе, пріостанавливая работу, требуютъ повышенія работной платы. Фабрики закрываются, доменные печи погасаютъ, постройки остаются и наступаетъ полнѣйший застой. А потому ясно, что рабочіе классы дѣлаютъ страшную ошибку, считая своихъ работодателей за враговъ и неустанно ведя съ ними борьбу.

Что же касается доброкачественности работы, то она у насъ оставляетъ желать многаго. Было время, когда люди выкладывали все свое стараніе и всю свою душу въ дѣло руки своихъ, гордясь добросовѣстностью своего производства, стремясь къ тому, чтобы, какъ говорится въ стихахъ Чaucera, работа производилась не торопливо и дѣлала честь трудившемуся надъ нею.

Какъ обстоитъ дѣло нынче? Люди въ большинствѣ случаевъ работаютъ, какъ ионило, лишь бы сбыть съ рукъ порученное имъ, не прилагая къ дѣлу особыхъ стараний,

или добросовѣстности. Слѣдствіемъ этого являются провалы туннелей и желѣзныхъ мостовъ, обвалы зданій еще недостроенныхъ и т. п.; сплошь и рядомъ водосточная канавы лишены дренажныхъ трубъ, являясь разсадниками заразныхъ болѣзней. О, легкомысленный, безразсудный англійскій рабочій. Сколько ты причинилъ на своемъ вѣку бѣдствій людямъ, сколько погибшихъ жизней лежитъ на твоей совѣсти, сколько семействъ страдаютъ по твоей милости. Едва работа окончена, ты стараешься сбыть ее съ рукъ, не заботясь о томъ, какъ она сдѣлана. Ты заботишься только о томъ, чтобы сдѣланное тобою выдержало поверхностный осмотръ и не думаешь о томъ, что подобное отношение къ дѣлу безчестно и несправедливо.

Всякая дурно выполненная работа—тотъ же обманъ и ложь. Деньги платятъ за то, чтобы получить вещь, сдѣланную на совѣсть. Если работа плоха—покупающій даромъ бросаетъ деньги. Обыкновенно всѣ ея недостатки открываются слишкомъ поздно, потому что всякой вещи можно придать вполнѣ удовлетворительный вышній видъ, но только поверхностный. Пока подобный порядокъ вещей будетъ существовать—напрасно и бесполезно разсыпать фейерверки краснорѣчія о достоинствахъ труда и соціальномъ значеніи рабочихъ классовъ. Тамъ, где отсутствуетъ добросовѣстность—о достоинствахъ труда не можетъ быть и рѣчи. «Достоинство работы заключается не въ легкости и внешнемъ блескѣ, но въ прочности и основательности. Если современная работа отличается большей легкостью и хрупкостью въ сравненіи съ работой прошлыхъ поколѣній, то причина этому заключается въ жадномъ стремленіи во что бы то ни стало одолѣть конкуренцію и возможно скорѣе нажиться». (Cander, F. R. «Good Words»).

Даже туземцы острововъ Тихаго океана уже не лоятся больше на англійскія рекламы. Во время своего миссіонерскаго путешествія по Полинезіи, епископъ Паттесонъ замѣтилъ, что туземцы избѣгали покупать англій-

сікі товары. «Весь произведения, разсчитанныя только на внешнюю показную доброкачественность, не имѣютъ въ ихъ глазахъ никакой цѣнности. Они покупаютъ товары лишь доброкачественные и прочные. Они съ удовольствиемъ приобрѣтаютъ за шиллингъ простой ножикъ съ грубою рукоятью и однимъ лезвіемъ и бракуютъ изящный и нарядный съ шестью лезвіями». Также известный путешественникъ Ливингстонъ видѣлъ не разъ, что африканцы не хотѣли покупать англійскіе желѣзные товары, потому что они подвержены быстрой порчѣ.

Еще Сократъ училъ, какое значеніе имѣеть твердое решеніе человѣка достигнуть возможнаго совершенства въ практикуемомъ имъ ремеслѣ: если онъ плотникъ—онъ долженъ приложить всѣ старанія, чтобы быть самыимъ отмѣннымъ плотникомъ, если онъ государственный дѣятель—пусть стремится превзойти всѣхъ работающихъ на одномъ поприщѣ съ нимъ. Только при подобныхъ задачахъ человѣкъ можетъ добиться успѣха. По мнѣнію Сократа,—подобный плотникъ достоинъ носить вѣнецъ плотничьяго дѣла, хотя бы онъ и былъ сдѣланъ изъ обыкновенныхъ стружекъ.

Приведемъ тутъ для примѣра Уэджвуда, вдохновленнаго гениемъ истиннаго труженика въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Уже въ то время, когда онъ цѣлой головой переросъ положеніе обычнаго ремесленника—онъ никогда не считалъ себя удовлетвореннымъ своей работой, пока не достигалъ въ исполненіи ея возможнаго совершенства. Онъ заботился не только о доброкачественности своей работы, но принималъ во вниманіе и цѣль, для которой она приготовлялась и то, какъ будутъ цѣнить ее другіе. Въ этомъ заключалась причина его силы и громаднаго успѣха. Онъ не выносилъ работы неоконченной и небрежно сдѣланной: если она не отвѣчала его идеальному представлению о вещи, которую онъ дѣлалъ,—онъ безъ дальнѣйшихъ колебаній брался за свою палку, разбивалъ

ее на куски и выкидывал вонъ со словами: «Это не годится для Джашуа Уэджвуда».

Онъ обращалъ самое тщательное вниманіе даже на всѣ мелочи: всѣми силами стремился онъ достичь самой строгой пропорціональности линій, самаго безукоризненнаго изящества формы, самс" совершенной глазировки и т. п. издѣлій, выработанныхъ его фабрикой, поминутно передѣлывая калильныя печи, чтобы ввести въ нихъ все новыя и новыя улучшениа. Онъ учился работать на цѣломъ рядѣ упорно преслѣдовавшихъ его вначалѣ неудачъ. Онъ изобрѣлъ и улучшилъ почти всѣ, вошедши въ употребленію на его фабрикѣ, машины и большую часть своего времени проводилъ, сидя за столами, рядомъ со своими рабочими, чтобы лично учить ихъ и руководить ими. Насколько ему удалось его производство, свидѣтельствуютъ извѣстныя по всемѣстно издѣлія его фарфорового завода. Этотъ примѣръ далеко не единственный: съ такой же неутомимой энергией и высокой честностью работалъ подрядчикъ Брассей, швейцарскій механикъ Брегеттъ и т. п.

Англійскіе рабочіе переживали и плохія, и хорошия времена,—но положеніе дѣль остается безъ перемѣны. Эти люди почти никогда не думаютъ о будущемъ: они становятся расчетливѣй лишь тогда, когда у нихъ изсякаютъ деньги для удовлетворенія своихъ прихотей. Одній изъ Брадфордскихъ фабрикантовъ сказалъ однажды: «Приблизительно лѣтъ десять тому назадъ наша торговля и промышленность находились въ весьма хорошихъ условіяхъ, такъ что купечество высоко поднимало уже свои головы. Многіе быстро богатѣли и всѣмъ уже казалось, что такое положеніе дѣль установилось навсегда. Рабочіе классы пользовались своей долей въ этомъ благополучіи и также теряли голову, какъ работодатели. Они стремились усилить посредствомъ стачекъ заработную плату, уменьшая число рабочихъ часовъ, и нѣкоторое время имъ это удавалось. Но они слишкомъ зарвались: они настаивали на

слишкомъ большомъ ограничениі производства при через-чуръ высокой платѣ, желая работать какъ можно меньше, а жить какъ можно лучше. Но наступилъ промышленный кризисъ, который оказался настолько тяжелымъ, что никакія усилия рабочихъ Ферейновъ не могли облегчить положенія рабочихъ. Тогда большинство благоразумныхъ людей выразили мнѣніе, что если рабочие желаютъ вернуться къ добруму, старому времени,—они должны привыкнуть относиться къ своему дѣлу добросовѣстно и честно, а не продолжать небрежничать при исполненіи своихъ обязанностей, стараясь за возможно большую цѣну сдѣлать возможно меньше.

На одномъ изъ рабочихъ собраний въ Эдинбургѣ одинъ изъ ораторовъ, поднявъ вопросъ о стачкахъ, воскликнулъ: «Моя теорія—старайтесь работать возможно меньше, а получать возможно больше!» Если подобная теорія пройдетъ на практикѣ, она поведетъ за собою полнѣйшую деморализацію труда и превратить рабочаго въ существо безполезное, лѣнивое и недобросовѣстное. Другой, выступившій такъ-же ораторъ пришелъ къ совершенно противоположному выводу: «Учрежденіе союзовъ въ цѣляхъ стачки является въ высшей степени безнравственнымъ. Надняхъ, идя по одной изъ эдинбургскихъ улицъ, я встрѣтилъ рабочаго, который медленно и лѣниво брелъ своей дорогой. Прохожій замѣтилъ ему: «Ну, ты сегодня не торопишься!»—«Время-то не мое, а хозяйствое!»—возразилъ тотъ. Благодаря системѣ стачекъ этотъ человѣкъ составилъ себѣ совершенно превратное понятіе, будто убытокъ работодателя служить къ благосостоянію рабочаго, изъ чего вытекаетъ полнѣйшая невозможность получить въ настоящее время хорошо исполненную работу».

Ораторъ совершенно правильно развивалъ мысль, что было бы истиннымъ благомъ привести рабочіе классы къ сознанію причинъ затруднительности ихъ положенія въ настоящее время: внушить имъ истину, что работодатели

и рабочие несутъ къ общей пользѣ обоюдныя обязанности. Рабочие возстаютъ противъ низкой платы, но не возстаютъ противъ недобросовѣстной работы, а въ этомъ лежитъ причина упадка англійской промышленности.

«Воскрешая въ своей памяти свой четырнадцатилѣтній опытъ, пріобрѣтенный мною въ качествѣ рабочаго,—продолжалъ второй ораторъ,—я долженъ вамъ сказать, что если-бы мнѣ была дана въ свое время возможность получать за восьмичасовой день плату, достаточную, чтобы составить себѣ средній капиталъ, пока у меня не изсякла работоспособность, и если-бы мнѣ была предоставлена свобода исполнять свое дѣло возможно лучше, по мѣрѣ моихъ силъ, такъ, чтобы я могъ не только гордиться своимъ ремесломъ, но и удовлетворять съ помощью его своимъ эстетическимъ потребностямъ, и если-бы притомъ я былъ гарантированъ, что пока добросовѣстно исполняю свои обязанности—никто не столкнетъ меня съ моего места,—я вполнѣ былъ бы доволенъ такимъ положеніемъ дѣль. Я былъ бы преданъ своему хозяину, его успѣхъ радовалъ бы меня и льстилъ моему самолюбію, его интересы сливались бы съ моими. На его сторонѣ были-бы заботы и выгода, которая составляетъ вполнѣ справедливую плату за заботы, а на моей—довольство и свободное время, которое я могъ бы посвящать наукѣ».

Много найдется среди англійскихъ рабочихъ людей искусственныхъ и расположенныхъ къ труду. Но какъ нуженъ трудъ солидный и добросовѣстный, а не исполненный съ плеча, съ обманомъ и плутнями. Мы нуждаемся не столько въ увеличеніи рабочихъ часовъ, сколько въ улучшеніи самого производства. Нечестный трудъ является поруганіемъ репутаціи самой промышленности и заключаетъ въ себѣ тайный обманъ по отношенію къ покупателю. Самый фактъ, что въ Англіи учреждаются всевозможные союзы, ради поддержки человѣка, отказывающагося работать за низкую плату, но не существуетъ ни одного такого союза, ко-

торый давалъ бы пособіе не желающимъ работать недобросовѣстно,—указываетъ на сильный упадокъ чувства чести среди ремесленныхъ классовъ. Если подобное положеніе дѣлъ продлится еще—никакія промышленныя и ремесленныя школы въ мірѣ не удержать за Англіею ея ста-ринной репутаціи великой коммерческой державы. //

Такіе-же возгласы отчаянія доносятся и изъ Америки. Истина, заключающаяся въ пословицѣ: «Нѣть Бога къ западу отъ Миссури», сдѣлалась общеизвѣстной. Всемогущій долларъ—вотъ божество, снискавшее всеобщее поклоненіе. Одна газета въ Сакраменто говорить по этому поводу слѣдующее: «Американцы—народъ, страстно любящій деньги и страстно стремящійся къ ихъ пріобрѣтенію: никакой государь, никакая аристократія не управляетъ ими; ихъ властелинъ—деньги, а аристократами сливутъ въ ихъ глазахъ всѣ, обладающіе этими деньгами. Жаждя богатства беретъ верхъ надъ всѣми ихъ стремленіями; плутовство въ торговлѣ возведено у нихъ въ общее правило вместо того, чтобы быть исключеніемъ. Мы отравляемъ фальсификацией наши жизненные припасы, да, мы даже портимъ наши лѣкарства, подмѣшивая въ нихъ дешевыя и плохія вещества. Мы продаемъ за цѣльныя издѣлія изъ подклѣенного дерева, мы строимъ жалкія лачуги изъ дурного кирпича, цемента и сырого лѣса и зовемъ ихъ домами. Мы грабимъ и обманываемъ другъ друга гдѣ и какъ только можемъ, въ дѣлахъ, въ торговлѣ, мы до такой степени охвачены всѣмъ каждой наживы, что намъ некогда даже выражать протесты противъ явного наглаго надувательства и мы утѣшаемся тѣмъ, что въ свою очередь проведемъ въ отместку другого. Мы очень дорого расплачиваемся за эту свою национальную особенность и самыми быстрыми шагами идемъ къ разрушенію национального чувства чести и справедливости. Въ «невѣжественныхъ и рабскихъ» земляхъ по ту сторону океана, управляемыхъ монархами, люди все же имѣютъ возможность жить дешевле и съ большими

удобствами, чѣмъ мы. Плутовство считается тамъ преступлениемъ, и обманщикъ, разъ онъ пойманъ, подвергается строгому наказанію. Но по нашему мнѣнію это поглупѣвшія старыя страны, ничего не смыслящія въ свободѣ! У нихъ нѣтъ ни четвертаго іюля, ни Уолль-Стрита, ни мятежей во имя трески, ни рабочихъ-аристократовъ. Они не признаютъ факта, что право на жизнь и свободу и стремленіе къ счастью (подразумѣвается къ богатству!) толкаютъ каждого къ надувательству своего ближняго, служа помѣхой всякой возможности его исправленія».

Изумительно, что американцы начинаютъ склоняться къ убѣжденію, что дурная и недобросовѣстная работа является до некоторой степени слѣдствиемъ распространенія школьнай системы. Каждый получаетъ такое общирное образованіе, что ручной трудъ кажется ему уничижительнымъ. Среди американцевъ уже нѣть болѣе ни мастеровъ, ни слугъ. Въ доказательство нашихъ словъ сошлемся на одного изъ сотрудниковъ Скрибнеровскаго «Ежемѣсячника», который сказалъ:

«Американцы преклоняются передъ своей школьнай системой. Дурной отзывъ о ней считается предательствомъ: стоитъ человѣку мало-мальски усомниться въ ея благотворности, и онъ прослынетъ врагомъ образованія. А между тѣмъ пора бы намъ перестать закрывать глаза на то, что она совершенно непригодна для задачи сдѣлать изъ ребенка рабочаго, наполняя дѣтскія головы поверхностными отвлеченностями».

Авторъ статьи говорить дальше, что прежняя система отдавать дѣтей въ ученье въ какое-нибудь ремесло совершенно вышла изъ моды. Мальчики ходятъ въ школу, а времени для изученія ремесла у нихъ вовсе не остается, да и всякий ручной трудъ имъ уже не по вкусу. Поэтому всевозможныя ремесла находятся въ рукахъ исключительно

иностранцевъ. Юные американцы стремятся на службу или стараются жить умственнымъ трудомъ *).

«Подъ сѣнью широковѣтвистаго каштана стоять деревенская кузница», — говорить Лонгфелло въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, но это перестало быть истиной: подобная идиллическія картины почти вовсе вывѣлись въ Америкѣ. Когда генералъ Армстронгъ, членъ гэмптонской негрской колоніи, отправился на сѣверъ въ Виргинію, чтобы занять тамъ кузнецовъ, онъ не нашелъ среди нихъ ни одного американца. Всѣ кузнецы были ирландцы, переходившіе изъ деревни въ деревню, исполняя предлагаемую имъ работу. Однако, въ слѣдующемъ поколѣніи американскихъ ирландцевъ, мужчины уже получать настолько обширное образованіе, что не захотятъ посвятить себя какому бы то ни было ручному труду. Протестуя противъ этого съ быстротой эпидеміи распространяющагося зла, одинъ нью-йоркскій священникъ, отецъ многочисленнаго семейства, недавно возвѣстилъ съ каѳедры, что каждого изъ своихъ сыновей намѣревается обучить какому-либо ремеслу, чтобы

*) На вопросъ: отчего заброшена старая система ремесленного образования — мы должны отвѣтить, что препятствіе къ ея возстановленію непреодолимо. Такъ, напримѣръ одинъ фортепианный мастеръ жаловался на недостатокъ рабочихъ рукъ: причина же этому та, что его рабочіе состояли членами общества, присвоившаго себѣ право назначать число подмастерій, какое онъ могъ брать къ себѣ для обучения ихъ своему ремеслу. Число это они ограничили однинъ... Хозяину оставалось въ виду этого выписывать себѣ уже обученныхъ мастеровъ изъ-за границы. Т.-е. во всей странѣ существуетъ недѣлльный обычай не допускать американскихъ мальчиковъ къ получению серьезнаго ремесленного образования, находящагося такимъ образомъ подъ гнетомъ насильственной системы, которую слѣдовало бы парализовать вмѣшательствомъ закона. Что же получается? Съ одной стороны цародная школа отвлекаетъ большинство своихъ учениковъ отъ ремесла, а съ другой члены союза, поработавшая и хозяинъ и мастера, стѣняютъ свободный выборъ тѣхъ, которыхъ природная склонность еще влечетъ къ ручному труду (*Scribner's Monthly Illustrated Magazine*. March, 1880),

въ случаѣ нужды онъ могъ заработать себѣ пропитаніе трудами собственныхъ рукъ. Богатыи, наравнѣ съ бѣдными, не мѣшало бы учиться работать возможно искусно и прилежно, потому что превращеніе богачей въ бѣдняковъ случается такъ же часто, какъ и обратное. Образованіе, не дающее человѣку достаточнаго умѣнья обеспечить на всю жизнь себя и его окружающихъ—неполно и неудовлетворительно.

Такъ часто и много жалобъ на плохія дѣла раздается со всѣхъ сторонъ, но не сами ли мы въ этомъ виноваты? Согласно конторской ариѳметикѣ, дважды два не всегда превращается въ четыре. Ради возможно быстрой наживы къ какимъ уловкамъ ни прибѣгаютъ люди, отбрасывая въ сторону всякихъ соображеній о честности. Вместо того, чтобы работать терпѣливо и добросовѣтно, чтобы пріобрѣсти себѣ умѣренное состояніе, каждый гоняется за мгновеннымъ обогащеніемъ. Господствующій духъ вѣка— духъ биржевой игры, а вовсе не торговли. Всѣ словно на бѣгахъ, задыхаясь, мчатся къ цѣли—богатству, призъ получаетъ проворнѣйший. Не надо быть пророкомъ, чтобы указать, что бѣдственное положеніе нашей торговли и распространившаяся въ ней система обмана, безумная роскошь и тщеславіе и самая жалкая, все ниже распространяющаяся нищета стоятъ въ тѣсной связи одно съ другимъ.

«Сынъ мой,—говорилъ одинъ отецъ,—ты стоишь на порогѣ жизни: люди будуть стараться обижать тебя, но когда до этого дойдетъ, пусть лучше другіе тебя обманываютъ, чѣмъ ты станешь обманщикомъ самъ». Другой же убѣждаль: «Если можешь—стараися нажиться честно, если не можешь—можно обойтись и безъ честности!» Третій промолвилъ: «Въ сущности быть честнымъ выгоднѣе, чѣмъ безчестнымъ: я попробовалъ оба способа». Разумѣется, подобныя слова противорѣчать самымъ основнымъ правиламъ правдивости и честности, но въ настоящее время бо-

лье высокіе нравственные идеалы почти что отсутствуютъ въ торговлѣ.

Въ большихъ торговыхъ центрахъ молодежь съ удивлениемъ и поклоненiemъ смотритъ на стремленіе къ наживѣ людей, стоящихъ во главѣ крупныхъ предпріятій и слышущихъ богачами. Эти люди занимаютъ первое мѣсто въ обществѣ, задаютъ великолѣпные праздники, украшаютъ свои дома величайшими произведеніями искусства, наполняютъ свои погреба лучшими винами и, кажется, купаются въ золотыхъ волнахъ своихъ несмѣтныхъ капиталовъ. Примѣръ такого образа жизни кружитъ голову юношеству: не обладающіе твердой волей и твердыми нравственными устоями не въ силахъ противостоять искушеніямъ и идуть по слѣдамъ этихъ крезовъ, попадаясь въ сѣти рискованныхъ спекуляцій. Можетъ быть вначалѣ они встрѣтятъ рядъ успѣховъ, и жажда наживы вполнѣ затягиваетъ ихъ въ мертвую петлю. Они теряютъ послѣднюю честь и совѣсть, векселя ихъ наводняютъ конторы и банки, они вдаются, ради поддержанія своего кредита, въ безумнѣйшіе расходы на предметы ненужной роскоши. Въ старинныя времена безчестные и власть имущіе отнимали силой имущество у ближнихъ; нынче они приобрѣтаютъ его обманными банкротствами. Прежде всякое насилие и грабежъ совершались открыто, теперь все прикрывается тайной, пока страшная катастрофа не выводить преступленія на свѣжую воду. Дѣло рушится, вчерашній богачъ объявляетъ себя нищимъ, векселя его не стоять ничего, имущество распродается, и должникъ бѣжитъ, сопровождаемый проклятіями своихъ кредиторовъ. Во время банкротства одной крупной фирмы открылось, что 39.000 фунтовъ стерлинговъ занесены были въ графу расходовъ на дѣтскіе пріюты и другія благотворительныя учрежденія! Еще средство пускать пыль въ глаза довѣрчивымъ людямъ, которое кажется мнѣ отвратительнымъ. Фирма эта въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ закупала въ громад-

номъ количествѣ товары, тогда какъ несостоятельность ея была уже очевидна, и вела, такимъ образомъ, изъ финансовыхъ цѣлей мопе ческую торговлю. Щедрая милостыня такихъ людей приводить мнѣ на память изреченіе манчестерскаго епископа: «Между нами встрѣтится немало людей, которые жертвуютъ части своихъ беззаконныхъ доходовъ на сооруженіе храмовъ, чтобы очистить себѣ путь къ небесамъ!»

Кто не знакомъ съ банкротствами банковъ, начавшихъ съ биржевой игры и плутней и кончавшихъ жестокими крахами, увлекая въ своеи паденіи цѣлыхъ состоянія, разоряя цѣлыхъ семьи своихъ вкладчиковъ, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ общественнымъ положеніямъ. Шиллеръ говоритъ: «Дерзость стащить миллионъ, но еще большее нахальство украсть гинею: грѣхъ, кажется, уменьшается вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ увеличиваются размѣры преступленія». Въ послѣднее время кражи миллионовъ никого, кажется, особенно не удивляли. Деньги уносились изъ банковыхъ кассъ для покупки желѣзнодорожныхъ акцій или земель въ дальнихъ колоніяхъ, велись спекуляціи на повышеніе или пониженіе биржевого курса, приводившія къ ужаснымъ катастрофамъ. Банкъ прекращалъ дѣятельность, и въ результатѣ тысячи семействъ становились жертвами разоренія и отчаянія. Мужчины сходили съ ума, а женщины просили у Бога смерти.

«Смируйся надъ нами, о, Господи; нась пяттеро: младшей шестьдесятъ лѣтъ. Мы преисполнены горя и страха. Хорошо, что мать наша умерла. Неужели не могли они подождать? Мы не задержимъ ихъ: мы согласны были бы довольствоваться малымъ, не теряя бодрости и веселаго настроенія. Но промѣнять на богадѣльню старый домъ, гдѣ жило вмѣстѣ съ нами столько святыхъ воспоминаній! Лучше могильный покой» *).

*) Авторъ этого стихотворенія, докторъ Уальтеръ Смитъ, сказалъ на одномъ митингѣ въ Эдинбургѣ: «Я получилъ множество пи-

Богатые люди, въ надеждѣ стать еще богаче, очертя голову, бросаются въ самыя отчаянныя предпріятія, если только они обѣщаютъ болѣе быстрый способъ нажиться. Въ большинствѣ случаевъ это ведеть къ безнадежному разоренію и потерѣ всего, что они имѣли раньше. Это подтверждается самыми многочисленными примѣрами. Богатый ирландскій банкиръ изъ Типерари, демагогъ и радикалъ, добился выбора въ парламентъ и современемъ, чтобы упрочить свое политическое положеніе, пустился въ рискованныя финансовые предпріятія. Уже корона пэра носилась въ его честолюбивыхъ грехахъ, но онъ не достигъ своей цѣли. Онъ спекулировалъ на американскихъ, итальянскихъ и испанскихъ железнодорожныхъ акціяхъ и понесъ жестокіе убытки. Тогда онъ сталъ выпускать на сотни тысячъ фунтовъ фальшивые векселя, намѣреваясь поправить свои дѣла. Его хитрыя, безчестныя плутни открылись. Разореніе уже стояло у его порога. Ночью онъ вошелъ къ себѣ, взялъ пузырекъ съ синильной кислотой, вышелъ на улицу, выпилъ ядъ и умеръ.

семь относительно банкротствъ, и многие изъ моихъ корреспондентовъ выразили свое удивление, какъ я, человѣкъ религіозный, придаю такое значение бѣдствіямъ, возникшимъ изъ-за денегъ. Настоящее бѣдствіе, однако, приносить столько страданій нашимъ братьямъ по человѣчеству, что я не могу сочувствовать той религіи, которая принимаетъ такъ мало участія въ бѣдствіяхъ своихъ, собратьевъ. Я стыжусь, что подобные грабежи совершаются въ средѣ людей, пользующихся довѣріемъ, но надѣюсь, что мое дорогое отечество съ честью выйдетъ изъ этого проклятаго кризиса и вскорѣ вступить на путь дѣятельности здоровой и болѣе нравственной, чѣмъ какая силошь и рядомъ встрѣчается теперь. Меня спрашивали, въ дѣятельности-ли случалось то, что писали многія газеты о пяти сестрахъ-старухахъ? Да, къ сожалѣнію это самый достовѣрный фактъ, и я никогда не забуду той минуты, когда ихъ увидѣлъ, спустя 9 дней послѣ банковаго краха: несчастныя не ѳли, не лили и не спали: пораженные и убитыя, они жили только слабой, смутной надеждой, что Господь освободить ихъ всѣхъ разомъ отъ бѣдственной ихъ жизни».

Какое страшное зрѣлище открылось на улицахъ Торльса и Тишерари, когда распространилась вѣсть о его смерти! Старики съ жалкимъ плачемъ жаловались на потерю всего состоянія, и вдовы въ отчаяніи становились на камни мостовой, взывая: «Неужели мы стали нищими навѣки!» Но страшная правда была на-лицо. Богатый лордъ и банкиръ растратилъ всѣ свои банковые вклады до послѣдней копѣйки, ухватился за плутовскія продѣлки, чтобы вернуть потерю, и все глубже и глубже запутывался въ сѣтяхъ своихъ спекуляцій, приведшихъ къ полному разоренію тѣхъ, кто ему довѣрился. Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ на имя брата, онъ говоритъ: «Ужасно видѣть и чувствовать до какого я дошелъ позора, спускаясь постепенно въ пропасть, ведомый преступленіями, смѣнявшими одно другое. Я—причина разоренія, отчаянія и ужаса тысячи людей. Какъ ужасно, какъ гнетуще это сознаніе! Я готовъ подвергнуться какому угодно наказанію, но видѣть ихъ страданья я не въ силахъ. Я не могу слышать ихъ стоновъ и проклятій. Смерть—это лучшій для меня исходъ. Если-бъ я совсѣмъ не покидалъ Ирландіи! А еще лучше было бы, если-бъ у меня хватило во-время духа противостоять первому искушенію пуститься въ спекуляціи! Я вѣроятно остался бы тѣмъ, чѣмъ былъ,—честнымъ и правдивымъ. Теперь я горькими слезами оплакиваю свое паденіе, я полонъ жгучаго раскаянія—но къ чему оно приведетъ?» *)

*) Недостойное пристрастіе къ наслажденіямъ и удобствамъ жизни, пишетъ епископъ Петерборосский, унизительное поклоненіе богатству и деморализующія и безчестныя продѣлки, которые ведеть за собой жажда наживы, не имѣющая себѣ предѣловъ роскоши, чаще всего возникающая какъ слѣдствіе обладанія богатствами, проинтильный гордостью и избыдіемъ земныхъ благъ порокъ отказывается даже носить маску лицемѣрной правдивости и становится лахаломъ. Гнусный цинизмъ своимъ безпощаднымъ издѣвательствомъ убиваетъ всѣ благороднѣйшія стремленія—лучшую сторону народной жизни. Результатомъ всего этого является отчаянная борьба

Подобно отдельным лицамъ, пѣлымъ государства и народы могутъ быть безчестными. Такъ, напримѣръ, Испанія, Греція и Турція пользуются очень дурной репутацией въ коммерческомъ мірѣ. Испанію погубили ея несчетныя богатства. Золото, получаемое ею изъ южныхъ американскихъ ея колоній, развратило народъ и развило въ немъ лѣнъ и беспечность. Въ настоящее время испанецъ стыдится, если обстоятельства вынуждаютъ его работать, но просить милостыню—ему нimalo не совѣтно. Греція уже давнымъ-давно не платить своихъ долговъ: подобно Турціи, ей нечѣмъ платить ихъ. Всѣ ремесла и промыслы этихъ государствъ находятся въ рукахъ иностранцевъ.

Болѣе благородства можно было бы ожидать отъ Филадельфіи и остальныхъ южно-американскихъ штатовъ, которые въ 1837 — 38 году отказались отъ уплаты своихъ долговъ, хотя они вовсе не нуждались и обогатились еще болѣе внѣшними и внутренними займами, что дало имъ возможность настроить дорогъ и провести каналы. Сидней Смитъ, известный талантливый англійскій публицистъ (каноникъ церкви св. Павла въ Лондонѣ), отпустившій имъ въ числѣ другихъ «свои сбереженія отъ пожизненного дохода, отложенные имъ съ помощью труда и лишений»,

интересовъ, изо дня въ день растущая сословная вражда, рожденная эгоистической завистью нищеты, возстающей въ силу естественной реакціи противъ тщеславнаго эгоизма, богатства, страстия ненависть, съ какой несчастный нищий начинаетъ мало-по-малу относиться ко всему общественному строю. Отсюда взбалмошеные революционные порывы, надежда на то, что переворотъ уравняетъ всѣхъ безъ труда и усилій съ ихъ стороны. Вотъ симена, которыя, посѣянныя на родной намъ почвѣ нашими собственными руками — выражутъ въ одинъ несчастный день въ непреодолимую силу, которой должно болѣться больше, чѣмъ самыхъ многолюдныхъ нашествій какого-либо вѣнчанаго врага. Вотъ какимъ образомъ въ распаленной атмосферѣ нашей новѣйшей цивилизациіи вянуть и гибнуть драгоценѣйшия основы нашего национального величія. И если мы не позаботимся о необходимой перестройкѣ — то можетъ быть наступить время, когда горько пожалѣемъ о томъ.

въ пылкомъ увѣщевательномъ письмѣ, посланномъ въ вѣшнгтонское собраніе представителей власти и впослѣдствіи напечатанномъ, предалъ гласности этотъ поступокъ: «Американцы, которые хващають тѣмъ, что улучшили у себя всѣ учрежденія Стараго Свѣта, стали съ нимъ на одну доску, по крайней мѣрѣ, на пути преступленія. Растоптавъ въ пыли всякий земной деспотизмъ, американскій великий народъ не побоялся поднять на свои плечи чудовищное надувательство, какимъ когда либо запятилъ себя самый ничтожный изъ властителей самой безчестной европейской державы».

Штатъ Иллинойсъ, хотя и былъ бѣденъ, одинъ поступилъ тогда съ истиннымъ величиемъ. Какъ и Филадельфія, онъ сдѣлалъ заемъ, чтобы привести въ исполненіе иѣкоторые планы внутреннихъ усовершенствованій. Когда жители богатой Филадельфіи рѣшили не платить своихъ долговъ, многіе болѣе бѣдные штаты послѣдовали сейчасъ же ихъ примѣру. Такъ какъ каждый домовладѣлецъ имѣлъ право подавать голосъ въ этомъ дѣлѣ—провести эту мѣру было очень легко. Въ главномъ городѣ штата Иллинойса, Спрингфильдѣ, собрался совѣтъ, где предложенъ былъ на голосование проектъ отказа отъ уплаты. Большинство было за отреченіе и уже проектъ былъ на пути къ утвержденію, когда одинъ честный человѣкъ помышдалъ этому. Степанъ Дугласъ, позднѣе судья высшаго государственного совѣта въ Иллинойсѣ и сенаторъ, имя котораго заслуживаетъ глубочайшаго уваженія, лежалъ тогда больной въ своемъ отелѣ, во, несмотря на это, пожелалъ присутствовать на совѣтѣ. Его принесли на носилкахъ, такъ какъ онъ былъ слабъ и не могъ ходить. Лежа, онъ написалъ съ трудомъ слѣдующее заключеніе, которое убѣдилъ своихъ сочленовъ принять вмѣсто указа объ отреченіи въ уплатѣ:

«Рѣшено, что штатъ Иллинойсъ поступить честно, хотя бы ему и не удалось уплатить ни одного цента».

Такое рѣшеніе пробудило чувства чести во всѣхъ чле-

нахъ совета и было принято съ посторгомъ, нанеся смертельный ударъ проекту объ отреченіи. Едва сдѣлалось известно, что долги Иллинойса будуть выплачены, облигациіи каналопроводнаго общества быстро поднялись въ цѣнѣ. Свершился значительный притокъ капиталовъ и людей, и въ настоящее время штатъ Иллинойсъ славится своимъ благосостояніемъ. Желѣзныя дороги растянулись въ немъ на много большія разстоянія, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ штатѣ. Его обширныя преріи представляютъ одну сплошную, хорошо обработанную ниву и населены многочисленными мирными, пользующимися сравнительно цѣнущими благосостояніемъ, жителями. Всѣмъ этимъ онъ обязанъ своей честности.

Мы стали слишкомъ эгоистичны—воть въ чёмъ проклятье. Чѣмъ больше мы заботимся о собственныхъ наслажденіяхъ и удовольствіяхъ, тѣмъ менѣе печалитъ насть нужды нашихъ близкихъ. Человѣку эгоистичному недоступны понятія о чужихъ печалахъ, онъ словно носить непроницаемый панцирь, который защищаетъ его отъ стоновъ и жалобъ чужого бѣдствія. Его умъ отдается только пріятнымъ впечатлѣніямъ. «Есть люди,—говорить Іоаннъ Златоустъ,—которые живутъ лишь для наслажденій, проводя время въ упитываніи своего тѣлеснаго тѣла... При видѣ ихъ обремененныхъ яствами столовъ, ангелы Божіи отворачиваются свои лики, дьяволъ ликуетъ, люди добродѣтельные негодуютъ, слуги смѣются съ презрѣніемъ... Праведники предоставляютъ такие роскошные праздники лишь тиранамъ и людямъ, которые дышали преступленіемъ и были бичами міра».

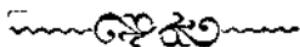
Мы не умѣемъ болѣе жить просто, удовлетворяясь малымъ, какъ это подобаетъ бѣднымъ и честнымъ людямъ. Всякій стремится къ роскошной обстановкѣ—удѣлу богатаго, ставя достиженіе ея главной цѣлью жизни, какъ будто она одна даетъ счастье. Ограничение себя во всемъ, что не составляетъ необходимости, является между тѣмъ лучшимъ

и вѣрнѣйшимъ путемъ къ христіанскому самоотречению и твердости силъ и благородству, какими отличался характеръ древнихъ. Больѣ всего не хватаетъ нашему вѣку такихъ людей, которые отличались бы способностью удовлетворять всѣмъ своимъ скромнымъ желаніямъ, беря съ покорностью то, что даетъ имъ судьба. «Великое сердце въ скромной обстановкѣ,—говорить Лакордеръ,—вотъ что всегда трогало меня глубже всякихъ земныхъ благъ. Счастливъ сѣющій сѣмена правды и добра. Всходы не обмануть его упований».

Тутъ приведемъ, кстати, примѣръ строгой честности и правдивости, проявившихся однажды въ поступкахъ и характерѣ простого нѣмецкаго крестьянина, который рассказалъ Бернарденомъ де-Сень-Пьеръ въ его «Этюдахъ о природѣ». Совершая походъ въ Гессенъ въ 1760 г., Бернарденъ служилъ въ качествѣ инженера подъ начальствомъ графа де-Сень-Жерменъ. Впервые довелось нашему писателю познакомиться со всѣми бѣдствіями войны; каждый день проходили они по разореннымъ селамъ и опустошеннымъ нивамъ. Мужчины, женщины и дѣти съ плачомъ покидали свои хижинки, скрываясь въ лѣсахъ отъ безпощаднаго врага, предававшаго огню и мечу плоды ихъ трудовъ и хвалясь этимъ. Но среди этихъ золъ и ужасовъ Сень-Пиеру довелось увидѣть высокія черты благородства и честности бѣднаго крестьянина, чье жилище стояло на пути движенія арміи.

Драгунскій капитанъ получилъ приказаніе отправиться со своими людьми въ поиски за провіантромъ. Дойдя до бѣдной хаты, они постучали въ дверь. Сѣдой старикъ показался на порогѣ. «Сведи настѣ куда-нибудь на поле, гдѣ я могу найти кормъ для солдатъ и лошадей»,—крикнулъ ему офицеръ.—Сейчасъ, сударь,—отвѣчалъ старикъ. И онъ провелъ его вверхъ по долинѣ. Приблизительно черезъ пол-часа ходьбы, они увидѣли прекрасное ячменное поле. «Вотъ и прекрасно: больше намъ ничего не нужно»,—ска-

заль офицеръ.—Подождите немножко,—отвѣчалъ старикъ,— мы найдемъ и получше.—Рота двинулась впередъ и дошла до второго поля. Всадники спѣшились, скосили ячмень и, сдѣлавъ снопы, навьючили ими своихъ лошадей. «Другъ,— сказалъ тутъ офицеръ,—зачѣмъ ты насть вель такъ далеко? Первое поле было нисколько не хуже».—Правда,—отвѣтилъ старикъ,—только вѣдь оно было не мое.

ГЛАВА IV.

НЕПОДКУПНЫЕ ЛЮДИ.

Если хочешь учить людей правды—буй самъ
высоко нравственнымъ человѣкомъ. Пусть твоя
жизнь, какъ зеркало, отражаетъ добродѣтель.

Съѣтъ прекрасенъ и жизнь радостна, пока мы
даемъ ей, что можемъ, и протягиваемъ руку по-
мощи; она становится злой и печальною, когда надо
просить у него или получать свое обратно.

Будьстръ Литтонъ.

Незапятнанная честь—лучшее сокровище въ
этомъ мірѣ.

Шекспиръ.

Мудрецъ преобразуетъ славу, но не честь. Рѣдко
честь идетъ обѣ руки со сдачой, еще рѣдко слава
съ честью.

Зусмъ.

Честь лучше денегъ.

Фр. пословица.

Все мы, къ сожалѣнію, сталкивались съ людьми, ко-
торыхъ можно купить, съ безчисленнымъ множествомъ
негодяевъ, готовыхъ продать душу и тѣло за деньги или
хорошую порцію водки. Кто изъ насъ не слышалъ о вы-
борахъ, которые становились недѣйствительными, благо-
даря подкупу и взяткѣ. Подобный образъ дѣйствій является
плохой гарантіей для наслажденія свободой и ея охране-
нія. Люди, продающіе себя,—рабы, а тѣ, которые ихъ по-
купаютъ,—безнравственны и бесчестны. Свобода также
не всегда независима отъ эксплуатациі. «Я стою на почвѣ
свободы»,—торжественно объявилъ одинъ ораторъ. — Неп-
равда,—отвѣтилъ ему находившійся среди слушателей

сапожникъ,—вы стоите въ сапогахъ, за которые вы мнѣ еще не заплатили.

Люди всегда почти склонны примыкать къ большинству, повинуясь призывающему лозунгу толпы. «Что такое большинство?—спрашиваетъ Шиллеръ.—Разсудительность всегда составляла удѣль меньшинства. Голоса, въ сущности, должно не считать, но взвѣшивать. Государство, въ которомъ численность береть перевѣсъ, а невѣжество решаетъ, рано или поздно придется къ разложению».

Когда въ шотландской церкви произошелъ расколъ, Норманъ Меклеодъ сказалъ, что большинствомъ испытаніемъ для плоти является стремленіе оставаться вѣрнымъ непопулярной партии и продолжать поступать, какъ подсказываетъ совѣсть. Насмѣшки и взрывъ негодованія были ему отвѣтомъ. «Сегодня,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ,—я видѣлъ въ Голирудской часовнѣ могилу съ надписью: «Здѣсь покончился честный человѣкъ». Хотѣлъ-бы я одного въ жизни: заслужить себѣ подобную же эпитафию».

Люди легкомысленные, беспечные и неразвитые большою частью подпадаютъ подъ влияніе людей безнравственныхъ, а изъ такихъ состоитъ большинство. Одинъ французскій шарлатанъ привлеченъ былъ въ Парижъ къ отвѣтственности за то, что загораживалъ проходъ по Новому мосту, собирая вокругъ себя громадную толпу. Судья спросилъ его: «Скажи, молодецъ, какъ это тебѣ удается собирать столько народа и вытягивать у него деньги продажей всякихъ лѣкарствъ?»—Сударь,—отвѣтилъ шарлатанъ,—какъ вы думаете, сколько людей проходитъ въ часъ по Новому мосту?—«Право не знаю»,—отвѣчалъ судья.—Такъ я вамъ отвѣчу: около десяти тысячъ, а сколькихъ изъ нихъ можно назвать умными?—«Ну, сто, пожалуй!»—Это чересчуръ много,—разсмѣялся шарлатанъ,—ну, положимъ, я вамъ оставлю этихъ сто, а девять тысячъ девятьсотъ пусть остаются мнѣ въ качествѣ покупателей.

Люди идутъ на подкупъ во всѣхъ слояхъ общества и всѣми приемами, разъ они лишены чувства чести и сознанія собственного достоинства: если-бы было иначе,—то они конечно возмутились бы подобными посягательствами, въ какой бы формѣ они ни проявлялись. Нерѣдко случается, что подкупить себя позволяютъ интендантскіе чиновники, принимая безъ браковки годный и негодный къ употребленію товаръ отъ и одрядчиковъ: вотъ почему солдатская обувь разваливается въ самомъ началѣ похода, солдатское сукно быстро превращается въ лохмотья, провантъ выдается войску испорченный и несвойскій. Такъ капитанъ Нерсь увидѣлъ себя вынужденнымъ подать самый печальный отчетъ обо всемъ, что касалось продовольствія его солдатъ во время полярной экспедиціи; подобные жалобы раздавались во французской арміи во время франко-пруссской войны и въ русской во время послѣдней восточной. Все это плоды подкупа. Поваръ беретъ взятку съ торговца съѣстными припасами, буфетчикъ съ виноторговца, и т. д. до высшихъ степеней, отчего многіе, получая небольшое жалованье, страшно наживаются.

«Всѣ дѣловыя отношенія отправляются всевозможными незаконными комиссіонерствами»,—говорить по этому поводу одна изъ статей въ *Times*. Но если когда-нибудь это зло изъ людской и рынка проникнетъ въ болѣе высокія области общественной жизни и государственную службу—этимъ самымъ будетъ подорвано всякое довѣріе къ общественнымъ дѣятелямъ. Вопросомъ величайшей важности является предохраненіе государственной службы отъ подобныхъ пороковъ: ни малѣйшее подозрѣніе не должно падать на чиновника, занимающаго видное мѣсто и облеченнаго полнымъ довѣріемъ. Печально будетъ, если въ обществѣ когда-нибудь распространится слухъ, что правительственные чиновники способны сдаться на взятку или принимать «на чай».

Одинъ изобрѣтатель предложилъ новую систему кон-

троля числа пассажировъ, входящихъ въ омнибусъ, но получить въ отвѣтъ слѣдующее заявленіе: «Этотъ способъ контроля для нась безполезенъ: намъ подходило бы изобрѣтеніе, способное создавать честныхъ людей; боюсь, что мы не найдемъ ничего въ этомъ родѣ». Намъ нужны честные люди! Вотъ крикъ, который раздается со всѣхъ сторонъ. Полиція часто накрываетъ на воровствѣ и мошенничествѣ людей, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ, которое и обмануто ими самыми низкимъ образомъ. Болѣе всего недостаетъ намъ людей, которые своей жизнью и дѣлами убѣдили-бы міръ, что имъ можно довѣряться безгранично и безусловно.

То-же самое происходитъ и въ другихъ странахъ. Россія, Испанія и Египетъ хуже всего обставлены въ этомъ отношеніи. Въ Россіи продажность чиновниковъ, даже лицъ высокопоставленныхъ, превосходитъ всякия вѣроятія. Золото—вотъ чѣмъ люди только и могутъ проложить себѣ тамъ дорогу, желая чего-нибудь добиться. Подкупъ производится тамъ всевозможными пріемами, и безчисленные рассказы, не лишенные трагического юмора, ходятъ по этому поводу въ публикѣ. Единственнымъ извиненіемъ этого сильно распространенного зла является скудость получаемаго поденными служащими жалованья. Постройка московско-петербургской дороги въ пятидесятыхъ годахъ стоила баснословныя суммы. Невѣроятные оклады получали инженеры и рабочіе, но не менѣе сказочные суммы растаяли въ карманахъ директоровъ и т. п. начальства. Князь Меншиковъ сопровождалъ однажды императора Николая въ его поѣздкѣ по Петербургу, который показывалъ столицу вновь назначенному персидскому послу. Персы, проникнутый истинно-восточной апатіей, равнодушно смотрѣлъ на золотоглавые храмы, на мраморные дворцы, великолѣпные театры, ослѣпительныя витрины магазиновъ. Императора взяла досада. Онъ щепнулъ Меншикову съ нетерпѣніемъ: «Неужели мы не нападемъ ни на что такое,

что поразило бы этого человѣка?» «Есть нѣчто такое, — отвѣтилъ князь:—покажите ему, ваше величество, счетъ по постройкѣ Николаевской дороги!»

Въ Египтѣ огромный подкупъ взимается за пропускъ въ портъ, то-же самое производится и въ Испаніи, гдѣ ни одинъ корабль не вступаетъ въ гавань, прежде чѣмъ не нагрузить обильными взятками карманы таможенныхъ чиновниковъ. Извиненiemъ опять является недостаточность окладовъ: безъ этихъ побочныхъ поборовъ испанскому чиновнику нечѣмъ жить.

Попадаются люди, идущіе на подкупъ, и въ республикахъ. Золото выручаетъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ и решаетъ множество задачъ. Въ Америкѣ — образцѣ міровыхъ республикъ—подкупъ примѣняется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Обыкновенный окладъ средней руки чиновника оказывается далеко недостаточнымъ для того образа жизни, который ведеть тамъ бюрократія; но и всѣ чиновники высшіе и низшіе берутъ взятки въ видѣ экипажей, лошадей или просто денегъ. Пронизательныи-ши и наиболѣе честные изъ американскихъ государственныхъ дѣятелей не могутъ не сознаться съ глубокой печалью, насколько продажность, подкупъ и всякия грязныя едѣлки подрываютъ авторитетъ правительства и поддерживаютъ дурную славу обѣ общественной нравственности въ глазахъ всего міра.

Подобныя вещи происходятъ во всѣхъ странахъ міра, независимо отъ монархического, аристократического, республиканского и какого бы то ни было вообще образа правленія. Дѣло не въ образѣ правленія, а въ тѣхъ людяхъ, въ рукахъ которыхъ оно находится. Политическое могущество, находящееся во власти себялюбивыхъ людей, готовыхъ воспользоваться имъ для достижения эгоистичныхъ цѣлей, является настоящимъ бичомъ, тогда какъ при разумномъ и справедливомъ образѣ дѣйствій оно представляетъ истинное благословеніе и благодѣяніе для общества.

Горе странѣ, въ которой правящія сферы заражены себѧ-любивыми стремлениями и страстью къ наживѣ. Зло распространяется сверху внизъ, проникая даже въ самые бѣднѣйшіе классы, такъ что вся жизнь сосредоточивается на погонѣ за деньгами и наслажденіями жизни. Въ подобныхъ случаяхъ уже и рѣчи быть не можетъ о какихъ-либо нравственныхъ основахъ: честность считается старо-свѣтской фантазіей, вѣра и вѣрность гибнутъ, и общество превращается въ настоящій базаръ суеты и наживы.

Безъ сомнѣнія, міръ еще не вовсе лишенъ людей, которые не продадутъ своей чести за всѣ сокровища вселен-ной, и во всѣ времена находились такие, которые, несмотря на крайнюю бѣдность, отказывались продавать себя, неуклонно служа своему долгу. Между сѣверо-американскими индѣйцами стремленіе къ обогащенію считается недостойнымъ порядочнаго человѣка, и вождемъ бываетъ часто самый бѣдный представитель племени. Лучшіе благодѣтели человѣчества почти-что всегда были бѣдняками, какъ среди евреевъ, такъ и среди грековъ и римлянъ. Елисей работалъ на полѣ съ плугомъ, когда былъ призванъ пророчествовать, и Цинциннатъ также точно обрабатывалъ свою ниву, когда его призвали къ диктаторству. Сократъ и Эпаминондъ принадлежали къ бѣднѣйшимъ изъ гражданъ Греции, такъ-же бѣденъ былъ Сынъ плотника изъ Назарета и Его апостолы — галилейские рыбаки, свыше вдохновенные распространители христіанскихъ истинъ.

Аристидъ за свою глубокую честность получилъ прозваніе «справедливаго». Его безкорыстіе осталось навѣки незапятнаннымъ, его справедливость — непогрѣшимой. Онъ сражался при Мараѳонѣ и Саламисѣ и предводительствовалъ войсками при Платеѣ. Но, занимая самыя высокія должности въ государствѣ, онъ умеръ бѣднякомъ. Ничто не могло подкупить его и заставить свернуть съ пути долга, и пла молва, что, видя передъ собою этотъ блестящій примѣръ, аѳиняне сами стали добродѣтельны. Во

время представлениј одной изъ трагедиј Эсхила, где шла рѣчь о добродушніи и безкорыстіи, которыя громко восхвалялись, взоры всѣхъ зрителей, оторвавшись отъ сцены, устремились на Аристида.

Фокіонъ, аеніскій военачальникъ, человѣкъ высокаго ума и необычайной храбрости, былъ прозванъ «честнымъ». Когда Александръ Македонскій вторгся въ Грецію, онъ попробовалъ склонить на свою сторону Фокіона истинно-царскими дарами: онъ предлагалъ ему не только денегъ, но цѣлыхъ четыре города въ Малой Азіи. Отвѣтъ Фокіона достаточно показываетъ всю нравственную чистоту этого человѣка: «Если Александръ дѣйствительно цѣнитъ меня— пусть онъ мнѣ оставитъ мое честное имя».

Нѣчто иное, справедливо или несправедливо, рассказываютъ о краснорѣчивомъ греческимъ ораторѣ Демосоенѣ. Когда Гарпаль, одинъ изъ полководцевъ Александра Великаго пришелъ въ Аеины, онъ пытался подкупить своимъ золотомъ греческихъ политическихъ ораторовъ, и прежде всѣхъ знаменитаго Демосоена, и это, будто-бы, удалось ему. Рассказываютъ, что Демосоенъ, приидя къ Гарпалу, съ жадностью принялъ разматривать прекрасной работы золотой кубокъ; хозяинъ передалъ кубокъ гостю, чтобы ораторъ могъ убѣдиться въ его тяжести. «Сколько можетъ стоить такой кубокъ?» спросилъ Демосоенъ. — Онъ вамъ принесеть до 20-ти талантовъ, — отвѣтилъ Гарпаль и въ тотъ же вечеръ, насыпавъ въ кубокъ деньги, отправилъ его къ Демосоену. Но этотъ поступокъ покрылъ послѣдняго позоромъ и вскорѣ Демосоенъ отравился.

Цицеронъ, напротивъ, никогда не принималъ подарковъ ни отъ друзей, ни, тѣмъ менѣе, отъ враговъ своего отечества, и никто не могъ поставить ему въ упрекъ жадность или корыстолюбіе. Послѣ того, какъ онъ былъ умерщвленъ по приказанію своего врага, Антонія, императоръ Августъ засталъ однажды своего внука за сочиненіями Цицерона. Ребенокъ хотѣлъ спрятать книгу, но им-

ператоръ взялъ ее въ руки, долго задумчиво перелистывалъ и возвратилъ ее мальчику съ ласковыми словами: «Милый сынъ, ты спокойно можешь читать эту книгу: писавшій ее былъ краснорѣчивый ораторъ и глубоко преданный своему отечеству человѣкъ».

Когда греческаго мудреца Біаса спросили въ ту минуту, какъ онъ вмѣстѣ съ другими вынужденъ былъ покинуть родной городъ, отчего онъ не взялъ съ собою ни хотя бы маленькой части своего имущества, какъ это дѣлали другіе, — онъ отвѣтилъ «Все свое я несу съ собою!»

Когда императоръ Діоклетіанъ отрекся отъ престола и соправитель его, Максиміанъ: убѣждалъ его вернуться, Діоклетіанъ отвѣтилъ: «Если-бы ты видѣлъ чудную капусту, которую я собственными руками посадилъ въ Салоникахъ, чудныя дыни, которая я самъ выростіль, и тѣнистыя рощицы, которая я развелъ вокругъ своей виллы, — павѣрное ты не сталъ бы больше настаивать, чтобы я промѣнялъ это мирное счастье на жажду власти и трона».

Ему доставляло полнѣйшее удовлетвореніе то, что онъ пользовался плодами собственныхъ трудовъ и стараній. Онъ былъ вдохновляемъ духомъ трудолюбія, внушающимъ стойкость и энергию труженику, храбрость воину и твердость государственному человѣку. Трудъ устраниетъ искушенія безчестныхъ поступковъ, открываетъ болѣе широкія перспективы развитію всѣхъ человѣческихъ способностей и придаетъ новыя силы для исполненія обязанностей. Вотъ почему римляне такъ желали возвращенія Деоклетіана на государственное поприще. Довольство лучше роскоши и могущества: оно является неисчерпаемымъ источникомъ богатства и счастья. Марія, старшая сестра Елизаветы Англійской, высказывала не разъ сожалѣніе о томъ, что родилась принцессой, а не простой дѣвушкой, а для многихъ и многихъ это дѣйствительно было бы лучше. Она избѣгла бы мученій неудовлетворенной любви, злоупотребленія королевской властью и всѣхъ кровопролитій, кото-

рыя превратили ея царствование въ самый мрачный періодъ англійской исторіи и пріобрѣли ей прозвище «Маріи Кровавой».

Благородные и честные люди трудятся не ради денегъ, но во имя человѣколюбія, чувства чести и благородства. Когда Сократъ предпочелъ лучше умереть, чѣмъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ, когда Лась-Казасъ прилагалъ всю свою энергию, чтобы смягчить жестокую судьбу несчастныхъ индійцевъ — оба не помышляли ни о деньгахъ, ни даже о своемъ отечествѣ: они трудились во имя общественной пользы и отдавали что могли для возвышенія мыслящаго и утѣшения страждущаго человѣчества.

Принимая отъ папы Павла III заказъ по сооруженію собора св. Петра въ Римѣ, Микель Анджело поставилъ условіемъ, что онъ будетъ работать совершенно безвозмездно, единственno лишь во славу Божію. Менѣе возвышенной, но болѣе экспцентричной является идея бельгійскаго художника Виртца († 1865 г. въ Брюсселѣ), который никогда не хотѣлъ продавать ни одного изъ своихъ твореній. «Оставьте у себя свои деньги, — говорилъ онъ покупателямъ,— золото приносить гибель таланту».

На поприщѣ политической жизни выдающееся мѣсто занимаютъ обыкновенно деньги и почести при назначеніи человѣка на известную должность, а вовсе не его заслуги, что доказываетъ упадокъ общественной нравственности, разъ политическая причина замѣняется совершенно посторонними низменными соображеніями или личнымъ влияніемъ какой-либо высокой особы вмѣсто вниманія къ истиннымъ заслугамъ на пользу отечества — подобное положеніе дѣлъ унизительно для администраціи.

Андреа Морвель былъ патріотомъ древне-римскаго образца. Онъ родился въ Гуллѣ въ началѣ царствованія Карла I и жилъ въ самое неспокойное время. Юношей онъ четыре года учился въ камбриджской Trinity College и затѣмъ путешествовалъ по Европѣ. Въ Италии онъ встрѣ-

тился съ поэтомъ Мильтономъ и остался на всю жизнь его другомъ. По его возвращеніи въ Англію тамъ разгоралась международная война, но онъ, кажется, не принималъ въ ней дѣятельнаго участія, хотя всегда считался самымъ ревностнымъ поборникомъ свободы. Въ 1660 г. онъ выбранъ былъ въ члены парламента въ качествѣ представителя своего родного города и, засѣдая въ немъ, чуть ли не съ каждой почтой извѣщалъ городского голову и своихъ избирателей о ходѣ дѣлъ.

Морвель не сочувствовалъ анти-монархистскимъ идеямъ Мильтона. Его біографъ характеризуетъ его, какъ друга свободы Англіи и великой хартии. Онъ не возставалъ противъ въ достаточной мѣрѣ ограниченной монархіи и на этомъ основаніи стоялъ за реставрацію Стюартовъ. Народъ тоже не имѣлъ ничего противъ этого, надѣясь, что съ возвращеніемъ Карла II возродится миръ и справедливость, но даже друзья монарха жестоко обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Морвель, въ знакъ того, что его не считаютъ врагомъ двора, получилъ назначеніе въ Россію при посольствѣ лорда Карлейля. Много бѣствій разразилось во время его отсутствія надъ Англіей. Новый король постоянно нуждался въ деньгахъ и, стремясь добыть ихъ, вѣчно прибѣгалъ къ самымъ разнообразнымъ уловкамъ: продавалъ должности, учреждалъ монополіи и дѣйствовалъ исключительно изъ личныхъ выгодъ, не обращая вниманія на нужды страны. Въ одномъ изъ писемъ къ своимъ избирателямъ Морвель, возмущенный этими, говоритъ: «Дворъ все болѣе погружается въ глубину нужды и роскоши, а въ народѣ царствуетъ всеобщее недовольство». Во время разбирательства въ лондонскомъ судѣ присяжныхъ дѣла двухъ квакеровъ, Пеника и Мида, судья подавалъ совѣтъ ввести въ Англіи испанскую инквизицію, потому будто-бы, что иначе «нечего ждать хорошаго для страны!»

При посредствѣ своихъ придворныхъ и ложныхъ патріотовъ, подкупленныхъ королевскимъ золотомъ, Карль II

продолжалъ, исколко не задумываясь, свой прежній образъ дѣйствій. Но нельзя было подкупить Морвеля, хотя дворъ и попытался сдѣлать это. Онъ продолжалъ печатать свои сатиры на придворную жизнь и ея паразитовъ. Они читались всѣми отъ короля до послѣдняго лавочника. И король рѣшилъ пустить въ ходъ все возможное, чтобы привлечь на свою сторону такого опаснаго противника или, по крайней мѣрѣ, лишить его возможности вредить двору. И вотъ Морвеля принялись склонять къ миру то лаской, то угрозой, создавали ему всевозможныя препятствія, окружали его шпіонами, подсыпали къ нему наемныхъ убийцъ, и многія очаровательныя придворныя дамы старались разставить ему свои сѣти. Ничто не помогало. Ни одной Далилѣ не удалось проникнуть въ тайну его твердости, онъ вышелъ невредимымъ изо всѣхъ опасностей, и никакія угрозы и ласки не могли поколебать его честной гордости и твердыхъ нравственныхъ принциповъ.

Шла молва, что лордъ казначейства, Денби, въ расчетѣ подкупить Морвеля, поѣхалъ своего старого школьнаго товарища въ его бѣдной мансардѣ. Прощаясь съ нимъ, Денби незамѣтно сунулъ ему въ руку чекъ на 1000 фунтовъ и быстро спустился по лѣстницѣ къ своей каретѣ. Морвель, посмотрѣвъ на бумажку, поспѣшилъ вслѣдъ за знатнымъ посѣтителемъ и сказалъ: «Милордъ, подождите минутку». Денби охотно опять поднялся на его чердакъ, куда Морвель призвалъ прислуживавшаго ему мальчика Джека: «Джекъ, скажи, что ты вчера мнѣ подавалъ къ обѣду?» — «Развѣ вы не помните, сэръ? у васъ была передняя баранья лопатка, которую, по вашему приказанию, я купилъ на рынке у торговки». — «Хорошо, хорошо; ну а сегодня что я буду обѣдать?» «Но, сэръ, развѣ вы не знаете? вѣдь вы же вѣдьли мнѣ вчера отреzzать кусокъ лопатки, чтобы его поджарить на сегодня!» — «Да, да, правда, ну ступай съ Богомъ». «Милордъ, — сказалъ тогда Морвель, обращаясь къ казначею, — вы слы-

шали? О моемъ обѣдѣ уже позабылись сегодня, возьмите же назадъ свою бумажку. Я понимаю, на что вы хотѣли намекнуть своимъ дружескимъ вниманіемъ, но я здѣсь служу для пользы моихъ избирателей. Пусть министерство ищетъ себѣ другихъ, нужныхъ для его цѣлей: я къ такимъ не принадлежу».

И своему благородному направлению Морвель остался вѣренъ до конца жизни. Онъ умеръ не запятнаннымъ по отношенію къ нравственной чистотѣ своего характера: онъ вѣрно служилъ своимъ избирателямъ и былъ преданъ ихъ интересамъ. Не особенно стѣсняясь въ средствахъ, онъ жилъ тѣмъ не менѣе умѣренно и просто. Въ юлѣ 1678 г. онъ въ послѣдній разъ поѣхалъ свое отечество. Вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Лондонъ, онъ скончался внезапно и неожиданно для всѣхъ. Многіе держались того мнѣнія, что онъ былъ отравленъ, но это не доказано. Одно вѣрно и несомнѣнно: онъ жилъ и умеръ честнымъ человѣкомъ и борцомъ за правду! На его памятнике вырезаны прекрасныя слова: «Онъ былъ любимъ хорошими людьми, дурные его боялись, немногіе подражали ему и едва-ли найдется второй, ему подобный».

Подобной же честностью отличался Бенъ-Джонсонъ. Когда Карль I прислалъ заболѣвшему поэту ничтожное и запоздавшее денежное вознагражденіе,—Джонсонъ, прямой и откровенный, отосдалъ его назадъ со словами: «Вѣроятно, король посыаетъ мнѣ это потому, что я живу въ переулкѣ: скажите, что душа его живеть въ переулкѣ еще худшемъ».

Извѣстный писатель Гольдемитъ также принадлежалъ къ числу неподкупныхъ, хотя и познакомился на свое мѣсто съ самой крайней бѣдностью. Онъ пѣшкомъ пропутешествовалъ по всей Европѣ, зарабатывая себѣ кусокъ черстваго хлѣба игрой на флейтѣ, ночуя подъ открытымъ небомъ или гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ. Онъ пытался быть актеромъ, учителемъ и врачомъ и, практикуя по очереди

эти профессии, чуть не умер съ голода. Тогда онъ обратился къ писательству. Но и тутъ ему не удалось вполнѣ вырваться изъ когтей бѣдности и онъ говоритъ о себѣ, что жилъ «на чердакѣ, занимаясь писательствомъ изъ-за куска хлѣба, при чёмъ каждую минуту его могли потребовать кредиторы, требуя уплаты за нѣсколько бутылокъ молока». Однажды докторъ Джонсонъ получилъ отъ Гольдсмита извѣстіе, что онъ находится въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Докторъ поспѣшилъ къ нему и узналъ, что квартирная хозяйка засадила писателя подъ арестъ за неуплату за квартиру. Единственное, что ей осталось послѣ жильца, была пачка рукописныхъ листовъ. Джонсонъ принялъся просмотривать ее и увидѣлъ, что это была рукопись «Век菲尔дскаго священника». Удовостившись въ большихъ достоинствахъ романа, Джонсонъ употребилъ всѣ старанія, чтобы найти для него издателя, которому онъ и продалъ рукопись за шестьдесятъ фунтовъ *).

Несмотря однако на свою постоянную бѣдность, приведшую къ тому, что онъ даже умеръ обремененный долгами, Гольдсмитъ остался неподкупенъ. Онъ рѣшительно отказался служить сомнительному политическому дѣлу, хотя получалъ чрезвычайно выгодныя предложения: около 50,000 фунтовъ отпускалось тогда ежегодно Робертомъ Вальполемъ на тайный подкупъ прессы; множество литераторовъ обязывались за деньги хвалить поступки правительства и хулить его противниковъ. Въ то время, когда

*) Гёте разсказываетъ, сколько наслажденія доставила ему эта книга. Уже на краю могилы, слишкомъ восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, онъ повѣдалъ одному изъ своихъ друзей, какое вліяніе имѣло на него чтеніе «Век菲尔дскаго священника» въ критической періодъ его умственнаго развитія и какъ оно воспитало его; и еще недавно, прибавилъ Гёте, онъ снова съ величайшимъ наслажденіемъ перечиталъ эту прекрасную книгу и живо вспомнилъ, чѣмъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ онъ былъ обязанъ ея талантливому автору.

во главѣ министерства стоялъ лордъ Норсъ (1770—1782), авторъ «Политическихъ писемъ» (по псевдониму Юніусъ) неустанно писалъ противъ правительства. Тогда было решено подкупить Гольдсмита, чтобы заставить его возражать противъ немилосердныхъ сарказмовъ Юніуса, и для переговоровъ явился къ автору «Векфильдскаго священника» докторъ Скотъ, капелланъ лорда Сандвича.

«Я нашелъ его,—рассказываетъ докторъ Скотъ о своей встречѣ съ Гольдсмитомъ,—въ жалкой меблированной комнатѣ въ Тимплѣ и передалъ ему возложенное на меня порученіе; я ему объяснилъ, насколько велико вознагражденіе, назначенное ему за его труды, и что-же! Онъ былъ настолько глупъ, что отвѣтилъ мнѣ: «Я достаю столько, сколько мнѣ необходимо, чтобы прожить, и потому не нуждаюсь писать въ угоду какойбы то ни было политической партіи: мнѣ совершенно не нужно предлагаемое вами жалованье».

Такъ брезгливо отнесся бѣдный, но честный Гольдсмитъ къ предложенной ему громадной суммѣ и продолжалъ употреблять свой талантъ на сочиненіе прелестныхъ бездѣлокъ для юношества, въ родѣ «Башмаковъ сосѣдки», не считая нужнымъ становиться въ ряды подставныхъ поэтовъ недостойныхъ политическихъ дѣятелей.

Пультней, представитель оппозиціонной партіи въ Нижней палатѣ, приведя въ одной изъ своихъ рѣчей латинскую цитату, получилъ отъ Роберта Вальполя замѣчаніе, что она невѣрна. Оба держали пари на гинею, такъ какъ Пультней былъ увѣренъ, что правъ. Справились въ классикахъ, и Вальполь, проигравъ, бросилъ гинею на столъ. Пультней взялъ ее и призвалъ все собраніе въ свидѣтели того, что эта гинея была первой изъ общественныхъ суммъ, положенныхъ имъ въ свой карманъ. Такимъ образомъ выигранная и проигранная монета еще теперь хранится въ Британскомъ музѣ подъ названіемъ «гинеи Пультнея».

Питтъ, графъ Четгэмскій, получивъ должность войскового казначея, отказался принять хотя бы фартингъ сверхъ своего обычного вознагражденія, какое обыкновенно полагалось по закону занимавшимъ эту должность людямъ. Въ мирное время законъ допускалъ, чтобы казначеи заключали займы, достигавшіе иногда нѣсколькоихъ сотенъ тысячъ фунтовъ, и проценты издерживались на свои личные расходы. Четгэмъ отказался отъ этого преимущества, а также и отъ подношений и другихъ денежныхъ субсидій, со стороны иностранныхъ принцевъ, состоящихъ на англійской службѣ, между тѣмъ это были весьма значительные доходы. И во всѣхъ другихъ случаяхъ жизни онъ проявлялъ такую же честность и безкорыстіе.

Его второй сынъ, Вилліамъ Питтъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей, походилъ благородствомъ души на своего отца. Онъ также мало интересовался деньгами, какъ грязью, которую попиралъ ногами, онъ считалъ ихъ за ничто въ сравненіи съ общественными интересами и уваженіемъ народнымъ. Руки его всегда были чисты отъ какихъ-либо незаконныхъ доходовъ. Пока разгоралась борьба между нимъ и оппозиціей, представителемъ которой былъ Фоксъ, освободилась въ архивѣ должность, почетная и спокойная, нѣчто въ родѣ синекуры, приносившей около трехъ тысячъ ежегоднаго оклада. Всѣмъ было известно, что Питтъ, въ качествѣ младшаго сына, мало что имѣлъ, и распространялось мнѣніе, что Питтъ назначить на эту должность самого себя, въ чемъ никто не видѣлъ ничего дурнаго, считая это весьма обыкновенной по тѣмъ временамъ вещью. Но Питтъ отдалъ эту должность полковнику Баррэ, своему бѣдному слѣпому другу, и такимъ образомъ избавилъ государство отъ необходимости выплачивать ему пенсию, пожалованную ему прежнимъ министерствомъ.

Безкорыстіе Питта всегда стояло въ сомнѣнія: многие бралили его и насмѣхались надъ нимъ, но злѣйшие его

враги не могли обвинить его въ присвоеніи какихъ-либо косвенныхъ доходовъ, хотя черезъ его руки проходили миллионы и онъ имѣлъ полную возможность сдѣлать это. Въ то время какъ богатѣйшіе люди обращались къ нему съ просьбами о пожалованіи имъ какого-либо ордена или графскаго или княжескаго достоинства, самъ онъ равнодушно относился ко всѣмъ подобнымъ почестямъ. Онъ презиралъ деньги и все, что приобрѣтается при ихъ посредствѣ. Питъ вполнѣ отвѣчалъ тому идеальному образу, который такъ прекрасно нарисовалъ намъ Аристотель въ своей «Этике», — образу человѣка, считавшаго себя достойнымъ великихъ дѣлъ и на самомъ дѣлѣ достойнаго ихъ. Ничто такъ не облагораживало его личности, какъ его благородная бѣдность.

Знаменитый французскій адвокатъ Шамильяръ вель процессъ, который проигралъ, несмотря на все свое блестящее краснорѣчіе потому, что къ дѣлу не было приложено одного важнаго документа. Приговоръ суда былъ уже утвержденъ парламентомъ и время для апелляціи пропущено. Истецъ Шамильяра зашелъ къ нему и горько жаловался, что вмѣстѣ съ проиграннымъ процессомъ лишился всего своего состоянія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждалъ, что этого не случилось-бы, если-бы Шамильяръ сослался на важный документъ, положивъ его въ основу защиты. Шамильяръ отвѣчалъ, что и въ глаза не видѣлъ подобнаго документа, но клиентъ его увѣрялъ, что вручилъ эту бумагу заблаговременно вмѣстѣ съ другими. Въ концѣ-концовъ Шамильяръ, вновь пересмотрѣвъ всѣ свои бумаги, нашелъ требуемый документъ. Прочтя его, онъ ясно понялъ, что могъ-бы выиграть процессъ, если-бы бумага была представлена на судъ. Адвокатъ принялъся размышлять, какъ тутъ помочь бѣдѣ, и попросилъ истца придти къ нему на слѣдующій день. Тѣмъ временемъ онъ собралъ всѣ деньги, какія у него были, и вручилъ на утро своему клиенту сумму, которую тотъ потерялъ, благодаря процессу, хотя она равнялась большей части его собственнаго состоянія. Это не

удовлетворило его. Онъ отправился къ президенту суда и просилъ его не поручать ему больше никакихъ процессовъ, потому что послѣ этой большой ошибки онъ болѣе не вѣрилъ въ себя.

Сэръ Артуръ Веллеслей, позднѣе герцогъ Веллингтонъ, получилъ однажды (въ 1803 г.) послѣ побѣды, одержанной имъ въ Остъ-Индіи надъ маратами, предложеніе первого министра гайдерабадскаго двора получить крупную сумму подъ условіемъ извѣстить его о тѣхъ преимуществахъ, которыя достанутся на долю его господина послѣ сраженія при Ассайѣ, гдѣ онъ привелъ англичанамъ вспомогательный войска. Сэръ Артуръ спокойно посмотрѣлъ на индійца и промолвилъ: «И такъ вы способны сохранить тайну?»—Конечно.—«И я также»,—отвѣтилъ Веллингтонъ и отклонилъ всѣ дальнѣйшія настоянія ministra. Сэръ Артуръ высказалъ, что считалъ, какъ и всѣ англійские офицеры, позоромъ и оскорблениемъ всѣ предложенія такого рода.

Родственникъ его, маркизъ Веллеслей, подобно ему, съ негодованіемъ отвергъ подношеніе въ 100 тысячъ фунтовъ, предложенное ему директоромъ Остъ-Индской компаніи, въ бытность его генераль-губернаторомъ Остъ-Индіи. Ничто не могло побудить его принять подарокъ и онъ высказалъ по этому поводу слѣдующее: «Я считаю лишнимъ говорить о независимости своего характера и достоинствъ занимаемой мною должности, несовмѣстимымъ съ подобными выгодами. Я забочусь только о нашей арміи и былъ-бы чрезвычайно огорченъ, если-бы, благодаря мнѣ, наши храбрые солдаты не сполна получили слѣдующее имъ».

Сэръ Джемсъ Утрамъ, одинъ изъ выдающихся героевъ англо-индійской войны, также отличался большимъ великодушіемъ и способностью къ извѣстному самопожертвованію. Въ бытность его младшимъ капитаномъ въ Индіи, ему было предложено принять начальство надъ войсками, выступавшими уже противъ могиканскихъ инсургентовъ; онъ отклонилъ эту честь въ пользу одного изъ своихъ друзей,

многимъ старше его по службѣ, и счель своимъ долгомъ указать, что его собственное назначение могло возбудить неудовольствие въ средѣ его товарищей въ ту минуту, когда согласіе и единодушіе были безусловно необходимы. Но офицеръ, на которого Утрамъ указывалъ, не хотѣлъ принять жертвы своего младшаго друга, да и главнокомандующій не могъ согласиться на это представленіе, и Утрамъ долженъ былъ склониться на всеобщія просьбы.

Во время дѣлежа между войсками синдскихъ призовыхъ денегъ, Утрамъ отклонилъ отъ себя назначавшуюся ему сумму въ 3000 фунтовъ. Онъ объявилъ, что не возьметъ изъ добычи ни одной рупіи, потому что она представляетъ результатъ политики, которой онъ никогда не сочувствовалъ. И всѣ предизваченные ему деньги онъ пожертвовалъ на дѣла благотворительности; большая ихъ часть досталась ость-индскимъ миссіонерскимъ школамъ Дуфа и подобнымъ-же школамъ-приютамъ въ Кусаули.

Джемсъ Утрамъ никогда не заботился о собственныхъ выгодахъ; онъ не пренебрегалъ деньгами только въ тѣхъ случаяхъ, когда могъ съ ихъ помощью оказать поддержку другимъ. Трудно было встрѣтить человѣка болѣе простого, лишенаго всякаго самомнѣнія. Чѣмъ больше изучашь его жизнь въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ, тѣмъ яснѣй видно, насколько выше себя цѣнилъ онъ и уважаль людей достойныхъ, насколько безкорыстно заботился объ общей пользѣ. Его состраданіе и милосердіе къ побѣжденнымъ имъ врагамъ не имѣли предѣловъ—качества, которыхъ можно было бы сильно пожелать другимъ ость-индскимъ дѣятелямъ, что спасло бы англичанъ отъ многихъ и многихъ больныхъ мѣстъ въ колоніальной политикѣ,—онъ-то и внушили Утраму такое отвращеніе ко всякой несправедливости.

Подобнымъ дѣятелямъ, мужественнымъ и честнымъ, обязаны мы тѣмъ, что Ость-Індія прочно укрѣпилась за англійской короной. Во время индійскаго восстанія выдвигается сразу цѣлый рядъ дѣятелей, до того почти совер-

шенно неизвестныхъ: назовемъ Гавелока, Нейля, Никольсона, Утрама, Клейда, Инглисса, Эдвардса, Лауренса. Одно имя Лауренса вызываетъ яркое представление объ англійской власти въ съверо-западныхъ колоніяхъ. Оба брата Лауренса были преданы долгу въ самомъ благородномъ значеніи этого слова. И старшій Джонъ, извѣстный подъ именемъ «Желѣзного Джона», и младшій Генри сумѣли внушить къ себѣ любовь и уваженіе со стороны всѣхъ окружавшихъ ихъ. Шла молва, что Джонъ, благодаря своей благородной душѣ, однѣй стоить цѣлой арміи. «Они создали школу жизни, живую и понынѣ», сказаль о нихъ сэръ Эдвардъ.

Во время индійского возстанія, сэръ Джонъ былъ старшимъ комиссаромъ въ Пенджабѣ, который былъ покоренъ англичанами однимъ изъ первыхъ. Онъ мудро и справедливо управлялъ новой провинціей и сумѣлъ внушить къ себѣ довѣріе со стороны туземцевъ: они считали его своимъ другомъ. Тутъ онъ и сдѣлалъ нѣчто, безпримѣрное въ исторіи: онъ отоспалъ всѣ туземныхъ пенджабскія войска въ Дели на помощь англійской арміи, оставивъ себя самого безъ всякой охраны. Опытъ показалъ, что онъ былъ правъ. Чикскія и пенджабскія войска не измѣнили, Дели былъ взятъ и революція въ Индіи подавлена, все это въ сильной степени, благодаря личности сэра Джона Лауренса. Слова, которыя братъ его, сэръ Генри, пожелалъ высказать на его надгробномъ камнѣ— вполнѣ выражаютъ при всей своей скромности самую суть жизни его и характера: «Здѣсь покоятся прахъ Джона Лауренса, который старался исполнять свой долгъ».

Не меньшимъ самопожертвованіемъ отмѣчены нѣкоторые представители науки. Послѣ того, какъ сэръ Гумфри Деви, цѣнной долгихъ тяжелыхъ опытовъ, изобрѣлъ предохранительную лампу для углекоповъ, работающихъ въ шахтахъ, въ атмосферѣ, насыщенной легко воспламеняющими газами,—онъ не взялъ даже патента, чтобы одному

воспользоваться выгодами своего изобрѣтенія, но пустилъ его въ продажу на общихъ основаніяхъ. Одинъ изъ его друзей поставилъ ему на видъ, что отказавшись отъ патента онъ тѣмъ самымъ лишилъ себя вѣрныхъ пяти или десяти тысячъ ежегоднаго дохода. «Я, другъ мой, и не помышлялъ о барышахъ: единственной цѣлью моихъ стремленій было принести пользу человѣчеству. Мнѣ достаточно того, что я имѣю, богатство, пожалуй, отвлекло бы меня отъ любимыхъ занятій, но не увеличило бы ни моей славы, ни моего счастья. Безъ сомнѣнія, оно дало бы мнѣ возможность запрягать по четверкѣ лошадей въ карету, но что мнѣ изъ того, что люди станутъ болтать о моихъ выѣздахъ въ четверку?»

Такихъ же убѣждений придерживался и его послѣдователь Фарадей, который жилъ исключительно для науки, обогативъ послѣднюю своими открытиями. Каждое новое открытие, добытое имъ, благодаря силѣ его воображенія и остротѣ ума — служило ему ключомъ къ разгадкѣ цѣлаго ряда новыхъ тайнъ. Онъ былъ философомъ, но отнюдь не материалистомъ. Его проницательный, свѣтлый умъ былъ равно далекъ отъ научнаго догматизма и религіознаго изувѣрства. Онъ оставался чрезвычайно скромнымъ при всей своей учености, и работалъ съ наивностью ребенка, изумляясь тѣмъ откровеніямъ, которыя вырабатывались его недюжинный умъ. «Что за удивительная вещь этотъ озонъ, этотъ кислородъ, составляющіе болѣе половины вѣса всего міра,—сказалъ онъ однажды.—Мы, повидимому, только еще начинаемъ знакомиться съ ихъ чудесами».

Фарадей былъ доволенъ своимъ далеко небольшимъ состояніемъ и работалъ не ради денегъ. Если бы онъ жаждалъ ихъ, — то могъ бы составить себѣ колоссальное состояніе. Онъ никогда не бралъ себѣ никакихъ патентовъ, чтобы обеспечить себѣ доходъ со своихъ удивительныхъ изобрѣтеній въ областяхъ электричества и химіи, но дѣлалъ ихъ доступными всячому. Жажда знанія одна вооду-

шевляла его и заставляла неустанно стремиться впередъ къ новымъ открытиямъ, которыхъ, какъ уже сказано, часто поражали его самого. «Эти факты до сихъ поръ еще остаются необъяснимыми, — говорилъ онъ, — они показываютъ намъ только, что мы при всемъ своемъ развитіи знаемъ еще очень мало въ той области, которая со временемъ станетъ, можетъ быть, общественной». Эти слова напоминаютъ послѣднее изреченіе Исаака Ньютона.

Въ происходившемъ недавно собраніи королевскаго общества естествоиспытателей, профессоръ Тиндалль, присудивъ Фарадейевскую медаль известному химику, доктору Гофману, въ знакъ того, насколько общество цѣнитъ его заслуги,—разсказалъ при этомъ въ своей поздравительной рѣчи о трогательномъ проявленіи доброты Фарадея. Юный єдинбургскій студентъ, Самуиль Браунъ, занятый тогда изслѣдованіемъ о матеріи и атомахъ, изложилъ великому ученому свои идеи и опыты. Фарадей, несмотря на то, что былъ тогда заваленъ работой, не удовольствовался какимъ-либо бѣглымъ замѣчаніемъ по адресу неизвѣстнаго химика или ничего незначущей похвалой, но написалъ ему:

«Спѣшу дать вамъ совѣтъ провѣрить свои предположенія путемъ осмотрительныхъ опытовъ, что несомнѣнно принесетъ вамъ громадную пользу, все равно подтверждѣли они ваши гипотезы или уничтожать ихъ. Что касается этихъ вашихъ предположеній, не могу пока ничего сказать вамъ рѣшительного, развѣ только то, что считаю ихъ полезными, ибо они будуть умъ и вдохновлять къ дальнѣйшимъ опытамъ. Самое поверхностное знакомство съ развитіемъ опытной науки докажетъ вамъ, насколько она является мощной разрушительницей всѣхъ заранѣе составленныхъ, исключительно умственныхъ теорій. Я долго и прилежно размышлялъ о теоріи притяженія, такъ же какъ о теоріи частицъ и атомовъ, но чѣмъ больше провѣряю ихъ на опытахъ, тѣмъ менѣе яснымъ кажется мнѣ мое первоначальное о нихъ представление».

Теперь перейдемъ совсѣмъ къ иной темѣ: наживѣ. Сказочное богатство, пріобрѣтенное Ротшильдами, возникло первоначально благодаря честности предка ихъ Мейера-Амшеля или Ансельма. Онъ родился во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ 1743 г. и его родители были бѣдные евреи-куницы. Трагическую исторію гоненій, пытокъ и мученій можно было бы написать, присмотрѣвшись къ жизни евреевъ, какую вели они въ Средніе вѣка, да ведутъ еще тѣперь. Во Франкфуртѣ, какъ и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ, евреямъ подъ страхомъ смерти запрещено было долѣе извѣстнаго часа оставаться на улицахъ города. Еврейская улица во Франкфуртѣ затворялась воротами, запиравшимися на ночь желѣзными замками. Наполеонъ впервые снесъ ихъ пушками, за что евреи должны быть вѣчно благодарны ему. Гоненія ихъ однако не прекратились съ этимъ.

Ансельмъ потерялъ своихъ родителей одиннадцатилѣтнимъ еще ребенкомъ и съ той поры долженъ былъ самостоятельно выбиваться на дорогу. Посторонніе евреи по заботились дать ему нѣкоторое образованіе, слѣдя своему обычаю всегда помогать другъ другу, и мальчику посчастливилось пристроиться писцомъ въ скромной конторѣ одного изъ мелкихъ ганноверскихъ банкировъ. Въ 1772 г. онъ вернулся во Франкфуртѣ, гдѣ завелъ собственную маленькую мѣняльную лавку. Вмѣсто вывески надъ нею висѣлъ красный щитъ: Rotchild. Въ то-же время онъ занялся нумизматикой и чтобы посмотреть на рѣдкія и древнія монеты, лавку его посѣщали многіе любители, въ числѣ которыхъ находился ландграфъ Вильгельмъ, позднѣе Гессенскій курфюрстъ.

Вильгельмъ Гессенскій, вынужденный во время вторженія Наполеона покинуть свои владѣнія, и передалъ большую часть своихъ личныхъ капиталовъ, въ суммѣ трехъ приблизительно миллионовъ, на сохраненіе Ротшильду, своему придворному агенту. Ансельмъ принялъся заботиться

о томъ, чтобы не только сохранить, но и пріумножить этотъ капиталъ. Въ тѣ времена деньги цѣнились высоко и при вѣрномъ обезпеченіи приносили отъ 12 до 20%. Позднѣе совершился походъ Наполеона на Россію и гибель большей части великой арміи на ея снѣжныхъ поляхъ; произошла вслѣдъ затѣмъ битва при Лейпцигѣ, послѣ которой Наполеонъ со всей своей арміей поспѣшилъ направиться за Рейнъ. Германія вздохнула свободнѣе и курфюрстъ возвратился въ свои владѣнія. Нѣсколько дней спустя ко двору его явился старшій сынъ Ротшильда, котораго звали также, какъ и отца его, Аксельюмъ и передалъ Гессенскому владѣтелю три миллиона флориновъ, хранившихся у его отца, уже умершаго. Курфюрстъ былъ въѣхъ себя отъ радости, возвращенные деньги казалось упали ему съ неба. Онъ воскликнулъ: «Такая честность просто безпримѣрна!» На вѣнскомъ конгрессѣ, куда онъ скоро отправился, онъ только и могъ говорить о честности Ротшильдовъ. По его настояніямъ, Ротшильды получили дворянское достоинство, а въ 1822 году вся семья пожалованы были баронскимъ титуломъ. Всѣ нѣмецкіе князья сдѣлались клиентами Ротшильдовъ и такимъ образомъ Ротшильды превратились въ богатѣйшихъ людей въ мірѣ.

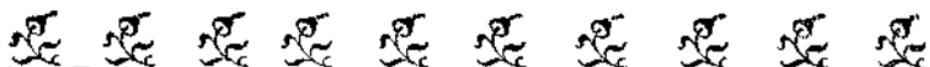
Подобной-же неподкупной честностью отличался покойный лордъ Маколей, известный историкъ. Окруженный людьми въ родѣ Уильбера, Тортона и Захарія Маколея, онъ и не могъ впрочемъ не превратиться въ самаго горячаго патріота и честнѣйшаго дѣятеля. Еще въ то время, когда онъ юношей жилъ на скромныя средства, добываемыя имъ литературнымъ трудомъ,—всѣми уважаемый Сидней Смитъ, весьма скупой на похвалы, сказалъ про него: «Я считаю Маколея неподкупнымъ. Ни ленты, ни звѣзды, ни подвязки, ни деньги, ни титулы не въ силахъ соблазнить его. Въ его душѣ живетъ искренняя и чистая любовь къ своей родинѣ и цѣнѣйшаго міра онъ не поступилъ бы, чтобы измѣнить ея интересамъ».

Маколей такъ устроилъ свои дѣла, что они не причиняли ему ни хлопотъ, ни заботъ. Его экономические принципы отличались замѣчательной простотой: онъ смотрѣлъ на свой литературный заработка, какъ на капиталъ, и оплачивалъ имъ начисто всѣ свои потребности. Онъ говоривалъ, что считаетъ немедленную расплату своей нравственной обязанностью, потому что испыталъ на себѣ, какъ тяжела бываетъ въ подобныхъ случаяхъ всякая отсрочка. Такимъ образомъ, онъ съ раннихъ лѣтъ пріучилъ себя правильно распредѣлять свои доходы, что является первой основой его безукоризненной честности и полной достоинства независимости въ жизни.

Между тѣмъ средства его были крайне ограничены. Онъ написалъ однажды лорду Ланедауну, предлагавшему ему мѣсто члена въ ость-индскомъ совѣтѣ: «Чѣмъ старше становлюсь я, тѣмъ менѣе забочусь о богатствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ каждымъ днемъ все сильнѣе я чувствую, какъ важно было бы для меня имѣть какія-либо опредѣленныя средства. Виѣ этого, общественному дѣятелю не такъ легко оставаться честнымъ человѣкомъ и невозможно прослыть таковymъ. У меня только два источника пріобрѣтенія денегъ: писательство или государственная служба. Мысль превратиться въ наемнаго раба какого-нибудь издателя и писать не въ силу обилия мыслей, но ради пустоты кармана, всячески возбуждать утомленное воображеніе, наполнять пустой болтовней страницы только ради того, чтобы писать—это мнѣ кажется ужаснымъ и отвратительнымъ. И между тѣмъ это одно мнѣ остается, если я покину свою адвокатуру, хотя вести процессы единственно ради жалованья кажется мнѣ почти еще невыносимѣй».

Въ концѣ-концовъ Маколей получилъ въ Калькуттѣ должность при судѣ и вернулся оттуда съ нѣкоторыми средствами, что дало ему возможность написать свою знаменитую «Исторію Англіи».

ГЛАВА V.

МУЖЕСТВО — УСТОЙЧИВОСТЬ.

Болезнь поступать изорно — мужество; такимъ же мужествомъ является и умѣнье терпѣніемъ переносить недостойные по отношенію къ намъ поступки другихъ.

Бенг.-Джонсона.

Мужество состоять не въ томъ, чтобы силою преодолѣвать опасность, но въ томъ, чтобы встрѣчать ее съ открытыми глазами.

Жако Ноле.

Мужество принадлежитъ къ числу тѣхъ качествъ, которыя во всѣ времена наиболѣе уважались людьми. Мужественный человѣкъ преодолѣваетъ всѣ препятствія, онъ не знаетъ боязни и радостно встрѣчаетъ смерть, если этого требуетъ исполненіе его обязанности.

Слышали-ли мы хоть разъ въ жизни гдѣ-нибудь похвалу трусости и малодушія? Нѣтъ человѣка, который не осуждалъ и не презиралъ бы ихъ. Труса общая молва признаетъ низкимъ и ничтожнымъ. У него не хватаетъ силы отстаивать свои убѣжденія, онъ каждую минуту готовъ продаться въ рабство первому встрѣчному. «Половина храбрости и силы пропадаетъ въ человѣкѣ, какъ только онъ становится рабомъ», — говоритъ Гомеръ. — «А другая половина исчезаетъ, когда этотъ рабъ возвращается свою свободу», — прибавляетъ докторъ Арнольдъ.

Иногда немало требуется мужества, если приходится имѣть дѣло съ трусомъ. Одинъ вздорный юноша вызвалъ однажды на споръ благороднаго Сиднея и, чтобы заставить

его драться на дуэли, зашелъ такъ далеко, что плюнуль ему въ лицо.

«Молодой человѣкъ,—сказалъ ему сэръ Филиппъ Сидней,—если бы я могъ такъ-же легко смыть со своей совѣсти вашу кровь, какъ это оскорблениe со своего лица,—я тутъ-же убилъ бы васъ!» Эта поступокъ является образцомъ благородного мужества и можетъ служить каждому примѣръ, потому что ничто такъ не тяжело, какъ умѣніе терпѣливо переносить обиды.

Вліяніе мужественнаго человѣка имѣетъ поистинѣ магнитическую силу и увлекаетъ за собою къ смѣлымъ подвигамъ другихъ, которые благородно сопровождаются своего вождя, даже если онъ ведетъ ихъ на смерть. Не всегда успѣхъ увѣличиваетъ подобные подвиги, есть множество примѣровъ, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда счастье измѣняетъ человѣку, сила его вліянія и могущества сохраняетъ надъ людьми свое дѣйствіе.

Пусть носитель обманутыхъ надеждъ падаетъ въ брешь, проломленную въ непрѣятельскую крѣость, — трупъ его послужитъ мостомъ, по которому по его слѣдамъ ворвутся внутрь побѣдившіе.

Мученикъ можетъ погибнуть на кострѣ, но истину, за которую онъ претерпѣлъ гоненія, окружаетъ, въ силу его жертвы, еще болѣе яркое сіяніе; патріотъ, сложившій голову на плахѣ, ускоряетъ тѣмъ самымъ торжество дѣла, ради котораго пожертвовалъ жизнью. Воспоминаніе подобныхъ подвиговъ не умираетъ вмѣстѣ съ героями, но продолжаетъ вѣчно жить въ памяти самого отдаленного потомства. Когда они, полные восторженного порыва, спѣшатъ навстрѣчу смерти, — другіе терпѣливо и мужественно выступаютъ борцами за ихъ идеи и наконецъ завоевываютъ почву, въ которой непробуднымъ сномъ покоятся ихъ предшественники. Торжество праваго дѣла не можетъ не быть несомнѣннымъ, хотя по временамъ и заставляетъ ждать себя; наступивъ же, оно должно заставить нась вспомнить,

что мы обязаны едва-ли не больше тѣмъ, кто погибъ за это правое дѣло, чѣмъ остальнымъ, восторжествовавшимъ.

Все великое въ жизни обязано своимъ существованіемъ исключительно мужеству. Всѣ блага цивилизациі, которыя мы теперь имѣемъ въ своеѣ распоряженій—личная безопасность, свобода личности и государственное благоустройство—приобрѣтыны цѣлыми вѣками тяжелыхъ опытовъ. Многіе народы купили права на самостоятельное существование цѣною безконечныхъ кровавыхъ войнъ. Потребовалось четырехсотлѣтнєе мученичество для утвержденіе христіанства и столѣтіе междуусобныхъ войнъ, чтобы провести реформацію.

Вѣчно неугасающій ореолъ мученичества создала ему непоколебимая и чистая преданность вѣрѣ. Хорошенько поразмысливъ объ этомъ, мы увидимъ, что обязаны всѣмъ мученикамъ, ради какой бы вѣры ни подвергались они гоненіямъ, вѣчной глубокой благодарностью, потому что всѣ они, вмѣстѣ съ мученичествомъ за вѣру, страдали и ради приобрѣтенія свободы совѣсти. Католики и протестанты, христіане и язычники, православные и еретики равно имѣютъ свою часть славы въ этомъ высокомъ наслѣдіи прошлаго. «Ангелы мученичества и побѣды—братья,—говорить Мадзини,—оба остаются своими крыльями колыбель будущей жизни».

Изъ временъ первого распространенія христіанства дошла до насъ трогательная исторія мученичества—легенда о святомъ Панкратіи. Онъ родился во Фригійской области Малой Азіи, которую апостоль Павель посѣтилъ во время устроенія имъ церкви въ Галатіи. Панкратій былъ воспитанъ въ языческой вѣрѣ и оставался язычникомъ до той поры, пока послѣ смерти отца не перешелъ жить подъ покровительство своего дяди Діонисія. Въ 301 году Діонисій переселился въ Римъ, желая дать возможность опекаемому имъ мальчику, наслѣднику большого состоянія, приблизиться къ императорскому двору. Благодаря воспитанію

и вліянію римського єпископа, престарѣлаго благочестиваго Марцелина, мальчикъ впослѣдствії обратился въ христіанство. Дядя его скоро умеръ, и четырнадцатилѣтній Панкратій остался круглымъ сиротою и одинокимъ въ цѣломъ мірѣ со своимъ громаднымъ богатствомъ и новой вѣрой.

Это была эпоха гоненія, воздвигнутаго на христіанъ императоромъ Діоклетіаномъ. Когда ему донесли, что Панкратій принялъ христіанство,—императоръ, призвавъ его во дворецъ, приказалъ ему сейчасъ-же отказаться отъ гонимой вѣры, грозя ему немедленной казнью, если онъ не захочетъ принести жертвы Юпитеру. Мальчикъ безстрашно отвѣтилъ, что онъ готовъ умереть за свою вѣру, потому что Христосъ, Господь и Учитель посыаетъ мужество пострадать во имя Его даже самымъ юнымъ Его рабамъ. Императоръ ничего не отвѣтилъ на это, но дальѣ приказаніе вывести Панкратія за городъ и поразить мечомъ на Авреліанской дорогѣ. Приказъ императора былъ исполненъ, и Панкратій кровью запечатлѣлъ свое исповѣданіе. Тѣло отрока оставалось до утра безъ погребенія подъ открытымъ небомъ. На слѣдуюшій день онъ былъ тайно погребенъ знатной римлянкой, христіанкой, по имени Октавіллой, которая, обернувъ его въ тонкія ткани, отнесла въ ближайшую катакомбу, где осыпала его свѣжими цвѣтами и оросила слезами. Память юнаго мученикаувѣко-вѣчна многими сооруженными во имя его храмами *).

До конца III в. и начала IV любимымъ зрѣлищемъ римлянъ считались цирковыя представленія, гдѣ христіанъ бросали на растерзаніе и съѣденіе дикимъ звѣрямъ; этими картинаами римляне развлекались въ промежутокъ между боями гладіаторовъ. И не въ одномъ Римѣ, но и

*) Въ Англіи существуетъ семь церквей во имя Панкратія, такія же церкви существуютъ въ Италии, Франціи и другихъ странахъ. Память Панкратія чествуется 12 мая. На церковной печати прихода св. Панкратія изображается обыкновенно святой отрокъ, испирающій языческіе предрассудки.

по всей империи бой дикихъ звѣрей и растерзаніе христіанъ считалось самымъ привлекательнымъ и моднымъ развлечениемъ. Гдѣ римляне ни утверждали своего господства—тамъ вмѣстѣ съ ихъ появлѣніемъ возникали и амфитеатры, служившіе ареной кровавыхъ зрѣлищъ. Единственный изъ такихъ амфитеатровъ, сохранившійся въ Англіи, находится въ графствѣ Кентскомъ въ Ричборо, но въ Трирѣ, сѣверной столице Римской имперіи по ту сторону Альпъ сохранилось множество такихъ зданій, памятниковъ римскаго владычества, между прочимъ, великолѣпный амфитеатръ, высѣченный въ скалѣ, вмѣщавшій въ себѣ нѣсколько тысячи зрителей. Императоръ Константинъ въ 306 г., побѣдивъ галльскихъ франковъ, для увеселенія своихъ воиновъ, отдалъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ нѣсколько тысячъ безоружныхъ плѣнныхъ франковъ въ этомъ трирскомъ амфитеатрѣ. Послѣ того, какъ авѣри пресытились человѣческой кровью и отказались убивать все новыя и новыя жертвы, оставшихся живыхъ принуждали сражаться другъ противъ друга гладіаторскимъ боемъ. Однако вмѣсто того, чтобы сражаться, несчастные, обманувъ ожиданія своихъ кровожадныхъ мучителей, сами бросались на мечи противниковъ. Въ томъ же году и тѣмъ же варварскимъ способомъ принесены были въ жертву потѣхи грубой толпы нѣсколько тысячъ побѣжденныхъ бруктеровъ. Развалины этого амфитеатра, такъ-же какъ и сводчатыя кіткі, гдѣ помѣщались дикие звѣри, сохранились донынѣ.

Во Франціи теперь еще уцѣльло много амфитеатровъ эпохи римского владычества, хотя часть ихъ обращена въ каменоломни. Самые большие изъ такихъ амфитеатровъ: арльскій и нимскій; послѣдній въ особенности былъ громаденъ: мавры, защищая Нимъ отъ франковъ, выстроили на передней стѣнѣ этого амфитеатра цѣлыхъ четыре крѣпостцы.

Амфитеатръ въ Веронѣ почти совершенно сохранился и ежегодно ремонтируется. Громаднѣйшимъ же изъ всѣхъ

римскихъ амфитеатровъ, виѣ всякаго сомнѣнія, является Колизей, свободно вмѣщавшій въ себѣ до восьмидесяти семи тысячъ зрителей. По свидѣтельству одного христіанскаго преданія, онъ былъ выстросенъ по планамъ Гауденція, архитектора-христіанина и мученика, по приказанію императора Веспасіана, а строили его много тысячи пленныхъ евреевъ, привезенныхъ Титомъ изъ Іерусалима въ Римъ. Во время открытия великолѣпнаго зданія императоръ Титомъ, на аренѣ было уничтожено 5,000 дикихъ звѣрей; кости львовъ, тигровъ и другихъ дикихъ звѣрей еще недавно найдены были въ склепахъ, находящихся подъ сводами цирка.

Весь Римъ праздновалъ дни торжественныхъ представлений въ Колизѣ. Мужчины, женщины и дѣти со всѣхъ сторонъ спѣшили на кровавыя зрѣлища. Здѣсь собирались сенаторы, государственные сановники, войска, патриціи, чернь и даже дѣственные жрица Весты, съ императоромъ во глазѣ собранія. Гладіаторы стройными рядами проходили передъ императоромъ съ привѣтствіемъ: «Слава цезарю. Привѣтствуемъ тебя, идя на смерть». Зрѣлище начиналось боемъ звѣрей между собою, за которымъ следовали поединки гладіаторовъ; игры, смѣняя другъ друга, длились до вечера, и зрители буквально уливались и пьянились отъ потоковъ крови.

Игры эти держались до тѣхъ поръ, пока Римъ не принялъ христіанства. Уже Константинъ Великій, крестившись въ 313 г., издалъ эдиктъ, запрещавшій ихъ, но окончательно устраниены они были при Гоноріи. Въ 400 приблизительно году одинъ старецъ-отшельникъ рѣшился положить имъ конецъ хотя бы цѣною собственной жизни. Что значила его жизнь въ сравненіи съ этимъ непередаваемо ужаснымъ массовымъ убийствомъ? Самое имя этого подвижника осталось неизвѣстнымъ: иные называютъ его Телемахомъ, другие Алимахомъ, — но дѣло не въ имени; достаточно его подвига, чтобы память о немъ жила въ

душѣ грядущихъ поколѣній. Опь явился съ Востока, въ Римѣ никто почти не зналъ его, а также и онъ не зналъ никого изъ римлянъ. Живя въ уединеніи, онъ тѣмъ не менѣе услышалъ о готовившемся на аренѣ цирка торжественномъ боѣ гладіаторовъ. Весь Римъ стекался въ Колизей, туда же пошелъ и пустынникъ, исполненный самаго непреклоннаго рѣшенія. Гладіаторы появились на аренѣ съ острыми мечами и копьями—знакъ, что бой будетъ смертельный. Лишь только борцы приблизились другъ къ другу, старый отшельникъ перепрыгнулъ черезъ барьеръ и бросился между сражающимися, заклиная ихъ не проливать болѣе невинной крови. Со всѣхъ сторонъ раздались крики толпы, сливаясь въ настоящій ревъ негодованія «Прочь, старый, назадъ!» — кричали ему. Но онъ не отступалъ и не колебался. Сражающіеся отбросили его въ сторону и вновь приготовились къ нападенію. И вновь бросился старецъ между мечами, запрещая гладіаторамъ совершать кровопролитіе. «Долой его!» — раздался всеобщій крикъ. Префектъ подаль знакъ, и гладіаторы, пронзивъ старца мечами, ринулись въ бой по его трупу.

Но смерть отшельника не прошла безслѣдно. Народъ принялъ размышлять о томъ, что совершилъ; онъ испугался своего поступка: онъ умертвилъ святого старца, который пожертвовалъ собственной жизнью, возставая противъ его кровожадныхъ инстинктовъ. Съ того дня, какъ мужественный старецъ умеръ на аренѣ Колизея, бои гладіаторовъ прекратились въ циркѣ—старецъ одержалъ побѣду; императоръ Гонорій окончательно прекратилъ гладіаторскія игры въ 402 году.

Былое величіе Рима исчезало вслѣдствіе царствовавшаго въ немъ разврата, продажности, жестокости и полнаго паденія нравовъ. Безнравственность высшихъ сословій всегда пагубно влияетъ на всѣ классы общества и расшатываетъ нравственные основы. Изменные страсти че-

ловъческой природы быстро берутъ верхъ надъ благородными порывами. Греція и Римъ должны были пасть, потому что ихъ вожди и императоры, нравственно испорченные, послужили распространенію порока въ народѣ, действуя на массы своимъ развращающимъ примѣромъ.

Римъ, царь міра, не выдержалъ написка варваровъ— выходцевъ изъ дѣственныхъ лѣсовъ средней Европы, обрушившихся на Италію. Богатые уточали въ роскоши и наслажденіяхъ, которые ослабили ихъ духъ и тѣло; бѣдные стали ничтожны и слабы въ силу своей зависимости и своего жалкаго существованія; и такъ, ни у кого не хватило мужества, чтобы отстоять свое отечество, и его паденіе не было особенной катастрофой для жизни міра.

Въ міръ снизошло христіанство, чтобы возродить и обновить его. Новая вѣра распространилась прежде всего между просвѣщенными бѣдняками, потому что религія является поэзіей земного существованія, утѣшительнымъ обѣщаніемъ лучшаго загробнаго міра, свѣтлой надеждой, помогающей несчастнымъ легче переносить свои страданія. Точно также женщины принадлежать къ первымъ и самымъ горячимъ поборницамъ евангельскихъ истинъ; это легко объяснимо: въ Римѣ, какъ почти всюду въ ту эпоху, женщины были не больше, какъ рабыни, и находились въ полномъ распоряженіи своихъ мужей, почти вполнѣ безправныя передъ закономъ. Христіанство пришло имъ на помощь со своей проповѣдью равенства, укрѣпляя за ними любовь и уваженіе ихъ мужей. «Женщина является источникомъ всѣхъ добродѣтелей,—говорить одинъ изъ старинныхъ рыцарей,—она обладаетъ благороднѣйшими качествами: она полна достоинства и возвышаетъ мужчину до себя».

Распущенность, безбожіе и безнравственность уступали мало-по-малу въ сердцѣ человѣка мѣсто все выраставшей силѣ и власти религіозныхъ истинъ: стремленіе ко злу было мало-по-малу ослаблено. Благодаря тому, что новая религія освятила день отдыхновенія — воскресенье — тяжелый

трудъ низшихъ классовъ нашель себѣ облегченіе. Церковь въ дни торжественныхъ богослуженій собирала подъ своими сводами все христіанское народонаселеніе безъ различія сословій. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ здѣсь передъ лицомъ Бога не были всѣ они братьями? Какое прекрасное, возвышенное зрѣлище,—если-бъ такъ было вѣчно!

Къ несчастью, подобный утѣшительный порядокъ вещей не былъ продолжителенъ: очевидно, на землѣ нѣть мѣста раю. Духовенство скоро превратилось въ орудіе для угнетеній, взяло на себя защиту меньшинства противъ законныхъ правъ цѣлой общины и принялось стремиться къ неограниченному господству надъ умами своей паствы. Спустя нѣкоторое время, возникли несогласія въ толкованіи многихъ религіозныхъ доктринахъ и, подобно тому, какъ когда-то язычники преслѣдовали христіанъ, теперь христіане преслѣдовали своихъ противниковъ. И вновь запылали костры, на которыхъ сжигали мучениковъ, вновь потребовалось непоколебимое мужество, упорное самопожертвованіе тѣхъ, кто стоялъ за правду, съ достоинствомъ страдая и умирая за нее.

Религіозныя гоненія начались въ Италии и распространялись по Испаніи, Франціи и Нидерландамъ, одна только Германія возстала противъ инквизиціи. «Сыны Господни,—сказалъ Лютеръ,—должны быть всегда и совершенно безстрашны, спокойны и полны достоинства, они должны умѣть не отступать ни передъ чѣмъ, но все преодолѣвать, презирать, уповая на милость Божію, всѣ земныя радости и страданія, почерпая въ Его милосердія полное пренебреженіе къ смерти и пыткамъ. Господь ненавидитъ трусы, которыхъ смущаетъ малѣйшая опасность, и которые пугаются звука шелестящаго листа».

«Странно,—говорить профессоръ Вилліамъ Ньюменъ въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ сочиненій,—какъ религія могла породить жестокость въ какой бы то ни было формѣ; въ этомъ есть удивительное необъяснимое противо-

рѣчіе!» А между тѣмъ инквизиція, возникшая послѣ того, какъ христіанство явилось на смѣну язычеству,—представляетъ цѣлую систему строго выработанной жестокости. Инквизиція въ качествѣ богоугоднаго учрежденія продержалась въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, но послѣ своего паденія она осталась на вѣки заклейменной печатью поозора и отвращенія, хотя вся ея дѣятельность совершилась во имя религіи, любви и кротости.

Испанское духовенство съ помощью свѣтской власти растоптало гидру реформаціи исключительно физической силой. Въ одну только ночь болѣе восьми сотъ протестантовъ брошены были въ Севильскія тюрьмы; ихъ схватывали всюду и сжигали на кострахъ, пылавшихъ во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ Испаніи. Не такъ давно тому назадъ въ Мадридѣ вырывали каналь чрезъ поле для осущенія почвы на мѣстѣ казней протестантовъ. Рабочіе обнаружили въ почвѣ глубокій слой черной съ блестящимъ отливомъ пыли, перемѣщаний съ обожженными костями и углемъ: то были останки несчастныхъ, погубленныхъ ужаснымъ религіознымъ фанатизмомъ.

Однако, что выиграла Испанія своей невѣроятной жестокостью? Богатства ея растаяли и теперь эта страна близка къ полнѣйшему банкротству. Народъ коснѣть въ невѣжествѣ, которому никто не приходить на помощь: только одинъ изъ каждыхъ восьми человѣкъ едва умѣеть читать и писать. Народъ считается духовныхъ лицъ своими злѣйшими врагами и большая часть его дошла до полнѣйшаго невѣрія. Самое духовенство живеть въ крайней бѣдности. «Не странно-ли, — говорить докторъ Ли,— что Испанія гораздо болѣе процвѣтала, находясь подъ владычествомъ мавровъ, чѣмъ въ тѣ эпохи, когда она перешла въ руки христіанскихъ правителей». Мавританское правительство было либеральнѣе и терпимѣе и безусловно болѣе просвѣщенно. Уровень народнаго образованія стоялъ выше, и земля обрабатывалась лучше. Со времени

изгнанія мавровъ, Испанія неуклонно и постоянно шла назадъ».

Филиппъ II испанскій былъ, вѣдь всякаго сомнѣнія, однимъ изъ ужаснѣйшихъ злодѣевъ, когда-либо занимавшихъ тронъ: его можно сравнить лишь съ Калигулою или Нерономъ. Въ своемъ эдиктѣ отъ 1568 года онъ приготовилъ къ смерти всѣхъ Нидерландскихъ протестантовъ. Къ счастью, средство не хватило привести полностью въ исполненіе это дьявольское предписаніе; однако, Альба, вѣрный министръ Филиппа, сдѣлалъ все, что могъ. Съ помощью собраннаго имъ «кроваваго совѣта», а также членовъ святѣйшей инквизиціи, ему удавалось иногда замучивать на пыткахъ до восьмисотъ человѣкъ въ недѣлю. Главнѣйшими преступленіями считались: протестантизмъ и богатство. За это послѣднее преступленіе, наравнѣ съ протестантами, грабили и казнили вѣрныхъ католиковъ. Человѣку, обладавшему извѣстнымъ имуществомъ, почти невозможно было доказать свое правовѣріе. Послѣ шестилѣтняго правленія Нидерландами, Альба хвалился тѣмъ, что успѣлъ за это время удушить, потопить, обезглавить или сжечь 18,000 своихъ собратій по человѣчеству, не считая тѣхъ десятковъ тысячъ, которые погибли во время штатгальтерства Альбы въ осадахъ и битвахъ. Въ подобныхъ же колоссальныхъ размѣрахъ производилъ онъ и грабежи.

Не лучшее положеніе дѣлъ встрѣчаемъ мы и во Франціи. Ея «христіанѣйшіе» короли жгли, грабили, обезглавливали или изгоняли всѣхъ, кто противился признанію власти папы. Такъ въ первой половинѣ XIII ст. были частью умерщвлены, частью самыми ужасными образомъ изгнаны за Пренеи альбигойцы. Съ помощью Савойи, вальденцевъ скакали и вѣшли на всемъ юго-востокѣ Франціи и сѣверо-западѣ Италіи до тѣхъ поръ, пока они не были вынуждены покинуть свою родину, ища пріюте въ Германіи и Швейцаріи. Реформаціонный призывъ воз

будиль во Франції снова самыя изступленныя гоненія еретиковъ.

Безъ сомнінія, среди фанатиковъ-католиковъ встрѣчались и благородныя исключенія, попадались люди, горячо осуждавшіе гоненіе поборниковъ различныхъ сектъ. Канцлеръ Лоциталь убѣждалъ своихъ единовѣрцевъ украшать себя единственно лишь добродѣтелями и богоугодной жизнью, поражая своихъ враговъ орудіемъ милосердія, молитвы и убѣженія, а не мечомъ и дикой ненавистью. «Оставимъ,— говорить онъ,— эти дьявольскія порожденія: названія партій, сектъ, ересей; не будемъ говорить лютеране, гугеноты, паписты, замѣнивъ эти слова однимъ: христіане». За подобныя убѣженія канцлеръ прослылъ атеистомъ.

Когда виконтъ Дорте, губернаторъ Байонны, получилъ приказъ Карла IX перебить всѣхъ мѣстныхъ протестантовъ—онъ смѣло отвѣтилъ, что сообщилъ предписаніе его величества гарнизону и жителямъ, но среди нихъ онъ нашелъ лишь много вѣрныхъ воиновъ и преданныхъ подданныхъ, палача же ни одного.

Вслѣдъ за этимъ наступила ужасная рѣзня въ Парижѣ: Вареоломеевская ночь (24—25 августа 1572 г.), отголосокъ которой рас пространился по всей Франції. Память объ этой ужасной кровавой расправѣ навѣки запечатлѣлась въ умахъ протестантовъ, какъ ужасный призракъ, скелетъ на пиру. Вареоломеевская ночь и попытка Филиппа II завоевать со своей непобѣдимой Армадой Англію—вотъ два выдающихся события въ исторіи второй половины XVI вѣка.

Послѣ того, какъ Генрихъ IV прекратилъ безконечныя преслѣдованія протестантовъ изданіемъ «Нантскаго єдикта» (13 апрѣля 1598 г.), обезпечивавшаго имъ свободу совѣсти и извѣстныя права, Людовикъ XIV, подъ вліяніемъ госпожи де-Ментенонъ, отмѣнилъ это благодѣяніе своего предка въ 1685 году и тѣмъ подалъ поводъ къ новому взрыву религіозной ненависти. Его указъ заставилъ протестантовъ подъ страхомъ обращенія или смерти бѣжать

изъ Франції. Протестанты-дворяне и другіе, купцы, крестьяне и ремесленники рѣшительно отказались лицемѣрно признавать ученіе, которому они не вѣрили. Аристократы и помѣщики покинули свои земли, отказались отъ чиновъ и бросили родину, вступивъ затѣмъ за границей въ военную службу къ иностраннымъ государямъ или пріобрѣть на чужбинѣ какой-нибудь кусокъ земли. Дѣятельные купцы и ремесленники переселились въ Англію, Голландію или на сѣверъ Германіи; гдѣ могли поклоняться Господу согласно [своимъ] убѣжденіямъ и въ мирѣ пожинать плоды своихъ трудовъ. Бѣдные крестьяне скрылись въ Севеннахъ.

Не смерть страшила ихъ. Герцогъ Майэнскій, столько разъ побѣждавшій гугенотовъ, весьма удачно охарактеризовалъ ихъ, сказавъ: «Привычка къ смерти переходитъ у гугенотовъ наследственно отъ отца къ сыну!» Тысячами погибали они на колесѣ и плахѣ и въ когтяхъ невыразимыхъ пыточекъ. Ничто не могло сломить ихъ, они приносили жизнь въ жертву своему долгу. Возвышенныя черты, которыми отмѣчена жизнь и дѣятельность великихъ вождей гугенотовъ, никогда больше не повторялись во Франціи. Достоинство, сила и величие души и убѣжденность въ своей правотѣ породили этотъ благородный образецъ характера, самый прекрасный, какой когда-либо можетъ поименовать исторія Франціи. Исторія однако, надо замѣтить, не слишкомъ интересуется подобными явленіями, повѣствую главнымъ образомъ о царствованіи королей и королевъ, вспоминая побѣды и пораженія, но забывая гонимыхъ.

Людовикъ XIV, со всей своей арміей, не могъ сокрушить непобѣдимаго—совѣсти. Его безсердечная политика на цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ установила во Франціи безпрерывную Варварамескую ночь. Каковы-же отсюда результаты? Политика Людовика оказалась несостоятельной. Умирая, онъ оставилъ Францію разоренной и обремененной налогами, онъ разстроилъ торговлю и земледѣліе въ странѣ

и поселяль въ ней зачатки ужасной анархії, выросшій въ революцію 1789 года.

Вотъ какъ отзываются о гугенотахъ знаменитый Мишле въ своей исторіи Франції: «Бѣгство гугенотовъ является высокимъ проявленіемъ правдивости и вѣрности. Оно выражаетъ собою и протестъ противъ лжи, и глубокое уваженіе къ убѣжденіямъ. Человѣческая природа можетъ гордиться тѣмъ, что столько мужчинъ и женщинъ не поколебались во имя правды пожертвовать всѣмъ своимъ убѣжденіямъ, перейти отъ богатства къ нищетѣ и даже подвергнуть опасности какъ свою жизнь, такъ и жизнь своихъ близкихъ, покидая съ такими затрудненіями родину. Иные считаютъ этихъ людей не болѣе какъ упрямыми сектантами, что-же касается меня, то я вижу въ нихъ возвышенные характеры, которые всюду, где ни появлялись, доказали, что они-то и есть самый цѣлѣтъ французского народа. Въ основу стоическаго ученія, которое старались распространить свободомыслящи, легла та самая идея, которая явилась главной побудительной причиной протестантской эмиграції: *vitam, impendere vero*—отдать жизнь за правду, сумѣть во имя чести и истины пренебречь плѣномъ, тюрьмой и смертью.

Въ эпоху еще болѣе раннюю, костры гоненія запылали въ Шотландіи и Англіи. Смисфильдъ (кузнечное поле) въ Лондонѣ нерѣдко освѣщалось кострами, на которыхъ погибали еретики и вѣдьмы. Впрочемъ, не одни протестанты, но и католики насчитываютъ не мало мучениковъ въ своей средѣ. Такъ при Генрихѣ VIII сожженъ былъ на костре монахъ-францисканецъ Форестъ за то, что не хотѣлъ признать верховной власти короля въ дѣлахъ церкви. Казнь огнемъ одинаково была излюблена и протестантами, и католиками. Въ царствование королевы Маріи Католической религіозный преслѣдованія и казни за еретичество всыхнули съ новой ужасной силой, потому что она самымъ немилосерднымъ образомъ боролась съ протестантизмомъ. Джонъ

Роджеръ, священикъ приходской церкви имени Гроба Господня, сожженъ былъ на кострѣ въ виду церковной башни; такой-же смертью умерли Джонъ Братфордъ, утѣшившій на кострѣ своихъ товарищев по казни, Джонъ Фильпотъ, уинчестерскій архидіаконъ. Общеизвѣстными являются имена сожженныхъ на кострахъ: епископа Датимера, Кренмера и Ридлея. Великие духомъ люди той эпохи должно быть были совсѣмъ иначе созданы, чѣмъ наши современники. Мы, содрогающіеся при обжогѣ пальца, удивляемся и даже не понимаемъ тѣхъ людей, которые во имя своей вѣры не только спокойно всходили на костеръ, но даже гордились своей смертью. «Неужели я отступлю передъ муками у этого позорного столба,—сказалъ Джонъ Фильпотъ,—въ то время какъ мой спаситель не подолебался принять за меня позорную смерть на крестѣ?»

Гоненія за свободу вѣры и совѣсти длились въ Англіи вплоть до царствованія Карла II и даже дольс. Вилліамъ Пеннъ утверждаетъ, что со времени восстановленія королевской власти разорено было исключительно въ силу религіозныхъ преслѣдованій около 15 тысячъ семей и свыше 5,000 человѣкъ умерло въ заточенії. Карль II, а вслѣдъ затѣмъ и Іаковъ II распространили эти преслѣдованія и на Шотландію, гдѣ уже въ періодѣ отъ 1539—1546 г. кардиналъ Битонъ воздигалъ въ качестве суды надъ еретиками: безчисленные костры. Костры отп. большей частью пылали передъ его замкомъ Сентъ-Эндрю, изъ окна котораго кардиналъ любилъ съ насмѣшкой наблюдать за корчами и муками несчастныхъ казненныхъ. Въ эпоху Карла и Іакова протестанты преслѣдовали даже другъ друга за несогласіе во мнѣніяхъ. Прихлебатели Стюартовъ устраивали форменную охоту за пресвитеріанцами, затравливали ихъ, убивали и вѣшали и пытались муками въ тюрьмахъ вынудить у нихъ отреченіе отъ своихъ убѣждений. Они добились того, что гонимые съ особыніемъ фанатизмомъ защищали свою вѣру. Ужасны были костры и пытки, но

подверженные имъ люди обладали большимъ мужествомъ и стойкостью.

«Есть у меня,—говорить Робертъ Коллейеръ изъ Нью-Йорка,—небольшая картина кисти Милэ. На ней изображена женщина, привязанная къ столбу, утвержденномъ на морскомъ берегу. Приливъ приближается. Вдали подъ полными парусами несется корабль, не замѣчая несчастной женщины и близкой кончины, на которую она обречена. Уже волны разбиваются о ея ноги, и хищныя птицы кружатся надъ ея головою. Но она не обращаетъ вниманія ни на птицъ, ни на корабль, ни на морскія волны. Глаза ея обращены къ небу и ея ноги твердо попираютъ шаткую почву—ясно, что она, устремля взоры къ небу, сознаетъ одно: эти скоропроходящія страданія въ настоящемъ ничтожны въ сравненіи съ вѣчнымъ небеснымъ блаженствомъ, къ которому она стремится. Подъ картиной начертаны слѣдующіе стихи, списанные съ надгробнаго памятника, воздвигнутаго въ честь этой женщины на старомъ шотландскомъ кладбищѣ:

«Она умерщвлена за то, что твердо вѣрила въ Христа, признавая Его верховнымъ главой Его церкви, за то, что не подчинялась власти прелатовъ и не хотѣла отречься отъ пресвитеріанства,—вотъ за какія преступленія она погибла во Христѣ, принявъ мученическую кончину на столбѣ въ морѣ».

Когда я смотрю на эту картину,—продолжаетъ Робертъ Коллейеръ, мнѣ кажется, что въ лицѣ этой женщины я вижу воплощеніе безчисленнаго ряда многихъ страдалицъ, которыхъ, крѣпко привязанныя къ своей судьбѣ, ждутъ и стоять на стражѣ, въ то время какъ приливъ—волны бѣдствій и горя поднимаются все выше и выше. Но мужество мученицъ растетъ вмѣстѣ съ ними и на гребнѣ послѣдней и самой высокой волны отстрадавшія вносятся въ тихую пристань вѣчнаго блаженства, гдѣ ихъ встрѣчаетъ привѣтъ:

— Вы поступили какъ должно!»

Сидней Смитъ также говорить:—«Въ продолженіе сколькихъ лѣтъ всѣ усиленія направлены были на то, чтобы заставить шотландцевъ отказаться отъ своего вѣроисповѣданія. Пѣхота, артиллерія и конница и даже вооруженное духовенство высыпались войною на пресвитеріанскихъ пасторовъ и ихъ паству. Много пролилось крови, но къ изумлению послѣдователей епископальной церкви имъ не удалось ни ввести въ Шотландіи свои обряды, ни помѣшать этимъ мечтателямъ отойти къ вѣчной жизни той дорогой, которую они считали правой. Наконецъ, напали на хорошую и единственно цѣлесообразную мѣру: шотландцамъ разрешили совершать богослуженіе согласно ихъ собственнымъ длительнымъ обрядамъ. Господь не послалъ ни на кого за это молній съ неба, страна не погибла, конецъ миру еще, какъ мы видимъ, не наступилъ; достопочтенные мужи, предсказавшіе всѣ эти страхи, позабыты, и Шотландія осталась съ тѣхъ поръ источникомъ живоносной силы для Великобританіи».

Терпимость —дитя новѣйшихъ эпохъ. Людей перестали сжигать на кострахъ, стремясь вліять на нихъ инымъ путемъ —путемъ убѣжденій. Прошли времена мученичества, какъ и времена чудесъ. Вышелъ обычай разстрѣливать, привязывать къ столбу, колесовать и сжигать во славу Божію; но вовсе не вывелись пытки: и люди зачастую принуждены выносить въ наше время всевозможныя нравственные гонения, презрѣніе, порицаніе, насмѣшки себѣ подобныхъ. Отсюда слѣдуетъ, что и нынѣ мужество также, если не больше, необходимо для тѣхъ, которые готовы стоять за свою правду. Въ нашъ индифферентный вѣкъ даже труднѣе измѣнить высшимъ и чистѣйшимъ идеаламъ, чѣмъ въ эпохи мученичества. Одинъ известный писатель такъ охарактеризовалъ это новое положеніе дѣль: «Фанатическая гоненія и жестокія казни укрѣпляютъ и возбуждаютъ нервы, но томительное гнетущее убѣженіе, что вашими задушевными убѣженіями никто не интересуется, что никого они не

задѣваютъ, чѣмъ вѣтъ человѣчества, которое поклонялось бы, и божества, которое съ состраданіемъ относилось бы къ людямъ, гораздо болѣе угнетающе вліяетъ на всякое высшее стремленіе, чѣмъ какая бы то ни было борьба съ деспотизмомъ или варварскими предразсудками».

Но на самомъ дѣлѣ, окончательно ли люди отступились отъ всякихъ религіозныхъ гоненій? Въ наше время существуетъ свобода печати, и люди свободно выражаютъ свои мысли въ периодическихъ изданіяхъ. Что-же остается сказать о слѣдующемъ заявлѣніи, напечатанномъ не такъ давно въ одной изъ лондонскихъ газетъ: «По отношенію къ цѣлямъ отдѣльной человѣческой и общественной жизни—убийство и грабежи являются вполнѣ незначительными преступленіями, а распространеніе заразы и вовсеничтожно, сравнительно съ преступленіемъ Лютера и Кальвина, возстававшихъ противъ церкви». Такое заявленіе съ одобрениемъ было бы встрѣчено дѣятелями Варѳоломеевской ночи и всѣми тѣми, кто убивалъ, сжигалъ и вѣшалъ только за то, что люди молились по своему и по своему вѣрили. Въ наше время оно промелькнетъ безслѣдно. Наши предшественники оставили намъ драгоцѣнное наслѣдство: свободное государство—наслѣдство, пріобрѣтенное цѣною жизни нѣсколькихъ благороднѣйшихъ изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ личностей и велика будетъ наша вина, если мы какимъ-либо образомъ станемъ поощрять такое позорное воззваніе къ нетерпимости со стороны людей, несогласныхъ съ нами въ убѣжденіяхъ. Іезуиты были изгнаны, подобно гугенотамъ изъ Франціи и, какъ всѣ гонимые, они могутъ спокойно жить подъ покровительствомъ англійскихъ законовъ; но они должны уважать эти законы и религіозную терпимость страны, которая ихъ приютила.

Вилліамъ Пенни, впослѣдствіе основатель Пенсильваніи, считалъ величайшей ошибкой увѣренность въ томъ, что народъ или страна выиграютъ въ силѣ, если всѣ ея под-

данные будуть держаться одинаковыхъ убѣжденій относительно религіозныхъ догматовъ и обрядовъ; онъ полагалъ, что различіе мнѣній и религіозныхъ сектъ напротивъ составляетъ силу правительства, если только всѣ эти религіи терпимы. Личность должна пользоваться поддержкой, потому что вѣтъ этой личности вѣтъ истинной свободы. Всюду личность должна внушать къ себѣ уваженіе и сочувствіе, какъ корень всего доброго. «Самый деспотизмъ,— говоритъ Джонъ Стюартъ-Милль, — не доходитъ до своихъ худшихъ проявлений, пока имъ не затрагивается личность. Все же, что уничтожаетъ личность—деспотизмъ, какое бы оно ни носило имя, все равно, проявляется ли оно во имя Божіе или во имя человѣческихъ наущеній».

Іеремія Тейлоръ заключаетъ свою рѣчь о христіанской терпимости слѣдующей восточной легендой. Авраамъ сидѣлъ однажды у входа въ свою палатку, когда мимо проходилъ незнакомый ему старикъ, егорбленный и опирающійся на палку. Авраамъ пригласилъ его зайти отдохнуть, поставилъ передъ нимъ кушанье и, видя, что онъ, приступая къ ёдѣ, не благословляетъ трапезы, спросилъ его, отчего онъ не молится Богу.—Я поклоняюсь только огню и другого Бога не признаю,—отвѣтилъ тотъ. Авраамъ разгневался и выгналъ старика изъ палатки. Тогда Господь позвалъ Авраама и спросилъ его, где незнакомецъ. — Я выгналъ его за то, что онъ не молится Тебѣ! Но Господь отвѣтилъ:—«Я терпѣлъ его вотъ уже сто лѣтъ, хотя онъ постоянно поносилъ Меня, а ты не могъ потерпѣть его одну ночь!» И Авраамъ вернулъ старика, и радушно принялъ его, угостивъ и почтивъ душеспасительной бесѣдой.

Даже величайшіе умы, работавшіе во имя прогресса одной лишь чистой науки, нерѣдко подвергались мученичеству и смерти. Въ былые времена каждое новое открытие въ области физики, астрономіи или естественныхъ наукъ сопряжено было съ опасностью подвергнуться обви-

ненію въ ереси какъ для самого ученаго, сдѣлавшаго это открытие, такъ и для его послѣдователей. Такъ итальянскій философъ Джордано Бруно сожжень былъ въ Римѣ за то, что возставалъ противъ ложнаго, но весьма распространеннаго философскаго ученія той эпохи. Послѣдователей великаго астронома Коперника всюду преслѣдовали какъ еретиковъ и отступниковъ и многихъ казнили. Послѣ того, какъ Липперслей изъ Миддльбурга изобрѣлъ въ Голландіи приборъ, обладавшій свойствомъ приближать отдѣленные предметы, Галилей, воспользовавшись его идеей, построилъ усовершенствованный телескопъ, вооружившись которымъ поднялся на башню св. Марка въ Венеціи, чтобы заняться наблюдениемъ небесныхъ тѣлъ. Онъ направилъ новый приборъ на планеты и неподвижныя звѣзды, которыхъ наблюдалъ съ великимъ восторгомъ. Онъ открылъ спутниковъ Юпитера, фазисы Венеры, солнечные пятна, кольцо Сатурна и т. п. важныя вещи, которыхъ онъ въ точности записывалъ, чтобы всѣ эти свѣдѣнія сообщить своимъ ученикамъ. Смѣло можно сказать, что онъ сдѣлалъ больше открытій, чѣмъ когда-либо какой-либо изъ послѣдователей астрономовъ.

Къ несчастью, всѣ его открытия и выводы стояли въ полномъ противорѣчіи со всѣми общедѣятельными понятіями того времени. Инквизиція принялась за урегулированіе астрономическихъ знаній согласно собственнымъ воззрѣніямъ. Галилей былъ призванъ въ Римъ и подвергся суду инквизиції за обнародованное имъ новое еретическое ученіе. Онъ былъ присужденъ отказаться отъ своихъ «ложныхъ мнѣній» и признать свое ученіе о движении земли вокругъ солнца еретическимъ. Сочиненія Кеплера, Коперника и Галилея инквизиція помѣстила въ списокъ запрещенныхъ книгъ. Галилей, однако, собравшись съ духомъ, написалъ въ защиту своего ученія новое сочиненіе въ формѣ діалоговъ. Тогда отъ него потребовали нового вторичнаго отреченія передъ инквизиціоннымъ судомъ: Гали-

лѣй, стоя на колѣняхъ передъ Евангеліемъ, долженъ быть отречься отъ своего славнаго открытия. У него не хватило мужества долѣе защищать свои убѣжденія, но въ душѣ онъ остался имъ вѣренъ. Не надо забывать того, что свое отреченіе онъ подписалъ уже будучи семидесятилѣтнимъ старикомъ. Открытая имъ истина тѣмъ не менѣе не погибла и направила по вѣрнымъ слѣдамъ наблюденія послѣдующихъ астрономовъ.

Знаменитый французскій математикъ Блэзъ Паскаль написалъ въ свое время по этому поводу слѣдующее: «Напрасно хлопотали іезуиты, чтобы папа издалъ противъ Галилея декретъ, осуждавшій его ученіе объ обращеніи земли. Этимъ они не доказали нимало ея неподвижность, если у насъ нѣтъ провѣренныхъ достаточными опытами наблюдений, которые доказываютъ, что земля на самомъ дѣлѣ не вращается, то сможетъ-ли все человѣчество устроить, чтобы она не вращалась, или чтобы вмѣстѣ съ нею не вращалось все человѣчество?» Часто истина долгое время остается гонимой и не можетъ проявиться наглядно, но рано или поздно, она безъ сомнѣнія вырвется наружу: и чѣмъ больше препятствій возвигалось на ея дорогѣ и чѣмъ продолжительный и упорный была ея борьба съ ними — тѣмъ торжество ея выше и ярче.

Жизнь Кеплера, другого знаменитаго астронома, была не менѣе печальна, чѣмъ жизнь Галилея. Сынъ бѣдныхъ родителей онъ учился въ монастырской школѣ въ Маульбрумѣ и сдѣлался ученымъ, только благодаря счастливому случаю. Двадцати двухъ лѣтъ онъ получилъ каѳедру астрономіи въ Грацѣ, въ Штиріи, и посвятилъ себя наблюденію звѣздъ, придерживаясь ученія Коперника. Преслѣдуемый въ качествѣ протестанта, онъ долженъ былъ оставить свое мѣсто и удалился въ Прагу, гдѣ работалъ вмѣстѣ съ Тихо де-Браге въ качествѣ придворнаго астронома короля Рудольфа. Жалованье однако онъ получалъ такое ничтожное, что ему не хватало на содержаніе себя и семьи, и онъ

опять взять профессуру въ Линцѣ. Здѣсь онъ вступилъ въ борьбу и съ лютеранскимъ, и съ римско-католическимъ духовенствомъ и отлученъ отъ церкви за свои еретическія мнѣнія о пресуществленіи. Когда онъ по этому поводу намѣревался покинуть Линцъ, друзья его хотѣли уговорить его остаться, но онъ отвѣтилъ: «Какую я могу принести вамъ пользу тамъ, гдѣ духовенство и школьнное начальство соединились, чтобы публично заклеймить меня кличкой еретика за то, что я при всякомъ столкновеніи стараюсь стать на ту точку зрѣнія, которая кажется мнѣ наиболѣе согласной съ волей Всевышняго».

Съ теченіемъ времени Кеплеру предложили каѳедру математики при болонскомъ университѣтѣ, но Кеплеръ въ памяти котораго живо было отреченіе Галиля, отказался, говоря: «Я легко могъ бы занять тамъ блестящее положеніе, но нѣмецъ родомъ, живя среди нѣмцевъ, я привыкъ вездѣ и всегда говорить правду и, если я не измѣню этой привычки въ Болоньѣ, то она сослужитъ мнѣ опасную службу и можетъ привлечь ко мнѣ вниманіе, результатомъ котораго явится подозрѣніе и злорадство со стороны моихъ противниковъ».

Въ 1619 году Кеплеръ открылъ знаменитый законъ, который останется на вѣки памятнымъ въ исторіи науки, знаменуя ея значительный прогрессъ. Вотъ этотъ законъ: «квадраты временъ обращеній планетъ пропорціональны кубамъ ихъ разстоянія отъ солнца». На томъ основана вся новая теорія обращенія небесныхъ тѣлъ. Съ восторгомъ убѣдился онъ въ несомнѣнной истинѣ этого вывода, потративъ цѣлыхъ 17 лѣтъ надъ вычислениями и ихъ проверкой, чтобы придти къ нему.

«Жребій брошенъ, — сказалъ онъ по этому поводу, — я написалъ свою книгу; будуть-ли читать ее современники мои или послѣдующія поколѣнія — меня это не касается. Пусть пройдетъ хоть сотня лѣтъ, пока она найдетъ себѣ читателя. Господь Богъ ждалъ вѣдь цѣлыхъ

шесть тысяч лѣтъ, пока явится изслѣдователь Его творенія».

Слѣдующее сочиненіе, изданное Кеплеромъ, называлось «*Epitome astronomiae copernicanae*»—сокращеніе астрономіи Коперника и было осуждено въ Римѣ, пополнивъ собою число книгъ, запрещенныхъ *Index'омъ* (инквизиціонная цензура). Въ то же время Кеплера смутили и другія еще болѣе тяжкія заботы и печали. Онъ получилъ извѣстіе, что его мать, семидесятишестилѣтняя старушка, была обвинена въ колдовствѣ, заключена въ тюрьму и приговорена къ смерти на кострѣ. Кеплеръ немедленно бросился къ ней на помощь и къ счастью пріѣхалъ во-время, чтобы спасти бѣдную отъ дальнѣйшей пытки.

Но все новые и новые удары судьбы обрушивались на него. Въ Штиріи правительство издало указъ публично предать огню всѣ экземпляры его календаря за 1624 годъ. Его библіотека была, по приказанію іезуитовъ, опечатана, а самъ онъ долженъ былъ, вслѣдствіе возникшаго тогда народнаго восстанія, покинуть Линцъ и перебраться въ Саганъ въ Силезію подъ покровительство герцога Фрид-ландскаго Альберта Валленштейна. Тамъ онъ и умеръ въ 1630 г. отъ болѣзни мозга, развиившейся у него вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ.

И Колумбъ является настоящимъ героемъ, не только великимъ мыслителемъ, но и великимъ человѣкомъ дѣла. Чтобы достать средствъ на открытие Нового Свѣта, онъ странствовалъ отъ властелина къ властелину, изъ страны въ страну. Сынъ бѣднаго генуэзскаго ткача, онъ долго безуспѣшно искалъ возможности осуществить свои мечты; долго напрасно убѣждаль онъ королей и императоровъ положить начало и снарядить экспедицію въ невѣдомую землю, которую проницательный взглядъ его уже открылъ въ дальнихъ водахъ. Прежде всего онъ попробовалъ обратиться къ собственному генуэзскому правительству, но тутъ никто не пожелалъ помочь ему. Тогда онъ отправился въ Португа-

лію къ королю Хуану II, которого и познакомилъ со своимъ планомъ, переданнымъ затѣмъ на усмотрѣніе португальского государственного совѣта. Королевскіе совѣтники отвергли планъ, какъ нѣчто чудовищно-фантастическое. Между тѣмъ король попытался похитить идеи Колумба и извлечь изъ нихъ пользу для себя: онъ втайне снарядилъ флотъ и послалъ его по указанному Колумбомъ направлению, но, разбитый бурями, флотъ этотъ послѣ четырехдневнаго плаванія вернулся въ Лиссабонъ.

Послѣ вторичной неудачной попытки добиться помощи у генуэзской республики, Колумбъ отправился въ Испанию, где высадился въ Андалузскомъ городѣ — Палосѣ. Случайно попасть онъ въ одинъ андалузскій монастырь францисканцевъ, постучался въ ворота и попросилъ хлѣба и воды. Настоятель привѣтливо принялъ незнакомца, долго разговаривалъ съ нимъ и узналъ отъ него исторію его жизни. Онъ ободрилъ его и далъ ему рекомендательное письмо къ королю, который былъ тогда съ дворомъ въ Кордовѣ. Король Фердинандъ милостиво принялъ его, но, прежде чѣмъ рѣшить что-либо окончательно, пожелалъ представить его проектъ на разсмотрѣніе совѣту изъ мудрѣйшихъ ученыхъ Саламанкскаго университета. Колумбу пришлось давать не только научныя объясненія, но еще и отвѣты на библейскія изречения. Испанское духовенство объявило, что предположеніе объ антиподахъ противорѣчитъ библейскому ученію. Земля, по его мнѣнію, является громаднымъ, плоскимъ дискомъ, а если допустить предположеніе, что по ту сторону океана лежитъ еще другая неизвѣстная земля, то ясно, что весь родъ человѣческій не могъ произойти отъ одного Адама. И Колумба прогнали, посмѣявшиись надъ нимъ, какъ надъ сумасшедшими.

Но ничто не могло поколебать его увѣренности въ истинѣ его замысловъ: онъ написалъ по письму английскому и французскому королю, излагая имъ свой проектъ,

но безуспешно. Наконецъ, въ 1492 г. арагонскій государственный канцлеръ представилъ его королевѣ Изабеллѣ испанской. Друзья, въ сопровождѣніи которыхъ онъ явился, такъ краснорѣчиво защищали его планы, что королева согласилась помочь его предпріятію. Были снаряжены три небольшихъ корабля и 3 августа 1492 г. Колумбъ вышелъ въ море изъ Палосской гавани. Послѣ долгой борьбы съ людскимъ невѣжествомъ, ему пришлось начинать новую съ суевѣріемъ своего экипажа, и большихъ усилий стоило Колумбу держать въ повиновеніи всѣхъ этихъ людей! Невѣдомыя моря, страхъ передъ опасностями, передъ возможнымъ наступленіемъ голода, отчаяніе передъ видимой невозможностью достигнуть желанной страны не разъ доводили матросовъ до открытаго мятежа, который Колумбъ умѣль усмирять, не теряя энергіи и присутствія духа. Послѣ семидесятидневнаго плаванія, показалась наконецъ земля, и Колумбъ присталь къ острову Санть-Сальвадоръ, а потомъ къ островамъ Кубъ и Гаити, который онъ назвалъ Испаньолой и отдалъ во владѣніе испанской коронѣ. На Испаньолѣ Колумбъ построилъ крѣпость, оставилъ въ ней коменданта и нѣсколько человѣкъ гарнизона, а самъ поспѣшилъ вернуться въ Испанию, чтобы представить отчетъ о своемъ открытии.

Его встрѣтили съ неописаннымъ восторгомъ, слава его распространилась не только по Испаніи, но и по всему миру. Пребываніе его въ Испаніи было непродолжительно, онъ опять отправился въ Америку. 25 сентября 1493 г., на этотъ разъ во главѣ экспедиціи изъ 14 кораблей съ 1200 человѣкъ спутниковъ и экипажа, среди которыхъ находилось не мало представителей испанской аристократіи, которые пожелали сдѣлать это путешествіе съ Колумбомъ. На этотъ разъ открыты были острова Гваделупа и Ямайка и изслѣдованы Санть-Домінго и Куба. Но нигдѣ не нашли спутники Колумба тѣхъ сказочныхъ залежей золота, на которыхъ они разсчитывали. Отсюда возникло недовольство,

партии и заговоры, которые сплошь и рядомъ приводили къ кровопролитію. Колумба обвиняли въ томъ, что онъ пряталъ для себя открытое золото и хотѣлъ сдѣлаться властелиномъ новой страны, и эти интриги проникли въ Испанію.

Когда Колумбъ вторично явился въ Испанію въ 1496 г., его встрѣтили уже далеко не съ прежнимъ восторгомъ и королевская чета приняла его не безъ нѣкоторой холода-ности, чѣмъ онъ былъ обязанъ низкой зависти и проискамъ придворнымъ. Отклонивъ однако отъ себя всякия обвиненія и подозрѣнія, онъ добился снаряженія третьей экспедиціи, и въ 1498 г. шесть большихъ кораблей вновь мчали Колумба и его спутниковъ къ берегамъ Нового Свѣта. На этотъ разъ Колумбъ открылъ Южную Америку и группу острововъ въ Карибскомъ морѣ. Тѣмъ временемъ, въ Санъ-Доминго вспыхнуло восстаніе туземцевъ, возмущенныхъ жестокимъ обращеніемъ съ ними испанцевъ; кроме того, испанскіе колонисты враждовали между собою и вели постоянную войну, такъ что Колумбъ, огорченный всѣми этими событиями, посыпалъ къ испанскому королю письмо за письмомъ, прося прислать въ Санъ-Доминго судью и губернатора.

По совѣтамъ нѣкоторыхъ придворныхъ, враговъ Колумба, король послалъ въ Америку дона-Франциска Бобадилью, облеченнаго безграничнымъ полномочіемъ и получившаго название губернатора Нового Свѣта. Этотъ человѣкъ явился не ради восстановленія порядка, но въ качествѣ судьи самого Колумба, и первое, что онъ сдѣлалъ по приѣздѣ, — было заключеніе въ тюрьму Колумба и его двухъ братьевъ, которыхъ затѣмъ, заковавъ въ цѣпи, Алонзо де-Виллега и отвезъ по его приказанію въ Испанію. Дорогой Виллега, полный состраданія къ великому мореплавателю, предложилъ освободить его отъ оковъ. «Нѣть, — скажаль Колумбъ, — я хочу сохранить ихъ на память о той наградѣ, которую получилъ за свои открытия». Сынъ Ко-

лумба Фернандо часто рассказывалъ впослѣствіи, что видѣть эти цѣпи на стѣнѣ въ кабинетѣ своего отца, который завѣщалъ послѣ его смерти положить ихъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу.

По возвращеніи корабля въ Испанію, король и королева, устыдясь повелѣнія Бобадильи, приказали немедленно возвратить свободу плѣннымъ. Колумбъ былъ глубоко потрясенъ всѣмъ случившимся и сказалъ своимъ друзьямъ: «Свѣтъ предоставилъ мнѣ въ одиночествѣ бороться съ тысячию препятствій, и до сихъ поръ я оставался побѣдителемъ. Но на этотъ разъ я не могъ защитить себя ни оружиемъ, ни мудростью,—такъ варварски и безчеловѣчно поступили они со мною».

Со всѣмъ тѣмъ его неутомимый и дальновидный геній звалъ его все дальше за предѣлы необозримаго океана. Онъ добился возможности снарядить четвертую экспедицію, которая должна была, по его мнѣнію, обогатить Испанію, до сихъ поръ такой черной неблагодарностью платившую ему за его благодѣянія. Въ эту экспедицію онъ открылъ островъ Гванайю, обогнувъ берега Гондураса, Никарагвы и Панамы и причаливъ къ Вергуасу, гдѣ открылъ богатые золотые рудники. На берегахъ рѣки Беленъ онъ попытался основать колонію, но буря разбила его корабли, и онъ долженъ былъ уйти въ Санъ-Доминго, чтобы починить ихъ, хотя губернаторъ этого острова и относился къ нему враждебно. Онъ былъ уже далеко не молодъ, по дорогѣ онъ захворалъ, въ ту минуту, когда его экипажъ взбунтовался и грозилъ умертвить его. Усталый и разбитый, Колумбъ не находилъ въ себѣ силы сопротивляться разсвирѣпившей толпѣ грубыхъ матросовъ и спокойно приготовился къ смерти, когда, къ счастью, показался на горизонте берегъ, и корабль благополучно подошелъ къ Санъ-Доминго.

Вскорѣ онъ возвратился въ Испанію. Это было его послѣднее морское путешествіе. Ему въ то время уже ми-

новало семьдесят лѣтъ и онъ былъ очень радъ добраться наконецъ до Испаніи послѣ утомительныхъ и долгихъ странствованій, разсчитывая получить здѣсь хоть какое нибудь вознагражденіе, которое могло бы обеспечить ему спокойную старость. Надежды эти не оправдались. Остатокъ своей жизни провелъ онъ въ крайней бѣдности, одинокий, усталый и измученный болѣзняю, какъ нищій, котораго едва терпѣли въ странѣ. У него не было достаточно одежды, не было крова, куда приклонить голову, и онъ закладывалъ послѣднее, чтобы заплатить трактирщику за обѣдъ. Такъ онъ и скончался 20 мая 1506 г. въ Валладолидѣ, и его послѣдними словами были: «Господи, въ руки твои предаю духъ мой». Онъ скончался какъ мученикъ, и его смерть была побѣдой. Даже трупъ его долго не находилъ себѣ покоя: его перевозили изъ монастыря въ монастырь, пока наконецъ не перевезли на Кубу, где его останки и успокоились наконецъ подъ сводами каѳедрального собора въ Гаванѣ.

Во всѣ эпохи встрѣчалось немало людей, способныхъ на самопожертвованіе во имя какой-либо высокой цѣли. Первые мученики, первые изобрѣтатели, пionеры цивилизаций, всѣ потрудившіеся ради истины, вѣры и отечества представляютъ тотъ передовой постъ человѣчества, который, первый бросаясь на приступъ, живеть, работаетъ и умираетъ безъ всякихъ расчетовъ на личное удовлетвореніе. Они удовлетворяются однимъ лишь сознаніемъ высоты своей задачи и, пользуясь ниспосланными имъ свыше нравственными силами, стараются возможно лучше исполнить ее. Энергичный гений руководится однимъ лишь сознаніемъ величія и благодѣтельности своихъ стремленій, и всѣ трудности, которыя воздвигаются на его пути, преодолѣваются въ концѣ-концовъ его несокрушимымъ мужествомъ, которое и поддерживаетъ его. Пусть люди не признаютъ его заслугъ всю его жизнь, но послѣ смерти подвиги его не пройдутъ безслѣдно, и слава осѣнить его имя, которое

человѣчество будетъ почитать и уважать. «Когда Господь Богъ сподобилъ своихъ служителей умереть за святое Евангелие, — сказалъ Бруссонъ, — они громко проповѣдывали и изъ глубины своихъ могилъ, громче и явственнѣй чѣмъ живые». «То, что сѣмь добраго, — говоритъ Іеремія Тейлоръ, — въ краткія, отмѣренныя намъ скудно минуты нашей земной жизни, вырастаетъ въ вѣнцы и скипетры въ мірѣ блаженной вѣчности».

Трудности, печали и препятствія не служатъ ли пробужденію въ человѣкѣ лучшихъ сторонъ его характера, энергіи и геніальности? Стойкость, твердость воли и стремленій, умѣніе бороться, а въ случаѣ нужды и смиряться, энергія и терпѣніе — вотъ самое насущное, что необходимо въ жизни каждому. Тихая, терпѣливая выносливость постоянныхъ ударовъ судьбы представляется иногда большую заслугу, чѣмъ самая славная победа. Она помогаетъ человѣку съ улыбкой переносить затрудненія, терпѣть, надѣяться, она поддерживаетъ человѣка въ тѣ минуты, когда онъ употребляетъ всѣ усилия, чтобы не сломиться подъ тяжелымъ бременемъ. Способность терпѣливо переносить страданія — одно изъ благороднѣйшихъ качествъ человѣческой души, которое возвышаетъ человѣка до героя. Любимой поговоркой Мильтона было: «Кто умѣеть страдать, тотъ умѣеть и дѣйствовать».

Заблуждаются тѣ, кто думаетъ, что въ настоящее время мужество не можетъ имѣть себѣ примѣненія и что оно требуется лишь въ тяжелые дни борьбы за вѣру и въ эпохи отчаянныхъ усилий сбросить съ себя игу деспотизма. Для того чтобы бороться съ обычнымъ духомъ нашего вѣка, потерявшимъ сознаніе высокаго назначенія человѣка и водруженіемъ на мѣсто долга жажду денегъ или наслажденій, необходимо, можетъ быть, не менѣе героизма, чѣмъ сколько вызываетъ его борьба съ деспотизмомъ или требование сложить голову на плахѣ.

Даже на войнѣ терпѣніе является не менѣе значитель-

ной добродѣтелью, чѣмъ храбрость, а въ настоящее время, когда война ведется почти исключительно на научныхъ началахъ, — терпѣніе сдѣлалось еще болѣе цѣннымъ. Хорошо дисциплинированный солдатъ долженъ мужественно и неуклонно держаться на назначенномъ ему мѣстѣ. Онъ остается неподвижнымъ подъ градомъ пуль, прносящимъ за собою смерть, разрушеніе и стоны, пока слова команды не снимутъ его съ его поста. Еще болѣе мужественной стойкости требуется отъ него, когда его посылаютъ впередъ или на какое-либо другое опасное мѣсто, гдѣ вокругъ него падаютъ безъ счета убитые или раненые товарищи, или даже во время отступленія. Съ этой точки зрењія нельзя не сознаться, что передъ отступленіемъ Ксенофонтовыхъ десяти тысячъ бѣднѣютъ всѣ побѣды Александра Великаго и отступленіе Джона Мура въ Корнулью вполнѣ можетъ стать на ряду съ побѣдами Веллингтона.

Безчисленно количество героевъ, принявшихъ мученичество за свое отечество. Въ исторіи сохранился разсказъ объ одномъ эпизодѣ, случившемся во Франціи, и безъ сомнѣнія не въ ней одной. Любаясь роскошными плодоносными берегами Гаронны, Хлодвигъ воскликнулъ: «Стыдно, что эти прекрасныя земли принадлежать негодиямъ, исповѣдующимъ иную вѣру, чѣмъ наша. Впередъ! завладѣемъ этой страной!»

Когда Ксерксъ, задумавъ завоевать Грецію, пошелъ на нее съ безчисленнымъ войскомъ, Леонидъ съ трехсотеннымъ отрядомъ занялъ Фермопильское ущелье съ цѣлью защитить Грецію отъ набѣга персовъ. Произошло жестокое сраженіе, масса персовъ пали, а Леонидъ и его ничтожный по численности отрядъ были совершенно уничтожены, но они спасли Грецію.

Не менышей храбростью, чѣмъ Леонидъ, отличался еврейскій герой Иуда Маккавей, прозванный «Молотомъ». Съ отрядомъ въ 800 человѣкъ онъ отразилъ однажды на-

падение цѣлаго сирийскаго войска въ 12 тысячъ приблізительно человѣкъ. Когда близкіе совѣтовали ему отступить, Маккавей отвѣтилъ: «Боже избави, чтобы я бѣжалъ передъ врагомъ. Если наступилъ часъ нашъ—умремъ мужественно за нашихъ братьевъ и не запятнаемъ слабостью своей славы». Битва была долгая и кровопролитна, Іуда и его воины бились до послѣдней капли крови и пали все, но смерть ихъ не прошла безслѣдно: евреи набрались новаго мужества, напали на сирийцевъ и прогнали ихъ; храмъ былъ возсозданъ, и Іудея вновь превратилась въ одну изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ востока.

Римляне также глубоко цѣнили мужество и самопожертвованіе въ дѣлѣ служенія отечеству и дали намъ немало примѣровъ подобнаго самоотверженія. Но перейдемъ къ временамъ болѣе близкимъ. Мы видимъ, что многія небольшія съ немногочисленнымъ населеніемъ земли сумѣли, несмотря на безконечныя трудности, отвоевать и охранить свою свободу. Не величествомъ страны, но нравственными качествами ея населенія измѣряется ея настоящее достоинство. Есть немало народовъ, которые вѣчно вздыхаютъ о свободѣ, но не хотятъ и пальцемъ пошевельнуть, чтобы добыть ее. Они предпочитаютъ ждать лѣниво и эгоистично, пока другіе имъ ее завоюютъ. Въ подобномъ патріотизмѣ нѣть и тѣни достоинства. Истинный патріотизмъ совершенно иной; онъ опирается на правдивость, честность, великодушіе, самоотреченіе и настоящую любовь къ свободѣ.

Прекраснымъ примѣромъ тому можетъ служить маленькая Швейцарская республика, которая въ продолженіе ряда столѣтій жила подъ гнетомъ деспотизма. Но швейцарцы мужественны, стойки, честны и энергичны: они не хотѣли никакого господина надъ собою, они желали управлять собою сами. Они выбирали своихъ депутатовъ, какъ то происходило въ Аппенцель, поднятыми руки на рыночной площади. Швейцарія провозгласила полную свободу

свѣтѣ и, подобно Англіи, стала давать убѣжище всѣмъ, которые были гонимы за свои убѣжденія или вѣру. Конечно не безъ жестокой борьбы завоевала Швейцарія свою независимость, и предводители этого славнаго народа не рѣдко приносили себя въ жертву на благо отечеству. Вспомнимъ хотя бы о вѣрномъ и храбромъ Арнольдѣ Винкельридѣ. Въ 1386 г. австрійцы ворвались въ Швейцарію и маленькой сравнительно народъ рѣшилъ сопротивляться имъ. При маленькомъ городкѣ Семпахѣ, близъ Люцерна, встрѣтились оба войска, но швейцарцевъ было гораздо меньше и они были вооружены болѣе короткими коньями, такъ что принуждены были отступить. Замѣтивъ это и видя, что швейцарцамъ не удается прорвать густые ряды враговъ, Арнольдъ Винкельридѣ воскликнулъ, обращаясь къ своимъ: «Я проложу вамъ дорогу къ славѣ. Позаботьтесь о моей женѣ и дѣтяхъ!» И онъ ринулся въ ряды враговъ, захватилъ сколько могъ непріятельскихъ колій и вонзилъ ихъ себѣ въ грудь. Соотечественники его бросились въ открытую имъ такимъ образомъ брешь и одержали блестящую победу, спасая свою свободу. День этой битвы, 9 іюля, празднуется и до сихъ поръ въ Швейцаріи, а Арнольду Винкельриду, купившему своимъ самопожертвованіемъ освобожденіе страны, воздвигнутъ теперь близъ Семпаха прекрасный памятникъ.

Швейцарскія женщины выказали въ трудныя минуты не менѣе мужества, чѣмъ ихъ отцы, мужья и братья. Во время опасности они не уступаютъ самымъ храбрымъ героямъ въ присутствіи духа, въ умѣніи переносить какъ физическія, такъ и нравственныя страданія, въ выносливости же и терпѣніи онѣ даже превосходятъ многихъ храбрѣцовъ.

Въ 1622 г., около трехсотъ лѣтъ спустя послѣ битвы при Семпахѣ, завязался въ Граубюнденѣ споръ между католиками и протестантами, при чемъ первыхъ поддерживали Испанія и Австрія, послѣднихъ Франція и Венеція.

Австрійская армія заняла Преттигейскую долину, окруженну со всѣхъ сторонъ высокими горами, богатую плодородными пастбищами и известную до сихъ поръ крупной породой своего рогатаго скота. Мужчины въ моментъ вступленія австрійцевъ, находились почти всѣ въ горахъ, гдѣ стерегли стада, а внизу оставались однѣ женщины. Лишь только услышали о приближеніи враговъ, они вооружились рогатинами, вилами и копьями своихъ мужей и кинулись на встрѣчу къ австрійцамъ, отбѣсивъ ихъ до ущелья, которыми такъ богаты швейцарскія горы и въ которыхъ малочисленный, сравнительно, но хорошо вооруженный отрядъ можетъ легко отразить нападенія тысячнаго войска. Такъ и случилось: часть женщинъ свергала съ высотъ камни на враждебные отряды, въ то время какъ другая сражалась внизу: австрійцы принуждены были отступить.

Мужчины не уступили въ храбости и героизмѣ своимъ женамъ и матерямъ: вооруженные одними камнями и дубинами, они взяли у австрійцевъ приступомъ замокъ Кастель близъ Фидериса. Въ честь храброй обороны женщинъ среди жителей долины свято и неизмѣнно сохранился обычай, въ силу которого женщины прежде мужчинъ подходятъ къ святому причастію.

Лѣтъ около пятисотъ тому назадъ, Англія потерпѣла жестокое пораженіе, которое обратилось однако впослѣдствіе ей же на благо. Шотландія была бѣдной страной: горы, болота, поляны, поросшія верескомъ,—вотъ и всѣ ея тогдашнія богатства; народонаселеніе ея не достигало и четверти народонаселенія теперешняго Лондона *), оно было къ тому-же разсѣяно на громадныхъ пространствахъ. Страна тѣсно примыкала къ Англіи и не была ничѣмъ защищена отъ нападеній, ни даже большимъ морскимъ

*) Въ эпоху присоединеніе (1707 г.) въ Шотландіи едва насчитывалось до миллиона народонаселенія.

естественнымъ каналомъ, какъ Ирландія. Народъ къ тому-же былъ не объединенъ и разноплеменного состава: на съверѣ и западѣ селились преимущественно кельты, или горцы, на югѣ и востокѣ потомки норманновъ и англосаксовъ. Горные кланы постоянно враждовали между собою и не действовали единодушно съ жителями равнинъ во время ихъ войны за независимость, а Мандугальсы чуть было даже не убили Роберта Брюса въ то время, какъ онъ спасался бѣгствомъ черезъ Лори.

Предшественникомъ Роберта Брюса является храбрый Валлассъ. Шотландская низменность была уже завоевана английскимъ королемъ Эдуардомъ I: всѣ крѣпости находились въ рукахъ англичанъ. Валлассъ употреблялъ всѣ усиленія, чтобы воспламенить патріотизмомъ жителей западныхъ провинцій. Но, обладая исключительной храбростью, Валлассъ лишенъ былъ талантовъ полководца и не умѣлъ собрать подъ свои знамена значительного числа людей, съ которыми могъ бы вступить въ правильное сраженіе. Одержавъ нѣсколько мелкихъ побѣдъ, онъ былъ разбитъ при Фалькиркѣ и долженъ былъ спастись въ горы. Не успѣхъ, вообще, преслѣдовалъ его. Тѣмъ не менѣе его глубокая увѣренность въ будущность своей родины оказала больше поддержки національному самосознанію, чѣмъ даже побѣды его приемника Роберта Брюса. Въ концѣ-концовъ Валлассъ, вслѣдствіе измѣны, попалъ въ руки англичанъ, былъ отвезенъ въ Лондонъ и въ 1305 году, наканунѣ праздника св. Варѳоломея, его перетащили на санкахъ изъ Тоузера въ Смисфильдъ, гдѣ сначала повѣсили, а потомъ четверговали еще живого. Такъ погибъ онъ мученикомъ за свободу, но жаль и страдаль не напрасно! Ему удалось забросить искру патріотизма и любви къ свободѣ въ сердца своихъ соотечественниковъ, которая вскорѣ разгорѣлась въ яркое пламя.

Робертъ Брюсъ былъ по происхожденію нормандецъ — полуангличанинъ и полушенландецъ, и имѣлъ по матери

права на шотландский престолъ. Послѣ многихъ смѣлыхъ и опасныхъ предприятій, совершенныхъ съ изумительной энергией и стойкостью, во имя пламенѣвшей въ немъ любви къ свободѣ, Брюсу удалось въ концѣ-концовъ сплотить достаточно одушевленную патріотизмомъ шотландскую армію, которая и сразилась съ англичанами при Беннокбѣрнѣ въ 1314 г. Прежде чѣмъ началась битва, шотландская армія преклонила колѣна для молитвы. Король Эдуардъ II, увидѣвъ это издали, обратился къ одному изъ своихъ рыцарей и сказалъ: «Аржентинъ, мятежники сдаются и молять о милости».—«Да, государь, но не вѣсть!» —ответилъ тотъ. Битва кончилась не только побѣдой шотландцевъ, но полнымъ пораженiemъ англичанъ.

Англійскіе посланники при папскомъ дворѣ убѣдили папу Іоанна XXII предать Роберта Брюса отлученію и наложить церковное проклятие на всю его страну. Это отлученіе было стойко принято собравшимся въ Абродѣ въ 1320 г. парламентомъ. Восемь графовъ и 20 дворянъ подписали грамоту папѣ — интереснейшій изъ историческихъ документовъ. Они требовали, чтобы папа побудилъ англійского короля уважать независимость Шотландіи и хлопотать о дѣлахъ собственной лишь страны. «Пока живъ хотя одинъ изъ насъ, говорится въ грамотѣ, мы будемъ до послѣдней возможности сопротивляться Англіи. Мы боимся не во имя славы, богатства или почетного положенія, но исключительно во имя свободы, отъ которой не откажется ни одинъ честный человѣкъ, пока онъ живъ».

Несмотря на то, что вслѣдъ за этимъ произошло немало кровопролитныхъ войнъ, несмотря на множество попытокъ со стороны сильнейшаго принудить болѣе слабаго принять новые религіозные обряды—всѣ усилия были безуспѣшны. Исторія Шотландіи представляетъ одинъ постоянный протестъ противъ деспотизма. Она поучаетъ насъ, что на первомъ мѣстѣ стоитъ въ жизни сила индивидуальности, а потомъ уже свобода совѣсти.

Лѣтъ сто спустя Англія потерпѣла и второе пораженіе, которое англичане считали тогда очень тяжелымъ, но которое, какъ оказалось впослѣдствіи, также привело къ хорошимъ для нея результатамъ, какъ и Беннокбернское пораженіе. Это была несчастная осада Орлеана, принадлежащая, по выражению доктора Арнольда, къ одному изъ поворотныхъ пунктовъ исторіи *).

Англійскія войска опустошили Францію, выиграли уже немало сраженій, вступили въ Парижъ и наконецъ осадили Орлеанъ. Печально было положеніе дѣль во Франціи: значительныишие вассалы и главныишие представители аристократіи оставили своего короля Карла VII; каждый старался основать свое собственное маленькое независимое государство. Города сдавались англичанамъ, почти не сопротивляясь, налоги собирались только съ помощью вооруженной силы и самому королю не хватало средствъ на содержаніе свое и двора, не говоря уже объ арміи. Народъ потерялъ всякую надежду на короля и дворянство и зывалъ къ Богу о чудѣ, которое явилось бы спасти Францію.

Не странно-ли? Незначительной случайности бываетъ

*) «Осада Орлеана,—говорить докторъ Арнольдъ, знаменитый англійскій теологъ,—представляетъ одинъ изъ поворотныхъ пунктовъ всемирной исторіи. Если-бы во Франціи упрочилось англійское владычество—никто не можетъ поручиться, какія послѣдствія вытекли бы отсюда для Англіи. Быть можетъ она впослѣдствіи превратилась бы въ одну изъ провинцій Франціи, ве больше. Благосостояніе народовъ такъ мало зависитъ отъ военныхъ успѣховъ, что два величайшия перенесенные Англіей пораженія: при Орлеанѣ и Беннокбернѣ, являются двумя счастливѣшими для нея событиями. Замѣчательно также, что победа надъ ирландцами подъ Атунри при Эдуардѣ II имѣла для насъ нагубное значеніе, а пораженіе, нанесенное шотландцами, явилось благотворнымъ. Если-бы Ирландія оставалась независимой, какъ Шотландія, то, подобно ей, вѣроятно, когда-нибудь присоединилась бы къ намъ. А если-бы мы тогда уже завоевали Шотландію — она несомнѣнно причинила бы намъ столько же хлопотъ, сколько теперь Ирландія.

иногда довольно, чтобы измѣнить судьбу цѣлаго народа. На помощь Франціи явилась женщина, простая деревенская девушка, которая сидѣла за шитьемъ или прялкой, или пасла стада родной деревни. Жанна д'Аркъ родилась въ Домреми, въ небольшой лотарингской деревнѣ. Это была простая, очень нравственная и богомольная девушка, нервная и впечатлительная отъ природы, дошедшая подъ вліяніемъ патріотизма до крайней экзальтациі,—грезившая на-яву и слышавшая голоса съ неба, которыхъ повелѣвали ей идти на помощь французскому королю: «Ты возвратишь ему королевство» — говорили они. Капитанъ Бодрикуръ, раньше всѣхъ узнавшій о ея желаніи идти на войну, счѣлъ ее помѣшанной. Своей серьезностью она однако тронула его, и, пораженный твердостью ея намѣренія, онъ послалъ ее подъ охраной вооруженного отряда къ королю въ Шинонъ, куда она и добралась благополучно по странѣ, занятой англійскими войсками.

Карлъ VII, находившійся тогда въ отчаянномъ положеніи, радъ былъ всякой помощи, откуда бы она ни явилась. Хотя епископы и прочее духовенство сочли молодую девушки за колдунью, одержимую дьяволомъ, король тѣмъ не менѣе позволилъ ей съ бѣлымъ знаменемъ въ руки стать во главѣ французскихъ отрядовъ и, пробудивъ въ нихъ новое мужество, вести ихъ къ побѣдамъ. Жанна въ 1492 г. выступила съ 10000-ымъ отрядомъ на помощь осажденному Орлеану: англичане, стоявшіе подъ нимъ, уже стали было упадать духомъ; они сидѣли тутъ въ продолженіе цѣлой зимы и уже замѣтно теряли силы. Кроме того, послѣ смерти графа Салюсбери многіе изъ его отрядовъ покинули лагерь, и союзники англичанъ, бургундцы, отозваны были своимъ герцогомъ. Оставалось подъ Орлеаномъ отъ 2—3000 англійскихъ солдатъ, да и тѣ были размѣщены въ двѣнадцати укрѣпленіяхъ, не сообщавшихся между собою. «При перечисленіи безконечнаго списка капитановъ,бросившихся въ Орлеанъ со своими отрядами,—

говорить Мишле, — спасение этого города въ сущности не представляетъ ничего сверхъестественного».

Жанна Д'Аркъ предводительствовала атакой, направленной противъ англичанъ, утвердившихся въ укрѣпленіяхъ. Они были вытѣснены оттуда, хотя во время штурма предводительница была ранена. Она не удовольствовалась тѣмъ, что заставила англичанъ снять осаду, она стремилась совершенно выгнать изъ страны англійскія и союзныя войска. Во главѣ французской арміи она преслѣдовала врага до Патэ, гдѣ англичане потерпѣли вторичное пораженіе. Затѣмъ Жанна, согласно своему предсказанію, провѣла Карла VII въ Реймсъ, гдѣ и совершилось его коронованіе. «Характерной чертой Орлеанской Дѣвы,—говорить Мишле,—обусловливавшей ея таинственный успѣхъ, была не храбрость ея и не ея видѣнія, но здравый ея смыслъ. Проводивъ Карла VII въ Реймсъ и наставивъ на томъ, чтобы онъ скорѣе короновался—она этимъ самымъ предупредила англичанъ въ вопросѣ о его коронованіи».

Она исполнила все, что обѣщала и предсказывала, и выражала теперь желаніе вернуться въ родное село, чтобы вновь пасти тамъ свои стада и прѣсть свою пряжу. Но король не давалъ своего согласія на это. Онъ видѣлъ, какимъ успѣхомъ сопровождалось для него появленіе Жанны во главѣ его войскъ, онъ хотѣлъ, чтобы она оставалась и воодушевляла ихъ на новыя побѣды. Но начиная съ этого времени, прежняя глубокая увѣренность въ себѣ уже покинула ее, она чувствовала, что уже выполнила свою миссію и во всѣхъ ея поступкахъ сказывалась нерѣшительность, хотя она и принимала участіе въ сраженіяхъ.

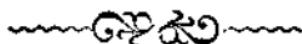
Вновь соединившіеся англичане и бургундцы осадили Компьенъ, городъ, лежавшій на р. Уазѣ, населеніе которого признало своимъ королемъ Карла VII. Дѣва съ войскомъ вошла въ городъ и въ самый день своего прибытія предприняла удачную вылазку, чуть было не захвативъ врага врасплохъ. Но во время разгорѣвшагося боя, она

была оттеснена къ городскимъ воротамъ, гдѣ бургундцы окружили ее, взяли въ плѣнъ и передали англичанамъ, которые предали ее инквизиционному суду въ Руанѣ. Епископъ города Бове, преданный англичанамъ, епископъ Лизье и другие вели процессъ, обвиняя Жанну въ ереси и колдовствѣ. Карлъ VII, обязанный своимъ трономъ этой юной мечтательницѣ, не сдѣлалъ ни шагу въ пользу ея освобожденія. Когда дѣло передано было въ высшую инстанцію—церковный судъ въ Сорбоннѣ, послѣдній рѣшилъ, что «дѣвушка одержима дьяволомъ» и должна быть подвергнута обычной въ подобныхъ случаяхъ казни. Французы-бургундцы не возразили ни слова на ужасное рѣшеніе суда (Въ ту эпоху обыкновеннымъ результатомъ подобныхъ процессовъ являлся приговоръ къ сожжению колдуна или колдуны живьемъ). Такимъ образомъ, Жанна Д'Аркъ была сожжена въ Руанѣ на площади, известной теперь подъ именемъ «Place de la Pucelle», недалеко отъ Гаврской набережной, гдѣ теперь возвышается памятникъ въ честь Орлеанской Дѣвы.

«Въ исторіи насчитывается безконечный рядъ мучениковъ,— говоритъ Мишле,— болѣе или менѣе нравственно безупречныхъ, болѣе или менѣе прославившихся. Гордость, какъ и ненависть, и духъ противорѣчія также насчитываютъ своихъ мучениковъ, и нѣть того вѣка, въ которомъ не появлялись бы мученики-воины, умѣвшіе умирать съ достоинствомъ, когда не могли болѣе убивать. Впрочемъ, эти замѣчанія не относятся къ нашему предмету. Чистая Орлеанская Дѣва не принадлежитъ къ числу послѣднихъ; память ея отмѣчена особымъ отпечаткомъ доброты, чистоты, любви къ людямъ и великодушия. Она обладала кротостью древнихъ мучениковъ, съ той лишь разницей, что мученики первыхъ эпохъ христианства оставались не-прикосновенными отъ грѣха, потому что устранились отъ мірской суеты и борьбы, тогда какъ Жанна сохранила свою душевную чистоту и кротость въ средѣ самой воин-

ственной и грубой, свое миролюбіе среди самыкъ крово-
пролитныхъ войнъ. Она шла на брань, вдохновленная
какимъ духомъ Распятаго».

Французскій народъ не забылъ Жанны Д'Аркъ. Во Франціи ей воздвигли много памятниковъ, и изъ поколѣнія въ поколѣніе солдаты передаютъ другъ другу благоговѣй-
ное уваженіе къ ея памяти. Когда какой-либо француз-
скій полкъ проходитъ черезъ Домреми, солдаты останавливаются передъ домомъ, гдѣ она родилась и отдаютъ честь
оружiemъ. Трогательный фактъ! онъ показываетъ, насколько
жива еще память юной героини въ странѣ, которой она
такъ преданно послужила въ свое время.

ГЛАВА VI.

ПОСТОЯНСТВО ДО КОНЦА—САВОНАРОЛЛА.

Взгляни на смерть нашего Господа! Душа, ставшая себѣ покинутой, снова ощущаетъ присутствіе Бога и, смиряясь, предаетъ себѣ въ руки Небеснаго Отца.
Кельв.

Лучше смерть, которая идетъ человѣка по выполненію его назначения, чѣмъ долгая, но безполезная жизнь, исполненная суетныхъ наслаждений.

Георгий Мекономовъ.

Если вы спрашиваете меня обѣ исходы этой борьбы вообще — я вамъ отвѣту — победа! Если вы меня спросите о томъ же въ частности — я отвѣчу: смерть.
Савонаролла.

Вернемся къ нѣкоторымъ великимъ мученикамъ Италии: Арнольду изъ Брешии, Данте и Савонаролль. — Вскорѣ послѣ паденія Римской имперіи, низшія стороны человѣческой природы вновь получили преобладаніе въ жизни тогдашняго Рима. Церковь ничего не могла подѣлать съ этимъ и даже дала себя увлечь въ общій потокъ. Святой Бернардъ Клервоскій слѣдующими Ѣдкими словами клеймить пороки Рима той эпохи: «Кому не бросаются въ глаза ихъ высокомѣріе и тщеславіе? Народъ, воспитавшійся на мятахъ, непокорный и неуступчивый, насмѣхающійся надъ какимъ бы то ни было послушаніемъ, пока у него хватаетъ силы обороняться. Изощрившійся въ совершеніи всевозможныхъ злыхъ дѣлъ, они никогда не учились умѣнью дѣлать добро. Лесть и клевета, предательство и измена — вотъ главнѣйшія пружины ихъ политики».

Высшіе слои римского общества, исполненные легко-мыслия и пустоты, предавались роскошной и праздной жизни, а низшіе коснѣли въ бѣдности, невѣжествѣ и порокѣ.

Духовенство было не лучше мірянъ. «Если хочешь, чтобы твой сынъ сталъ безбожникомъ, сдѣлай его священникомъ»—гласила общеизвѣстная въ то время поговорка. И такъ, могущественный нѣкогда и мужественный народъ стоялъ на пути къ гибели.

При такомъ положеніи дѣль въ XII столѣтіи выступаетъ на арену политической дѣятельности Арнольдъ Брешіанскій, и его проповѣди проносятся по Италии, словно трубный призывъ. Онъ не занималъ высокаго положенія въ рядахъ служителей церкви, но принадлежалъ къ числу учениковъ знаменитаго Абеляра и обладалъ даромъ самого пылкаго и увлекательного краснорѣчія. Онъ проповѣдывалъ чистоту нравовъ, христіансскую любовь, правду и свободу. Изъ всѣхъ его поученій самыми опасными являлись въ то время тѣ, въ которыхъ онъ призывалъ народъ къ свободѣ. Его стремленія водворить чистоту нравовъ въ средѣ духовенства уже пріобрѣли ему немало враговъ, число ихъ росло какъ лавина послѣ того, какъ онъ воздумалъ проповѣдывать возстановленіе старинной республики. Папа Иннокентій III изгналъ его изъ Италии, и онъ бѣжалъ сначала во Францію къ Абеляру, а потомъ, осужденный еще разъ церковью вмѣстѣ со своимъ учителемъ, въ Швейцарію, гдѣ жилъ и проповѣдывалъ въ Цюрихѣ, первомъ изъ Швейцарскихъ кантоновъ.

Послѣ смерти Иннокентія III, онъ вернулся въ Римъ, гдѣ народъ и дворянство защищали его отъ гоненій церкви, и въ продолженіе десяти лѣтъ краснорѣчіе его потрясало семихолмный городъ. Онъ увѣщевалъ римлянъ встать на защиту правъ, принадлежащихъ всякому человѣку и христіанину, возстановить судъ и законы временъ республики и ограничить власть папы, предоставивъ ему лишь управлѣніе духовными дѣлами своей паствы.

За время политической деятельности Арнольда на престолъ св. Петра смѣнилось три папы, изъ которыхъ ни одинъ не отважился предпринять что-либо противъ смѣлаго проповѣдника. Энергичный Адріанъ IV, единственный англічанинъ, занимавшій когда-либо папскій престолъ, первый выказалъ Арнольду энергическое сопротивленіе и издалъ эдиктъ, отлучившій отъ церкви не только самого проповѣдника, но и весь Римъ, объявивъ, что сниметъ свое проклятие не прежде, чѣмъ Арнольдъ будетъ изгнанъ изъ Рима. Арнольдъ бѣжалъ, но былъ схваченъ и приговоренъ къ смерти. Онъ погибъ на костре въ присутствіи неблагодарной легкомысленной толпы, а прахъ его былъ развеянъ по Тибру, чтобы помѣшать его сторонникамъ собрать священные останки человѣка, которому они поклонялись.

И Италия продолжала идти прежнимъ путемъ, легкомысленная, суэтная и порочная. Города воевали другъ съ другомъ, Гвельфы и Гибеліны разрывали на части несчастную страну вѣчной партійной борьбою. Но въ XIII столѣтіи, въ самомъ разгарѣ этихъ смутъ, является Данте, голосъ мощный голосъ призываєтъ толпу къ свободѣ; голосъ благороднѣйшаго, лучшаго изъ людей, глубоко вѣрившаго въ торжество вѣчной правды. Любовь и справедливость, вдохновлявшія его душу, ясно показали ему противорѣчіе вошедшаго въ Италии въ обычай образа жизни съ высшими и чистѣйшими проявленіями человѣческой природы. Этотъ міръ безумствъ и излишествъ, казалось ему, колебался между небомъ и адомъ. Въ грубой борьбѣ и въ разгарѣ людскихъ страстей Данте провидѣлъ переть предвѣчнаго правосудія, душа его поднялась выше земныхъ порывовъ и въ чудныхъ пѣсняхъ онъ указалъ людямъ неисповѣдимые пути Господни въ жизни человѣчества.

Въ длинномъ ряду столѣтій униженія и страданій, пережитыхъ Италіей, его пылкія слова сіяли словно спасительный огонь маяка для всѣхъ лучшихъ людей его страны.

Онъ явился передъ итми какъ провозвѣстникъ національной свободы, готовый изъ любви къ ней на преслѣдованіе, пытки и смерти. Въ своемъ сочиненіи «De Monarchia» онъ, подобно Ариольду Брешіанскому, защищалъ раздѣленіе духовной власти отъ свѣтской и называлъ узурпацией свѣтскую власть папы. Это произведеніе было всенародно сожжено въ Болоньѣ однимъ изъ папскихъ легатовъ и по приказанію папы!

Данте былъ и есть любимѣйшій и популярнѣйшій изъ итальянскихъ поэтовъ. Въ 1302 г., въ качествѣ одного изъ членовъ партіи Гибелиновъ, онъ былъ во время торжества Гвельфовъ изгнанъ изъ Флоренціи, а домъ его разграбленъ. Заочно и самого поэта присудили къ казни на кострѣ. Въ эпоху своего изгнанія онъ написалъ свое гениальное произведеніе «Божественную комедію». Его сограждане любили и уважали его и старались всеми силами содѣйствовать отмѣнѣ приговора и возвращенію его во Флоренцію.

Во Флоренціи существовалъ древній обычай прощать нѣсколькихъ преступниковъ въ день празднованія памяти любвеобильнаго, кроткаго апостола Іоанна. Данте извѣстили, что онъ можетъ получить прощеніе и вернуться на родину подъ условіемъ, что онъ признаетъ себя виновнымъ и обратится съ прошбой о помилованіи въ Римъ. Данте воскликнулъ въ отвѣтъ на это: «Какъ! Развѣ это похоже на блестательную отмѣну несправедливаго рѣшенія, развѣ такимъ образомъ Данте Алигьери долженъ послѣ пятнадцатилѣтняго изгнанія быть призваннымъ на родину? Такъ-ли отплачиваются человѣку за его пламенный патріотизмъ! Это-ли награда за мои постоянные научные труды?.. Но все равно. Если я могу вернуться во Флоренцію только на такихъ условіяхъ, пусть лучше никогда нога моя не ступить на родную почву. Что-же такое?! Развѣ я не могу любоваться солнцемъ и звѣздами всюду, гдѣ бы ни жиль, и мыслить о правдѣ и истинаѣ внѣ родныхъ небесъ, вмѣсто

того чтобы съ позоромъ и безславіемъ вернуться въ среду флорентинскаго народа! До сихъ поръ я еще не нуждался въ кускѣ хлѣба! Нѣть, нѣть, я не вернусь!»

И Данте провелъ двадцать лѣтъ въ изгнаніи и въ 1321 г. умеръ въ Равеннѣ.

Еще столѣтіе миновало, и вновь явился въ Италии новый глашатай свободы, человѣкъ непоколебимаго мужества и высокой честности, одно изъ самыхъ свѣтлыхъ явлений исторіи—это былъ Джироламо Савонаролла. Онъ родился въ Феррарѣ въ 1452 г. и происходилъ изъ дворянской, хотя и бѣдной, семьи. Джироламо долженъ быть сдѣлаться медикомъ, но его природныя склонности влекли его на совсѣмъ иную арену дѣятельности. Уже съ ранней юности Джироламо предавался религіознымъ размышленіямъ и любимымъ его занятіемъ было изученіе Библіи, а также твореній св. Омы Аквинскаго. То, что совершилось вокругъ него, ужасало его. «Нѣть ни одного человѣка, никого не осталось, кто стремился бы къ добру!—воскликнулъ онъ.— Мы должны учиться у дѣтей или женщинъ низшаго сословія, потому что лишь въ этой средѣ еще можетъ встрѣтиться остатокъ невинности. Добрые гонимы, и итальянскій народъ начинаетъ походить на египтянъ, угнетавшихъ рабствомъ Божій народъ».

Въ концѣ-концовъ Джироламо рѣшилъ покинуть суетный міръ и вполнѣ посвятить себя религії. Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, онъ связалъ однажды вечеромъ въ узелокъ все немногое, что имѣлъ, и, тайно оставивъ родительскій домъ, отправился въ Болонью. Тамъ онъ явился въ доминиканскій монастырь и просилъ принять его въ орденъ въ качествѣ слуги, на что братья охотно дали свое согласіе.

Изъ монастыря онъ написалъ отцу, объясняя, какія причины заставили его оставить семью и родину. «Нужда, бѣдствія и безотрадное положеніе окружающихъ меня—вотъ что заставило меня удалиться въ монастырь, — гово-

рить онъ между прочимъ въ свое мѣсто письмѣ;—злоба и несправедливость людская, лесть и бессовѣтное низкопоклонство, грабежи, насилия, гордость, богохульство, царствующіе въ обществѣ... Я не могъ болѣе переносить нечестіе и порочность ослѣпленного итальянскаго народа, я не могъ выносить этого тѣмъ болѣе, что всюду встрѣчалъ презрѣніе къ добру и поклоненіе пороку. Это причиняло мнѣ постоянное страданіе. Я сталъ возсылать ко Христу горячія молитвы, прося Его освободить меня изъ этой бездны нечестія и разврата. И я твердо надѣялся, что Господь укажетъ мнѣ путь, по которому я долженъ слѣдоватъ... Вотъ все, что я могу сказать. Мнѣ остается только просить тебя, отецъ, успокоить и утѣшить мою мать. Прошу тебя и мать прислать мнѣ ваше благословеніе».

Церковь представляла въ ту эпоху картину полнѣйшаго разложенія, и поведеніе ея верховныхъ пастырей служило самыемъ непозволительнымъ примѣромъ для всего христіанскаго міра. Ненасытная жадность папы Павла II, лживость и вѣроломство Сикста IV, отвратительная злодѣйства Александра VI Борджіа (Подробности, разсказанныя въ «Дневникѣ» Бургарта, а также у Пончинія, Муратори, въ Фабровомъ продолженіи церковной исторіи Флѣри и у другихъ католическихъ и протестантскихъ писателей, кажутся въ настоящее время совсѣмъ невѣроятными,—*English Cyclopoedia*) — возбуждали всеобщее негодованіе и ужасъ. Савонаролла въ своей монашеской кельѣ восклицалъ: «Куда дѣвались древніе учителя, древніе святые? Гдѣ любовь, знаніе и чистота прошлыхъ дней? О, Господи, если-бы сломить эти широко раскинувшіяся крылья Люцифера, уносящія насъ въ бездну къ вѣчному проклятию и гибели».

Въ то-же время и свобода исчезла почти безслѣдно. Мелкіе князья, деспотически управлявшіе народомъ, не обладали ни мужествомъ, ни дѣятельностью, ни умомъ своихъ предковъ и стремились лишь къ неограниченному господству. Нерѣдко ихъ поведеніе зажигало месть и не-

нависть въ сердцахъ ихъ подданныхъ, жертвой которыхъ и пали нѣкоторые изъ такихъ герцоговъ: Галеаццо Марія Сфорца, убитый въ 1416 г. въ одной изъ миланскихъ церквей, герцогъ Николай д'Эсте, павшій въ Феррарѣ, герцогъ Джуліано Медичи, умерщвленный во Флорентинскомъ соборѣ во время совершенія евхаристіи.

Среди этой ужасающей деморализаціи тихо и благочестиво протекала до-поры-до-времени жизнь Савонароллы. Настоятель доминиканскаго монастыря быстро подмѣтилъ недюжинный умъ и благородство души юнаго послушника; вмѣсто физического труда онъ поручилъ ему вести учебныя занятія съ новичками, чemu Савонаролла повиновался съ полной готовностью. Изъ учителя онъ скоро повысился въ проповѣдники и на тридцатомъ году былъ посланъ проповѣдывать въ Феррару, свою родину. Но по пословицѣ: никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ,—его проповѣди не обратили тамъ на себя особеннаго вниманія; онъ происходилъ изъ среды своихъ слушателей, — что новаго, думали они, можетъ онъ имъ сказать? Тогда онъ отправился дальше въ Брешію, Павію и Геную, гдѣ краснорѣчіе его было оцѣнено по достоинству,

Послѣ своего почти семилѣтняго пребыванія въ Болонскомъ монастырѣ, Савонаролла, по призыву Лоренцо Медичи, до которого дошла вѣсть о его краснорѣчіи, переселился въ 1402 году въ монастырь Санъ-Марко во Флоренціи. Путь къ новому его мѣстопребыванію пролегъ по незнакомымъ ему еще красивымъ мѣстностямъ; онъ странствовалъ пѣшкомъ и имѣлъ довольно времени любоваться открывавшимися передъ нимъ красотами природы. Поднявшись на горы, онъ въ послѣдній разъ оглянулся на Болонью, которую ему не суждено было больше видѣть. По горнымъ тропинкамъ добрался онъ до вершины Ла-Фута, которая достигаетъ почти трехъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, затѣмъ по Сеивской долинѣ и Аппенинскому перевалу, отдѣляющему эту долину отъ долины

рѣки Арно, онъ началъ спускаться къ великолѣпной Флоренціи, которой вышало на долю быть ареной его пламен-наго краснорѣчія и мужественныхъ подвиговъ, а потомъ и мученической кончины.

Лоренцо Великолѣпный находился тогда въ полномъ расцвѣтѣ своей власти и могущества. Съ помощью изгнанія, тюремъ и казней онъ освободился отъ всѣхъ своихъ враговъ и закрѣпостилъ за собой народъ блестящими празднествами, турнирами и всевозможными зрѣлищами. Чернь и аристократія равно любили его. Ему прощались всѣ его колоссальные ошибки за то, что онъ разыгрывалъ изъ себя покровителя наукъ и искусствъ. Виллари утверждаетъ, ^{*)} «что въ эпоху Лоренцо Медичи артисты, писатели, ученые, политические дѣятели, народъ и аристократія были одинаково развращены умственно и не хотѣли повиноваться какому-либо внушенню нравственного чувства. Религія служила лишь орудіемъ господства, или маской, прикрывавшей низкое лицемѣріе. Истинной вѣры не было никогда и тѣни, какъ и истинной философіи, или нравственности. Даже истиннаго скептицизма не знали люди; холодное равнодушіе ко всякой серьезной мысли или благородному стремленію одно царствовало всюду».

Все это глубоко возмущало Савонароллу; въ первой же своей проповѣди онъ принялъ громить испорченность нравовъ, онъ бичевалъ порокъ желѣзными бичами, онъ клеймилъ коварство, ложь и обманъ пламенными, библейскими словами. Слушатели его сначала были поражены, потомъ вознегодовали. Что значилъ этотъ монахъ, пришедший изъ-за горъ лишь для того, чтобы поносить пороки Флоренціи? И народъ принялъ издѣваться надъ нимъ. Что надо было въ городѣ красоты этому безобразному человѣку? Онъ былъ далеко не красивъ собой: средняго роста съ широкимъ смуглымъ лицомъ съ рѣзкими чертами, боль-

^{*)} Паскаль Виллари: «Джироламо Савонаролла и его время».

шимъ орлинымъ носомъ, большимъ ртомъ съ толстыми губами и четырехъугольнымъ подбородкомъ. Либъ его уже въ молодости былъ изборожденъ глубокими морщинами. Могъ-ли такой человѣкъ пользоваться успѣхомъ и влияніемъ во Флоренціи?

Когда проповѣдывалъ какой-либо другой ученый монахъ, рѣчи котораго пріятно щекотали самолюбіе флорентинцевъ, народъ толпами стекался въ церковь. Эти проповѣдники знали народъ, умѣли льстить ему, осыпали похвалами Лоренцо Великолѣпнаго и ничего не порицали, даже утраты благочестія и свободы. Когда Савонароллу подразнивали успѣхами его соперниковъ, онъ отвѣчалъ: «Когда возвѣщается Господнее слово, простота и правда всегда должны брать верхъ надъ изящной изысканностью рѣчи!» Онъ весь былъ проникнутъ сознаніемъ святости своего призванія и, смотря на свою миссію, какъ на долгъ всей своей жизни, прилагалъ всѣ усилія, чтобы возможно лучше выполнить ее.

Въ монастырѣ Санть-Марка онъ опять принялъ за обученіе послушниковъ и проповѣдывалъ лишь передъ небольшимъ числомъ избранныхъ и сочувственно относившихся къ нему слушателей, пока его вновь не упросили выступить съ публичной проповѣдью. 1-го августа 1490 г., впервые пламенныя, полныя огненнаго краснорѣчія, слова его изумительнымъ, ошеломляющимъ образомъ захватили толпу слушателей. На слѣдующій годъ во время поста онъ проповѣдывалъ уже въ соборной флорентинской церкви, потому что остальные не могли вмѣстить въ себѣ всѣхъ желавшихъ слушать Савонароллу; а число ихъ росло съ каждымъ днемъ. Онъ зажигалъ толпу огнемъ своихъ рѣчей, полныхъ пламеннааго негодованія на пороки и развратъ народа, словно погруженного въ нравственную спячку, полныхъ убѣдительнаго призыва къ покаянію и къ возстановленію прежняго политического могущества Италии.

Все это возбудило по отношенію къ Савонаролль не-

пріязнь Лоренцо Медичи; пять знатнѣйшихъ гражданъ Флоренціи увѣщевали, по его порученію, Савонароллу прекратить его проповѣди, представляя ему, какую опасность навлекаль онъ ими не только на себя, но на весь монастырь, братія которого принялъ его въ свою среду. Савонаролла возразилъ: «Я хорошо знаю, что вы поступаете не по собственному побужденію, но по порученію Лоренцо. Скажите ему, пусть онъ готовится принести покаяніе въ своихъ грѣхахъ, ибо Всевышній не щадить грѣшниковъ и не боится земныхъ царей».

Въ томъ же году онъ былъ избранъ братіей своего монастыря въ пріоры, но и въ новомъ санѣ сохранилъ всю свою прежнюю независимость и правдивость по отношенію къ герцогу. Онъ, по-прежнему, несмотря на богатыя подарки монастырю, которымъ осыпалъ братію Лоренцо, оставался строгимъ судьею его жизни. Онъ видѣлъ въ немъ не только врага, но и разрушителя свободы и считалъ его главнымъ камнемъ преткновенія на пути улучшенія народной нравственности и возвращенія къ христіанскому образу жизни. Горячо возставалъ новый пріоръ и противъ страсти къ картамъ и игорнымъ домамъ, несмотря на то, что правительство извлекало изъ этого большую для себя пользу, и пылко осуждалъ роскошь богатыхъ и всѣ ихъ затѣи, развращавшія народъ.

Особенно рѣзко подчеркивалъ Савонаролла необходимость развитія въ человѣкѣ свободной воли, направляемой на добрыя дѣла. «Наша воля вполнѣ свободна по самой своей природѣ: она является какъ-бы олицетвореніемъ свободы. Богъ, разумѣется, лучшій помощникъ, но Онъ хочетъ, чтобы и Ему помогали. И такъ, будьте ревностны къ молитвѣ, но не зарывайте въ землю и тѣхъ качествъ, которыми каждый изъ васъ надѣленъ какъ человѣкъ. Мужайтесь, братья, а главное дружно идите къ цѣли!» Въ другой разъ онъ говорилъ: «Подъ правдивостью мы подразумѣваемъ привычку, въ силу которой человѣкъ въ своихъ

дѣлахъ и поступкахъ, выказываетъ себя именно такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, не хуже и не лучше. Правдивость — нравственная обязанность каждого, хотя и не подразумѣвается закономъ: это долгъ, который мы обязаны исполнять по отношенію другъ другу; а вмѣстѣ въ тѣмъ правдивость — является главнѣйшей и самой насущной основой справедливости».

Въ 1492 г. Лоренцо Великолѣпный удалился изъ Флоренціи въ свою виллу Кореджи, гдѣ и скончался. Онъ умиралъ въ апрѣль, когда вся природа дышитъ несказанной прелестью, но чудная мѣстность со всей своей поразительной прелестью не могла облегчить болѣзни и страданій Лоренцо. Ни лѣкарства, ни растворенные въ водѣ драгоценные камни не помогали ему. Тогда его мысли обратились къ небу, и ему казалось, что Господь отвращаетъ отъ него Свое лицо, потому что даже св. Дары не принесли ему никакого облегченія. Тяжесть его грѣховъ, казалось ему, все росла и росла вмѣстѣ съ приближеніемъ смерти. Онъ потерялъ всякое довѣріе къ людямъ, потому что окружавшіе его слишкомъ торопились исполнить его малѣйшія желанія. Онъ не вѣрилъ въ искренность собственного духовника: «Никогда никто не посмѣль сказать мнѣ рѣшительного нѣть!»—воскликнулъ онъ среди своихъ мученій. Тогда онъ вспомнилъ о Савонаролѣ, который ни разу еще не сдался ни на лесть, ни на его угрозы и тотчасъ же послалъ за нимъ, желая ему исповѣдаться. Савонаролла немедленно явился на его зовъ.

Професоръ Виллари въ слѣдующихъ чертахъ описываетъ это послѣднее свиданіе Лоренцо и Савонароллы. Едва успѣль удалиться философъ-духовникъ Пико-делла-Миандола, бывшій съ Лоренцо, какъ въ комнату вошелъ Савонаролла и почтительно приблизился къ постели умирающаго. Лоренцо слабымъ голосомъ сказалъ монаху, что желаетъ покаяться ему и попросить у него отпущенія трехъ тяготящихъ его грѣховъ: разграбленіе Волатерры,

присвоеніе денегъ Монте-делле-Фанчіулле, которое стоило столькихъ человѣческихъ жизней, и кровопролитіе, послѣдовавшее вслѣдъ за заговоромъ Пацци, покушавшагося на его жизнь и погубившаго его брата Джуліана. Говоря объ этомъ, Лоренцо развелъ руки и сталъ молиться, а Савонаролла пытался успокоить его, повторяя все время: «Господь милостивъ, безконечно милостивъ».

Когда Лоренцо окончилъ свою исповѣдь, Савонаролла сказалъ ему: «Ты долженъ исполнить три вещи». — «Какія-же, святой отецъ?» Пріоръ съ сосредоточеннымъ выражениемъ поднялъ руку къ небу правую руку и произнесъ: «Прежде всего, сынъ мой, ты долженъ имѣть вѣру въ Бога, полную, живую вѣру въ его милосердіе». — «Я весь и вполнѣ исполненъ такой вѣры!» — «Во-вторыхъ, ты долженъ возвратить все, что когда-либо несправедливо отнялъ у людей, или приказать своимъ сыновьямъ сдѣлать это отъ твоего имени». Это требованіе, казалось, сильно поразило и огорчило герцога; тѣмъ не менѣе, сдѣлавъ надъ собой усилие, онъ согласился на все и утвердительно кивнулъ головой въ отвѣтъ на слова монаха.

Съ боязною устремилъ умирающій свой потухшій взглѣдъ на своего строгаго духовника, который теперь всталъ и выпрямился, восклицая громовымъ голосомъ:

«И въ концѣ-концовъ, сынъ мой, ты долженъ вернуть свободу гражданамъ Флоренціи!» При этомъ Савонаролла остановилъ на герцогѣ свой пронзительный взоръ, какъ-бы желая прочесть въ его чертахъ отвѣтъ на послѣднее выраженное имъ требованіе. Но тутъ Лоренцо, ни говоря ни слова, пренебрежительно отвернулся отъ него. Монахъ такъ и оставилъ его, не давъ ему отпущенія грѣховъ. Лоренцо, мучимый угрызеніями совѣсти, вскорѣ послѣ этого скончался.

Ему наслѣдоваль его старшій сынъ, Петръ. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ оказался хуже отца, потому что онъ нимало ни заботился ни объ искусствахъ, ни о наукѣ,

а все свое время проводилъ въ легкомысленныхъ забавахъ, расточительный и беспечный. Савонаролла продолжалъ свои проповѣди и съ каждымъ днемъ влияніе его возрастало, такъ же и слава его, какъ безстрашного реформатора. По проискамъ Петра, онъ былъ на нѣкоторое время удаленъ изъ Флоренціи и проповѣдывалъ въ Пизѣ, Генуѣ и другихъ городахъ. По своемъ возвращеніи во Флоренцію онъ ввелъ въ монастырской уставъ Санъ-Марка обѣтъ нищеты и требовалъ, чтобы монахи жили трудами своихъ рукъ. Особенно одобрялъ онъ изученіе св. писанія и старался возбудить въ братіи стремленіе поработать на пользу обращенія язычниковъ въ христіанство. Онъ и самъ желалъ посвятить себя місіонерству, но народъ не отпустилъ его и онъ продолжалъ проповѣдывать въ соборѣ передъ народными массами, которая, затая дыханіе, слушали его. Онъ направлялъ свои негодующія рѣчи и противъ духовенства, пренебрегавшаго своимъ долгомъ: «Вы видите ихъ,—говорилъ онъ,—въ золотыхъ, усѣянныхъ драгоценными камнями митрахъ на головахъ, съ серебряными посохами и въ парчевомъ облаченіи, медленно отправляющими вечернія и утреннія службы подъ акомпаниментъ торжественныхъ звуковъ органовъ и пѣнія. Вы поражены и осльплены... Духовенство первобытныхъ временъ христіанства конечно не обладало ни столькими митрами, ни драгоценными сосудами; а если что у нихъ и было, они охотно дѣлились послѣднимъ съ неимущими и бѣдными. Теперь же духовенство отнимаетъ у бѣдныхъ послѣднее, чтобы завести себѣ драгоценныя украшенія. Въ древнемъ христіанстве въ церквяхъ держали деревянные сосуды, за то сердца прелатовъ были золотые, теперь церковь наполнена золотыми сосудами и деревянными прелатами».

Петръ Медичи, стремившійся къ присвоенію верховной власти во Флоренціи, заключилъ тѣмъ временемъ тѣсный союзъ съ папой и королемъ неаполитанскимъ, Альфонсомъ—и тутъ же измѣнилъ имъ, узнавъ, что въ Италию вступи-

ли французы. Людовикъ Моро захватилъ въ свои руки власть въ Миланѣ и призвалъ въ Италию Карла VIII французскаго, предложивъ ему попытаться завоевать Неаполь. Сильная французская армія перешла границу и направилась на югъ, грабя по дорогѣ города и села, все губя и разрушая на своемъ пути. Петръ, вмѣсто того, чтобы поддержать своего союзника Альфонса неаполитанскаго, отправился къ Карлу VIII и заключилъ съ нимъ миръ, уступивъ ему при этомъ важную крѣпость Сарцану и города: Пизу, Ливорно и Піетра-Санта.

Флорентинцы вознегодовали при видѣ визкихъ поступковъ своего правителя и закрыли передъ нимъ двери сената; самая жизнь его была въ опасности, и онъ тайкомъ покинулъ Флоренцію, которая готова была перейти къ открытому восстанію, и бѣжалъ въ Венецию.

Приверженцы Медичи требовали монархіи, народъ стоялъ за республику, и обѣ партіи были на ножахъ. Савонаролла являлся единственнымъ человѣкомъ, сохранившимъ свое влияніе на народъ. Онъ пригласилъ обѣ партіи въ соборъ и пытался примирить ихъ. Пламенными словами заклиналъ онъ ихъ соединиться, возвлюбить другъ друга, какъ подобаетъ христіанамъ, примириться и за - одно идти къ общей цѣли. Ему удалось наконецъ подавить готовое вспыхнуть восстаніе.

Изъ именитѣйшихъ гражданъ Флоренціи избрано было посольство къ французскому королю. Въ этомъ посольствѣ находился и Савонаролла. Члены посольства отправились въ лагерь французского короля въ каретахъ и только одинъ Савонаролла пустился въ путешествіе, по своему обыкновенію, пѣшкомъ. Послы говорили съ королемъ безъ всячаго успѣха и на обратномъ пути повстрѣчали Савонароллу, который такимъ образомъ одинъ отправился въ лагерь французского короля. Добившись свиданія съ Карломъ VIII, онъ сначала умолялъ его, а потомъ требовалъ, чтобы онъ пощадилъ Флоренцію, ея женщинъ, гражданъ и свободу,

но и онъ ничего не добился. Вскорѣ послѣ того французская армія вступила во Флоренцію, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны жителей. Солдаты прежде всего разграбили дворецъ Медичи и вынесли изъ него драгоцѣнныи произведенія искусства, въ чемъ и сами флорентинцы помогали имъ, похищая безъ всякаго стыдненія все, что имъ казалось дорогимъ или цѣннымъ. Такъ въ одинъ день погублено и растищено было художественное богатство, съ любовью собиравшееся въ теченіе полстолѣтія.

Послѣ ухода французской арміи Флоренція осталась вовсе безъ правительства. Сторонники Медичи разсѣялись словно по волшебству и исчезли безследно. Тогда Савонаролла взялъ на себя руководить народомъ и предложилъ собранному имъ по этому поводу городскому совѣту принять подобный венецианскому образъ правленія, единственный устоявшій среди всеобщаго разрушенія и теперь окрѣпшій, успѣвшій пріобрѣсть важное значеніе и уваженіе къ себѣ. Послѣ продолжительныхъ преній рѣшено было принять временно предложенные Савонароллой формы правленія, существеннымъ отличиемъ которыхъ былъ верховный совѣтъ изъ 800 гражданъ и младшій совѣтъ изъ 80. Государство такимъ образомъ временно возстановилось.

Несмотря на то, что Савонаролла былъ душой новаго правительства, онъ продолжалъ проповѣдывать и требовать кромѣ реформы государственной еще переустройства церкви и перевоспитанія нравовъ. Онъ говорилъ: «Настоящая свобода, единственная заслуживающая этого названія, состоитъ въ твердой рѣшимости вести нравственную жизнь. Развѣ мы подчинены despotizму собственныхъ страстей— свободы уже не существуетъ. И такъ, чтобы вернуться къ предмету настоящей бесѣды, скажите мнѣ, флорентинскіе граждане, хотите ли вы быть свободными? Въ такомъ случаѣ вы должны прежде всего любить Бога, близкихъ и заботиться о благосостояніи своего отечества. Когда такая

любовь и единодушіе въ достаточной мѣрѣ вдохновять васъ—вы приобрѣтете истинную свободу

Среди введенныхъ республиканскимъ правлениемъ реформъ особенно важными въ практическомъ отношеніи были: уменьшеніе налоговъ, улучшеніе судопроизводства, уничтоженіе ростовщичества учрежденіемъ заемнаго банка Monte-de-Pieta, отпускавшаго бѣднымъ временные ссуды на возможно менѣе тягостныхъ условіяхъ. Это благодѣтельное учрежденіе обязано своимъ возникновеніемъ исключительно Савонаролль. Также исключительно благодаря его настояніямъ, республика вернула во Флоренцію потомковъ изгнанного Данте, которые въ то время въ крайней бѣдности изнывали на чужбинѣ.

Мало-по-малу и внѣшній видъ Флоренціи круто измѣнился. Отказавшись отъ роскошныхъ нарядовъ, женщины стали одѣваться скромно и просто; буйная, распущеннаѧ молодежь притихла и обратилась къ религії. Купцы въ часы отдохновенія были большею частью погружены въ изученіе Библіи или въ чтеніе одного изъ сочиненій Савонароллы. Церкви были переполнены молящимися, и бѣдняки получали щедрую милостыню. Всего поразительнѣе было то, что купцы и банкиры возвращали въ общественное казначейство деньги, приобрѣтенные ими неправымъ путемъ, въ большихъ суммахъ, доходившихъ иногда до 1000 флориновъ. Всѣ эти перемѣны совершились благодаря вліянію одного только чековѣка.

По окончаніи великаго поста 1493 г. Савонаролла почувствовалъ себя совершенно изнуреннымъ. Онъ не только проповѣдывалъ ежедневно передъ огромнымъ собирающимъ людей, но и усердно постился, отказывая себѣ во всѣхъ удобствахъ, во снѣ и отдыхѣ: постель его была самая жесткая, обстановка кельи самая бѣдная изъ всего монастыря. Если онъ былъ строгъ по отношенію къ другимъ—то къ себѣ самому относился еще строже. Онъ ужасно исхудалъ, силы его таяли съ каждымъ днемъ и слабость его

еще возрастила вслѣдствіе тяжкаго внутренняго недуга. Ничто, однако, не могло сломить силы его духа и ревности его служенія человѣчеству. Едва успѣль онъ оставить политическую борьбу, какъ пришлся за внутреннія реформы и началъ читать рядъ проповѣдей обѣ Иовѣ съ цѣлью пробудить въ своихъ слушателяхъ стремленіе къ добродѣтели, терпѣнію и благочестію. Казалось, внутреннее его возбужденіе росло вмѣстѣ съ увеличеніемъ физической слабости. Глаза его горѣли необычайнымъ огнемъ, онъ весь дрожалъ и рѣчь его лилась еще увлекательный и пламенный, чѣмъ бывало.

Извѣстный политический философъ той эпохи, Бурмалакки, разсказываетъ слѣдующее: «Савонаролла сказалъ однажды особенно пламенную проповѣдь противъ порчи нравовъ въ средѣ духовенства: эта проповѣдь была слово въ слово записана и переслана папѣ. Тотъ въ сильномъ гнѣвѣ призвалъ къ себѣ епископа, монаха доминиканского ордена (къ которому принадлежалъ и Савонаролла), извѣстнаго своей ученостью человѣка, и сказалъ ему: «Отвѣтъ на эту проповѣдь: я желаю, чтобы ты вступилъ въ полемику съ этимъ монахомъ». Епископъ отвѣтилъ: «Я готовъ, святой отецъ, но мнѣ нужны иѣкоторыя средства, чтобы я могъ съ успѣхомъ возражать ему». — «Какія средства?» — «Савонаролла говорить, что мы не должны брать себѣ возлюбленныхъ и поощрять симонію, и мы дѣйствительно повинны въ этихъ грѣхахъ. Онъ говорить правду». — «Что ему за дѣло до этого?» съ досадой спросилъ папа. — «Попробуйте затронуть его честолюбіе, — посовѣтовалъ епископъ, — дайте ему кардинальскій санъ, чтобы онъ прекратилъ свои несчастныя пророчества и взялъ назадъ все сказанное».

Въ томъ-же году Араббіаты, члены клуба заговорщиковъ въ пользу Медичи, грозили Савонаролль смертью, разсчитывая вмѣстѣ съ нимъ уничтожить республику. Тогда отрядъ вооруженныхъ людей вызвался каждый разъ провожать Савонароллу изъ собора въ монастырь и

обратно. Папа Александръ VI Борджіа, которому не по душѣ пришелся соѣтъ епископа, прислалъ изъ Рима указъ, въ которомъ Савонаролль повелѣвалось прекратить проповѣда, а самъ проповѣдникъ обвинялся въ распространеніи лжеученій. Когда Савонаролла принужденъ былъ такимъ образомъ молчать и бездѣйствовать, Араббіаты собирались разомъ разрушить все сдѣланное имъ съ цѣлью улучшенія нравовъ, рѣшивъ возобновить необузданый разгуль и циничныя торжества карнавала. Съ горестью смотрѣль на это Савонаролла и, въ видѣ молчаливаго противодѣйствія недостойнымъ, послалъ по улицамъ Флоренціи процессію дѣтей, его послѣдователей, собиравшую деньги на бѣдныхъ, которыхъ поступали затѣмъ въ распоряженіе монаховъ монастыря св. Мартина.

Увидѣвъ, какъ велико было могущество и вліяніе Савонароллы, папа снялъ съ него запрещеніе проповѣдывать и даже предложилъ ему кардинальскій посохъ подъ условiemъ перемѣны на будущее время духа его проповѣдей. Савонаролла отклонилъ папскія милости и въ ближайшей своей проповѣди въ соборѣ сказалъ: «Мнѣ не нужно ни кардинальской шляпы, ни епископской митры. Я ничего не хочу, кроме дара, ниспосланного Богомъ святымъ мученикамъ—смерти. Если-бъ я жаждалъ почестей, то не носиль бы теперь эту потертую рясу. Я охотно готовъ сложить свою голову за то, что считаю своимъ долгомъ».

Тѣмъ временемъ для республики настушили трудныя времена. Во время осады Пизы, флорентинцы умирали съ голоду; за голодомъ явилась чума, производившая страшныя опустошенія. Голодъ и чума свирѣпствовали и въ монастырѣ Санть-Марко, и Савонаролла, выславъ за городъ больныхъ и робкихъ, остался съ небольшимъ числомъ своихъ приверженцевъ на своемъ опасномъ посту. Во Флоренціи ежедневно умирало до ста человѣкъ. Савонаролла спокойно посѣпалъ зараженные дома, произнося надъ умирающими послѣднее напутствіе, утѣшая и ободряя ихъ.

Спустя мѣсяцъ чума стала ослабѣвать и вновь вспыхнули заговоры противъ республики.

Савонаролла въ это время большою частью оставался у себя въ монастырѣ, усердно занимаясь изданіемъ и просмотромъ корректуръ своего труда «Торжество Креста». Въ этомъ трактатѣ онъ доказываетъ, что христіанское ученіе все основано на разумѣ, любви и совѣсти. «Торжество Креста» должно было служить отвѣтомъ на папскій указъ и служило затѣмъ руководствомъ въ школахъ и въ союзѣ для распространенія вѣры, такъ какъ было изложено очень легко и доступно для пониманія. Несмотря на это, папа въ маѣ 1497 г. отлучилъ Савонароллу отъ церкви; отнынѣ никто не имѣлъ права входить съ нимъ въ какія-либо сношенія, какъ съ лицомъ, котораго подозрѣвали въ ереси и отступничествѣ. Отлученіе это было съ большой торжественностью мѣсяцъ спустя возвѣщено въ соборѣ въ присутствіи духовенства, монаховъ, окрестныхъ обителей и высшихъ чиновниковъ. По прочтеніи папской грамоты свѣчи были погашены и весь соборъ погрузился во мракъ и безмолвіе.

Два дня спустя, во время богослуженія, совершившагося монахами св. Марка, толпа людей, собравшаяся за монастыремъ, подняла шумъ и крикъ и стала бросать въ окна камни. Городскія власти равнодушно смотрѣли на это, и мятежъ со-дня-на-день усиливался. Все пошло по прежнему: въ народѣ торжествовалъ былой развратъ; церкви пустѣли, а таверны кишѣли народомъ; казалось, всѣ мысли о свободѣ, патріотизмѣ и религії были уже забыты. Таковыми оказались первые плоды отлученія Савонароллы папой. Многіе изъ лучшихъ людей пытались побудить папу снять это отлученіе, но всѣ просьбы были напрасны. Папа угрожалъ городу интердиктомъ и конфискаціею имущества флорентинскихъ купцовъ, находившихся въ Римѣ. Онъ требовалъ, чтобы флорентинскія власти отослали Савонароллу въ Римъ, но синьорія отвѣчала

что съ изгнаніемъ Савонароллы изъ Флоренціи городу грозить величайшая опасность. Савонароллу даже уговорили вновь начать свои проповѣди въ соборѣ, несмотря на отлученіе. И 18 марта 1498 года онъ еще въ послѣдний разъ появился на кафедрѣ.

Это былъ тяжелый для него день, такъ какъ выяснилось, что общественное мнѣніе, до сихъ поръ благопріятное ему, сразу, какъ флюгеръ при перемѣнѣ вѣтра, обратилось въ противоположную сторону. Въ продолженіе 8-ми лѣтъ Савонаролла былъ главнымъ общественнымъ дѣятелемъ во Флоренціи; восемь лѣтъ побуждалъ онъ народъ къ покаянію, училъ его жить въ мирѣ, бороться за свою свободу, идти по правымъ путямъ и, съ Божіею помощью, проводить необходимыя реформы. Онъ былъ популярнѣйшимъ лицомъ во Флоренціи и неожиданно быстро превратился въ самого ненавистнаго. Словно пришелъ часъ отлива. Сторонники Савонароллы или отсутствовали, или скрывались, потому что вся Флоренція казалась теперь враждебно настроенной къ нему.

Заклятые враги его, францисканцы, требовали, чтобы онъ доказалъ правдивость своего ученія, принявъ испытаніе огнемъ (одинъ изъ самыхъ варварскихъ обычаевъ средневѣковья). Савонаролла не согласился, понимая всю бесплодность и бездоказательность предлагаемаго испытанія, хотя братъ его, Доменико, и другіе монахи готовы были идти въ огонь, исполненные вѣры въ своего учителя. Отказъ Савонароллы повелъ за собою весьма дурныя послѣдствія. Чернь осадила монастырь св. Марка и грозила зажечь его. Нѣкоторые изъ друзей пріора рѣшили было защищать его вооруженными силами, но Савонаролла остановилъ ихъ: «Пустите меня. Буря эта поднялась изъ-за меня и успокоится, когда я выдамъ себя врагу». Но монахи не допустили его сдѣлать этого.

Тогда синьорія выслала на площадь св. Марка вооруженный отрядъ для возстановленія спокойствія. Предводи-

тель отряда потребовалъ, чтобы все находившіеся въ монастырѣ сложили оружіе, и, объявивъ Савонароллу изгнанникомъ, приказалъ ему оставить Флоренцію въ теченіе двѣнадцати часовъ. Но монахи съ оружіемъ въ рукахъ продолжали защищать монастырь; съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ и раненыхъ. Когда Савонаролла увидѣль эту рѣзню въ монастырѣ и видѣлъ его, онъ сталъ умолять братію прекратить это напрасное кровопролитіе и увель ихъ съ собой въ библіотеку, находившуюся за главнымъ монастырскимъ зданіемъ. Подъ сводами этой обширной простой залы поставилъ онъ посрединѣ чашу со св. дарами, собралъ вокругъ себя братію монастыря и обратился къ ней съ послѣдней достопамятной своей рѣчью: «Дѣти мои, въ присутствіи Господа и передъ этой святой чашей, въ ту минуту, когда мои враги уже готовы ворваться въ монастырь, я еще разъ исповѣдую свое учение. То, что я говорилъ, внушено мнѣ самимъ Господомъ Богомъ и Онъ мнѣ порукой на небесахъ въ томъ, что я возвѣщаю вамъ истину. Я никогда не допускалъ мысли, чтобы цѣлый городъ обратился противъ меня въ такое короткое время—но да будетъ Его святая воля! Даю вамъ мое послѣднее завѣщеніе: вооружитесь вѣрой, терпѣніемъ и молитвой. Я оставляю васъ съ печалью и страхомъ въ сердцѣ. Я отдаюсь въ руки моихъ враговъ. Не знаю, отнимутъ-ли они отъ меня жизнь, но хорошо знаю, что послѣ моей смерти я буду имѣть возможность сдѣлать для васъ на небесахъ много болѣе, чѣмъ могъ сдѣлать, живя на землѣ. Утѣшитесь и приложитесь ко кресту, который указываетъ вамъ путь къ вѣчному блаженству».

На этомъ прервалась его рѣчь, потому что въ монастырь ворвались солдаты и Савонаролла былъ схваченъ. Ему связали руки и въ качествѣ арестанта повели его къ синьоріи, при чемъ по дорогѣ разсвирипѣвшій народъ едва не набросился на столъ почитаемаго имъ прежде человѣка. Двое монаховъ настояли на томъ, чтобы имъ позволили

сопровождать Савонароллу, но по прибытии въ синьорію, ихъ размѣстили по разнымъ каморкамъ. Савонароллъ пред- назначили такъ-называемую Альбергеттинскую келью—не- большую комнатку въ одной изъ дворцовыхъ башенъ, въ которой когда-то отбывалъ заключеніе Козьма Медичи.

Савонароллу сейчасъ-же подвергли пыткѣ. Послѣ допро- совъ, угрозъ и увѣщаній въ верхней залѣ Баргелло передъ членами городского совѣта, его привязали къ подъемной веревкѣ, разрывавшей мускулы, отчего всѣ члены пы- таемаго подергивались отъ нестерпимой боли. Если эта пытка длилась продолжительное время—она вела за собою бредъ и безпамятство, а затѣмъ смерть.

Савонаролла съ дѣтства отличался слабостью и хруп- костью сложенія, продолжительные-же посты, усиленныя умственныя занятія, въ которыхъ проводилъ онъ дни и ночи, безпрерывное почти чтеніе проповѣдей и серьезная внутренняя болѣзнь—окончательно подорвали его силы. Жизнь еще теплилась въ немъ, только благодаря силѣ его духа и непреклонной волѣ. События послѣднихъ дней: оскорблениія, которыми его осыпали, опасности, сердечная боль, причиненная ему отступничествомъ отъ него столь преданного ему прежде народа—немало способствовали уси- ленію его нервнаго возбужденія. Въ такомъ состояніи онъ долженъ былъ выносить безчеловѣчную пытку. Его вздер- нули кверху и быстро опустили внизу, повторяя эти движенія и заставляя его въ это время отвѣтчать на пред- лагаемые ему вопросы. Ему предлагали признать себя об- манщикомъ, предлагая освободить въ такомъ случаѣ отъ пытки. Скоро онъ потерялъ сознаніе, отвѣты его стали неясными и наконецъ онъ воскликнулъ съ отчаяніемъ та- кимъ голосомъ, который, казалось бы, долженъ былъ тро- нуть самое каменное сердце: «О, Господи, пошли мнѣ смерть, пошли мнѣ смерть!»

Пытку на время прекратили; окровавленнаго несчаст- наго Савонароллу отнесли назадъ въ тюрьму, гдѣ онъ

провелъ ужасную, полную мученій, ночь. Къ полуночи слѣдующаго дня, начался такъ-называемый судъ. Сильный духъ Савонароллы еще разъ восторжествовалъ надъ его слабымъ, измученнымъ тѣломъ, и всѣ отвѣты его были ясны, прости и полны достоинства. Когда одинъ флорентинскій адвокатъ, Чекконе, услыхалъ выраженное однимъ изъ сановниковъ сожалѣніе, что во время процесса не открыто ничего, могущаго послужить обвиненіемъ противъ Савонароллы,—онъ сказалъ: «Гдѣ нѣть вины—можно ее выдумать!» И суды,—всѣ до одного враги Савонароллы,—предложили этому проходимцу четыреста флориновъ, если онъ приготовитъ подложный отчетъ допроса, гдѣ бы отвѣты Савонароллы были такъ измѣнены, что обусловливали бы собою осужденіе обвиняемаго.

Тѣмъ временемъ Савонароллу продолжали безпрерывно пытать—и въ печальные дни великаго поста и въ радостные—праздника Пасхи. Однажды Савонароллу, поднятаго кверху, четырнадцать разъ сбросили внизъ, приложили горячіе угли къ его подошвамъ, но душа его не поколебалась и его принуждены были снова отправить въ тюрьму, не добившись отъ него желаемаго сознанія.

18 мая 1498 г. во Флоренцію прибыли папскіе комиссары, чтобы покончить съ этимъ дѣломъ. По приказанію кардинала Рамоливо, Савонароллу еще разъ подвергли пыткѣ и продолжали ее до тѣхъ поръ, пока онъ не началъ бредить, при чемъ, подкупленный синьоріей адвокатъ искажалъ всѣ его отвѣты въ томъ смыслѣ, въ какомъ этого требовали суды. Однако и тутъ они не достигли цѣли; это видно изъ того, что подлинные протоколы не были подписаны и обнародованы.

На засѣданіи комиссаровъ 22 мая, съ согласіемъ синьоріи, надъ тремя монахами произнесенъ былъ смертный приговоръ. Они были вполнѣ приготовлены къ этому: Доменикъ принялъ извѣстіе о смерти такъ радостно, какъ будто это было приглашеніе на пирь; Савонароллу объявленіе при-

говора застало молящимся на коленяхъ. Къ вечеру ему предложили поужинать, но онъ не пожелалъ, сказавъ, что желаетъ приготовить къ смерти душу постомъ и молитвой.

Вскорѣ въ его келью явился монахъ, по имени Джакопо Николини, одѣтый въ черную мантію, съ чернымъ капюшономъ, закрывавшимъ лицо. Онъ принадлежалъ къ братству Батuto, члены которого приняли на себя обязанность оказывать разныя услуги осужденнымъ на смерть преступникамъ. Николини спросилъ Савонароллу, не можетъ ли онъ быть ему чѣмъ-нибудь полезенъ? «Да,—отвѣчалъ Савонаролла,—попросите, чтобы синьорія разрѣшила мнѣ короткое свиданіе съ моими товарищами по заключенію: я хотѣлъ бы передъ смертью сказать имъ нѣсколько словъ». Въ то время, какъ Николини пошелъ исполнять порученіе, бенедиктинскій монахъ явился исповѣдать заключенныхъ, исполнившихъ этотъ обрядъ, набожно преклонивъ колѣни.

Наконецъ три страдальца увидѣлись въ первый разъ послѣ сорокадиевнаго заключенія и пыточкъ. Оба монаха упали къ ногамъ Савонароллы и смиренno просили благословенія у своего пріора; другъ другу они обѣщали мужественно встрѣтить смерть.

Была уже поздняя ночь, когда Савонаролла вернулся въ свою келью, гдѣ онъ нашелъ доброго Николини. Въ знакъ своей къ нему благодарности и расположенія Савонаролла спалъ эту ночь, положивъ голову ему на колѣни. Свѣтлая улыбка озаряла во снѣ его черты. Онъ проснулся съ зарею и сталъ разговаривать съ Николини, рисуя передъ его умственнымъ взоромъ картину угрожавшихъ Флоренціи бѣдствій.

Поутру три монаха снова встрѣтились, чтобы пріобщиться св. Тайнѣ изъ рукъ Савонароллы и приняли съ радостью и признательностью св. Дары. Спокойно, съ высоко поднятой головой пошли они затѣмъ на площадь, гдѣ были воздвигнуты три трибуны для епископа вазонскаго,

падскихъ комиссаровъ и гонфalonьера. Эшафотъ находился у палаццо Веккio. Въ концѣ его стоялъ столбъ, къ которому прикреплены были три веревки и три цѣпи. Веревками решено было задушить монаховъ, цѣпи же должны были поддерживать ихъ трупы, пока они не сгорятъ на огнѣ разложенного внизу костра.

Осужденные спустились по лѣстницѣ палаццо. Съ нихъ сняли верхнюю коричневую одежду и они остались въ однѣхъ рубашкахъ съ босыми ногами и связанными назадъ руками. Ихъ подвели сначала къ епископу вазонскому, который объявилъ ихъ лишенными сана и, взявшись Савонароллу за руку, воскликнулъ: «Отлучаю тебя отъ церкви, воинствующей и торжествующей». Но Савонаролла возразилъ: «Отъ воинствующей да, но не отъ торжествующей: съ этой вы не имѣете ничего общаго». Когда осужденныхъ подвели къ папскимъ комиссарамъ, тѣ объявили ихъ еретиками, гонфalonьерь-же по обычаю предложилъ голосовать приговоръ суда: не было ни одного голоса въ пользу обвиняемыхъ.

Этимъ окончились приготовления къ казни. Осужденные твердыми шагами приблизились къ эшафоту. Священникъ, по имени Неротти, спросилъ у Савонароллы: «Какъ душа твоя принимаетъ мученическую кончину?»—«Господь больше пострадалъ за меня!»—какою отвѣтилъ пріоръ. Это были послѣднія произнесенные имъ въ этомъ мірѣ слова. Первымъ казненъ былъ братъ Сильвестро, потомъ преданный Савонаролль братъ Доменико и въ концѣ-концовъ Савонаролла долженъ былъ занять пустое мѣсто между ними. Поднявшись на верхнюю ступень лѣстницы, онъ оглядѣль въ послѣдний разъ толпу, еще недавно ловившую въ соборѣ каждое его слово. Какая перемѣна! Теперь они съ крикомъ требовали его ирови. Онъ закрылъ глаза и вложилъ голову въ петлю, падающую даль толчокъ, и черезъ секунду Савонароллы не стало. Тѣла казненныхъ цѣпями прикрепили къ столбу и сожгли; пепель былъ собранъ и

брошенъ съ Понте-Веккіо въ Арно. Казнь совершилась 23 мая 1499 года. Савонароллъ не было еще полныхъ сорока пяти лѣтъ.

Хотя Лютеръ считалъ его позднѣе мученикомъ за протестантизмъ, — причина его казни была иная *): его предъдѣвали прежде всего за его пламенную любовь къ свободѣ. Онъ не ставилъ себѣ цѣлью отступленіе отъ церкви, но проповѣдывалъ скрѣпленіе союза между свободой и религіей, пытаясь выяснить истинное значеніе той и другой. Вотъ причина его мученичества: онъ отдалъ свою жизнь за своего Господа и отечество. Если-бы реформы, которыя онъ проповѣдывалъ, были проведены когда-нибудь въ жизнѣ, — христіанство достигло бы апогея своего развитія и Италия стала бы можетъ быть во главѣ новой цивилизациі.

Флоренція принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ по историческимъ воспоминаніямъ городамъ не только Италии, но и дѣлой Европы. Она была или родиной или мѣсто-пребываніемъ великихъ мыслителей, поэтовъ и артистовъ: Данте, Галилея, Леонардо да-Винчи, Микель Анджело, Рафаэля, Макіавелли и многихъ другихъ всемирно славныхъ дѣятелей. Въ ней можно видѣть прекраснѣйшія произведения скульптуры и лучшія творенія геніальнѣйшихъ художниковъ. Тамъ находятся обсерваторія Галилея, домъ, где родился Данте, мѣсто, где скончался Лоренцо Медичи, домъ и могила Микель Анджело.

Но къ самымъ замѣчательнымъ памятникамъ Флоренціи безспорно принадлежать: соборъ, въ которомъ такъ часто звучали пламенные рѣчи Савонароллы, монастырь Санъ-Марка, где онъ проводилъ свои дни въ бѣдности, лишеніяхъ, трудѣ и молитвѣ, и палаццо синьоріи, где онъ былъ преданъ въ руки тирановъ и вступилъ на стезю мученичества. Въ монастырѣ Санъ-Марка поныне еще

*) Напротивъ, Савонаролла принадлежитъ къ числу самыхъ ревностныхъ католиковъ: больше и чаще воего онъ обвинялъ духовенство за ихъ недостаточно твердую вѣру въ пресуществленіе.

можно видѣть маленькую келью, въ которой жилъ замѣтный человѣкъ, библію, которую онъ читалъ и дома и съ каѳедры, маленькую библію, всю испещренную на поляхъ различными замѣтками, до того мелко написанными, что нѣтъ никакой возможности прочесть ихъ безъ увеличительного стекла. Тамъ же показываютъ его портретъ, его рукописи и много другихъ любопытныхъ вещей, сберегаемыхъ на память о немъ.

Италия давно уже отказалась отъ изгнанія Данте изъ Флоренціи, воздвигнувъ въ честь его статуи и памятники во всѣхъ своихъ болѣе значительныхъ городахъ. Почему бы не отдать должного и Савонаролль, пламенному патріоту и мученику за свободу, и не воздвигнуть ему памятника въ назиданіе всѣмъ грядущимъ поколѣніямъ? И мѣсто для него на лицо: это скверъ палаццо Веккіо, гдѣ онъ такъ мужественно принялъ смерть во имя свободы человѣческой личности и религіозныхъ убѣждений.

ГЛАВА VII.

М О Р Я К Ъ.

Прелестное глубокое и съятлое море! Тебѣ обѣзы мы своимъ чистьемъ. Твой немо-чный ролотъ, то грозный, то кроткий, вызываетъ во мнѣ то слезы, то радость. Я оплакиваю миангъ сердцъ, погребенныхъ въ твоихъ волнахъ, радуюсь же о Томъ, Кто побѣдилъ смерть Своей смертью.

Капитанъ Герз.

Море взлелъяло самыхъ отважныхъ храбрецовъ, потому что опасности морской жизни воспитываютъ въ человѣкѣ не только мужество, но и глубокое сознаніе долга. Моряку необходимо запасаться терпѣніемъ, неутомимостью, энергией и бодростью. На плечахъ его всегда лежить бремя заботъ и ответственности и жизнь его нимало не походитъ на жизнь людей на сушѣ, гдѣ они, покончивъ съ дневной работой, спокойно ложатся спать и безмятежно отдыхаютъ до утра.

Морякъ постоянно на-сторожѣ, и днемъ и ночью. Во время длинныхъ переѣздовъ капитанъ можетъ спокойно посидѣть въ своей каютѣ только въ отсутствіе вѣтра и волненія на морѣ. За то сколько потребуется отъ него предусмотрительности, живости и энергіи, лишь только покажутся первые признаки бури. Паруса должны быть убраны въ мгновеніе ока, иначе кораблю грозить опасность. Нерѣдко буря воетъ въ ночное время, и волны бросаютъ корабль изъ стороны въ сторону. Матросъ съ опас-

нностью жизни влѣзаетъ наверхъ, чтобы убрать паруса: каждую минуту сильный порывъ вѣтра или неожиданный толчокъ корабля, подкинутаго волною, можетъ сбросить его: никто не замѣтитъ въ сумракѣ его паденія и не услышитъ его крика за ревомъ бури, и корабль будетъ по прежнему продолжать свое плаваніе.

Когда впервые пустившійся въ море человѣкъ увидѣлъ себя въ своей непрочной ладѣ одинокимъ среди массы грозныхъ водъ, какъ порывисто должно было биться его сердце, какое странное ощущеніе должно было овладѣть имъ! Ничего вокругъ кромъ неба надъ головой и воды подъ ногами, и только одна доска между нимъ и смертью! Какъ глубоко должно было охватить этого храбреца неизвѣданное еще ощущеніе отвѣтственности и мужества.

Ничто въ природѣ не производить на человѣка такого неизгладимаго впечатлѣнія, ничто такъ не воспитываетъ духъ и характеръ человѣка, какъ видъ необозримаго океана. Знаменитый американскій проповѣдникъ и писатель, докторъ Ченнингъ, родина которого находится въ Нью-Портѣ, большую часть своего времени проводилъ на берегу моря и говорилъ впослѣдствіи: «Ни одна страна изъ всѣхъ видѣнныхъ мною на земномъ шарѣ во время моего путешествія не производила на меня такого впечатлѣнія, какъ это взморье, не способствовала столько моему развитію и выработкѣ моего міросозерцанія».

Многіе смотрятъ на море, какъ на громадную и бесплодную водную пустыню. Наблюдающему море съ какой-нибудь высоты оно кажется безграничнымъ. Куда ни упадетъ его взоръ—всюду видѣтъ онъ однѣ лишь волны. Въ тихую погоду волны медленно и плавно, словно ласкаясь, плещутъ о берегъ и играютъ у нашихъ ногъ, словно рѣзвыя дѣти. Но вотъ тучи покрываютъ небосклонъ, все быстрѣе плещутъ волны, и море кипитъ и стонетъ и гнѣвно мечеть вверхъ громады пѣнящихся волнъ, которыхъ свирѣпо бьются о берегъ и кажется жаждутъ разрушить все на своемъ

пути. Нѣть ничего измѣнчивѣе моря. Разбивъ сегодня въ дребезги корабль о какой-нибудь скалистый утесъ, завтра оно снова погружается въ мирную дремоту, окутанное мечтательной дымкой. Море толпитъ въ своихъ волнахъ и человѣка, и самое время: оно принадлежитъ вѣчности.

Однако между моремъ и человѣческимъ прогрессомъ поддерживается испоконъ вѣка тѣсная связь. Финикияне, первые мореплаватели, обязаны своей выдающейся культурой, своимъ даромъ изобрѣтенія, а также богатствомъ и процвѣтаніемъ своей страны, исключительно положенію при Средиземномъ морѣ своей страны, безпрестанно путешествуя и посѣщая лежавшія по берегамъ его страны, они вывозили съ собой не только деньги и товары, но и массу знаній, новые мысли и новый опытъ. Также и Англія не могла бы сдѣлаться великой и свободной страной, торговля и промышленность которой далеко оставляетъ за собою торговлю и промышленность другихъ народовъ, а флотъ подчинилъ англійской коронѣ самыя отдаленные страны,—если-бы она не была окружена моремъ.

Торговыя сношенія приводятъ къ распространенію цивилизаціи, и сэръ Самуэль Бекеръ въ своей лекціи, прочитанной въ Ливерпульѣ, публично заявилъ, что, найдя возможность завязать коммерческія сношенія съ народомъ Африки, мы тѣмъ самымъ открыли бы себѣ лучшій и самый вѣрный путь въ дѣлѣ распространенія миссіонерства. Туземцы, которымъ никакъ нельзя отказать въ здравомъ смыслѣ, охотно послѣдовали бы тому, что можетъ способствовать улучшенію ихъ положенія. Ничто-же не принесетъ дикарямъ большей пользы, какъ введеніе торговли, которая пробудить въ нихъ стремленіе добыть изъ собственной почвы все, что она можетъ дать, и мѣнять эти продукты на различные предметы комфорта, до сихъ поръ имъ неизвѣстные, но которые быстро обратятся въ потребность, какъ только они познакомятся съ ними.

Честь открытия всѣхъ новыхъ странъ также досталась

на долю моряковъ, начиная съ Колумба и кончая капитаномъ Куокомъ. Хотя и существуетъ предположеніе, что съ-верный материкъ Америки впервые открыть исландцами, но во всякомъ случаѣ они не оставили тамъ по себѣ замѣтныхъ слѣдовъ и не они основали тамъ свои колоніи. Колумбъ и Америго Веспуччи первые возвѣстили миру о своихъ открытияхъ. Послѣ Колумба отважно пустились въ путь португальцы и голландцы. Фернандо Магелланъ первый совершилъ кругосвѣтное плаваніе. Когда Колумбъ открылъ Америку, Магелланъ былъ всего лишь двадцатилѣтнимъ юношемъ. Въ первое свое плаваніе онъ обозрѣвалъ берега Индіи и Африки, во второе — былъ въ Южной Америкѣ, обогнувъ берега Бразиліи и Гвинеи и входилъ въ Ріо-Джанейрскую бухту. Отсюда онъ взялъ направление на югъ и открылъ проливъ, получившій въ честь его название Магелланова, изъ которого вышелъ въ Тихій океанъ. Въ 1521 году онъ открылъ Филиппинскіе острова, на одномъ изъ которыхъ и погибъ въ битвѣ съ туземцами.

Голландцы тоже предприняли ради открытий немало путешествий. Голландскій капитанъ Вильгельмъ Барентцъ, во время своихъ трехъ, сопряженныхъ со всевозможными опасностями, плаваній въ водахъ, омывающихъ Сѣверный мысъ, ища дорогу въ Китай, открылъ Новую Землю, и Шпицбергенъ и др. острова. Позднѣе голландцы открыли Австралію (Новую Голландію, Ванъ-Дименову Землю и острова въ Малайскомъ морѣ (Курильскіе).

Цѣлой эпохой въ исторіи торговли слѣдуетъ считать открытие Васко-де-Гамою водного пути въ Индію мимо мыса Доброї Надежды. Голландцы, братья Гутманъ, первые завели торговыя сношенія съ Индіей, положивъ основаніе всей монополіи ость-индской компаніи, которая столько поспособствовала возрастанію морскихъ силь маленькой республики и расширению ея колоній и торговыхъ оборотовъ.

Англичане въ то время еще не были торговымъ наро-

домъ. Все ихъ производство ограничивалось отпускомъ сырыхъ продуктовъ. Даже англійская шерсть обрабатывалась въ Бельгіи, куда ее отправляли сырьемъ. Въ Англіи было и тогда уже немало моряковъ, но суда ихъ не дѣлали опредѣленныхъ рейсовъ, потому что Англія еще не завела правильныхъ торговыхъ сношений. Тѣмъ не менѣе англійские моряки обладали замѣчательно воинственнымъ духомъ: когда они не вели вѣшнихъ войнъ, выходя въ море, они сражались другъ съ другомъ. Лежавшіе въ близкомъ сосѣдствѣ порты Лоуэстофтъ и Ярмутъ часто находились въ открытой борьбѣ. Моряки, населявшіе ихъ, не брезговали, время-отъ-времени и разбойничьимъ промысломъ, и ничто такъ не веселило ихъ сердце, какъ удачное нападеніе на чужой корабль въ открытомъ морѣ.

Но первые геніальные и великие моряки явились въ Англіи лишь со временемъ Елизаветы. Кому неизвѣстны такія имена, какъ Дрэкъ, Ралейгъ, Гаукинсъ и т. п. героевъ морскихъ подвиговъ. Они пускались въ опасный путь въ незнакомыя моря словно на половину слѣпые, въ жаждѣ открыть новыя земли, которыя ихъ потомки называли впослѣдствіи своеї родиной.

Это была эпоха, когда Испанія объявила войну Англіи и между обоими государствами произошло много жаркихъ сраженій на морѣ и на сушѣ. Благодаря такой хорошей школѣ, изъ среды англійскихъ офицеровъ выдѣлилось много искусныхъ и прекрасно дисциплинированныхъ моряковъ, которые сослужили Англіи хорошую службу, когда могущественнѣйшая изъ всѣхъ европейскихъ державъ, Испанія, обрушилась на нее со своей чудовищной «Непобѣдимой Армадой». Борьба между обѣими сторонами является одной изъ самыхъ замѣчательныхъ, какія когда-либо велись за вѣру, родину, славу и свободу.

Однимъ изъ наиболѣе выдающихся героевъ въ спискѣ замѣчательныхъ личностей этой эпохи безспорно должно считать сэра Фрэнсиса Дрэка. Мистеръ Мотлей относить

его къ числу самыхъ типичныхъ дѣятелей XVI столѣтія. Дрэкъ былъ морякомъ въ полномъ смыслѣ этого слова; любовь къ морю у него врожденная, потому что и отецъ его былъ морякомъ. Въ качествѣ юнги онъ еще въ дѣтствѣ служилъ на небольшомъ суднѣ — люгерѣ, гдѣ онъ и научился морскому дѣлу. Шкиперъ былъ такъ доволенъ службой своего юнги, а затѣмъ матроса, что, умирая, оставилъ ему свое судно. Проведя некоторое время въ плаваніи вдоль береговъ небольшихъ морей, Дрэкъ рѣшилъ во что бы то ни стало уйти въ плаваніе съ адмираломъ Гаукинсомъ, на что и потратилъ все свои сбереженія. Во время этого плаванія онъ попался въ плѣнъ испанцамъ, откуда бѣжалъ съ опасностью жизни. Послѣднія его сраженія съ испанцами сопровождались большимъ успѣхомъ.

По указу испанского короля на всѣ англійскія суда, находившіяся въ испанскихъ водахъ, наложенъ былъ арестъ: Дрэкъ вышелъ въ море съ шестью вооруженными кораблями, взялъ суда: «Санть-Домінго», «Кареагенъ» и «Св. Августинъ». Филиппъ замышлялъ въ то время совершенно уничтожить еретическую Англію и формировалъ съ помощью морскихъ силъ Испаніи, Португаліи, Неаполя, Сициліи, Генуи и Венеціи — чудовищный по величинѣ флотъ, который двинулъ къ берегамъ Англіи. Римскій папа, Сикстъ V благословилъ это предпріятіе. Англія однако нимало не смутилась, весь народъ; какъ одинъ человѣкъ, поднялся на защиту родины; всѣ партии тѣсно сплотились, и даже протестанты и католики забыли на время свою вражду. Шекспиръ, который былъ еще живъ тогда, въ слѣдующихъ словахъ высказалъ свое мнѣніе о хищномъ покушеніи на англійскую свободу:

«Пусть идутъ на насъ войной три части свѣта — мы отразимъ ихъ. Ничего не пожалѣмъ, лишь бы Англія осталась вѣрна себѣ».

Дрэкъ рѣшился сразу нанести рѣшительный ударъ испанцамъ. Онъ вышелъ изъ Плимута съ четырьмя кораб-

лями королевского флота и двадцатью четырьмя, снаряженными на средства английских купцов. Весной 1587 года английский флот обрушился на Кадикскую гавань и зажегъ и взялъ приступомъ готовые къ отходу въ Англію громадные (по тому времени, вместимостью 1,800 тоннъ и больше) испанскіе корабли. День и двѣ ночи Дрэкъ прошелъ въ гавани, гдѣ горѣло полтораста кораблей, ярко освѣщающая стѣны и форты крѣпости.

Возвращаясь въ Англію, Дрэкъ уничтожилъ по дорогѣ еще сто судовъ, взялъ въ плѣнъ экипажъ и захватилъ грузы. Счастливо добравшись домой, онъ сталъ предупреждать правительство о страшной силѣ и колоссальныхъ замыслахъ Испаніи. «Въ скоромъ времени,—говорилъ онъ,—въ Испаніи снимется съ якоря тысяча сорокъ хорошо вооруженныхъ человѣкъ. Англіи слѣдуетъ какъ можно энергичнѣй готовиться къ отпору!»

Филиппъ сдѣлалъ все, чтобы его Армада оказалась «непобѣдимой» на дѣлѣ. Снаряженіе флота стоило ему лично 50,000 дукатовъ, да у папы занялъ онъ тысячу, кроме того два миллиона дукатовъ онъ держалъ въ запасѣ. Армада состояла изъ 136 кораблей, гораздо большихъ чѣмъ всѣ, которые когда либо строились до той поры. Въ путь снаряжено было 30,000 испанскихъ моряковъ, двѣ тысячи галерныхъ рабовъ, которые гребли, въ случаѣ безвѣтря, и двѣсти девяносто духовыхъ лицъ и членовъ инквизиціи. 30 тысячъ вспомогательного войска стояло въ Нидерландахъ, готовясь по первому сигналу выйти на помощь Армадѣ. Папа Сикстъ V передъ отплытіемъ испанского флота обнародовалъ широковѣщательную буллу, въ которой объявлялъ Елизавету похитительницей престола и незаконнорожденной и торжественно отдавалъ ея престоль Филиппу, жалуя ему титулъ защитника христіанской вѣры, и вручалъ ему Англію на ленныихъ правахъ по отношению къ Риму.

Первые корабли увидѣли въ Лизардѣ 29 июля 1588 года.

Ихъ уже ждали, и сторожевые сигналы тотчасъ же зажглись отъ Лизарда до Фальмута и далъе. Извѣстіе о появленіи непріятеля застало Дрэка въ Плимутѣ за игрой въ кегли въ кругу товарищѣй, но уже къ вечеру 60 лучшихъ кораблей вышли изъ плимутской гавани на встрѣчу врагу. Оба флота встрѣтились透过两天.

Командирами англійского флота назначены были Дрэкъ, Гаукінсъ и Фробишеръ, опытные моряки, храбрые, выносливые и искусные, привыкшіе встрѣчать опасности лицомъ къ лицу, что и выяснилось при первыхъ же столкновеніяхъ. Они подошли къ непріятелю съ подвѣтренной стороны, такъ что въ случаѣ надобности, громя непріятеля пушечной пальбою, могли во время отходить отъ него на такое разстояніе, что непріятельские выстрѣлы не въ силахъ были вредить имъ. Легкія англійскія суда рѣзко скользили мимо тяжелыхъ вражескихъ галеоновъ, осыпая ихъ градомъ мѣткихъ выстрѣловъ. Испанцы хотѣли рѣшительного сраженія, но англичане, уклоняясь отъ этого, только неустанно преслѣдовали врага. Такое сраженіе на ходу шло все время вдоль плимутского берега, при чемъ изъ гавани пришло на помощь англійскому флоту подкрѣпленіе изъ гребныхъ судовъ. При свѣтѣ яркихъ сигнальныхъ огней на маякахъ, жаркія стычки не прекращались и ночью. Одинъ изъ кораблей испанского флота взорванъ былъ при столкновеніи со своимъ же фланандскимъ судномъ.

Народъ на берегу съ напряженнымъ вниманіемъ сдѣдилъ за ходомъ дѣлъ въ обоихъ флотахъ, во время ихъ движенія вдоль береговъ Девона и Дорсета. Изъ каждого порта, лежавшаго на ихъ пути, выходили гребныя суда съ провантомъ или небольшіе, преимущественно купеческие, корабли, примыкавшіе къ англійскому флоту, съ цѣлью принять участіе въ сраженіи.

При прибытіи Армады въ бухту, находившуюся между Портлендъ-Биллемъ и Сентъ-Альбанъ-Гидомъ, вѣтеръ вдругъ

измѣнился и, подувъ къ сѣверо-востоку, сталъ благопріятствовать движеніямъ испанцевъ, и Армада сдѣлала нападеніе на англичанъ. Однако рѣшительной битвы и тутъ не произошло.

Направляясь въ Кале, испанскій флотъ обогнуль островъ Уайтъ. Англичане, получившіе съ берега подкрѣпленіе и провіантъ, медленношли за нимъ, поджидая эскадру лорда Генри Сеймура, состоявшую изъ 60 кораблей и находившуюся тогда между Дунгенессомъ и Фолькстономъ. Только соединившись съ нею, англійскій флотъ направился въ Кале, гдѣ Армада уже стояла на якорѣ въ ожиданіи прибытія изъ Нидерландовъ тридцатитысячнаго вспомогательнаго отряда. Величайшій испанскій полководецъ того времени, Александръ Фарнезе, долженъ былъ торжественно ввести испанскую армію въ столицу Англіи. Но ожиданія испанцевъ были обмануты; союзные флоты голландскій и зеландскій заперли весь нидерландскіе порты, не пропуская ни одного человѣка.

Лордъ Гоуардъ, главный командиръ англійскаго флота, устроилъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было напасть на Армаду. Стояла глухая ночь и разыгрывалась гроза, когда шесть зажженныхъ брандеровъ неожиданно скользнули въ кучку судовъ Армады. Испанцевъ охватила паника, на судахъ раздались крики и вопли; вѣтеръ уносилъ корабли, такъ какъ англичанамъ удалось перерубить канаты. Начались столкновенія между большиими судами, некоторые были зажжены. Самое великолѣпное изъ судовъ Армады «Capitana» было прибито къ берегу и попало въ руки французовъ. Съ восходомъ солнца, часть испанскаго флота, еще сохранившая возможность движенія, направилась, повидимому, къ нидерландскимъ портамъ. Англичане пустились за ней и атаковали испанскія суда при Гравелинѣ, принудивъ ихъ вернуться къ главнымъ своимъ силамъ. Англичане дрались въ продолженіе шести часовъ. Три испанскія корабля были окончательно разру-

шены, а другіе, сильно разбитые, направились на песчаныя голландскія мели. Когда шестнадцать лучшихъ испанскихъ кораблей уже погибло, всѣ англійскіе еще держались по-прежнему стойко, а изъ людей выбыло изъ строя не болѣе сотни.

Такъ какъ вѣтеръ крѣпчалъ, прибивая суда къ берегу, главнокомандующій Армадой, Медина Сидонія, отдалъ приказъ отступать. Испанскій флотъ пошелъ къ сѣверо-востоку въ открытое море. Часть англійскаго флота подъ командой лорда Гоуарда преслѣдовала ихъ во время поднявшейся бури до Фортскаго залива. Дальше идти не стоило. Враги сдѣлались игрушкой вѣтровъ, и поврежденныя суда гибли одинъ за другимъ. Нѣкоторыя разбились въ шкерахъ. Такъ какъ Ламаншъ былъ для нихъ запертъ, оставалось направляться въ Испанію мимо западныхъ береговъ Шотландіи и Ирландіи, гдѣ многія суда погибли у скаль Шотландскихъ и Оркадскихъ острововъ и въ грозныхъ водахъ Стронзскаго и Петлендскаго заливовъ.

Берега Шотландіи и Ирландіи были усыпаны обломками разбитыхъ судовъ, экипажъ ихъ большую частью также весь погибъ, уцѣлѣвшія суда Непобѣдимой Армады пришли въ Испанію въ самомъ ужасномъ видѣ.

И такъ, Англія вполнѣ обязана морякамъ своимъ спасеніемъ.

Филиппъ II не затѣвалъ болѣе грандиозныхъ предприятій—въ родѣ посылки Армады. Тѣмъ не менѣе онъ нуждался въ солидномъ флотѣ, ради сношеній со своими американскими колоніями и снабженія сторожевыми судами нагруженные золотомъ корабли при возвращеніи ихъ въ Испанію. Англія и Голландія, продолжая войну, часто затѣвали съ Испаніей морскія сраженія. Обѣ державы подстерегали испанскіе галеоны, стараясь отнять золото, съ помощью котораго Филиппъ велъ борьбу съ англійской и голландской независимостью.

Англійскіе моряки-герои совершили чудеса храбрости:

таковъ быль, напримѣръ, подвигъ сэра Ричарда Гренвилля, вице-адмирала флота королевы Елизаветы. Онъ быль посланъ къ Аворскимъ островамъ захватить англійскія суда, возвращавшіяся съ золотомъ изъ Лаплаты. Узнавъ объ этомъ, Филиппъ Испанскій снарядилъ сильный, состоявшій изъ 53-хъ кораблей, флотъ и отправилъ его на помощь своимъ судамъ. Оба флота встрѣтились; англійскихъ судовъ было шесть противъ 53-хъ испанскихъ. Пять англійскихъ кораблей подъ предводительствомъ лорда Гоуарда должны были отступить передъ такими превосходными силами. Сэръ Ричардъ Гренвилль на старомъ корабль «Revenge», на которомъ нѣкогда Френсисъ Дракъ сражался въ Ламаншѣ противъ Армады, одинъ рѣшился противостоять цѣлому испанскому флоту.

Съ нимъ было всего лишь сто человѣкъ, но, подобно ему самому, мужественныхъ и отважныхъ. Въ продолженіе двѣнадцати часовъ сряду испанцы осыпали выстрѣлами обреченный на гибель корабль, пятнадцать разъ они пытались взять его и столько-же разъ были отражены съ невѣроятной отвагой. Сэръ Ричардъ быль раненъ два раза. Въ ту минуту, какъ его уносили съ палубы въ каюту, онъ получилъ новую рану въ голову, при чемъ убить быль находившійся возлѣ него хирургъ. И все же онъ до послѣдней минуты совѣтовалъ лучше потопить судно, чѣмъ сдаться, но большинство экипажа было противъ такой крайней мѣры; «Revenge» спустили флагъ. Однако испанцы мало выиграли отъ этого захвата единственного англійского корабля, черезъ два дня онъ пошелъ ко дну, такъ какъ, вслѣдствіе полученныхъ имъ отъ выстрѣловъ поврежденій, не могъ больше держаться на водѣ.

Смерть героя была также исполнена достоинства, какъ и вся его жизнь. «Я, Ричардъ Гренвилль,—сказалъ онъ,— умираю спокойно и бодро жду послѣдней минуты, оканчивая свое существованіе, какъ и подобаетъ честному солдату—въ борьбѣ за свою вѣру, отчество, честь и королеву.

Душа моя безъ страха готова покинуть тѣло, потому что я дѣйствовалъ живя согласно вслѣнію долга».

Могущество той или другой страны обыкновенно неразрывно связано съ процвѣтаніемъ ея торговли, а упадокъ торговли ведеть къ упадку и благосостоянія государства. Нѣкогда Венециі приналежало главенство среди великихъ коммерческихъ державъ. Памятниками ея было богатства и донынѣ служать великолѣпные ея дворцы по Большому каналу, хотя вообще городъ совсѣмъ обнищалъ.

Послѣ Лепантской битвы, развитіе торговли стало болѣе прогрессировать на Западѣ. Главнымъ ея средоточиемъ сдѣлалась на югѣ Генуя, а на сѣверѣ—нѣмецкіе ганзейскіе города. Бельгія, хотя и небольшое сравнительно государство, была въ то время одной изъ самыхъ видныхъ производительныхъ странъ въ Европѣ. Но въ царствование Филиппа II, благодаря тиранніи его намѣстника Альбы, бельгійской торговлѣ нанесенъ былъ такой ударъ, отъ котораго она никогда не могла оправиться. Въ свою очередь и Испанія, такъ долго удерживавшая почти безграничную власть надъ «Новымъ Свѣтомъ», Германіей, Италией и Нидерландами, сдѣлалась мишенью на смѣшечкѣ цѣлой Европы. Голландія, корабли которой то и дѣло обращали въ бѣгство испанскія суда, поднимала испанцевъ на смѣхъ. Голландія смѣнила Испанію въ ея торговомъ значеніи, тогда какъ торговля этой послѣдней мало-по-малу все болѣе и болѣе падала, пока эта страна не обнищала совершенно: въ этомъ состояніи пребываетъ она и по настоящее время.

Англія скоро сравнялась по своимъ торговымъ оборотамъ съ Голландіей и даже превзошла ее. Подобно Голландіи, Англія всегда была преимущественно морской державой. Оба народа, родственные по происхожденію, положили начало новой эпохѣ всемирной исторіи. Девизомъ обоихъ было: «Торговые корабли и колонизация». Во всѣхъ концахъ земного шара, въ невѣдомыхъ дѣствен-

ныхъ земляхъ основывали они колонії. Хотя, подобно Англіи, Франція, Іспанія и Голландія основали въ Сѣверной Америкѣ свои колонії, остатки которыхъ сохранились понынѣ, тѣмъ не менѣе англійскія колонії по своей многочисленности далеко оставляютъ за собою всѣ остальные. Англійскій языкъ господствуетъ всюду—въ Канадѣ, Сѣв. Америкѣ, Австраліи, на мысѣ Доброй Надежды и въ Индіи. Пройдетъ еще сотня лѣтъ и этотъ языкъ распространится по всему земному шару и всюду завоюетъ главенство. Всего этого достигли мы, только благодаря нашему образцовому флоту и нашимъ талантливымъ и отважнымъ морякамъ.

Въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ, Бонарпартъ закрылъ для англійскихъ кораблей почти всѣ европейскіе порты, начиная отъ Неаполя въ Италии, отъ Тулона во Франціи, отъ Кадикса въ Іспаніи, вдоль всего берега Голландіи, Даніи и Германіи и до Данцига въ Балтійскомъ морѣ. Наполеонъ слѣпо и страстно ненавидѣлъ англійскій флотъ, который гонялся за нимъ по всему Средиземному морю и наконецъ настигъ его при Абукирѣ, разбилъ его плоскодонные суда при Болоньи и доставилъ, имѣя въ виду воспрепятствовать его завоевательнымъ стремленіямъ, сухопутныя войска въ Корунью и Бельгію и т. п.

Британскій флотъ насчитываетъ много замѣчательныхъ предводителей, но едва-ли не самымъ выдающимся изъ всѣхъ является Нельсонъ. То былъ рѣдкій человѣкъ, гений, обладавшій необыкновенной проницательностью и неутомимой энергией, считавшій своей обязанностью обеспечить безопасность Англіи. Онъ былъ горячимъ патріотомъ. Благородная любовь къ отчизнѣ до конца пламенѣла въ его сердцѣ. Лучшей характеристикой его религіозныхъ воззрѣній являются слѣдующія слова Гомера: «Нѣть лучшаго предназначенія какъ борьба за отчество!» Жизнь его преисполнена романическихъ приключеній и самая его слабости, подобно его талантамъ, носятъ на себѣ пе-

чать величія. Нельсонъ—одна изъ наиболѣе героическихъ личностей въ міровой исторіи. Его предсмертными словами были:

— Я исполнилъ свой долгъ, за что и благодарю Господа Бога.

Англійскіе моряки составляютъ совершенно особую ка-
сту, воспитанную на преданіяхъ цѣлаго ряда поколѣній,
людей искони преданныхъ морю, всѣ поступки которыхъ
обосновываются на врожденной наклонности къ колониза-
торской и торговой дѣятельности. Въ галлерѣѣ великихъ
людей Плутарха не найдется ни одного, который похо-
дилъ бы на Дрѣка, или Гренвилля, или Нельсона; англій-
скій морякъ является исключительно созданіемъ англійской
культуры. Лордъ Сандонъ въ своей рѣчи въ Ливерпульѣ
такъ охарактеризовалъ англійскихъ моряковъ: «Что мо-
жетъ быть благороднѣе дѣятельности англійского героя-
моряка?—сказалъ онъ, обращаясь къ воспитанникамъ мор-
ского училища, собиравшимся вступить на службу на
купеческія суда.—Каковы же характерныя черты англій-
ского моряка? По моему мнѣнію, онъ долженъ быть прежде
всего честенъ, правдивъ, мужественъ, снисходителенъ къ
слабымъ и неизмѣненъ въ своемъ намѣреніи свято и честно
служить своему долгу по отношенію къ Богу и отечеству.
Блаженны тѣ, кто заботятся не столько о себѣ, сколько о
своихъ ближнихъ и исполняютъ свой долгъ, полагаясь во
всемъ остальному на волю Господа. Вотъ въ чемъ заклю-
чается мудрѣйшее правило, какое должно быть нашимъ
руководителемъ въ жизни, таковъ вѣрнѣйший путь, слѣ-
дуя которому благороднѣйшіе англійскіе дѣятели послу-
жили своей родинѣ».

Ученикамъ, желающимъ получить награду, выдаваемую
королевой достойнѣйшимъ, вмѣняется въ обязанность:

«Добровольное повиновеніе начальству, самоуваженіе,
независимость характера, покровительство слабымъ, ласко-
вое обращеніе съ ними, умѣніе прощать обиды и прими-

рять враждующихъ, и прежде всего слѣпая преданность долгу и безусловная правдивость». На такихъ правилахъ, примѣненныхъ къ дѣлу, могъ бы воспитаться самый образцовый нравственный типъ характера, способный оказаться достойнымъ дѣятелемъ на всякомъ житейскомъ по-прицѣ.

Морякъ долженъ быть всей душой преданъ своему кораблю. Въ трудную минуту капитанъ судна покидаетъ его послѣднимъ. Въ моментъ крушения или пожара первое, что составляетъ прямой долгъ капитана,—спасеніе дѣтей и женщинъ, затѣмъ онъ обязанъ принять мѣры для спасенія пассажировъ и экипажа и только тогда можетъ подумать о самомъ себѣ. Въ такихъ случаяхъ одно лишь сознаніе исполненного долга, выѣ всякихъ расчетовъ на похвалы и рукооплесканіе чужихъ, должно быть лучшей наградой честного моряка. Неизбѣжныя въ жизни на морѣ опасности постоянно даютъ моряку возможность выказать благороднѣйшія свойства человѣческой души. Когда на карту ставится вопросъ о спасеніи массы человѣческихъ жизней, честь заставляетъ сдѣлать все возможное для этого спасенія. Вполнѣ сознавая грозящую опасность, мужественный человѣкъ бодро идетъ ей навстрѣчу и спокойно готовъ встрѣтить смерть лицомъ къ лицу.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ добросовѣстнаго исполненія долга командиромъ, до послѣдней минуты не покинувшимъ судна, является поступокъ капитана Риу. Плавая однажды въ океанѣ, вѣренное ему судно «Guadalupe» неожиданно налетѣло въ туманѣ на ледянную гору и разбилось: крушеніе было близко. Днемъ и ночью команда выкачивала помпами воду; всѣ грузы—пушки, ядра и провизію—выбросили за бортъ; несмотря на всѣ мѣры, послѣ сорока часовъ труда, раздалось приказаніе подать шлюпки. Слуга капитана спросилъ, на какой онъ пойдетъ самъ. «Ни на какой,—отвѣчалъ Риу,—я остаюсь на корабль, спасу его, если смогу, или погибну съ нимъ.

Отпуская шлюпку, гдѣ размѣстилась часть экипажа, Ріу написалъ въ адмиралтейство о подробностяхъ несчастья, хваля усердіе матросовъ и офицеровъ, и въ заключеніе сказалъ:—«Прощаюсь со всѣми, потому что нельзѧ думать, чтобы я могъ остаться въ живыхъ!» Шлюпки ушли и Ріу остался на корабль съ остаткомъ экипажа. Лодки большей частью погибли, но корабль спасся. Благодаря распоряженіямъ опыта капитана и удивительной энергіи матросовъ, «Guardian» продержался на водѣ въ продолженіе 8-ми недѣль, пока не набрель на голландское китобойное судно, которое отвело его на буксиръ въ Столловую бухту.

Другой удивительный примѣръ глубокаго сознанія долга и справедливости представляетъ поступокъ капитана простого купеческаго судна, Наулеса, который, по словамъ Гладстона, заслуживаетъ болѣе, чѣмъ Наполеонъ, чести стоять на-ряду съ великими героями, потому что его жизнь—чистѣйшій образецъ самоотверженія и справедливости.

Отправившись изъ Лондона въ Гобартъ-Тоунъ съ кораблемъ «Northfleet», на которомъ онъ служилъ капитаномъ, онъ долженъ былъ стать на якорь на довольно большомъ разстояніи отъ Дунгенесса. Въ 11 часовъ ночи, когда все уже успокоилось и стало темно и только на корабль Наулеса вожглись, для предостереженія проходящихъ мимо судовъ, сторожевые огни, — испанскій корабль «Murillo» неожиданно налетѣлъ на «Northfleet». Столкновеніе было ужасное, у судна Наулеса дно оказалось пробитымъ насквозь. Всѣ пассажиры (это были иммигранты) проснулись отъ страшнаго толчка и бросились въ ужасъ на палубу. Испанское судно постыдно удалилось на всѣхъ парахъ отъ мѣста крушенія, не постаравшись хоть нѣсколько загладить свою вину и подать помощь погибвшимъ слишкомъ четыремстамъ человѣкамъ.

Капитанъ Наулесъ пустилъ тотчасъ же въ дѣло насосы,

чтобы выкачивать воду и дальъ обычные въ подобныхъ случаяхъ сигналы. Между пассажирами царствовалъ страшный переполохъ. Женщины плакали и стонали въ отчаяніи, увидѣвъ, что корабль идетъ ко дну. Капитанъ приказалъ, чтобы на спущенные имъ лодки садились сначала женщины и дѣти. Однако толпа мужчинъ бросилась было безжалостно впередъ, думая только о своемъ спасеніи. Капитанъ Наулесь съ револьверомъ въ руکѣ остановилъ ихъ, крикнувъ, что убьетъ всякаго, кто осмѣлится спуститься въ лодки. И действительно Наулесь выстрѣлилъ въ одного изъ мужчинъ, кинувшагося къ лодкѣ, и ранилъ его въ ногу. Наконецъ женщины и дѣти были размѣщены въ лодкахъ и едва двѣ наполненные народомъ шлюпки отчалили, какъ корабль быстро началъ опускаться въ шумящія волны и во мгновеніе ока скрылся подъ водою.

Между капитаномъ корабля и его экипажемъ существуетъ едва-ли не большая связь и соотношеніе, чѣмъ между начальствомъ и подчиненными сухопутныхъ войскъ. Живя на одномъ кораблѣ, они ближе знаютъ другъ друга, тѣснѣе связаны между собою и болѣе преданы другъ другу: потому то они и готовы всегда охотно жертвовать собою для спасенія другъ другу жизни. Приведемъ для примѣра не такъ давно произошедшій случай.

Когда британскій военный корабль шелъ въ февралѣ 1880 года изъ Александрии въ Абукирскую гавань, на палубѣ вдругъ раздался крикъ: «человѣкъ за бортомъ!» Сей-часъ-же были спущены спасательные буи и лодки, машинѣ дали задній ходъ; все это произошло необыкновенно быстро. Между тѣмъ замѣтили, что утопавшій схватился за лотъ, котораго не успѣли убрать, вслѣдствіе чего бѣдняка потащило подъ воду. Грузило онъ выпустилъ изъ рукъ, и его, какъ трупъ, отнесло мгновенно далеко за корму. Капитанъ парохода Фриментль, находившійся на палубѣ, тотчасъ сообразилъ, что каждая минута промедленія можетъ стоить утопающему жизни. Онъ бросился за бортъ какъ былъ,

совершенно одѣтый. Была пора когда онъ, напрягши всѣ свои силы, доплылъ до несчастнаго, который началъ уже погружаться; Фриментлю пришлось уже глубоко нырнуть, чтобы вынести его полумертваго на поверхность. Обремененный тѣломъ этого человѣка, капитанъ Фриментль, совершенно выбившись изъ силь, уже едва поддерживалъ надъ водою голову потерявшаго сознаніе матроса. Тогда лейтенантъ Муръ и помощникъ кочегара Кунингемъ бросились за бортъ на помощь спасенному и спасителю; подоспѣли и лодки, которыя взяли всѣхъ четверыхъ и благополучно высадили на палубу судна. Матроса отнесли въ лазаретъ и быстро привели въ чувство.

Не менѣе самоотверженно и мужественно поступили капитанъ корабля «Annabella Clarc» Муръ и Джонъ Мэкинтошъ, спасшіе въ ноябрѣ 1870 г. экипажъ горѣвшей французской баржи «Mélanie».

Оба судна стояли рядомъ при впаденіи рѣки Адуры въ море у Байонны. «Mélanie» была нагружена керосиномъ. Всѣдствіе какой то несчастной случайности одна изъ бочекъ загорѣлась и скоро пламень охватилъ все судно. Воспламененный керосинъ потекъ въ море и вся «Mélanie» очутилась заключенной въ огненномъ пространствѣ. Часть находившихся на ней людей выбросились за бортъ, остальные остались, равно боясь воды и огня. На «Аннабеллѣ Клеркѣ» услышали взрывъ и увидѣли взвившійся кверху столбъ пламени. Двое сейчасъ же рѣшились бѣхать спасать экипажъ французскаго судна. Первый вскочилъ въ лодку капитанъ Муръ, за нимъ послѣдовалъ корабельный плотникъ Мэкинтошъ, и оба принялись энергично и безстрашно грести по огненному морю по направленію къ «Mélanie». Плате ихъ обгорѣло, ожоги покрыли ихъ руки, но они достигли судна и сняли экипажъ его сравнительно благополучно на свою «Аннабеллу». Такъ свершенъ былъ этотъ вполнѣ безкорыстный, поистинѣ самоотверженный подвигъ, который стоилъ, къ несчастью, одному изъ героевъ тяжкимъ

увѣчье. Руки корабельного плотника Мэкинтоша были настолько сильно обожжены, что онъ лишился возможности работой снискивать себѣ пропитаніе. Искалѣченный онъ былъ привезенъ на свою родину Андросанъ, где и живетъ до сей поры. Правда, вмѣстѣ съ капитаномъ Муромъ онъ награжденъ былъ за свой поступокъ тремя медалями, но человѣкъ, лишенный возможности заниматься своимъ ремесломъ, не можетъ прожить на медали: сльдовало бы, по справедливости, обеспечить этого героя чѣмъ-нибудь болѣе серьезнымъ.

Нѣчто подобное случилось однажды и въ Америкѣ, но тутъ человѣкъ, пожертвовавшій собою, умеръ во время совершенія своего геройскаго дѣла и такимъ образомъ былъ освобожденъ отъ необходимости жить впослѣдствіи на счетъ общественной благотворительности. Пароходъ, шедшій по озеру Эри, неожиданно загорѣлся на ходу. Рулевой Джонъ Мейнардъ, рѣшившійся во что бы то ни стало направить пароходъ къ берегу для спасенія жизни пассажировъ, стойко оставался на своемъ посту. Огонь, со страшной быстротой распространявшійся по пароходу, и настигъ наконецъ Мейнарда. На немъ обгорѣло все платье и самъ онъ получилъ жестокіе ожоги, несмотря на это онъ продолжалъ по-прежнему вертѣть своимъ колесомъ, пока пароходъ не подошелъ къ берегу. Всѣ пассажиры были спасены, погибъ одинъ лишь рулевой, умершій отъ полученныхъ имъ ожоговъ.

Имѣя на-лицо подобные факты, нельзя не согласиться, что дѣйствующія лица при какомъ-либо крушениі или морскомъ пожарѣ способны одерживать побѣды, иначѣмъ не уступающія Ватерлооской. Какого глубокаго удивленія и уваженія заслуживаетъ поведеніе 54 пѣхотнаго полка на бортѣ военного англійскаго судна «Sarah-Sands», плававшаго въ Атлантическомъ океанѣ. Когда на суднѣ раздался роковой крикъ «огонь!», всѣ мгновенно бросились къ своимъ мѣстамъ. Употребили всѣ усилия, чтобы потушить огонь, но все оказалось напраснымъ. Рѣшили для спасенія кора-

бля очистить товарный складъ въ трюмѣ. Но пока команда работала внизу, лѣвая кормовая часть корабля потерпѣла взрывъ отъ двухъ лопнувшихъ пороховыхъ бочекъ. Огонь перекинулся такимъ образомъ отъ главной такелажной части на корму. По счастью перегородки корабля еще оставались нетронутыми пламенемъ, что значительно облегчало работу матросовъ, заливавшихъ водою объятую пламенемъ часть судна, препятствуя тѣмъ дальнѣйшему распространенію огня. Тѣмъ временемъ приготовили плоты и спустили на воду спасательныя лодки; пока женщины и дѣти размѣщали по лодкамъ, солдаты на палубѣ работали въ такомъ же примѣрномъ порядке, какъ будто бы находились на смотрѣ. Они занялись заливаніемъ пламени, которое все еще угрожало кораблю.

Съ удивительной стойкостью въ продолженіе двухъ сутокъ боролись они, не зная устали, противъ грозной стихіи, пока не покорили ее. Корабль въ концѣ-концовъ превратился въ жалкіе полуобгорѣвшіе обломки. Къ довершенію несчастья на морѣ разыгралась буря, волны грозили смыть храбрецовъ, которые съ изумительной энергией оставались на своихъ мѣстахъ; они подвѣли канаты подъ дно корабля, чтобы не дать ему развалиться, заткнули парусами и полотномъ зияющіе проломы въ кормѣ. Отчаянная неустанныя борьба за жизнь продолжалась до тѣхъ поръ, пока море не стихло иѣсколько и не явилась возможность направить паруса по вѣтру. Послѣ 8-мидневнаго плаванія подъ начальствомъ капитана Кестля, полуразрушенный, на-половину обгорѣвшій корабль достигъ наконецъ острова св. Маврикія, не потерявъ ни одного человѣка.

Когда путешественники посѣщають знаменитый Норвичскій соборъ и разспрашиваютъ сторожа, что за ветхія и полуистлѣвшія знамена висятъ надъ алтаремъ,— тотъ съ патріотической гордостью заявляетъ: «Это знамена 54-го пѣхотнаго полка, снискавшаго себѣ славу во время пожара «Sarah-Sands». Военные подвиги того же полка на сушѣ

были не менѣе доблестны, но лучшую славу стяжалъ онъ себѣ на морѣ; и да будетъ такъ!»

Несмотря на неисчислимыя опасности, подстерегающія корабль на морѣ — все же скалистые берега и риоы представляютъ для моряка гораздо болѣшую опасность. Если корабль надежно выстроенъ, въ мѣру нагруженъ и обладаетъ достаточнымъ числомъ людей, — онъ почти также безопаснъ въ открытомъ морѣ, какъ въ надежной гавани, и, только отплывя изъ порта или входя въ него, можетъ подвергнуться опасности. Чтобы указывать въ темныя бурныя ночи вѣрный путь кораблю, вся береговая линія Англіи уставлена маяками.

Моряки хорошо знакомы съ ихъ спокойными, привѣтливыми огнями и умѣютъ различать ихъ по цвѣту и силѣ огня; эти лучи свѣта, указывающіе мореплавателю на мысъ или риоь, отъ которого слѣдуетъ ускользнуть, радуютъ его сердце и помогаютъ ему безпрепятственно достигнуть желанного берега.

Строеніе маяковъ связано съ величайшими опасностями, которыя только встрѣчаются на морѣ. Первые маяки, поставленные на южномъ берегу Англіи, были деревянные, какъ, напримѣръ, маякъ на Смальсѣ и два первыхъ маяка на Эддистонѣ. Смальсъ — незначительная скала въ Бристольскомъ каналѣ, долгое время причинявшая массу крушений судамъ, ходившимъ въ Аvonъ или Севернъ. Предпріятіе — построить маякъ на этой неприступной скалѣ — отмѣчено безумной смѣлостью. Артель корнуэльскихъ рудокоповъ, предпринявъ постройку, остановилась на сушѣ въ Сольвѣ, миляхъ въ 20-ти отъ скалы. Подойдя къ Смальсу на катерѣ, они принялись прежде всего пробивать отверстія въ камни, куда предполагалось вклепать желѣзныя сваи. Пока рабочіе сверлили скалу длиной остроконечной желѣзной палкой, поднялась буря, разбившая катеръ о камни. Всѣ, кто былъ на скалѣ, ухватились за не совсѣмъ еще укрепленную палку и началась отчаянная борьба между чело-

въчесной отвагой и разъяреннымъ моремъ. Такъ они про-
держались всю ночь до зари и еще однѣ сутки, пока не
унялась буря уже на третій день. Наконецъ они вздохнули
свободно и снова принялись за работу: въ камни ввин-
тили кольца и желѣзныя полосы, за которыхъ можно было
держаться во время вѣтра. Наконецъ на Смальсѣ поста-
вили деревянный домикъ на сваяхъ, который простоялъ
тутъ болѣе ста лѣтъ, освѣщая путь морякамъ, пока его
не смѣнила крѣпкая каменная башня, приспособленная
тутъ повидимому навѣки.

Еще мужественнѣй работали Уинстэнли, Рюдэйердъ и
Смитонъ надъ постройкой Эддистонского маяка, выстроен-
наго почти въ открытомъ морѣ, противъ Плимутскаго замка.
Два первыя маяка, поставленные тамъ-же, выстояли не-
долго: одинъ снесла буря, свирипствовавшая 26 ноября
1703 г., другой—сгорѣлъ: оба были деревянные. Смитонъ
первый составилъ проектъ постройки маяка изъ камня, хотя
въ обществѣ и было сильно распространено мнѣніе, что на
Эддистонѣ можетъ выстоять только деревянная постройка.

Смитонъ отплылъ въ море къ скаламъ, гдѣ должна
была стоять предполагаемая имъ постройка, но была такая
сильная буря, волны такъ яростно бились о скалу, что
Смитонъ не могъ высадиться. Только дня три спустя, во
время второй своей поѣздки высадился онъ на Эддистонъ,
гдѣ нашелъ однѣ только полосы, оставленныя прежними
строителями. Послѣ этого онъ еще три раза пытался возво-
браться на скалу, но каждый разъ прибой со страшной
силой отбрасывалъ его назадъ. На шестой разъ ему уда-
лось причалить къ скалѣ и сдѣлать съемку съ того мѣста,
на которомъ предполагалось возвести маякъ. Мѣсто не по-
зволяетъ намъ входить въ подробности всѣхъ затрудненій,
которыя встрѣтились Смитону, тѣмъ болѣе, что мы уже
достаточно говорили о нихъ *). Однажды Смитонъ и бывшіе

*) См. Smiles: «Lives of the Engineers».

сь нимъ рабочіе едва не потерпѣли крушеннія, возвращаясь въ Плимутъ. Судно ихъ шло по направлению къ Фоуэйю, когда разразилась буря: волны носили и бросали его изъ стороны въ сторону, какъ щепку. Утромъ они потеряли изъ вида берегъ, и корабль отнесло къ Бискайской бухтѣ. Но, проплутавъ въ морѣ болѣе четырехъ сутокъ, онъ обогнула Лендсъ-Эндъ и наконецъ бросилъ якорь въ плимутской бухтѣ.

Смитонъ все время неукоснительно наблюдалъ за успѣшной постройкой маяка; когда рабочіе отказывались продолжать свое дѣло въ особенно опасныхъ мѣстахъ, онъ самъ становился на ихъ мѣсто, на «почетное» какъ онъ выражался мѣсто. Вывихнувъ себѣ однажды на скалѣ большой палецъ, онъ тутъ-же, изо всей силы дернувъ его, самъ выправилъ кости на мѣсто, послѣ чего онъ спокойно, обращаясь къ своимъ людямъ съ торжественной рѣчью, заложилъ самую основу зданія. Работу энергично довели до конца. Смитонъ былъ увѣренъ въ прочности своего зданія: онъ полагалъ, что существованіе маяка обеспечено навѣки, а вовсе не на какую-нибудь сотню лѣтъ. Но, къ несчастью, человѣческія надежды всегда обманчивы! Эддистонскій маякъ правда противостоялъ всевозможнымъ бурямъ въ продолженіе цѣлыхъ 120-ти лѣтъ, тѣмъ не менѣе онъ уже обреченъ въ настоящее время снятію и на его мѣстѣ строится новый. Это не умаляетъ дѣла Смитона, напротивъ: всѣ послѣдующіе маяки въ океанѣ строились по образцу его работы.

Новый Эддистонскій маякъ заложенъ былъ 9 августа 1879 года и имя инженера—наслѣдовавшаго славу Смитона—Дугласъ. Онъ такъ-же прекрасно знаетъ свое дѣло, какъ и его предшественникъ, такъ-же энергиченъ и смѣль и такъ-же не разъ подвергался опасности во время постройки своего маяка. Однажды у Бишонъ-Рока его едва не утопилъ прибой. Подобно Смитону, онъ служить живымъ примѣромъ для своихъ рабочихъ.

Извѣстный инженеръ Джемсъ Уокеръ, представляя герцогу Уэллингтону старшаго Дугласа, отца строителя Эдинстонскаго маяка, тоже опытааго и искуснаго инженера, сказаль:—«Вотъ человѣкъ, давшій столько же сраженій, сколько и ваша милость, но не погубившій ни одной жизни». — Желалъ бы я сказать то же самое о себѣ! — отвѣтилъ герцогъ.

И въ самомъ дѣлѣ, полководецъ, одерживающій побѣды въ кровопролитныхъ битвахъ, успешно совершающій походы, въ сущности находится въ большей безопасности, чѣмъ строитель маяковъ, который всегда долженъ быть первымъ на работѣ: онъ прежде всѣхъ высаживается на скалу, послѣдній покидаетъ ее. Примѣръ его вселяетъ мужество рабочимъ, которые должны приводить въ исполненіе его проекты и которые, подобно ему, мало-по-малу сживаются съ опасностями, всегда сопровождающими дѣятельность такого рода.

Къ числу самыхъ смѣлыхъ предпріятій новѣйшихъ временъ безспорно слѣдуетъ считать возведеніе Скэрриворскаго маяка, построенного назадъ тому 40 лѣтъ. Каменная Скэрриворская гряда, находящаяся противъ Тайрійскаго острова и западныхъ береговъ Шотландіи, расположена въ морѣ на дальнемъ разстояніи отъ берега. У этого риоа произошло немало ужасныхъ кораблекрушений, послѣ которыхъ къ берегамъ приплывали однѣ лишь щепки отъ разбитыхъ кораблей. Въ концѣ-концовъ Сѣверное общество моряковъ рѣшило построить маякъ на Скэрриворскомъ риоѣ и мистеру Алѣну Стевенсону поручено было сдѣлать предварительный осмотръ мѣстности, что онъ и выполнилъ къ концу 1835 года. Года черезъ три послѣ этого было приступлено къ работамъ: вывели уже пирамидальный фундаментъ для временнаго барака, когда буря смыла за одну ночь плоды долгихъ трудовъ. На слѣдующій годъ снова принялись за работу: вырублено было углубленіе въ 42 фута глубины, предназначавшееся

для фундамента. Къ 1840-му году построили баракъ, куда и переселились инженеръ и его рабочие.

«Въ теченіе первого мѣсяца намъ приходилось много терпѣть отъ заливавшей наши комнаты воды. Однажды мы на цѣлые полмѣсяца были совершенно отрѣзаны отъ берега; пароходы тоже не могли подойти къ намъ и за все это время мы видѣли, насколько охватывалъ глазъ, одну лишь бѣлую, пѣнистую и колыхающуюся пелену, и слышали только ревъ волнъ и вѣтра, которые нерѣдко совершенно заглушали наши собственные голоса. Этотъ видъ, вмѣсть съ развалинами первого барака, угрюмо чернѣвшими передъ нами на разстояніи какихъ-нибудь двадцати ярдовъ, казалось нарочно быть созданъ, чтобы навѣтывать на насъ самое безнадежное уныніе. Помню, я пережилъ однажды тяжкія минуты безсознательного страха, проснувшись ночью отъ ужаснаго рева разъяренного моря, волны котораго, неистово бросаясь о нашъ баракъ, оторвали мою койку отъ стѣны. Пронзительный крикъ отчаянія и ужаса раздался въ то-же время изъ верхняго этажа помѣщенія рабочихъ, большинство которыхъ, разбуженные шумомъ и качкой, въ страхѣ спрыгнули съ коекъ на поль, увѣренные, что весь нашъ домъ снесенъ бурей въ море».

Наконецъ тяжелыя каменные глыбы втащены были на скалу и установлены на опредѣленныхъ мѣстахъ. Послѣ шестилѣтней тяжелой и опасной работы маякъ былъ оконченъ и 1 февраля 1844 года впервые вспыхнули на немъ спасительные для плавающихъ у западныхъ береговъ Шотландіи огни.

Какъ ни спасительны, однако, маяки, мореплаватель нуждается и въ иного рода помощи, подплывя къ берегу во время бури. Свѣтлый огонь маяка указываетъ ему вѣрный путь, но онъ не можетъ ввести моряка въ гавань. По картѣ кораблекрушений, наново издаваемой каждый годъ, ясно, что большая часть кораблекрушений приходится на долю восточнаго берега, а именно на тотъ путь, кото-

рымъ слѣдуютъ изъ Нью-Кэстля въ Лондонъ нагруженныя углемъ барки. Слѣды крушений яснѣе всего видны вдоль сѣверо-восточного берега Англіи, въ особенности въ мѣстностяхъ, лежащихъ по сосѣдству съ устьемъ рѣки Тейнъ. Вотъ почему, вѣроятно, первая спасательная лодка изобрѣтена была уроженцемъ мѣстечка Сузъ-Шильдсъ, расположенного въ тѣхъ краяхъ: Генри Гритгидъ первый изобрѣлъ лодку, которая управлялась сама собою и не шла ко дну. Близъ берега противъ Фернскихъ острововъ тоже сплошь да рядомъ происходили кораблекрушенія, вслѣдствіе чего всѣми уважаемый докторъ Шерпъ заказалъ мистеру Локину передѣлать въ непогружающую рыбакскую лодку, которая въ тотъ же годъ спасла немало жизней.

Въ 1789 году при впаденіи Тейнъ въ море потерпѣло ужасное крушеніе нью-кестльское судно «Adventure». Пока судно, прибившись къ берегу, около селенія Гердъ-Сендъ стояло у входа въ устье среди страшныхъ буруновъ, люди одинъ за другимъ падали въ воду съ его снастей, и съ берега, находившагося всего только въ двухъ стахъ ядрахъ отъ него, все это было видно, но ни одинъ изъ нѣсколькихъ тысячъ зрителей не могъ придти на помощь погибавшимъ. Никакая обыкновенная лодка или баркасъ не могли бы держаться невредимо среди клокочущаго моря. Подъ впечатлѣніемъ этого несчастнаго случая составился комитетъ, назначившій премію за лучшую модель такой спасательной лодки, которая могла бы держаться на водѣ во время самой разъяренной бури. Комитетъ одобрилъ два проекта: Уилльяма Вудгева и Генри Гритгода, которому и была присуждена премія за удобный киль его лодки. Однако для большей легкости и упругости лодки при постройкѣ пошла въ дѣло пробка изъ модели Вудгева. Такимъ образомъ и Вудгевъ имѣлъ полное право объявить притязаніе на свою долю награды. На надгробномъ памятнике Вудгева, который сначала былъ живописцемъ, а потомъ служилъ клеркомъ въ церкви

св. Гильды, поставлена модель его спасательной лодки и вырезана надпись, изъ которой видно, что онъ былъ изобрѣтателемъ спасательной шлюпки, оказавъ тѣмъ безцѣнное благодѣяніе всему миру.

Спасательная шлюпка Грітгіда съ пробкой по модели Вудгева спасла около двухсотъ человѣкъ во время крушения одного корабля при впаденіи Тейна въ море. Затѣмъ въ Англіи стало изготавляться много такихъ шлюпокъ.

Общество для спасенія погибающихъ на морѣ изъ частнаго превратилось въ національное учрежденіе. Съ помощью употребленія прибора капитана Менби общество спасаетъ ежегодно жизнь нѣсколькимъ сотнямъ моряковъ, потерпѣвшихъ крушеніе: въ распоряженіи общества находятся болѣе трехсотъ лодокъ, на которыхъ до 25-ти тысячъ энергичнаго и храбраго экипажа. Въ продолженіе своего существованія спасло отъ крушения болѣе 27-ми тысячъ человѣкъ. Какъ должны благодарить его жены и дѣти спасенныхъ!

Невозможно даже просто перечислить всѣ подвиги самоотверженія и храбрости, совершенные этими моряками. Среди судовъ національного общества есть одно «Van-Cook», подаренное обществу покойнымъ художникомъ Кукомъ. Съ 1865 г. оно находится въ Дилѣ и успѣло спасти около 200 погибавшихъ и помогло во время крушения семи судамъ. Въ ту минуту, когда старикъ художникъ находился при смерти, экипажъ его судна совершилъ одинъ изъ своихъ самыхъ славныхъ подвиговъ. Въ воскресенье 28 декабря 1879 года съ Сузъ-Сенского пловучаго маяка на Гудвинской мели въ семи миляхъ отъ Дilia прогремѣлъ пушечный выстрѣлъ,озвѣзвавшій, что въ морѣ гибнетъ корабль; съ юго-запада налетѣлъ жестокій вѣтеръ и даже въ сравнительно безопаснѣмъ мѣстѣ — Даунсъ, корабли спустили по два якоря. Колоколъ призывалъ людей на спасательную лодку, и они отважно ринулись на призывъ въ числѣ 14-ти человѣкъ со шкиперомъ Робертомъ Уилд-

сомъ во главѣ. Однимъ толчкомъ столкнули они плюшку въ разгнѣванное море. Громкія, восторженныя рукоплесканія проводили ихъ въ опасный путь.

На Гудвиновскихъ пескахъ бились корабли о мели. Люди съ одного изъ нихъ, размѣстившись по шлюпкамъ, ушли въ Маргетъ, предоставивъ кораблю разбиваться въ щепки.

Вторая шкуна, насколько можно предположить, датская, очевидно пошла ко дну вмѣсть съ людьми и грузомъ.

Третье, нѣмецкое судно, «Леда», шло изъ Нью-Йорка въ Бременъ, нагруженное керосиномъ. Спасательная лодка, приблизившись къ Гудвинской мели, открыла, что корабль залертъ бурунами въ самой опасной части мели, что его гротъ-мачта и бизань-мачта сорваны и экипажъ его судорожно тѣснился на навѣтренной его сторонѣ, обдаваемый со всѣхъ сторонъ сплошными массами воды. «Van Cook» направилось въ навѣтренную сторону отъ погибавшаго судна и, становясь на якорь, повернулось къ нему черезъ фордевиндъ, принявъ самое опасное положеніе. Если-бы якорный канатъ лопнулъ, весь экипажъ спасательной лодки при первомъ толчкѣ ея о бортъ корабля поцадалъ бы въ море. Но рѣшивъ, что долгъ повелѣваетъ принять всѣ находящіяся въ распоряженіи человѣка мѣры спасенія несчастныхъ, экипажъ «Van Cook»а, съ присущимъ англо-саксонской расѣ хладнокровіемъ, приложилъ всѣ свои уси-
лия, чтобы подойти къ кораблю на такое разстояніе, съ ко-
тораго можно было бросить погибавшимъ спасательные
канаты. Несмотря на то, что похожія на гору волны,
качая и бросая судно изъ стороны въ сторону, съ шумомъ
разбивались вокругъ, подъ нимъ и надъ нимъ, такъ что
по временамъ вода заливала лодку выше скамеекъ, на ко-
торыхъ сидѣли гребцы, шкиперъ съ приближеніемъ каждой
новой волны бодро кричалъ: «Берегись, ребята!» Матросы
хватались за скамьи и, высоко поднявъ ихъ надъ головою
отбивались ими отъ наступавшихъ волнъ. Одна изъ нихъ

ударила лодку о корабль: ударъ былъ настолько силенъ, что лодка пробила брешь въ передней части корабля, и для общей безопасности спасательная шлюпка на нѣкоторое время удалилась отъ корабля.

Въ концѣ-концовъ спасательная шлюпка все-же настолько приблизилась къ кораблю, что экипажу ея удалось перекинуть за бортъ «Леды» спасательные концы, по которымъ всѣ находившеся на германскомъ суднѣ по - одиночкѣ или по двое перебрались на лодку.

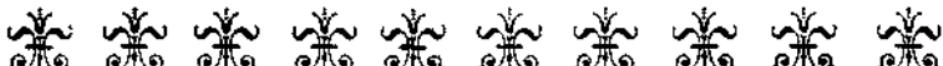
Когда послѣдній изъ нихъ благополучно перебрался на шлюпку, доблестный шкиперъ скомандовалъ: «Снимайся съ якоря, рѣжь канатъ», и спасательная лодка отплыла къ берегу съ 34-мя спасенными. Одинъ изъ нихъ уже два раза обязанъ быть своимъ спасенiemъ храброму экипажу Ванъ-Кука и все время подбодрялъ своихъ товарищей рассказами объ этомъ. И такъ лодка съ тяжелымъ грузомъ промокшихъ до нитки, но признательныхъ нѣмцевъ благополучно достигла берега, гдѣ ее восторженно встрѣтила собравшаяся, несмотря на непогоду, большая толпа народа. Эдуардъ Кукъ дожилъ еще до счастья услышать о блестящемъ успѣхѣ своего судна. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ, но его благодѣтельное предпріятіе живо и можетъ служить примѣромъ для другихъ.

У англійскихъ береговъ ежегодно сотни разъ совершаются подобныя доблестныя дѣла командами различныхъ спасательныхъ лодокъ. Однажды спасательная лодка въ Фразербургѣ отправилась въ ужасную непогоду подавать помощь экипажу шкуны «Августа», разбившейся о скалу съ навѣтренной стороны порта. Экипажъ спасли, но судно погибло, кромѣ того всѣ усилия гребцовъ оказались тщетными, чтобы ввести лодку противъ вѣтра въ устье гавани. Спущеный въ воду якорь не зацѣпился за дно. Шлюпка ударила о скалу, и волны хлынули черезъ нее. Тогда шкиперъ рѣшилъ перерубить канаты, разсчитывая, что волны сами прибьютъ къ скалѣ подвижное и легкое судно

и люди получать возможность спастиесь. Такимъ образомъ спасательная шлюпка, хотя и породично разбитая, высадила на скалу весь экипажъ шкуны.

Припомнить въ заключеніе еще одинъ трогательный примѣръ самопожертвованія. Однажды въ Большомъ Ярмутѣ въ одинъ изъ бурныхъ мартовскихъ воскресныхъ вечеровъ, когда набожное населеніе возвращалось отъ всенощной, на Гробинсендской мели раздался роковой пушечный выстрелъ. Корабль налетѣлъ на мель, и вода уже заливала его. Пока экипажъ спасательной лодки ожидалъ удобной минуты, чтобы пуститься въ море, на берегъ прибѣжалъ молодой морякъ и быстро занялъ на шлюпкѣ мѣсто своего старшаго брата, промолвивъ: «Нѣть, Джекъ, довольно. Ты уже три раза ходилъ за меня, потому что я женился. Пора и честь знать. Сегодня очередь за мной». Едва лодка вышла въ море, какъ прибой опрокинулъ ее. Трое изъ находившихся на ней утонули, въ томъ числѣ и только что женившійся молодой матросъ. Тотчасъ-же спустили другую лодку, но уже было поздно. Корабль совершенно разбился и экипажъ его смыло въ море.

ГЛАВА VIII.

С О Л Д А Т Ъ.

Ибо я подвластный человѣкъ, но, имѣя у себя
въ подчиненіи воиновъ, говорю одному: «спойди»—ж
идеть, и другому: «сприди»—и приходитъ; а слугѣ
моему: «сдѣлай то»—и дѣлаетъ.

Евангелие отъ Матфея гл. VIII, 9.

Когда проливается человѣческая кровь, то пусть
это свершится во имя Бога, родины, чаловѣчества,
семи и друзей; въ остальныхъ случаяхъ это дол-
жно считаться тщеславиемъ или преступленіемъ.

Бурка.

Я явился сюда, чтобы исполнить свой долгъ, и
считаю величайшимъ для себя удовлетвореніемъ
служить своей родинѣ. *Беллингтонъ.*

Жизнь солдата, болѣе чѣмъ чья-либо иная, является
добросовѣстнымъ исполненіемъ его долга. Онъ воспиты-
вается въ постоянномъ повиновеніи дисциплины и долженъ
быть каждую минуту готовъ явиться на призывъ. Опасно-
сти не должны смущать его. Онъ обязанъ безпрекословно
исполнять приказанія высшихъ, хотя бы его посылали на
вѣрную смерть подъ выстрѣлами враговъ.

Мужество, присутствіе духа, послушаніе и чувство
долга — вотъ качества, характеризующія всякаго чест-
наго человѣка, а солдата въ особенности. Безгранич-
ное повиновеніе начальству и вѣра въ него — вотъ что дол-
жно стоять на первомъ планѣ для хорошо дисциплиниро-
ванного солдата. Удивительно, что можетъ сдѣлать сол-
датская дисциплина изъ самаго грубаго и неразвитаго че-
ловѣка. Люди, которые при другихъ условіяхъ погрузились

бы въ лѣнивое бездѣйствіе или позорный разгуль, воспитанные въ строгихъ рамкахъ военной службы, будящій всю ихъ энержію и дающей ей правильное направление,— превращаются въ самыхъ полезныхъ и честныхъ общественныхъ дѣятелей.

Побѣждаетъ-ли, или проигрываетъ войско битву — солдатъ долженъ одинаково неуклонно оставаться на своемъ посту. Онъ долженъ быть вѣчно на-сторожѣ: минута разсѣянности со стороны часового можетъ стоить гибели всей арміи, которую онъ охраняетъ отъ неожиданного нападенія. Онъ не долженъ думать о себѣ тамъ, где дѣло идетъ о безопасности и благополучіи его отечества. Вотъ почему энержія, точность и расторопность вмѣняются въ обязанность солдату. «Будьте готовы!» таковъ былъ главный принципъ лорда Лауренса. Мужество и храбрость войскъ Генриха IV французского всегда въ достаточной мѣрѣ замѣняли ему самыя многочисленныя арміи. Съ 5-тью тысячами солдатъ онъ успѣшно боролся съ герцогомъ Майнскимъ, у которого была 25-тысячная армія, и выигралъ битву при Аркѣ, въ 1589 г., несмотря на численное неравенство военныхъ силъ. Эту побѣду можно въ значительной мѣрѣ объяснить разницей въ характерахъ этихъ двухъ предводителей. Герцогъ Майенъ отличался апатіей и беспечностью, тогда какъ Генрихъ славился своей неутомимой энержіей. Шла молва, что на сонъ и отдыхъ у него уходило меныше времени, чѣмъ герцогу требовалось проводить за столомъ; постельного бѣлля онъ, вообще, изнашивалъ гораздо меныше, чѣмъ сапогъ, которыхъ у него выходило множество. Кто-то съ большой похвалой отзывался однажды въ присутствіи Генриха о храбрости и искусстве Майенна. «Онъ великий полководецъ, не спорю, только я всегда бываю часовъ на пять впереди его!» И въ самомъ дѣлѣ, Генрихъ вставалъ обыкновенно въ 4 часа, а Майенъ едва лишь въ десять.

Исклучительной любовью своихъ солдатъ пользовался

маршалъ Тюреннь, которому Франція и обязана большей частью своихъ побѣдоносныхъ дѣлъ въ XVII столѣтіи. Онъ раздѣлялъ со своими солдатами всѣ труды и опасности, за что они и относились къ нему съ самыемъ глубокимъ довѣріемъ. Въ 1672 году онъ отправился во главѣ своей арміи въ Германію противъ курфюрста Бранденбургскаго. Стояла зима и переходы по снѣжнымъ ухабамъ и тропамъ отличались страшнымъ неудобствомъ, до-нельзя утомляя солдатъ.

Однажды, когда полки должны были пробираться по топкой болотной равнинѣ, нѣкоторые изъ молодыхъ солдатъ принялись было роптать, но болѣе опытные остановили ихъ: «Положитесь на Тюрення,—сказали они, — онъ больше озабоченъ этимъ, чѣмъ мы сами, и въ эту минуту навѣрное придумываетъ средства облегчить намъ путь. Онъ бодрствуетъ, когда мы спимъ, и неустанно заботится о насъ: это отецъ нашъ и не поверь бы настъ такої скверной дорожей, если-бы не ради какой-нибудь особено важной цѣли, которой мы можетъ-быть еще и не понимаемъ». Эти слова случайно услышалъ самъ маршалъ и нерѣдко говорилъ впослѣдствіи, что ничто въ жизни не доставляло ему такого удовольствія, какъ этотъ разговоръ между солдатами. Тюреннь всегда отличался необыкновенной проницательностью въ военномъ дѣлѣ и хорошо умѣлъ опредѣлять степень искусства и талантливости того непріятельского полководца, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло. Во время французскихъ войнъ фронды, поставленный во главѣ королевскихъ войскъ, онъ имѣлъ противъ себя Кондэ. Во время одного дѣла, когда по арміи разнесся слухъ, что Кондэ отсутствуетъ, Тюреннь по способу веденія аттаки понялъ, что это невѣрно. «Кондэ здѣсь,—воскликнулъ онъ, — узнаю его мастерскую руку, направляющую войска!»

Скромность—добротель, которой рѣдко отличаются великие полководцы и военные геніи: тѣмъ отраднѣе встречаться съ ней въ этой средѣ. Такъ послѣ франко-пруссской

войны одинъ изъ нѣмецкихъ поэтовъ описалъ графа Мальтке цѣлой массой одѣ, въ которыхъ утверждалъ, что Ганнибалъ, Александръ Македонскій, Наполеонъ и Мальборо ничтоожны и жалки въ сравненіи съ знаменитымъ доблестнымъ главою прусского военного штаба. Мальтке на восторженное посланіе поэта отвѣтилъ скромнымъ письмомъ, въ которомъ старался отклонить обращенный къ нему похвалы. «Истинно великие люди лучше всего узнаются въ несчастии,—сказалъ онъ.—Безъ сомнѣнія мы имѣли успѣхъ, все равно, судьба-ли это, случай, счастье, или Божественный промыселъ, — нельзя приписывать его однимъ лишь людскимъ стараніямъ». Великія побѣдыувѣнчиваются обыкновенно стеченіе такихъ обстоятельствъ, какія мы не можемъ ни создать, ни подчинить себѣ. Очень хорошій, но очень несчастный человѣкъ, папа Адріанъ, приказалъ написать на свое могильномъ камнѣ: «Различны итоги дѣятельности даже самыхъ лучшихъ людей въ зависимости отъ времени, въ которое они живутъ! Не разъ наиболѣе талантливые вслѣдствіе непреодолимой власти случайности терпѣли пораженія тамъ, гдѣ другой, менѣе одаренный, находилъ дорогу къ успѣху и славѣ».

Прежде всего солдату необходимо запастись мужествомъ, достаточнымъ для самопожертвованія. Осенью 1760 года Людовикъ XV выслалъ войска противъ Германіи. 25-ти тысячный отрядъ, направленный маркизомъ де-Кастро по дорогѣ къ Рейнбергу, занялъ надежную позицію при Клостеркампѣ. Въ ночь на 15 октября молодой офицеръ шевалье д'Аssi производилъ рекогносцировку, во время которой, удалившись отъ своего отряда, углубился въ лѣсъ, гдѣ его неожиданно окружилъ довольно многочисленный непріятельский отрядъ. Штыки враговъ коснулись его груди и одинъ изъ непріятельскихъ солдатъ шепнулъ ему: «Малыйшій шумъ и ты умрешь!» Шевалье д'Аssi сейчасъ же сообразилъ, что непріятели подвигались съ цѣлью сдѣлать нападеніе на французскій лагерь; вмѣстѣ съ тѣмъ

онъ хорошо понялъ и свое положеніе и, не колеблясь, закричалъ: «Овернье сюда! врагъ здѣсь». Этотъ возгласъ рѣшилъ его судьбу: онъ умеръ пронзенный непріятельскими штыками, но спасъ армію,—нападеніе не удалось и непріятель отступилъ.

Замѣчено, что во всѣхъ странахъ въ періодъ жестокихъ войнъ особенно процвѣтали мирныя искусства и на литературномъ поприщѣ ярко блестали геніальные писатели. Не всѣ согласны съ этимъ, но въ Греціи, напримѣръ, Сократъ, Эсхилъ, Софоклъ и Ксенофонтъ храбро сражались за отечество, прежде чѣмъ прославить его своимъ геніальными твореніями. То-же самое явленіе можно замѣтить въ Римѣ: въ эпоху пышнаго расцвѣта его славы и могущества Цезарь, одинъ изъ величайшихъ военныхъ римскихъ геніевъ, является въ то же время и однимъ изъ талантливѣйшихъ писателей.

Много замѣчательныхъ людей, поэтовъ, писателей и научныхъ дѣятелей были въ молодости солдатами, храбро сражаясь на морѣ и сушѣ. Весьма вѣроятно, что повиновеніе, дисциплина и военная выправка — главяющій элементъ солдатской жизни,—въ сильной мѣрѣ служать образованію характера и развитію силы генія.

Данте въ битвѣ при Кампальдино храбро сражался въ передовыхъ рядахъ гвельфской конницы, что и было впослѣдствіи одной изъ причинъ его изгнанія изъ Флоренціи. Петръ Пустынникъ, предводитель первого крестового похода, тоже служилъ въ юности солдатомъ въ рядахъ арміи графа Булонского во время войны послѣдняго съ Фландрію. Послѣ смерти своей жены онъ удалился въ монастырь, а затѣмъ повелъ отшельническій образъ жизни. Вернувшись изъ своего паломничества къ святымъ мѣстамъ, онъ распространилъ по Европѣ свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи паломниковъ и тѣхъ притѣженіяхъ, которымъ они подвергаются. Пламенной своей проповѣдью онъ вдохновилъ болѣе ста тысячъ людей: это и были первые крестоносцы.

Почти все они погибли въ первомъ походѣ, тѣмъ не менѣе за нимъ послѣдовали многіе другіе.

Изъ числа англійскихъ поэтовъ, бывшихъ на военной службѣ, назовемъ Чоусера, который участвовалъ въ походѣ Эдуарда III противъ Франціи въ 1379 году. Бенъ Джонсонъ служилъ солдатомъ въ Нидерландахъ, гдѣ служилъ также Филиппъ Сидней, обезсмертившій себя великодушнымъ предсмертнымъ поступкомъ *). Альджернонъ Сидней командовалъ коннымъ отрядомъ во время ирландскаго мятежа. Ричардъ Стиль, извѣстный въ свое время комическій писатель, началъ свою службу въ качествѣ солдата лейбъ-гвардіи и вскорѣ былъ произведенъ за свои заслуги въ прапорщики. Онъ очень отличился при осадѣ Намюра и Ванлоо.

Кольриджъ тоже былъ нѣкоторое время рядовымъ драгунскаго полка, но капитанъ его полка усердно содѣствовалъ его увольненію отъ службы, давъ ему возможность вернуться къ своимъ студенческимъ занятіямъ. Кольриджъ сравнивалъ иногда свою жизнь съ жизнью Стиля: оба они носили въ продолженіе недолгаго времени солдатскій мундиръ и ставили слово «рядовой» рядомъ со своимъ именемъ, «но была между нами и разница,—говорилъ онъ:— я былъ такой неловкій Ѣздокъ, что вѣрно моя лошадь считала меняувальнемъ и невѣждой». Членъ королевской академіи художествъ, знаменитый пейзажистъ, Ли служилъ офицеромъ въ 56-омъ пѣхотномъ полку, а Мурчисонъ былъ драгунскимъ капитаномъ, прежде чѣмъ прославился въ качествѣ одного изъ геніальнѣйшихъ геологовъ.

*) Серъ Филиппъ Сидней смертельно раненый лежалъ на Зуттенскомъ полѣ битвы. Изнемогая отъ жажды, вслѣдствіи потери крови, онъ попросилъ пить. Въ ту минуту, когда онъ уже поднялся ко рту лоданную ему бутылку, онъ увидѣлъ раненаго солдата, который, когда его пронесли на носилкахъ мимо Сиднея, съ жадностью посмотрѣлъ на напитокъ. Филиппъ Сидней отнялъ флагу ото рта и, подавая ее раненому, сказалъ:— «Шей: ты больше моего нуждаешься въ этомъ».

Въ эпоху особенно яркаго расцвѣта испанской литературы, всѣ великие поэты и писатели этой страны отличались въ то же время храбрыми подвигами на военномъ поприщѣ и не одинъ изъ нихъ прославился, какъ смѣлый искатель приключений, снискавъ себѣ почести и славу.

Лопе де-Вега принималъ дѣятельное участіе въ экспедиції Непобѣдимой Армады и, вернувшись въ числѣ немногихъ уцѣльвшихъ на родину, принялъся за сочиненіе своихъ драмъ и комедій, а позднѣе превратился въ одного изъ фамиліаровъ, а затѣмъ и священниковъ инквизиціи. Великий Сервантесъ не разъ въ качествѣ солдата принималъ участіе въ разныхъ сраженіяхъ на суше и на морѣ. Онъ отличился въ битвѣ при Лепанто, гдѣ получилъ три серьезныя раны, лишившія его возможности продолжать военную службу. Но «копье никогда не притупляеть пера»—говаривалъ онъ и доказалъ это самымъ блестящимъ образомъ, создавъ своего безсмертнаго донъ-Кихота.

Кальдеронъ, великий испанскій драматургъ, по окончаніи Саламанкскаго университета, служилъ солдатомъ въ Миланѣ и Нидерландахъ. Возвратясь на родину, онъ сдѣлался сначала драматическимъ писателемъ, а впослѣдствіи священникомъ.

Есть нѣкоторое сходство между судбою Сервантеса—гордостью Испаніи, и Камоэнса—величайшаго таланта Португаліи: оба были военные и писатели. Сервантесъ потерялъ въ сраженіяхъ лѣвую руку, а Камоэнсъ—правый глазъ. Оба стяжали себѣ славу лишь много лѣтъ спустя, послѣ своей смерти. Мадридъ, Эскивіасть, Севилья и Луценъ давно уже спорятъ о чести называться родиной Сервантеса. Это не помѣшало ему въ свое время умереть въ страшной нищетѣ, и мѣсто, гдѣ находилась его могила, давно забыто и заброшено и нѣтъ возможности воздать теперь должная почести, хотя бы его праху.

Когда португальцы праздновали трехсотлѣтній юбилей Камоэнса, одного изъ величайшихъ міровыхъ геніевъ,—весь

Лиссабонъ разукрасился флагами и пестрыми коврами, и улицы его покрылись торжественными процессіями. А между тѣмъ 300 лѣтъ тому назадъ этотъ самыи Камоэнсъ умиралъ отъ голода, не зная чѣмъ укрыть свое измученное тѣло. Исторія его жизни полна странныхъ случайностей и удивительныхъ приключений. Онъ родился въ Лиссабонѣ, и окончивъ университетъ, поступилъ въ армію, гдѣ выказалъ себя съ самой хорошей стороны. Въ одномъ изъ сраженій онъ потерялъ глазъ. Едва успѣвъ вернуться въ Лиссабонѣ, онъ снова отправился въ Индію и за время медленнаго скучнаго плаванія написалъ свою бессмертную «Лузіаду», воспѣвающу въ 10 пѣсняхъ подвиги Васко де-Гама и главнѣйшии моменты португальской исторіи. Изъ Индіи онъѣздилъ въ Макао и Китай. На обратномъ пути его корабль потерпѣлъ крушеніе въ устьѣ рѣки Миконгъ: онъ бросился въ воду и плылъ, гребя одной рукой, а въ другой держа надъ головой рукопись своей поэмы. Все его имущество погибло. Черезъ два года послѣ своего возвращенія на родину его «Лузіада» была напечатана и встрѣтила восторженный приемъ въ публикѣ. Король Себастьянъ пожаловалъ поэту въ награду незначительную пенсію въ размѣрѣ пяти англійскихъ фунтовъ стерлинговъ. Но здоровье Камоэнса въ конецъ разстроилось: скучная его пенсія выдавалась ему очень неаккуратно, вѣрнѣе, совсѣмъ не выдавалась; видно было, что при дворѣ забыли и думать о немъ. Великій поэтъ поддерживалъ милостыней свое жалкое существованіе. Вѣрный его слуга и единственный другъ тайно выходилъ по ночамъ на улицу и собиралъ Христа ради на кусокъ хлѣба. Въ 1850 году Камоэнсъ умеръ въ больницѣ, откуда тѣло его перенесли въ церковь святой Анны, въ которой и предали землѣ.

Монахъ Іосифъ Гудисъ написалъ на обложкѣ своего экземпляра «Лузіады» «Грустно и стыдно за человѣка мысли о томъ, какъ плохо былъ вознагражденъ такой великий гений. Я присутствовалъ при его кончинѣ: онъ умеръ, не

оставивъ ни копѣйки: не на что было даже купить ему савана; между тѣмъ какъ храбро сражался онъ въ Индіи! Онъ прошмылъ за всю свою жизнь слишкомъ 16 тысячъ географическихъ миль. Судьба его да послужитъ предостереженiemъ для тѣхъ, кто безполезно теряетъ силы за научными занятіями, подобно пауку, который прядетъ свою паутину, лишь для того чтобы ловить мухъ».

Ігнатій Лойола, жизнь которого имѣла такое великое вліяніе на исторію человѣчества, что дѣятельность всѣхъ вышеупомянутыхъ писателей, взятыхъ вмѣстѣ, блѣднѣеть передъ нею, также служилъ въ рядахъ испанского войска и даже былъ весьма жизнерадостнымъ военнымъ. При осадѣ Пампелуны, онъ былъ опасно раненъ въ ногу и, на долго прикованный къ постели, прочелъ за время своей болѣзни исторію жизни Христа и святыхъ, и душа его совершенно переродилась подъ вліяніемъ этого чтенія. Выздоровѣвъ, онъ посвятилъ себя, по старому рыцарскому обычая, на служеніе св. Дѣвы въ Монферратскомъ монастырѣ, раздавъ предварительно бѣднымъ все свое имущество. Впослѣдствіи онъ явился основателемъ іезуитскаго ордена, того воинствующаго монашества, которое, несмотря на всѣ свои недостатки, строго блюдетъ обѣтъ отреченія отъ роскоши, праздности и лѣни.

Къ числу замѣчательныхъ французскихъ солдатъ принадлежитъ знаменитый философъ Рене Декартъ. Онъ родился въ Турени въ 1596 г. и получилъ образованіе въ іезуитской коллегіи въ Ля-Флешѣ, гдѣ и подружился съ ученымъ монахомъ Марсеной, подъ вліяніемъ котораго посвятилъ себя занятіямъ философией и математикой. 21-го года онъ, въ качествѣ дворянина, вступилъ въ военную службу съ намѣреніемъ хорошошенько изучить человѣческую жизнь. Сначала онъ служилъ добровольцемъ во французской арміи въ Голландіи, а затѣмъ перешелъ въ ряды войскъ герцога баварскаго. Въ 1620 году онъ принималъ участіе въ битвѣ при Прагѣ у Бѣлой горы, гдѣ онъ осо-

бенно отличался; все время однако онъ не оставлялъ своихъ любимыхъ занятій философией и математикой. Во время остановки полка его въ Бредѣ, Декартъ увидѣлъ однажды на улицѣ толпу людей, читавшихъ какое-то объявление. Такъ какъ Декартъ не понималъ по-фламандски, то приялся разспрашивать соѣдей о ея содержаніи; ему рассказали, что это было предложеніе рѣшить трудную математическую задачу. Господинъ, говорившій съ нимъ, оказался директоромъ коллегіи въ Дортѣ и былъ чрезвычайно удивленъ, узнавъ, что молодой солдатъ очень интересуется математикой. Декартъ пообѣщалъ ему прислать на слѣдующій день рѣшеніе задачи, что и исполнилъ.

Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду Декартъ задался смѣлой мыслью произвести полныйшій переворотъ въ тогдашней философской системѣ и, подавъ въ отставку, отправился путешествовать по Голландіи, Франціи, Италіи и Швейцаріи. По возвращеніи онъ окончательно рѣшилъ посвятить себя философскимъ и математическимъ изслѣдованіямъ и по возможности обновить всю современную ему философскую систему. Онъ продалъ часть своего наследственного имѣнія во Франціи и перебрался въ Голландію, гдѣ съ большой осторожностью обнародовалъ свои мнѣнія, хорошо зная, что церковь склонна считать ересью всякое новшество въ области знаній. Многія изъ своихъ сочиненій онъ выпускалъ даже безъ своей подписи, а важнѣйшіе его труды обнародованы были только послѣ его смерти, заставшей его въ Стокгольмѣ, гдѣ онъ по настоятельному приглашенію шведской королевы Христины провелъ послѣдніе годы жизни.

И кроме Декарта, многіе другіе французскіе военные прославились впослѣдствіи также на поприщѣ научной дѣятельности. Извѣстный математикъ, Мапертюи, былъ драгунскимъ капитаномъ, оптикъ Малюсъ состоялъ при арміи въ качествѣ военного инженера, химикъ Ніесь, производившій изслѣдованія надъ химическими дѣйствіемъ свѣта, что

привело впослѣдствіі къ изобрѣтенію фотографіи—быль драгунскимъ лейтенантомъ и т. п.; въ армії служилъ натуралистъ Ламаркъ, воздвигшій себѣ безсмертный памятникъ своей исторіей беспозвоночныхъ животныхъ.

Война сопровождается очень часто всевозможными жестокостями. Среди необузданного разгула, наступающаго обыкновенно послѣ побѣдоносныхъ завоеваній, цѣлые города не разъ безжалостно предавались огню и мечу; жизнь мирныхъ жителей безразсудно приносилась въ жертву, пустѣли цѣлые страны. Въ средніе вѣка, когда войны отличались еще большей жестокостью, чѣмъ теперь, возникло рыцарство, подъ вліяніемъ котораго ужасы войны нѣсколько смягчились. Дѣти знатныхъ родовъ съ самаго нѣжнаго возраста подготовлялись къ своему будущему призванію, пріучались къ послушанію и рыцарскому обхожденію. Пажи умѣли уже хорошо управлять конемъ и владѣть копьемъ и, состоя при благородныхъ дамахъ, пріобрѣтали подъ ихъ вліяніемъ умѣніе скромно вести себя, изящество манеръ и разговоровъ. Торжественный обрядъ посвященія въ рыцари, котораго удостаивался пажъ изъ знатной семьи, достигнувшій совершеннолѣтія, быль тѣсно связанъ съ религіей. Подготовляясь къ принесенію своихъ рыцарскихъ обѣтовъ, юноша соблюдалъ строгій постъ, проводилъ ночь за молитвой въ храмѣ, исповѣдывался и пріобщался св. Тайнъ, послѣ чего вновь посвящаемый давалъ клятву защищать угнетенныхъ и слабыхъ, уважать женщинъ и оставаться вѣрнымъ до конца Богу и своему господину.

Самымъ блестящимъ представителемъ рыцарскихъ доблестей считался въ средніе вѣка Баярдъ, имя котораго въ исторіи навсегдаувѣковѣчена эпитетомъ—рыцаря «безъ страха и упрѣка». Онъ явился на свѣтъ въ 1476 году въ старинномъ родовомъ замкѣ Баярдовъ, близъ Гренобля, воспитанъ быль своимъ дядей Гренобльскимъ епископомъ и съ самого юнаго возраста полутилъ воспитаніе въ ры-

царскомъ духѣ. Главнѣйшіе подвиги Баарада относятся къ эпохѣ французскихъ походовъ въ Италію: при Миланѣ, при Падуѣ и Брешії. При осадѣ Брешії Баарадъ, находившійся во главѣ передового отряда, былъ тяжело раненъ въ бедро.

«Городъ взять,—сказалъ онъ,—но я не войду въ него: я раненъ смертельно». Получивъ, вмѣстѣ съ вѣстями о взятии передовыхъ укрѣплений, извѣстіе о смертельной ранѣ Баарада, герцогъ Немуръ воскликнулъ въ глубокой скорби: «Впередъ, друзья, отомстимъ за смерть лучшаго рыцаря, какой когда-либо жилъ на свѣтѣ!» Брешія была взята послѣ того, какъ Немуръ выслалъ оттуда венеціанцевъ.

Въ то время, какъ французскіе солдаты грабили городъ, Баарадъ перенесень былъ на деревянныхъ носилкахъ въ ближайшій домъ, владѣлецъ котораго бѣжалъ, оставивъ на милость завоевателей свою жену и двухъ дочерей-красавицъ. Хозяйка дома сама отворила дверь и не безъ болѣзи встрѣтила Баарада. Несмотря на свое тяжелое состояніе, рыцарь, собравшись съ послѣдними силами, приказалъ прекратить грабежъ, а хозяйкамъ дать слово вернуть все, чего онѣ лишились.

Баарада положили въ лучшей комнатѣ дома. Владѣлица егобросилась на колѣни передъ рыцаремъ и сказала: «Благородный господинъ, охотно отдаю въ ваше распоряженіе и свой домъ, и все, что въ немъ находится. Умоляю васъ обѣ одной только милости: пощадите мою честь и жизнь, а также честь и жизнь моихъ двухъ дочерей». Баарадъ, который съ трудомъ могъ говорить, промолвилъ: «Не знаю, оправлюсь-ли я когда-нибудь, но пока я живъ, будьте уверены, что ни вы, ни ваши дочери не подвергнутся никакому оскорблению: я беру васъ подъ свою рыцарскую защиту. Но, ради Бога, подайте мнѣ скорѣе помоѣ и призовите врача».

Благородная дама сама отправилась въ сопровожденіе солдата за врачомъ, который, прибывъ, осмотрѣлъ рану и

объявилъ, что она къ счастью не смертельна. Герцогъ де-Немуръ прислалъ въ свою очередь къ больному собственного лейбъ-медика, такъ что, благодаря превосходному уходу и лѣченію, Баярдъ сталъ быстро выздоравливать. Однажды рыцарь спросилъ хозяйку дома, получаетъ ли она какія-нибудь извѣстія о своемъ мужѣ? «Я не знаю даже—живъ онъ, или умеръ,—отвѣтала она со слезами,—предполагаю, что онъ скрывается въ какомъ-нибудь ближнемъ монастырѣ». Баярдъ приказалъ навести справки и, когда мѣсто убѣжища хозяина дома было открыто, послалъ двухъ солдатъ и управляющаго домомъ къ бѣглецу, поручивъ имъ передать несчастному, что онъ можетъ безъ всякихъ опасеній вернуться домой.

Когда врачи увѣрили рыцаря, что рана его совершенно закрылась и онъ можетъ теперь съ помощью слуги самъ залѣчить прописанной ему мазью наружный шрамъ, Баярдъ, съ обычной своей щедростью одаривъ ихъ, рѣшилъ, не медля ни минуты, вернуться на свой постъ. Хозяева дома рѣшили вознаградить Баярда за оказанное имъ со стороны рыцаря великодушное покровительство и, сбравъ все, какія только могли, деньги, рѣшили поднести имъ въ желѣзной шкатулкѣ замѣчательно изящной работы.

«Благородный господинъ,—сказала хозяйка дома Баярду,—всю жизнь я не перестану благодарить Господа за то, что во время всеобщаго грабежа и разрушенія Онъ привелъ въ мой домъ великодушнаго рыцаря, защитившаго насъ! Мужъ и дѣти будуть вѣчно считать себя обязанными вамъ, какъ своему ангелу-хранителю, благодаря которому все мы сохранили въ неприкосновенности честь свою и жизнь. Мы ваши пленники, домъ и все, что въ немъ находится принадлежитъ вамъ по праву, но вы выказали по отношенію къ намъ столько великодушія, что я молю васъ и теперь сжалиться надъ нами и удовольствоваться тѣмъ ничтожнымъ даромъ, который имѣю честь поднести вамъ».

Она открыла шкатулку и показала рыцарю ея содержание. «Сколько у вась денегъ?»—спросилъ Балярдъ. «Здѣсь 2,500 дукатовъ, но если вы находите, что этого недостаточно—скажите, сколько вы желаете получить, и я употреблю всѣ усилия, чтобы вполнѣ удовлетворить вась». Балярдъ возразилъ: «Если бы вы принесли мнѣ не 2,500, а цѣлыхъ 100 тысячъ дукатовъ, то и они въ моихъ глазахъ не могли бы сравниться цѣнностью съ той добротой и лаской, какую я встрѣтилъ здѣсь за время своей болѣзни, и съ милымъ обществомъ, какое я здѣсь нашелъ въ средѣ вашей семьи».

Дама бросилась передъ нимъ на колѣни и со слезами стала умолять его принять ея скромный даръ. «Я сочту себя несчастнѣйшей женщиной въ мірѣ, если вы отвергнете его»,—сказала она. «Въ такомъ случаѣ, — отвѣтилъ Балярдъ,—я принимаю вашъ подарокъ; но прошу вась послать мнѣ вашихъ дочерей, съ которыми я желалъ бы проститься». Когда явились молодыя девушки и принялись горячо и сердечно благодарить его за покровительство, тронутый до слезъ рыцарь выразилъ имъ въ свою очередь всю свою признательность за ихъ заботливое отношеніе къ нему и пріятные часы, которые провелъ въ ихъ обществѣ во время томительного бездѣствія, прикованный къ постели своей тяжелой болѣзни.

«Охотно оставилъ бы я вамъ на память какую-нибудь бездѣлушку, прелестныя мои сидѣлки, — сказалъ онъ,—къ несчастію, солдаты не имѣютъ обыкновенія носить драгоценности въ своихъ походныхъ ранцахъ. Но вотъ только что ваша мать принудила меня взять эти 2,500 дукатовъ: прошу вась, возьмите себѣ каждая по тысячѣ, а остальные 500 раздѣлнимъ между самыми бѣдными изъ вашихъ монастырей, наиболѣе пострадавшими отъ грабежа нашихъ солдатъ».

Преисполненная невыразимой благодарностью вся семья проводила рыцаря, наградивъ его самыми лучшими поже-

ланіями, а самъ онъ унесъ въ душѣ отрадное сознаніе исполненнаго имъ долга, вмѣненнаго въ обязанность каждому рыцарю-христіанину.

Въ то же время папа Юлій предложилъ Баярду принять главное начальство надъ римскими войсками. Баярдъ отвѣтилъ: «У меня есть одинъ лишь повелитель въ небѣ: Царь царей, одинъ властитель на землѣ: король Францискъ I, и никогда не буду служить инымъ господамъ».

Баярдъ продолжалъ свои подвиги. Въ 1524 году, во время одной изъ атакъ на испанцевъ, поставленный, — какъ говорилъ потомъ Францискъ,—адмираломъ Бонниветомъ, можетъ быть изъ зависти, на опасную позицію Баярдъ былъ смертельно раненъ въ поясницу мушкетнымъ выстрѣломъ. «О, Боже, я убитъ!» — воскликнулъ онъ, и набожно приложился къ кресту на рукояти своего меча.

Товарищи хотѣли вынести его съ поля битвы, но онъ не позволилъ имъ этого, сказавъ: «Не хочу въ свой послѣдній часъ обернуться спиной къ непріятелю, чего не дѣлалъ при жизни. Положите меня подъ дерево такъ, чтобы я встрѣтилъ его лицомъ къ лицу. Не печальтесь обо мнѣ. Господь меня призываетъ: да будетъ Его воля; Онъ довольно продлилъ мнѣ жизни, осыпая меня милостями, которыхъ я даже не заслужилъ... Теперь оставьте меня: промедливъ еще здѣсь, вы можете попасться въ пленъ врагу, что меня крайне опечалитъ. Я умираю, и вы не въ силахъ помѣшать этому».

Явились испанцы во главѣ съ маркизомъ Пескара, который сказаъ умирающему: «Охотно отдалъ бы я половину своей жизни, чтобы взять васъ въ пленъ здоровымъ и невредимымъ. Съ тѣхъ поръ какъ я ношу оружіе, я не встрѣчалъ еще подобнаго вамъ рыцаря». Маркизъ оказалъ рыцарю все возможныя почести, которыя Баярдъ принялъ со скромнымъ достоинствомъ. Но когда къ нему приблизился коннетабль, Бурбонъ, измѣнившій своему королю и отечеству и передавшійся испанцамъ, и сочув-

ственно сказалъ ему: «О, Баярдъ, какъ мнѣ жаль вѣсль!» рыцарь съ усиліемъ поднялся и рѣзко отвѣтилъ: «Благодарю, но я не жалѣю себя, потому что умираю честно на службѣ своей отчизнѣ и своему королю. Вы большие достойны сожалѣнія, такъ какъ, нарушивъ свое слово, сражаетесь противъ своего короля и своей страны». Съ этими словами онъ скончался.

Только послѣ смерти этого «послѣдняго рыцаря» Францискъ научился понимать его настоящую цѣну, потому что никто изъ остальныхъ окружавшихъ короля полководцевъ не могъ замѣнить ему усопшаго. «Мы потеряли,— сожалѣлъ нѣсколько поздно король,— великаго человѣка, одно имя котораго наводило страхъ на врага и заставляло его трепетать передъ войсками, у которыхъ былъ такой предводитель». Послѣ битвы при Павіи, проигравъ которую Францискъ воскликнулъ: «Все потеряно, кромѣ чести!» король еще живѣе почувствовалъ свою потерю. «Будь при мнѣ рыцарь Баярдъ, одно его присутствіе имѣло бы больше значенія, чѣмъ распоряженія сотни другихъ командировъ. О, рыцарь Баярдъ, какъ глубоко я чувствую всю горечь твоего отсутствія. Меня здѣсь не было бы, если бы ты былъ живъ!» Напрасныя сожалѣнія, ибо рыцарь былъ мертвъ, а король въ плѣну.

Никто не заслужилъ большаго права на звит еть «рыцаря безъ страха и упрека»: мужественный великолѣпный Баярдъ всегда былъ неизмѣнно безстрашенъ, честенъ и правдивъ. Храбрость его росла вмѣстѣ съ затрудненіями и препятствіями, которыя ему приходилось преодолѣвать. Онъ презиралъ богатство, которымъ нельзя было воспользоваться для добрыхъ дѣлъ. Самъ же онъ никогда не отказывалъ нуждающемуся ни въ нравственной, ни въ материальной поддержкѣ; добрыя свои дѣла онъ дѣлалъ втайне и въ высшей степени деликатно и умно. Шла мѣлва, что онъ снабдилъ приданымъ слишкомъ сто девушекъ-сиротъ, всякая вдова могла явиться къ нему за помощью. Съ особен-

ной сердечностью относился онъ къ своимъ солдатамъ, одному дарилъ свое платье, за другого платилъ долги; щедро расплачивался за постой и за всю провизію, которую забиралъ въ побѣжденныхъ городахъ. Всѣ эти качества снискали ему славу, передъ которой благоговѣютъ всѣ послѣдующія поколѣнія.

Война, которую люди ведутъ во имя спасенія своей родины, всегда считалась достойной уваженія, тогда какъ наступательная сливеть войной несправедливой, хотя всѣ, ведущіе такія войны, оправдываются тѣмъ, что онѣ служатъ будто-бы распространенію цивилизаціи. Между тѣмъ главной ихъ побудительной причиной являются хищнические инстинкты, и никогда онѣ не могутъ вызвать къ себѣ такого сочувствія, какое вызываетъ безкорыстная любовь къ отечеству, побуждающая человѣка безстрашно и самоотверженно защищать свою страну. Кто не благоговѣлъ передъ патріотами въ родѣ Арнольда Винкельрида и его подвигомъ при Семпахѣ или передъ Вильгельмомъ Теллемъ, Брюсомъ и Гоферомъ при Инспрукѣ. Дѣла ихъ и примѣръ имѣли огромное вліяніе на облагороженіе характера ихъ соотечественниковъ. Они явились выразителями идеального исполненія долга.

Настоящій патріотизмъ нисколько не исключаетъ проявленій всеобъемлющей любви ко всему человѣчеству вообще. Для человѣка, постигшаго сладость семейныхъ узъ, пламенѣющаго любовью къ родинѣ, доступный всѣ жаркія стремленія, чѣмъ узкому эгоисту, погрязшему въ апатію ко всему окружающему. Всѣ мы должны бы воспитать въ себѣ сознаніе, что каждый изъ насъ является лишь звеномъ въ цѣпи міровой жизни: какъ бы ни была пламенна любовь къ отчизнѣ—міръ зоветъ насъ и открываетъ широкое доприще для всякой полезной дѣятельности.

Благородѣйшее сліяніе лучшихъ и высшихъ проявленій человѣческаго духа: патріотизма, благородства и беззавѣтной храбрости, представляетъ личность Вашингтона,

вождя и освободителя своей отчизны. Это былъ одинъ изъ самыхъ великихъ людей своего времени не только въ силу своего генія, но и благодаря своей справедливости и другимъ высокимъ душевнымъ качествамъ.

Вашингтонъ былъ знатнаго происхожденія: предки его когда-то поселились въ графствѣ Дѣрнемъ, откуда эмигрировали впослѣдствіи въ Америку и около 1657 г. избрали своимъ мѣстожительствомъ Виргинію.

Герцогъ Вашингтонъ, родившійся въ 1730 году, уже въ юности отличался болыпимъ умомъ и способностями, а также неподкупной честностью, вслѣдствіе чего ему скоро начали поручать самыя отвѣтственные дѣла. Девятнадцати лѣтъ, онъ, въ чинѣ маюра, находился уже на посту товарища губернатора Виргиніи. Проникнутый строгимъ со-заніемъ долга, исполнительный и энергичный, онъ вполнѣ оправдывалъ всеобщее довѣріе. 23-хъ лѣтъ онъ былъ произведенъ въ полковники и назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ собранныхъ въ Виргиніи войскъ, которыя должны были вмѣстѣ съ англійскими отрядами защищать западную территорію отъ французовъ.

Когда въ 1774 году колоніи восстали противъ своей метрополіи, Англіи, Вашингтонъ сначала избранъ былъ на постъ команда-рия виргинскихъ отрядовъ, но уже въ 1775 г. онъ получилъ званіе генералиссимуса соединенной съвероамериканской арміи, которое принялъ подъ условіемъ, что будетъ служить безвозмездно.

Жизнь Вашингтона была столько разъ описана во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, что намъ нѣть здѣсь необходимости пересказывать ее шагъ за шагомъ; ограничимся указаніемъ на его мужество и благородство, на готовность самопожертвованія и чистоту намѣреній, съ какими онъ предпринялъ дѣло освобожденія своей страны, которой и даровалъ въ концѣ-концовъ полнѣйшую независимость. Онъ не терялъ самообладанія въ часы побѣдъ и не падалъ духомъ въ часы пораженій.

Посылая въ декабрь 1783 года официальную бумагу губернаторамъ разныхъ штатовъ, онъ окончилъ ее словами: «Постоянно молю Бога, да приметъ Онъ подъ свою святую защиту васъ и ввѣренные вамъ штаты; да внушить Онъ сердцамъ гражданъ стремлениѳ къ добровольному подчиненію властямъ и братскому отношенію другъ къ другу, а въ особенности къ военнымъ, мужественно сражавшимся за ихъ свободу; да направить насть милосердый Отецъ на путь добра и чести, да вдохновитъ наши сердца духомъ милосердія и справедливости, духомъ смиренія и мира, главнѣйшими качествами божественного основанія нашей святой вѣры, недостижимаго идеала, виѣ котораго однако мы не можемъ найти образца и въ которомъ заключается для насть источникъ счастья и блага». Какъ прекрасны въ своей простотѣ эти слова Вашингтона.

Говоря о различныхъ выдающихся солдатахъ, нельзя пройти молчаніемъ жизнь герцога Веллингтона, этого англійскаго Баярда, чьимъ первымъ и послѣднимъ житейскимъ принципомъ было слово «долгъ». Въ частной, какъ и въ общественной жизни онъ былъ олицетвореніемъ правды. Главнѣйшимъ его побужденіемъ было служеніе на пользу родинѣ и никогда корыстолюбивые или честолюбивые замыслы не волновали его благородной души.

Съ самаго начала своей службы въ офицерскихъ чинахъ «желѣзный герцогъ», какъ его называли впослѣдствіи, выказалъ себя самымъ совершеннымъ служакой; онъ сумѣлъ превосходно дисциплинировать свой батальонъ, снискавъ въ то-же время довѣріе и уваженіе солдатъ, благодаря своей справедливости и ласковому съ ними обращенію. Онъ въ совершенствѣ умѣлъ повелѣвать, но въ такой же мѣрѣ умѣлъ онъ и повиноваться. По возвращеніи изъ Индіи, гдѣ онъ командовалъ цѣлыми арміями и былъ начальникомъ провинцій, равныхъ по объему многимъ европейскимъ государствамъ, онъ былъ назначенъ командиромъ пѣхотной бригады въ Суссексѣ. Когда его друзья

трунили надъ подобной перемѣной въ его положеніи, онъ отвѣчалъ: «Я ъѣль хлѣбъ короля: повиноваться его приказаніямъ—мой долгъ».

Нечего и говорить, что онъ отличался исключительной храбростью. Въ затруднительныхъ случаяхъ онъ умѣль смѣло смотрѣть въ глаза опасности. Въ сраженіи при Ассайѣ подъ нимъ были убиты двѣ лошади, у Дурро, когда его окружилъ отрядъ французской конницы, онъ прорубиль себѣ путь мечомъ. При Саламанкѣ онъ былъ контуженъ въ ребро и пуля прострѣлила ему шляпу. «Я былъ при немъ вечеромъ послѣ битвы подъ Саламанкою и видѣль какъ вдохновенно было его лицо, освѣщенное счастьемъ побѣды. Взглядъ его былъ быстръ и проницателенъ, но голосъ звучалъ спокойно и даже нѣжно».

Герцогъ отличался необычайнымъ терпѣніемъ. Въ 1810 году, когда онъ былъ окруженъ вмѣстѣ со всей арміею войсками маршала Массены при Торресъ-Ведрасѣ, его собственные офицеры возмутились противъ него и безпрестанно требовали отъ него отпуска, стремясь вернуться въ Англію. «Семь генераловъ вернулись по домамъ,—писалъ онъ одному изъ друзей,—за исключеніемъ меня самого и генерала Кэмпбелля здѣсь не осталось ни одного генерала, который умѣль-бы обходиться съ солдатами. Всѣдѣствіе отсутствія многихъ изъ этихъ господъ, мнѣ приходится зачастую исполнять должность генерала-отъ-кавалеріи и въ то же время командовать авангардомъ, т.-е. принять на себя начальство двумя или тремя колоннами сразу».

Въ Англіи пресса обвиняла Веллингтона въ томъ, что онъ медлитъ и не хочетъ дать сраженія. Лордъ-мэръ и лондонская дума обратились къ королю съ просьбой назначить слѣдствіе надъ герцогомъ, ролтала палата общинъ, министерство колебалось, а Веллингтонъ все еще спокойно стоялъ въ Торресъ-Ведрасѣ. «Надѣюсь, что народное мнѣніе въ Англіи,—говорилъ онъ относительно обвиненій печати,—не позволить сбить себя съ толку газетными статьями.

Вотъ почему я и не обращаю на нихъ никакого вниманія и не хочу возражать что-либо на тѣ безчисленныя клеветы, которыя газеты распространяютъ обо мнѣ и моемъ образѣ дѣйствій».

Наконецъ войска герцога побили французовъ и принудили ихъ отступить, а Веллингтонъ пустился преслѣдовывать ихъ. По дорогѣ французы уничтожили значительную часть своей артиллеріи и боевыхъ запасовъ, что было сдѣлано съ цѣлью облегчить отступленіе. Они грабили и жгли села и убивали мирныхъ жителей безъ всякой вины съ ихъ стороны за одно нерасположеніе къ французскимъ завоевателямъ. Веллингтонъ настигъ армію Массены при Фуентесъ д'Оноро, гдѣ нанесъ ей жестокое пораженіе. Затѣмъ послѣ цѣлаго ряда побѣдъ онъ вступилъ въ Мадридъ. Интересно, что тогда какъ при испанскомъ бригадномъ командирѣ Мирандѣ находилось около сорока трехъ адъютантовъ, Веллингтонъ во время своего торжественнаго вѣзда въ Мадридъ имѣлъ при себѣ всего лишь одного, лорда Фитцрой Соммерсетъ.

Веллингтонъ всегда въ высшей степени человѣколюбиво относился къ жителямъ тѣхъ мѣстностей, по которымъ онъ проходилъ: испанцамъ приходилось больше опасаться собственныхъ солдатъ, чѣмъ англійскихъ. Первые безъ церемоніи тащили у своихъ соотечественниковъ, что могли, послѣднимъ же это было строжайше запрещено, хотя они и терпѣли большую нужду въ деньгахъ и средствахъ передвиженія. Во время преслѣдованія Массены нѣсколько англійскихъ солдатъ взяли немнога дровъ изъ лѣса графа Кастелло Мелькора. Веллингтонъ съ рѣдкимъ великодушiemъ заплатилъ за нихъ изъ собственныхъ средствъ.

Несмотря на великодушное обращеніе Веллингтона съ мирными жителями, испанскіе солдаты, въ особенности послѣ сраженія при Талаверѣ, стали относиться къ англичанамъ въ высшей степени непріязненно и, не стѣсняясь, высказывали имъ это. Войдя во Францію, испанскія войска

немедленно занялись грабежами и убийствами. Узнавъ объ этомъ Веллингтонъ тотчасъ-же приказалъ отправить ихъ назадъ въ Испанию и безъ ихъ помощи далъ битву при Оргезѣ. «Я не могу поощрять низостей въ родѣ грабежей и разбоя,—сказалъ онъ донъ-Фрейру,—а если вы хотите разрешить разбойничать своимъ солдатамъ—дайте имъ другого главнокомандующаго».

Англійское правительство, несмотря на блестящія побѣды Веллингтона, постоянно стѣсняло его образъ дѣйствій; особенно непріятно было ему то обстоятельство, что онъ былъ лишенъ возможности награждать людей, отличившихся на полѣ битвы. Тогда какъ французскіе маршалы имѣли власть поощрять своихъ солдатъ и офицеровъ повышениемъ чина, Веллингтонъ былъ лишенъ этого полномочія, и всѣ повышенія зависѣли отъ штаба, находившагося въ Англіи и раздававшаго чины и ордена людямъ и не видавшимъ арены войны, въ ущербъ храбрецамъ, отличившимся на Пиринейскомъ полуостровѣ. Такъ подполковникъ Флетчеръ, работавшій надъ траншеями и окопами по линіи укрѣплѣній Торресъ-Ведраса и другими земляными укрѣплѣніями, получилъ патентъ на чинъ лейтенанта лишь по прошествіи трехъ лѣтъ послѣ своихъ трудовъ, когда уже былъ убитъ осколкомъ гранаты, разорвавшейся въ Сень-Себастьянскихъ траншеяхъ. Тоже случилось и съ известнымъ храбрецомъ Уатерсомъ, хотя Веллингтонъ въ каждомъ изъ своихъ рапортовъ въ Лондонъ постоянно выставлялъ на видъ въ высшей степени важныя заслуги обоихъ.

Солдаты благоговѣли передъ безпристрастіемъ, правдивостью, справедливостью и безкорыстіемъ герцога. Хотя онъ не могъ, конечно, совершенно не обращать вниманія на проступки солдатъ и нарушение ими дисциплины, тѣмъ не менѣе онъ всегда старался по мѣрѣ возможности смягчить для виновнаго заслуженное имъ наказаніе. Когда кто-нибудь изъ офицеровъ обвинялся въ нарушеніи военнаго

устава въ виду непріятеля, герцогъ старался, не доводя дѣло до военного суда, способствовать по мѣрѣ силы, чтобы просьба обѣ увольненіи, поданная виновнымъ, была принята: «Пусть выходитъ въ чистую отставку,—говорилъ онъ, —это лучше, чѣмъ отдавать его на публичный позоръ».

Съ подчиненными своими Веллингтонъ обращался въ высшей степени вѣжливо. Онъ въ совершенствѣ обладалъ тѣмъ изящнымъ спокойствиемъ и мягкостью манеръ, какія являются отличительной чертой благородства происхождения или благородства характера. Самая приказанія онъ никогда не отдавалъ рѣзко или свысока, скорѣе прося или убѣждая, чѣмъ приказывая. Офицерамъ его также вмѣнялось въ обязанность воздерживаться отъ рѣзкости въ разговорахъ съ подчиненными. «Нѣть никакой необходимости употреблять подобныя выраженія,—говаривалъ онъ,—они только оскорбляютъ человѣка, но не убѣждаютъ».

Даже въ военное время онъ, по возможности, старался беречь своихъ солдатъ. Непиръ разсказываетъ, какъ горько плакалъ Веллингтонъ, когда послѣ осады Бадахоса получить списокъ павшихъ въ эту ужасную ночь людей, число которыхъ доходило до двухъ слишкомъ тысячъ. Когда докторъ Юмъ вошелъ утромъ 18 июня къ герцогу съ докладомъ о количествѣ убитыхъ и раненыхъ въ битвѣ при Ватерлоо, онъ нашелъ Веллингтона въ постели; герцогъ спалъ полуодѣтый, весь еще покрытый порохомъ и пылью вчерашняго сраженія. Проснувшись, герцогъ приподнялся, готовясь выслушать чтеніе длиннаго списка. Поднявъ случайно во время чтенія голову, Юмъ, взглянувъ на Веллингтона, увидѣлъ, что онъ сидѣтъ, судорожно сжимая руки, и крупные слезы катятся по его загорѣлымъ щекамъ, смывая пыль и грязь вчерашней ночи. «Наши потери,—писалъ онъ того-же числа своему другу, маршалу Бересфорду,—настолько угнетаютъ меня, что я не могу радоваться завоеванному нами успѣху. Да избавить меня впредь Господь отъ необходимости давать подобныя сра-

жения: сердце мое надрывается при мысли о томъ, сколькихъ старыхъ друзей и товарищей потерял я въ этотъ несчастный день». И только обѣзжая верхомъ поле битвы, онъ произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: «Я не знаю ничего ужаснѣе побѣды — за исключеніемъ пораженія»; очевидно чувство воина взяло въ душѣ его верхъ надъ общечеловѣческимъ чувствомъ христіанской жалости.

Гуманность Веллингтона выражалась не только по отношенію къ его соотечественникамъ: онъ не разъ защищалъ мирныхъ жителей Испаніи отъ грабежа и буйства ихъ собственныхъ солдатъ, онъ защищалъ даже своихъ враговъ; послѣ битвы при Талаверѣ, англичане вступили въ драку съ испанскими войсками, которыхъ задумали было бить плѣнныхъ французовъ и издѣваться надъ ними. И Шатобріанъ написалъ по этому поводу: «Мы не въ силахъ отказать герцогу Веллингтону въ своемъ глубокомъ уваженіи къ нему и тронуты до глубины души, при видѣ того, какъ этотъ достойнейшій великий человѣкъ, преслѣдуя французовъ во врѣмѧ ихъ отступленія изъ Португаліи, обѣщаетъ по двѣ гинеи за каждого французского плѣнного, котораго привезутъ къ нему живымъ».

Военная жизнь Веллингтона изобилуетъ проявленіемъ такихъ высокихъ чувствъ: найдя въ числѣ раненыхъ въ Индіи сына одного туземнаго князя, онъ взялъ его къ себѣ, вырастилъ и воспиталъ ребенка; онъ заботился объ излеченіи генерала Франсески, котораго испанцы бросили умирающимъ въ зачумленной тюрьмѣ; онъ ревностно защищалъ отъ жестокостей солдатъ тѣхъ непріятельскихъ плѣнныхъ, которые попали въ его руки послѣ очищенія Оporto и т. п. Со всѣми своими врагами онъ поступалъ въ высшей степени честно; когда ему предлагали покончить съ индійскимъ княземъ Дундіею Богъ ударомъ кинжала и тѣмъ положить конецъ войнѣ, онъ съ негодованіемъ отвергъ этотъ недостойный проектъ. Когда въ Испаніи всыпнуль мятежъ въ войскахъ маршала Сульта и герцога про-

сили поддержать его—онъ отвѣтилъ энергичнымъ отказомъ. Онъ считалъ недостойнымъ себя и своего дѣла достигнуть съ помощью военного бунта той цѣли, которая должна была быть достигнута посредствомъ мужества и военного искусства.

Когда Веллингтонъ при Ватерлоо наблюдалъ расположение французской арміи, къ нему подъѣхалъ артиллерийскій офицеръ и, указывая на то мѣсто, где стоялъ Наполеонъ со своимъ штабомъ, сказалъ: «Выстрѣлы моихъ орудій могутъ настигнуть ихъ и убить нѣкоторыхъ». —Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ герцогъ,—у главнокомандующихъ арміями въ день великой битвы много другихъ работъ: не время и не мѣсто стрѣлять другъ въ друга. Подобный же случай произошелъ и при осмотрѣ маршаломъ Массеной англійскихъ укрѣплений у Торресъ-Бедраса.

Послѣ паденія имперіи, Веллингтонъ съ негодованіемъ отказался отъ предложенія убийствомъ избавиться отъ Наполеона. «Подобный поступокъ покроетъ насть позоромъ въ глазахъ потомства,—сказалъ онъ,—нась обвинять въ томъ, что мы недостойны были быть побѣдителями Наполеона». Недуренъ отвѣтъ, послѣдовавшій со стороны Наполеона на эту благородную заботу о сохраненіи его жизни. Великій императоръ оставилъ въ завѣщаніи 10 тысячъ франковъ тому, кто покусился бы на жизнь Веллингтона.»

Въ качествѣ человѣка, который всегда свято держалъ свое слово, Веллингтонъ требовалъ, чтобы и его подчиненные слѣдовали въ этомъ отношеніи его примѣру. Въ 1809 году, онъ писалъ французскому генералу Келлерману: «Если англійскіе офицеры даютъ слово не дѣлать попытки къ бѣгству, то вы смѣло можете положиться на нихъ. Смѣю васъ увѣритъ, что я тотчасъ-же задержу и отослю обратно перваго, кто измѣнить своему слову».

Веллингтонъ заботился о репутациіи своихъ офицеровъ столько-же, сколько о своей собственной и даже больше; въ случаѣ какой-либо неудачи, какъ, напримѣръ, при Бур-

госѣй, онъ принималъ всю вину на себя. Онъ всѣми силами старался отстоять Грема, Гиля и Крауфорда противъ тѣхъ обвиненій, которыми осыпали ихъ въ Англіи. Онъ обладалъ въ достаточной мѣрѣ твердостью и величиемъ духа, чтобы равнодушно относиться ко всякой клеветѣ и несправедливости. Главнейшей чертой характера Веллингтона была неизмѣнная вѣрность долгу, которая направляла его дѣла и мысли въ всевозможныхъ случаяхъ жизни. Сколько единства простоты и силы сообщаетъ характеру такое главенствующее, ясно сознанное и систематически проводимое въ жизнь убѣжденіе. Англійская газета «Times» въ некрологѣ, который былъ напечатанъ послѣ того, какъ Веллингтонъ 83-лѣтнимъ старцемъ тихо скончался 14 сентября 1852 года—такъ отзывалась о немъ:

«Возведенный благодарностью всей Европы и ея монарховъ на высшія степени положенія и могущества, онъ оставался во всемъ своею величію только подданнымъ своего государя. Ни одинъ законъ не былъ нарушенъ по его желанію, никакимъ правомъ не пожертвовалъ онъ своему возвышенію. Никто, ни одинъ соотечественникъ, тѣмъ менѣе кто-либо изъ враговъ не можетъ обвинить его въ несправедливости, потому что все его существованіе было подчинено исполненію дѣлъ высшей справедливости и законности». Бріальмонъ, написавшій біографію Веллингтона, кончаетъ ее словами: «Онъ былъ однимъ изъ мудрѣйшихъ и преданныйшихъ людей въ числѣ служившихъ когда-либо англійскому престолу и достойно и храбро поддерживалъ его въ качествѣ вѣрноподданного».

Приведемъ характерный примѣръ того, какимъ образомъ слагаются мало-по-малу сильная духомъ и организмомъ народности. Когда Наполеонъ уничтожилъ Пруссію, превративъ ея правительство въ нѣчто совершенно безличное, а государство въ данника Франціи,—идеей освобожденія своей страны вдохновился фонъ-Штейнъ, рѣшившій организовать это освобожденіе съ помощью раскрытощенія

народа. Однимъ мѣткимъ выраженіемъ онъ опредѣлилъ всю суть своего замысла: «Что государство теряетъ во внѣшнемъ величіи, то можетъ восполнить внутренней силой». Сила же государства покоится не на одномъ какомъ-либо классѣ, а на цѣломъ народѣ. «Чтобы поднять благосостояніе народа,—говорить онъ,—необходимо обезпечить его свободой и собственностью и всѣхъ безъ исключенія поставить подъ покровительство закона. Освободимъ крестьянину, потому что только свободный трудъ способенъ въ достаточной мѣрѣ поддержать народъ. Дадимъ крестьянину въ пользованіе ту землю, которую онъ обрабатываетъ, потому что только независимый владѣлецъ готовъ до послѣдней капли крови поддержать свой домъ и свою семью. Избавимъ городскихъ жителей отъ монополіи и опеки бюрократіи, потому что только свобода въ мастерской и на рынкѣ давала гражданамъ старыхъ нѣмеckихъ городовъ ту смѣлость духа, которая отличала ихъ. Пусть земледѣльческое дворянство проникнется убѣждѣніемъ, что законное положеніе аристократіи можетъ упрочиться только съ помощью безкорыстной службы земству и коронѣ и что освобожденіе отъ податей и другія ничѣмъ не оправдываемыя привилегіи только подрываютъ его значеніе. Бюрократія, вмѣсто того чтобы безразсудно отдаваться ветхой книжной мудрости во имя хорошихъ окладовъ и наградъ, должна жить одной жизнью съ народомъ, стараться понять его и приспособиться къ живымъ запросамъ настоящаго».

На этихъ соображеніяхъ построена была вся система реформы Штейна. Крѣпостное право было уничтожено, при чёмъ дворяне получили извѣстное вознагражденіе за понесенные ими убытки. Всѣ сословныя различія по отношенію къ закону были уничтожены, вся безъ исключенія прусская молодежь должна была проходить суровую школу военной службы. Не всѣ проекты Штейна были приведены въ исполненіе—такъ, напримѣръ, народное пред-

ставительство, которое онъ намѣревался ввести, было отложено на неопределенное время, но крѣпостничество окончательно пало и этимъ было вполнѣ обеспечено будущее благосостояніе Пруссіи. Штейнъ скончался въ 1831 году, оставивъ по себѣ вѣчную память въ народѣ, по праву считающимъ его однимъ изъ величайшихъ государственныхъ дѣятелей, когда-либо существовавшихъ въ Пруссіи, энергичнымъ и стойкимъ, готовымъ всѣмъ пожертвовать для блага своей страны: именно въ силу всѣхъ этихъ причинъ навлекъ онъ на себя ненависть Наполеона, лишишаго его правъ и имущества.

Нынѣшнее поколѣніе является свидѣтелемъ возрожденія къ жизни еще одной народности и страны. 40 лѣтъ тому назадъ судьба Италіи казалась весьма еще шаткой; даже наиболѣе восторженнымъ ея поклонникамъ казалось, что вся былая способность къ самоуправлению, составлявшая нѣкогда гордость итальянскихъ республикъ, окончательно исчезла, словно народъ окончательно потерялъ всѣ свои политические таланты. Въ эпоху паденія Наполеона, Италія была раздроблена на иѣсколько ничтожныхъ княжествъ, властители которыхъ управляли своимъ народомъ съ помощью желѣзного бича. Лишь въ 1848 году Карль Альбертъ, король Сардиніи, смѣло выступилъ съ защитой конституціональныхъ формъ правленія и сдѣлалъ попытку освободить верхнюю Италію отъ австрійского владычества, чтобы образовать изъ нея соединенное государство.

Въ тотъ памятный годъ революціонная война охватила всю Европу. Баррикады заграждали улицы Парижа и Луи Филиппъ бѣжалъ въ Англію, а вслѣдъ за этимъ во Франціи провозгласили республику. Въ Берлинѣ происходили на улицахъ стычки между военными и чернью, и городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи; восстаніе въ Галиціи всѣихнуло съ такой страшной силой, что было потушено только послѣ цѣлаго ряда варварскихъ убийствъ съ той и съ другой стороны; неаполитанскій король бомбар-

дировалъ Мессину, Прага возстала противъ австрійцевъ, папа бѣжалъ въ Гаэту и въ Римъ была провозглашена республика; въ Миланѣ австрійцы также были изгнаны, Венеція послѣдовала его примѣру и избрала себѣ времененное правительство, во главѣ съ Даніиломъ Маниномъ.

Миланцы обратились за помощью къ Карлу Альберту, который охотно отозвался на ихъ призывъ, но австрійцы, благодаря превосходству своихъ силъ, разбили его при Но-варѣ (1849 г.) и оттеснили къ Турину. Тогда король отрекся отъ престола въ пользу своего сына Виктора-Эммануила. Когда молодой король принималъ предложенную ему отцомъ корону, онъ воскликнулъ, указавъ остриемъ своего меча на австрійскій лагерь: «Клянусь Богомъ, мы создадимъ объединенную Италію!» Тогда эти слова показались многимъ пустымъ хвастовствомъ, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ они оказались пророчествомъ, которое и сбылось. Фельдмаршаль Радецкій предложилъ Виктору-Эммануилу отмѣнить конституцію, провозглашенную его отцомъ, и слѣдовать консервативной австрійской политикѣ. Молодой король съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, при чёмъ объявилъ, что готовъ лучше отказаться отъ тысячи престоловъ, чѣмъ согласиться на подобныя вещи. «Савойскій домъ знакомъ съ путемъ изгнанія, но не позора»,—сказалъ онъ. Радецкій не могъ не преклониться передъ благородствомъ юнаго короля. «Это храбрый государь: намъ не легко будетъ справляться съ нимъ»,—воскликнулъ онъ.

Королю посчастливилось найти себѣ дѣятельныхъ и даровитыхъ союзниковъ, ревностно поддержавшихъ его въ дѣлѣ объединенія Италіи; самимъ выдающимся изъ нихъ былъ графъ Кавуръ. Чтобы вступить въ союзъ съ западными государствами, король Сардиніи послалъ во время войны съ Россіей въ Крымъ пятнадцатысячный отрядъ, что казалось быть съ его стороны чрезвычайно смѣлымъ поступкомъ. Когда до Кавура дошло извѣстіе, что сардинская пѣхота утопаетъ въ грязи севастопольскихъ тран-

шай, онъ воскликнулъ: «Нужды нѣтъ! изъ этой грязи можетъ подняться объединенная Италия». Онъ былъ правъ. Участіе Сардиніи въ севастопольской войнѣ обеспечило ей прочное положеніе въ средѣ европейскихъ державъ и известную долю въ дѣлѣ земель на Парижскомъ конгрессѣ. Австрія съ негодованіемъ замѣчала, какъ Сардинія постепенно растетъ и усиливается, и требовала подъ угрозой войны ея разоруженія. Тогда Викторъ-Эммануилъ издалъ слѣдующій манифестъ: «Австрія сосредоточиваетъ войска на нашей границѣ и грозитъ вторженіемъ въ предѣлы нашего отечества, все это только потому, что не деспотизмъ управляетъ у насъ страной, но взаимное сочувствіе между народомъ и правителемъ, потому что стоны и вопли всей Италии находятъ у насъ сочувственный отзывъ. Австрія осмѣливается требовать, чтобы мы сложили оружіе и отдали себя такимъ образомъ ей въ руки. На щекотительное требование это мы посылаемъ достойный отвѣтъ: я говорю: «къ оружію, друзья!».

Наполеонъ III со времени севастопольской войны становится вѣрнымъ союзникомъ Виктора-Эммануила, и война съ Австріей начинается. Австрійцы тотчасъ же потерпѣли рядъ пораженій при Монтебелло, Палестрѣ, Маджентѣ, Малиніано и Сольферино, и война окончилась Виллафранкскимъ договоромъ, по которому Ломбардія, герцогство Тосканское, Парма, Модена и Болонья были соединены въ одно королевство съверной Италии.

Тогда решено было продолжать дѣло объединенія. Гарибальди, получившій на веденіе войны солидныя суммы отъ Кавура, вторгся въ Сицилію; походъ его былъ необыкновенно удаченъ: послѣ ряда успешныхъ сраженій онъ провозгласилъ Виктора-Эммануила властителемъ острова; вскорѣ Гарибальди вѣхалъ въ качествѣ побѣдителя въ Неаполь. Венеція и Римъ примкнули къ национальному союзу.

Такимъ образомъ объединенная Италия стала играть

выдающуюся роль въ концерты великихъ европейскихъ державъ и подаетъ надежды навсегда упрочить свое положение. Мы смотримъ на этотъ фактъ, какъ на одну изъ величайшихъ победъ XIX вѣка. Передъ нами примѣръ народа, приготовлявшагося въ теченіе многихъ вѣковъ борьбы и перемѣнъ завоевать наконецъ свое право на существованіе и потребовать себѣ отдельное мѣсто въ міровой жизни въ качествѣ объединенного народа.

Перечисляя факты изъ жизни доблестныхъ солдатъ и патріотовъ — мы не должны однако-же забывать ужасовъ войны. Европа должна содержать постоянные войска. Наука въ послѣднее время занята была изобрѣтеніемъ и изготавленіемъ ужасныхъ орудій войны: стальныхъ, особаго устройства пушекъ, ружей Минье, Мартини-Генри, торпедъ и другихъ военныхъ снарядовъ. Народы недовѣрчиво сторожатъ другъ друга и готовы изъ-за всякой мелочи затѣять войну, изъ-за мести, или зависти, или, наконецъ, новыхъ завоеваній.

Послѣднейвойной была русско-турецкая на Востокѣ и результатомъ ея были многія пораженія турокъ, при чмъ они были оттеснены до Константина. Окинемъ взглядомъ поле битвы послѣ того, какъ первый восторгъ победы нѣсколько улегся. Въ маѣ 1879 года мистеръ Розъ сопровождалъ генерала Скобелева при осмотрѣ Шипкинскаго прохода. «Близъ Шипки,—говорить мистеръ Розъ,—генераль Скобелевъ принялъ въ сопровожденіи своего штаба осматривать подробности его позиціи. Едва успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ намъ встрѣтился деревянный крестъ въ тѣни четырехъ развѣсистыхъ буковъ. Генералъ тотчасъ обнажилъ голову, мы послѣдовали его примѣру, и нѣсколько минутъ прошло въ глубокомъ молчаніи. «Это могила героя,—сказалъ наконецъ генераль,—и крестъ на ней воздвигнутъ по моему приказанію, чтобы отмѣтить мѣсто его послѣдняго успокоенія. Это былъ еще полуребенокъ, мальчикъ лѣтъ 15—17, изъ хорошей русской

фамалии. Во время последней войны, побуждаемый жаждой подвига и справедливостью дела, за которое сражалась Россия, онъ бѣжалъ изъ родительского дома, и я принялъ его въ свои войска въ качествѣ добровольца. Это было подъ Плевной. Онъ храбро сражался во время приступа и при взятіи крѣпости у Османа Паши. При Шейновѣ въ главѣ роты 32-го пѣхотнаго полка, нападавшей на центральный редутъ, увлеченій энтузіазмомъ храбрый мальчикъ, пренебрегая опасностью, оставилъ далеко за собою своихъ солдатъ и, ускользнувъ отъ града пуль, былъ заколотъ штыками при входѣ въ редутъ. Таковъ былъ конецъ короткой жизни этого героя».

«Переправясь черезъ потокъ,—продолжаетъ М. Розъ,—мы вошли въ центральный редутъ на маленькомъ полуостровѣ. Что за зрѣлище! Вокругъ входа въ редутъ разбросаны были сломанныя жестяныя коробки, осколки ядеръ, клочки мундировъ, какъ будто битва происходила всего нѣсколько дней тому назадъ, а не цѣлыхъ полтора года. Но то, что я увидѣлъ внутри редута, поразило меня непередаваемымъ ужасомъ. Здѣсь были наскоро зарыты нѣсколько сотъ человѣкъ, но непогоды размыли рыхлую землю, волки и собаки докончили дѣло стихій, и вся земля внутри редута была усыана массой человѣческихъ костей; позвонки, кости рукъ и ногъ страннымъ образомъ перемѣшивались съ побѣльвшими подъ солнцемъ черепами. Какъ оскалились эти бездыханныя уста: казалось, они смѣялись надъ нами, презирали насъ, а между тѣмъ такъ еще недавно они были похожи на наши. Я испыталъ всѣ ужасы поѣздки по полю битвы вскорѣ послѣ кроваваго дѣла, когда земля была густо покрыта цѣльмъ слоемъ: конемъ и всадникомъ, другомъ и врагомъ, лежавшими другъ на другѣ,—но и это зрѣлище не сопровождалось такимъ ужасомъ и отвращенiemъ, какой охватилъ меня при видѣ этого редута съ kostями шестнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ прекращенія войны, съ ея тревогами и печалями. Генералъ Скобелевъ

глядя на эту груду костей, промолвилъ: «И это называется славою».—Да,—отвѣтилъ я,---впрочемъ, вы знаете поговорку: больше славы осушить одну слезу, чѣмъ пролить потоки крови. «Вы правы,—отвѣчалъ онъ,—и все-же я солдатъ душой и тѣломъ!»

ГЛАВА IX.

ГЕРОИЗМЪ ДОБРЫХЪ ДѢЛЪ.

Женская рука—твърдая опора.

Французская пословица.

Кто не умѣеть страдать—тотъ не побѣдить.

Итальянская пословица.

И никто изъ насть не живеть для себя и не умираеть для себя.

Послание ап. Павла къ римлянамъ. XIV, 7.

Ты выйдешь побѣдителемъ съ помощью терпѣния.

Шотландская пословица.

Въ древности слово добродѣтель и доблѣсть обозначали одно и то-же понятіе. Слово *virtus* означало у римлянъ добродѣтель, силу, *энергію*, воинственное мужество—словомъ всѣ качества, облагораживающія и украшающія че-ловѣка, сливались въ одномъ этомъ наименованіи.

Героическое мужество, ареной проявленія котораго яв-ляется поле битвы—не единственное и не самое высокое. Есть лучшее, благороднейшее внутреннее мужество, кото-рое проявляется въ честности, самоотречениіи, самопожер-твованіи, въ смѣломъ стремленіи дѣлать то, что мы считаемъ справедливымъ, несмотря на всѣ людскіе толки и клеветы. Среди грохота пушекъ, дыма, выстрѣловъ ружей и стука штыковъ невѣдомая сила влечетъ человѣка противъ воли къ подвигу и натиску; мужество его подогрѣвается окружающей обстановкой и онъ, забывая все въ

минуту порыва, готовъ безъ колебанія жертвовать своей жизнью для блага родины. Честь и слава храбрымъ!

Но и женщина, на долю которой выпадаетъ почти исключительное умѣнье терпѣть и прощать, способна не менѣе мужчины на подвиги мужества и выносливости. Она умѣеть выносить безъ жалобъ не только физическія страданія, но и самая горькія заботы, самая острая печали умѣеть она скрывать подъ нѣжной и кроткой улыбкой. Жена, ухаживая за больнымъ мужемъ, или мать за сыномъ, или невѣста за любимымъ человѣкомъ, не знаетъ утомленія; исполненная одной лишь трогательной любовью и безконечнымъ терпѣніемъ, она умѣеть быть всегда веселой и бодрой, поддерживая мужество больного, хотя бы ея сердце и обливалось кровью при одной мысли о возможности потерять дорогого человѣка. Этого нравственнаго мужества часто недостаетъ мужчинѣ, который охотнѣе влагаетъ свою силу въ дѣла, чѣмъ въ чувства. Въ мірѣ найдется немало храбрецовъ, которые ведутъ непрерывную, упорную борьбу за существованіе, стремясь добыть себѣ какое-либо, болѣе или менѣе обеспеченное, положеніе; и вѣчно побѣждаемые нуждой, вновь и вновь отброшены назадъ, вѣчно находятся въ самомъ отчаянномъ положеніи и все-таки упорно идутъ на приступъ.

Подобнаго героя не окружаютъ никакіе примѣры храбрости и отваги, подобно тому, какъ это бываетъ съ солдатомъ, воодушевляемымъ обстановкой битвы. Его житейское поприще является лишь ареной страданія и самопожертвованія, но никакъ не ареной борьбы и побѣды. Знамена не развѣваются надъ его головою, его неувѣнчиваетъ слава, никакіе кресты и звѣзды не украшаютъ его груди, и если онъ падетъ на пути исполненія суроваго долга — гробъ его не украсятъ никакіе лавры, прахъ его безъ всякой пышности переносятся на мѣсто послѣдняго успокоенія, и только безмолвныя слезы льются надъ его могилой.

Человѣкъ живеть на свѣтѣ вовсе не исключительно для погони за славой и успѣхомъ, но для гораздо высшихъ и болѣе благородныхъ стремлений, какихъ не можетъ удовлетворить его земное существованіе. «Богъ отпустилъ человѣку короткій срокъ земного существованія,—говоритъ Еремія Тэйлоръ.—Тѣмъ не менѣе этой земной юдолю обусловливается вѣчное блаженство будущей его жизни. Мы никогда не должны забывать, что передъ нами безчисленное множество враговъ, которыхъ мы должны побѣдить, что на своемъ пути мы встрѣтимъ много опасностей, которые должны быть устраниены, много затрудненій, которые мы должны преодолѣть, много, въ особенности много возможноти сдѣлать добрыя дѣла, которыя и должны быть совершены».

Самопожертвованіе—главная основа христіанской жизни. Благороднейшія личности—мужчины и женщины, никогда не были эгоистами; они посвящали ближнимъ всю свою жизнь, не заботясь ни о личной выгодахъ, ни о славѣ. Лучшей наградой было для нихъ сознаніе исполненаго долга. «Поступай съ другими такъ, какъ бы ты хотѣлъ, чтобы люди поступали съ тобою»,—вотъ заповѣдь, полная самой глубокой житейской мудрости. А между тѣмъ какъ трудно привести ее въ исполненіе.

Въ жизни ничего не проходитъ безслѣдно: ни одинъ изъ нашихъ житейскихъ опытовъ не бываетъ бесполезнымъ: каждый настъ научить чему-либо, хотя часто мы и не хотимъ или не можемъ этого понять. Несчастье является лучшимъ пробнымъ камнемъ человѣческаго совершенства. Извѣстнѣйшій изъ нѣмецкихъ поэтовъ сказалъ: «Кто не орошалъ слезами своего хлѣба и не проводилъ въ слезахъ безсонныхъ ночей—тотъ не знаетъ вѣсть, небесныя силы!» Если въ минуты испытанія мы устоимъ и не измѣнимъ своему долгу,—наша собственная твердость просвѣтляетъ нашу душу и наполняетъ ее довольствомъ, облегчающимъ намъ дальнѣйшіе наши шаги на пути долга и помо-

гающимъ преодолѣвать слѣдующія за первыми препятствія.

Возможность дѣлать добро легко представляется каждому, кто хоть нѣсколько проникнуть стремлениемъ его дѣлать. Настоящее искреннее желаніе быть полезнымъ своему ближнему всегда находитъ дорогу къ сердцу человѣка. Всѣ препятствія уступаютъ терпѣнію и неизмѣнной твердости духа. Сколько мужчинъ и женщинъ безмолвно подвизаются на поприщѣ христіанской любви, не заботясь о людскихъ похвалахъ: посѣщаютъ бѣдныхъ, ухаживаютъ за больными, нерѣдко рискуютъ собственной жизнью, подвергая себя постоянной опасности заразиться. Сколько найдется людей, которые такимъ образомъ встрѣтили смерть, во время безкорыстнаго служенія человѣчеству. Жертва, принесенная ими—священна, а смерть должна считаться едва-ли не болѣе достойной славы, чѣмъ геройская смерть въ разгарѣ битвы.

Эпименидъ, критскій поэтъ, считавшійся особеннымъ любимцемъ боговъ, призванъ былъ въ 596 году въ Аѳинны, чтобы умолить боговъ о прекращеніи чумы. Чума дѣйствительно прекратилась послѣ принесенныхъ имъ жертвъ и молитвъ. Аѳиняне хотѣли осипать его наградами, но онъ ничего не взялъ для себя, принявъ только добровольные приношенія спасенныхъ въ пользу бѣдныхъ жителей Гносса, его обычнаго мѣстопребыванія.

Въ древности, какъ и въ Средніе вѣка, когда медицинское искусство стояло еще на самой низкой ступени развитія—чума была страшно опустошительной болѣзнью и появление ея вызывало ужасъ и отчаяніе. Всякій могъ покидать городъ, гдѣ она свирѣпствовала, люди избѣгали другъ друга, а зараженныхъ нерѣдко оставляли умирать безъ всякой помощи. Но и тогда встрѣчались уже благородныя, возвышенныя сердца, готовыя пожертвовать собою для прекращенія заразы. Около 300 лѣтъ тому назадъ чума разразилась въ Миланѣ. Архіепископъ кардиналъ

Карло Борромео находился въ то время въ Лоди; при первой вѣсти о чумѣ, онъ пожелалъ вернуться въ Миланъ. Духовенство принялось уговаривать его подождать, пока эпидемія ослабнетъ. «Епископъ, который обязанъ полагать душу свою за своихъ духовныхъ дѣтей, не долженъ покидать ихъ въ минуту опасности», — отвѣчалъ онъ. Чума свирѣпствовала въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ, и все время кардиналъ не переставалъ посѣщать больныхъ въ госпиталяхъ и на дому, ухаживать за ними, давать имъ лѣкарство и пріобщать безнадежныхъ. Примѣру его послѣдовало и подчиненное ему духовенство съ такимъ-же самоотверженiemъ. И не раньше чѣмъ умеръ послѣдній неизлечимый больной и выльчился послѣдній изъ подававшихъ надежды на выздоровленіе — добрый пастырь вернулся къ своимъ обычнымъ обязанностямъ.

Кардиналъ Борромео оставилъ по себѣ хорошую память еще и въ другомъ отношеніи: одинъ изъ первыхъ основалъ онъ воскресныя школы для бѣдныхъ дѣтей. «Суббота создана для человѣка, а не человѣкъ для субботы». Руководствуясь этимъ принципомъ, кардиналъ собиралъ къ себѣ въ миланскій соборъ по воскресеньямъ дѣтей итальянской улицы и училъ ихъ читать и писать. Священники помогали ему, и своеобразная школа скоро пріобрѣла себѣ громкую извѣстность и продолжаетъ существовать понынѣ. Авторъ этой книги самъ видѣлъ, какъ дѣти миланской бѣдноты собирались съ грифельными досками и книжками въ миланскій соборъ на урокъ воскресной школы.

Всѣ свои доходы кардиналъ Борромео отдавалъ на учрежденіе школъ и другихъ образовательныхъ учрежденій и прилагалъ всѣ старанія, чтобы хотя нѣсколько послужить дѣлу исправленія нравовъ. Онъ началъ съ того сословія, къ которому самъ принадлежалъ, и старался ввести всевозможныя благотворныя реформы въ среду духовенства и монашества въ особенности; своими просвѣтительными и реформаторскими стремленіями онъ возвуждалъ

противъ себя особенную ненависть монаховъ ордена Умилитатовъ, которые были живымъ соблазномъ для другихъ, вслѣдствіе своей распущенности: они обвиняли кардинала въ свою очередь въ соблазнѣ, называя его осквернителемъ субботы и духовнаго сана за то, что онъ училъ дѣтей грамотѣ въ праздничные дни, его школу считали вреднымъ новшествомъ. Въ концѣ-концовъ Умилитаты, желая совершенно устраниТЬ неудобную для нихъ личность, нанесли убійцу, который долженъ быть поразить кардинала въ самой церкви у алтаря во время богослуженія. При первыхъ звукахъ псалма «Да не тревожится сердце ваше», убійца послалъ въ кардинала мѣткій выстрѣль изъ ружья. Пуля ударила въ спину, но отскочила отъ шелковой расшитой одежды кардинала и покатилась по полу. Мужественный и безстрашный кардиналъ продолжалъ тѣмъ временемъ свою безмолвную молитву среди внезапно наступившаго всеобщаго смятенія.

Но вернемся къ чумѣ со всеми ея страшными послѣдствіями. Нерѣдко эпидемія, словно ужасный вихрь, проносилась по всей Европѣ, не минуя и Англіи, гдѣ въ былые времена народъ питался гораздо хуже, чѣмъ теперь, и не имѣть никакого понятія о спасительной чистотѣ и гигиенѣ. Пренебреженіе этой послѣдней приводило къ самымъ плачевнымъ результатамъ въ особенности въ Лондонѣ, гдѣ улицы были узки и до послѣдней степени заражены и грязны и лишены притока свободнаго воздуха, а вода издавна отличалась своими дурными качествами. Въ послѣдній разъ чума появилась въ Лондонѣ въ 1665 году и унесла болѣе 1,000 жертвъ въ то время, какъ народонаселеніе Лондона не достигало по количеству и шестой доли теперешняго. Изъ Лондона эпидемія распространилась до Йорка и всюду произвела ужасное опустошеніе. Многіе покидали все и бѣжали отъ нея, но было немало и благородныхъ личностей, самоотверженно послужившихъ ближнимъ въ эту годину несчастья. Самымъ выдающимся изъ

такихъ людей является, вѣдь всякаго сомнѣнія, юркскій епископъ Мортонъ: благодаря его стараніямъ для бѣдныхъ больныхъ выстроена была чумная больница, гдѣ несчастныхъ окружали самыми заботливыми уходомъ. Чрезвычайно трудно было найти достаточное количество людей на этотъ опасный постъ, но такъ какъ епископъ постоянно присутствовалъ въ больницѣ самъ, нашлись и еще великодушные люди, вызвавшіеся помочь ему. Епископъ заботился обо всемъ: самъ єздилъ верхомъ на свою ферму за городъ, откуда, въ случаѣ нужды, доставлялъ въ больницу цѣлые мѣшки разной провизіи. Для того чтобы не занести заразы на ферму, гдѣ было много служащихъ, онъ не только самъ сѣдалъ и разсѣдалъ свою лошадь, но приказалъ пробить отдельную дверь, черезъ которую входилъ и уходилъ, чтобы не подвергать опасности жившихъ на фермѣ близкимъ соприосновеніемъ съ ними. Такимъ образомъ чума ограничилаась Йоркомъ и не распространилась по его окрестностямъ.

Въ Лондонѣ Сейденгемъ и большая часть врачей бѣжали при первомъ приближеніи чумы, остались лишь немногіе самоотверженные люди, въ числѣ которыхъ почетное мѣсто принадлежитъ доктору Годжесу, не прекращавшему свои визиты къ больнымъ за все время эпидеміи и приложившему всѣ старанія, чтобы облегчить ихъ мученья. Деятельность эта, сопряженная съ постоянной опасностью, не принесла ему лично никакой выгоды. Напротивъ онъ пожертвовалъ на борьбу съ чумой все свое имущество и здоровье, и денежная его дѣла пришли вслѣдствіе этого въ такое разстройство, что онъ попалъ за долги въ людгетскую тюрьму, гдѣ и умеръ въ 1688 г. Онъ оставилъ лучшее описание послѣдней чумы въ Лондонѣ: оно было написано по латыни и лишь впослѣдствіи переведено на англійский языкъ.

Вслѣдствіе того, что зараза быстро распространялась не столько отъ личного прикосновенія съ больными, сколько

отъ употреблениі зачумленныхъ вещей — чума занесена была въ такія отдаленныя мѣстности, гдѣ никогда не былъ ни одинъ изъ лондонскихъ жителей: это такъ-называемая «похоронная чума». Такъ въ одной изъ отдаленныхъ деревень Дербишайра мѣстный портной получилъ изъ Лондона ящикъ съ носильнымъ платьемъ. Раскрывая и просушивая вещи, онъ вдругъ заболѣлъ и три дня спустя умеръ отъ чумы, а зараза стала быстро распространяться. Жители деревни, всего около трехсотъ пятидесяти человѣкъ, намѣревались было уйти, но приходскій священникъ Уильямъ Момпессонъ удержалъ ихъ, объяснивъ народу, что, разойдясь изъ зачумленной мѣстности по здоровымъ, они могутъ разнести эпидемію по всему краю. Священникъ со своей стороны остался вмѣстѣ со своей паствой, отославъ къ роднымъ только своихъ дѣтей; болѣзnenная жена его, несмотря на его просьбы удалиться отъ опасности, осталась вмѣстѣ съ нимъ. Момпессонъ рѣшилъ совершенно изолировать зачумленную деревню отъ окрестныхъ мѣстечекъ и графъ Девоншайрскій помогъ ему въ этомъ, снабдивъ деревню всевозможными необходимыми вещами, лѣкарствами и сѣстрыми припасами. Желая избѣжать опасного скучиванія народа въ церкви, Момпессонъ совершалъ богослуженіе подъ открытымъ небомъ, на холмѣ, вершина которого служила ему каѳедрой.

Чума опустошила мѣстечко въ теченіе семи мѣсяцевъ, все меныше и меныше насчитывалось прихожанъ въ часы богослуженій. Священникъ и его жена постоянно находились при больныхъ, ухаживали за ними, лѣчили и кормили ихъ; въ концѣ-концовъ жена священника заразилась и умерла. Надъ ея могилой священникъ произнесъ, какъ и надъ многими еще свѣжими могилами своихъ умершихъ отъ чумы прихожанъ: «Блаженны почившіе въ Господѣ, ибо Духъ говоритъ: они почтють отъ трудовъ своихъ». Момпессонъ охотно послѣдовалъ-бы за ними въ могилу, но продолжалъ жить: «Цвѣтущее наше мѣстечко, — говорить

онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—поистинѣ превратилось въ Голгоу, городъ мертвыхъ... Чума посѣтила въ нашемъ приходѣ семьдесятъ шесть семействъ, умерло слишкомъ двѣстѣ девяносто человѣкъ». По прекращеніи эпидеміи само-отверженному пастору предложили мѣсто декана въ соборѣ въ Линкольнѣ, но онъ не пожелалъ оставить свой приходъ и могилу своей любимой жены. Онъ умеръ въ 1708 году.

Замѣчательно, что когда, цѣлыхъ полвѣка спустя, крестьяне, разрывая землю въ мѣстечкѣ, гдѣ господствовала чума, нашли въ ней какія-то лохмотья, очевидно зачумленныя, то заразились отъ нихъ тифозной горячкой: эпидемія распространилась по всему мѣстечку и похитила около 70-ти человѣкъ. И такъ тифъ является; судя по всему, преемникомъ чумы и каждый годъ свирѣпствуетъ до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ, гдѣ находится въ благопріятныхъ для своего развитія условіяхъ.

Авторъ этой книги сохранилъ живѣйшія воспоминанія о томъ, какія опустошенія тридцать лѣтъ тому назадъ произвела тифозная горячка въ Лідсѣ, гдѣ она возникла сначала въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ, а затѣмъ охватила весь городъ. Две больницы, одна для тифозныхъ, другая для выздоравливающихъ, такъ переполнены были народомъ, что въ концѣ-концовъ рѣшили превратить въ больницу большой деревянный сарай, а самыхъ тяжелыхъ помѣстить на одномъ изъ пустовавшихъ заводовъ. Докторъ Гукъ, викарій Лідса и его преподобіе м. Гиль, впослѣдствії колумбійскій епископъ, ежедневно посѣщали эти импровизированные больницы, оказывая лежавшимъ въ нихъ бѣднякамъ посильную помощь. Особой ревностью при уходѣ за больными отличались католические священники, которые съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ ухаживали за больными бѣдняками, не страшась посѣщать самыя опасныя и грязныя жилища, гдѣ уже самый воздухъ, весь пропитанный міазмами, представлялъ смертельный ядъ. Многіе изъ нихъ действительно заразились и умерли; однимъ изъ

первыхъ былъ старшій священникъ, Генри Уальмлей, на слѣдующій день скончался его помощникъ, вслѣдъ за ними умерло еще пятеро, но мѣста ихъ заняли другіе, жертвул своей жизнью, чтобы прийти на помощь несчастнымъ. Память самоотверженныхъ человѣколюбцевъ почтена была скромнымъ памятникомъ, на которомъ вырѣзали надпись: «Павшимъ жертвою тифозной эпидеміи при исполненіи своихъ священныхъ обязанностей въ 1847 году».

Во время эпидеміи умерло и нѣсколько врачей, которымъ въ силу своей профессіи приходится сталкиваться съ разнообразными болѣзнями, отличающимися нерѣдко самыми остро-заразными характеромъ. Эти люди постоянно идутъ на встрѣчу смерти, несмотря ни на какую опасность; они должны быть готовы каждую минуту днемъ и ночью отозваться на всякий призывъ, самоотверженно подавая помощь страждущимъ, не зная утомленія, не обращая вниманія на собственное здоровье, пока, наконецъ, физическая и нравственные силы не измѣнятъ имъ самимъ. Такого рода герои скромно и молчаливо совершаютъ свой жизненный путь, и слава рѣдко осѣняетъ ихъ имена, а между тѣмъ это, можетъ быть, болѣе великие герои, чѣмъ самые известные міру полководцы и военачальники.

Врачи и на полѣ битвы, окруженные самыми ужасными картинами, такъ-же добросовѣстно исполняютъ свой долгъ, какъ и въ жилищахъ бѣдняковъ: они безъ страха работаютъ подъ выстрѣлами враговъ, выносятъ изъ сраженія раненыхъ, чтобы сдѣлать имъ перевязку и окружить ихъ заботливымъ уходомъ. Истиннымъ героямъ выказалъ себя въ подобныхъ обстоятельствахъ французскій докторъ Ларра: во время отступленія наполеоновской арміи изъ - подъ Москвы не разъ онъ дѣлалъ операциіи подъ дождемъ непріятельскихъ выстрѣловъ, прикрывъ раненаго солдатскимъ плащемъ, чтобы защитить его отъ густыхъ хлопьевъ падающаго снѣга. Съ такимъ же рвениемъ маленький докторъ служилъ войскамъ и среди раскаленныхъ

египетскихъ песковъ. Послѣ одной изъ боевыхъ схватокъ французовъ съ англичанами среди раненыхъ оказался генераль Силли, которому пуля раздробила колѣно. Ларрэ увидѣлъ, что ногу необходимо отнять, о чёмъ тутъ-же и сообщилъ генералу. Силли согласился на операцию и она была окончена въ три минуты подъ огнемъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Вдругъ послышалось наступленіе англійской кавалеріи. «Я едва успѣлъ взвалить генерала себѣ на плечи,—разсказываетъ Ларрэ,—и отнести его въ ряды нашей арміи, которая уже отступала. Къ счастью, я замѣтилъ цѣлый рядъ рвовъ, засаженныхъ низкимъ кустарникомъ, подъ защитой которыхъ я могъ двинуться впередъ въ то время, какъ кавалерія направилась по болѣе гладкой окольной дорогѣ. Такъ я добрался до appiергарда нашей арміи, а затѣмъ достигъ вмѣстѣ со своимъ генераломъ Александрии, гдѣ и вылѣчили его окончательно».

Замѣчательнымъ героизмомъ отмѣченъ еще слѣдующій поступокъ: въ началѣ сраженія при Ваграмѣ (5 июля 1809 г.) доктору Сальсдорфу, саксонскому уроженцу и лейбъ-медику принца Христіана, бомбой оторвало ногу. Лежа, окровавленный, на полѣ битвы, онъ увидѣлъ, что шагахъ въ пятнадцати отъ него свалился съ лошади полковой адъютантъ, Кербургъ, при чёмъ изо рта его кровь хлынула цѣлой струей. Сальсдорфъ увидѣлъ, что только немедленная помощь можетъ спасти его. Онъ собралъ всѣ свои силы, добрался ползкомъ до офицера и сдѣлалъ ему кровопусканіе, послѣ чего самъ упалъ безъ чувствъ возль Кербурга. Послѣдній не могъ даже высказать своей признательности своему благодѣтелю; онъ позаботился о томъ, чтобы раненаго доктора перевезли въ Вѣну, гдѣ ему и отняли ногу. Къ сожалѣнію, Сальсдорфъ прожилъ послѣ операциіи всего лишь четыре дня и умеръ отъ истощенія силь.

При передвиженіи какой-либо арміи обозъ для раненыхъ слѣдуетъ обыкновенно за appiергардомъ. Раненыхъ

подбираютъ и относятъ въ обозныя кареты на перевязочный пунктъ. Если же армія вынуждена къ отступлению—врачи и раненые попадаютъ въ плѣнъ, или вынуждены бѣжать. Во время Крымской войны послѣ битвы при Альме (21 сентября 1854 г.) русскіе, потерпѣвъ пораженіе, отступили, при чёмъ французскія и англійскія войска преслѣдовали ихъ по пятамъ и захватили нѣсколько сотъ раненыхъ русскихъ плѣнныхъ, которыхъ и перенесли на восточную часть поля, уложивъ длинными рядами въ тѣнистомъ мѣстѣ, около рѣки. Къ счастью при англійской арміи находился врачъ, отличавшійся необыкновенной энергией и глубоко проникнутый сознаніемъ чувства чести; звали его докторъ Сампсонъ, это былъ врачъ 44 пѣхотнаго полка. Ему удалось разыскать въ разоренномъ мѣстечкѣ достаточно провіанта и людей, готовыхъ помочь ему. Онъ прежде всего накормилъ раненыхъ, голодавшихъ уже болѣе сутокъ, и затѣмъ началъ свидѣтельствовать и перевязывать ихъ раны.

Тѣмъ временемъ солдаты окончили переноску англійскихъ раненыхъ на суда, стоявшія у Евпаторіи, и докторъ Сампсонъ со своимъ слугой въ продолженіе трехъ дней и трехъ ночей оставались одни при русскихъ раненыхъ, днемъ подъ жаркими лучами южнаго солнца, ночью—замерзая подъ покровомъ холоднаго, звѣздного неба. Наконецъ раненые были отправлены подъ защитой бѣлаго парламентерскаго флага въ одинъ изъ русскихъ портовыхъ городовъ. Когда капитанъ парохода «Альбіонъ», м. Лючингтонъ, прибылъ съ берега на мѣсто происшествія и засталъ своихъ земляковъ за исполненіемъ своего суроваго долга, онъ не могъ не преклониться передъ ихъ великимъ мужествомъ и принялъ горячее участіе въ судьбѣ спасенныхъ ими.

Съ такой же твердостью духа оставался на своемъ посту и докторъ одного изъ бенаресскихъ госпиталей м. Кей, не обращая вниманія на опасность, которая ему угрожала.

жала при приближении неприятеля, намѣревавшагося предать огню и мечу все, что ему попадалось на пути. Бунтующіе сипайи вырѣзали въ Каунпурѣ все населеніе, не исключая женщинъ и дѣтей, при чемъ многіе подвергнуты были страшнымъ пыткамъ, съ цѣлью заставить ихъ отречься отъ христіанской религіи. Такъ погибли всѣ до одного человѣка, и мужественный м. Кей оставался до конца на своемъ посту.

Необыкновенное самоотверженіе выказали однажды два унтеръ-офицера 70-го пѣхотнаго полка во время холеры, свирѣпствовавшей въ Мультанѣ. День и ночь ухаживали они за своими больными и умирающими товарищами и все время были въ госпиталь правой рукой врачей, столь же ревностно исполнявшихъ свою обязанность. Въ концѣ концовъ капралъ Дербишеръ, одинъ изъ двухъ самоотверженныхъ людей, сильно захворалъ самъ, но по счастью скоро выздоровѣлъ и снова занялъ свой постъ добровольного брата милосердія. Когда главнокомандующій, по окончаніи холерной эпидеміи, поѣхалъ Мультанъ, онъ публично изъявилъ свою глубокую благодарность Дербишеру и Гопперу.

Подобное мужество, готовое на всѣ жертвы ради спасенія окружающихъ, высказывается нерѣдко и въ иные опасные минуты, подъ огнемъ ружейныхъ и пушечныхъ выстреловъ. Во время осады Кадикса французами (1812 г.) ядра и бомбы уложили на мѣстѣ много мирныхъ жителей, женщинъ и дѣтей, настигнувъ ихъ на улицахъ, въ окнахъ домовъ и даже въ дальнихъ углахъ комнатъ. Для того, чтобы по возможности предупреждать жителей объ опасности, каждую бомбу, пущенную изъ непріятельского лагеря въ городъ, монахи сопровождали ударомъ большого колокола. Однажды звонъ этого башенного колокола раздался съ особенной медлительной силой: это тяжкая бомба ударила въ самый колоколъ и разбила его на тысячу кусковъ; монахъ, звонившій на колокольи, спокойно пере-

шель тогда къ другому колоколу, хотя кровь хлынула у него изъ многихъ ранъ на головѣ и лицѣ, причиненныхъ ему осколками бомбы.

Во время той же осады еще болѣе замѣчательный подвигъ храбрости совершенъ былъ простой женщиной. Среди укрѣплений находился небольшой передовой фортъ Матагорда, не защищенный даже рвомъ. Здѣсь стояло около ста сорока англичанъ, которымъ было вмѣнено въ обязанность мѣшать французскимъ осаднымъ работамъ; вблизи форта крейсировало также нѣсколько испанскихъ и англійскихъ военныхъ кораблей. Но невидимая до сихъ поръ батарея принялась ссыпать ядрами эти суда, такъ что они принуждены были удалиться подъ защиту кадикской гавани. Всльдѣ за этимъ 48 пушекъ принялись въ продолженіе 30-ти часовъ обстрѣливать маленький фортъ, такъ что слабый брустверъ скоро палъ, открывъ непріятельскимъ выстрѣламъ валь и безстрашныхъ его защитниковъ.

Въ казематѣ ухаживала въ это время за однимъ изъ раненыхъ жена сержанта Ретсонъ. Больной томился жаждой и просилъ пить. Ретсонъ позвала маленькаго барабанщика и попросила его сходить къ колодцу за водою. Мальчикъ не рѣшался, такъ какъ непріятельские выстрѣлы градомъ сыпались на колодецъ. Тогда она, вырвавъ у него изъ рукъ ведро, отправилась туда сама. Подъ перекрестнымъ огнемъ выстрѣловъ добралась она до колодца и зачерпнула воды, при этомъ ядро выбило у ней изъ рукъ веревку; она схватила конецъ и вернулась къ больному съ полнымъ ведромъ воды.

Страшная канонада по несчастному форту не прекращалась; въ продолженіе часа шесть разъ сбитъ былъ флагштокъ, на которомъ развѣвался испанскій флагъ. Наконецъ сэръ Томасъ Грегамъ, находя невозможнымъ продолжать защиту форта, послалъ нѣсколько судовъ, чтобы вывести изъ него оставшихся въ живыхъ; фортъ взорвали

подъ наблюдениемъ маюра Лефевра, обагрившаго своей кровью его развалины. Остальные вмѣстѣ съ Ретсонъ вернулись въ Кадиксъ, и разскѣзъ о геройскомъ жены сержанта стало переходить изъ устъ въ уста.

Трудно повѣрить, что избалованная жизнью и воспитаніемъ женщина изъ хорошей семьи можетъ принять на себя обязанность ухаживать за больными и ранеными, не отступая передъ ужасами войны; между тѣмъ женщина исполняла это не разъ со всевозможнымъ мужествомъ и самопожертвованіемъ. Тогда какъ въ прежнее время сидѣлки избирались изъ самаго простого сословія, со времени Крымской войны миссъ Нейтингель, которая, одушевленная самой безграницной преданностью, посвятила себя дѣлу ухода за ранеными, завоевавъ себѣ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ мірской исторіи — доказала, что уходъ за больными вовсе не такое простое дѣло, что лица, посвятившія себя ему, должны кромѣ умѣнья обладать большимъ пониманіемъ дѣла, безпредѣльной добротой, самоотверженіемъ и любовью. Миссъ Нейтингель писала: «Безчисленное множество разъ высказывалось уже печатно и письменно, что всякая женщина способна быть самой лучшей сидѣлкой. Я же полагаю, напротивъ, что самыя основы и условія хорошаго ухода до сихъ поръ непоняты тѣми, кто это утверждаетъ».

Какимъ-же образомъ сама она пришла къ рѣшенію посвятить себѣ этому трудному дѣлу? Одно лишь чувство любви къ ближнему и сознаніе своей обязанности вдохновляло ее и ничто иное. Она была молода и хорошаго происхожденія, обладала хорошими средствами и была общей любимицей въ кружкѣ своихъ друзей и гордостью своихъ близкихъ, короче—пользовалась всѣми благами жизни. Но она предпочла имъ иной тернистый путь. Еще ребенкомъ она пламенѣла самой самоотверженной любовью къ человѣчеству, учила въ бесплатныхъ школахъ и наставала бѣдныхъ больныхъ, ухаживая за ними въ ихъ

жалкихъ жилищахъ. Пока другие наслаждались свѣтской жизнью *), или проводили лѣто въ восхитительнѣйшихъ и живописнѣйшихъ въ мірѣ мѣстностяхъ Швейцаріи и Шотландіи, или отправлялись на морской берегъ, вдыхать прохладный и живительный воздухъ, она прилежно училась систематическому уходу за ранеными въ одномъ знаменитомъ нѣмецкомъ учрежденіи для подготовки діакониссъ. Обученіе уходу за больными она начала съ самой черной работы съ мочалкой, щеткой и пыльной тряпкой и лишь нѣкоторое время спустя допущена была къ уходу за больными, при которыхъ она въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ и проводила цѣлые дни и ночи, пріобрѣтя такимъ образомъ достаточный запасъ опыта и свѣдѣній по своему дѣлу.

Возвратясь въ Англію, миссъ Нейтингель стала искать случая приложить къ дѣлу пріобрѣтенные ею знанія и обратилась въ больницу, посвященную призрѣнію бѣдныхъ учителницъ и воспитательницъ, которой грозило закрытие вслѣдствіе недостатка готовыхъ заняться дѣломъ ухода за

*) Епископъ Манчестерский прочелъ однажды во время одной изъ своихъ проповѣдей письмо молодой леди, въ слѣдующихъ словахъ изобразившей ему свое времянпрепровожденіе: «Утромъ мы завтракаемъ въ десять часовъ, употребляя для этого съ часъ времени, такъ какъ пробѣгаляемъ за завтракомъ газеты (отдѣль свѣтскихъ новостей) или читаемъ полученные письма. Затѣмъ расходимся по своимъ комнатамъ, гдѣ отвѣчаемъ на полученные письма, посль чего мы приходится очищать въ зимнемъ саду растенія отъ увядшихъ цветовъ и листьевъ и давать корку канарейкамъ и попугаямъ. Покончивъ съ этимъ, я иду переодѣваться ко второму завтраку, назначенному въ два часа. Въ три часа я отправляюсь съ матерью дѣлать визиты и возвращаюсь домой какъ разъ къ чаю, чашамъ къ пяти, когда къ намъ заходятъ поболтать наши друзья. Послѣ чаю опять надо переодѣваться иѣхать на прогулку по парку, откуда возвращаемся только къ обѣду. Послѣ обѣда мы ёдемъ въ театръ или на вечеръ, и, возвратясь, я чувствую себя до того утомленной, что не знаю какъ добраться до постели. Гдѣ тутъ найти время, чтобы дѣлать добрыя дѣла?»

больными лицъ. Съ удивительнымъ рвениемъ миссъ Нейтингель приступила къ своей новой должности въ мрачныхъ стѣнахъ госпиталя въ Гарлей-Стритъ, гдѣ отдала больнымъ своимъ сестрамъ во Христѣ все свое время, труды и средства. Самое ея здоровье сильно пошатнулось отъ страшнаго напряженія силъ, вслѣдствіе чего она была вынуждена прожить нѣкоторое время на своей родинѣ, Гемишнейрѣ, чтобы подкрепиться, при чмъ она не осталась праздной и тутъ, основавъ санаторію и воспитательный домъ для бѣдныхъ дѣтей.

Вскорѣ дошелъ до нея новый призывъ о помощи. Разразилась Крымская война, въ военныхъ лазаретахъ не хватало умѣлыхъ и самоотверженныхъ сидѣлокъ, раненые солдаты въ босфорскихъ госпиталяхъ лежали почти совершенно безъ ухода. Побуждаемая великодушіемъ миссъ Нейтингель не спала ночей, придумывая способъ, преодолѣвъ всѣ препятствія, лучше помочь несчастнымъ; на одномъ изъ пароходовъ, отправлявшемся въ Скутари, выѣхала она на мѣсто военныхъ дѣйствій, не обращая вниманія ни на какие труды, опасности и неудобства подобнаго путешествія. Съ достоинствомъ и увѣренностью принялась она за новые подвиги; она жила среди всевозможныхъ ужасовъ и страданій, старалась всѣми силами усовершенствовать больничное дѣло и строго слѣдила за всѣмъ, что совершилось вокругъ нея.

Солдаты въ отвѣтъ на всѣ ея попеченія чуть не молились на нее; раненые благоговѣйно благословляли ее каждый разъ, когда она ночью, въ часы безсонницы и страданій, склонялась то надъ однимъ, то надъ другимъ изголовьемъ. Не всѣ знали ея имя и она слыла въ ихъ средѣ подъ именемъ «женщины съ лампой». Въ ея присутствіи они воздерживались отъ всякихъ рѣзкостей и грубостей въ разговорѣ, которые могли-бы оскорбить ея слухъ, и мужественно переносили операцию. Она съ своей стороны всей душой привязалась къ своимъ больнымъ; она не только

заботилась о ихъ благосостояніи, но и вела переписку съ ихъ родными и близкими въ Англіи, Ирландіи и Шотлан-діи, берегла ихъ деньги и посыпала сбереженія солдатъ ихъ семьямъ на родину.

«Самое непрятательное мужество,—говорила она,—изумительная выносливость, здравый умъ и умѣнье страдать молчаливо нигдѣ не проявляются съ такой силой, какъ въ солдатской средѣ. Въ человѣкѣ, жертвующемъ всѣмъ въ жизни служенію родинѣ, королевѣ или знамени, словомъ тому, что не собственно, не касается его личного благосостоянія,—безусловно сильный проявляется нѣчто, похожее на духъ христіанскій, чѣмъ во всевозможныхъ аскетическихъ подвигахъ». Отсюда ясно, что человѣку есть чему поучиться даже у простого, темнаго солдата.

За миссъ Нейтингель въ Крымъ послѣдовала миссъ Стенлей, ставшая во главѣ отряда сестеръ милосердія, состоявшаго изъ пятидесяти женщинъ разныхъ сословій. Онѣ провели четыре мѣсяца въ морскомъ госпиталѣ въ Терапії (Турції) и во вновь учрежденномъ военномъ лазаретѣ въ Кулали. Послѣ того, какъ въ госпиталь поступили раненые при Инкерманѣ солдаты,—она писала своимъ друзьямъ: «Мнѣ кажется, не можетъ быть въ мірѣ болѣе раздирающаго душу зрѣлища, какъ видѣть сильныхъ, красивыхъ людей, истощенныхъ и измученныхъ или покрытыхъ ужасными ранами. Вчера мы цѣлый день сидѣли за шитьемъ матрасовъ, омываніемъ и перевязкой ранъ, облегчая чѣмъ могли страданія этихъ людей, остававшихся въ теченіе пяти дней почти безъ всякой помощи на палубѣ корабля. На рукахъ моихъ умерло въ эту ночь отъ истощенія цѣлыхъ одиннадцать человѣкъ, и я не была въ силахъ спасти ихъ».

По возвращеніи своемъ въ Англію, миссъ Стенлей посвятила себя уходу за солдатскими женами и вдовами. Она купила въ Вестминстерѣ домъ съ садомъ, гдѣ учредила громадную прачечную; заключивъ съ правитель-

ствомъ контрактъ на поставку солдатской обмундировки, она доставила тѣмъ массу работы неимущимъ женщинамъ; всюду приходила она на помощь страждущимъ, исполняя дѣло, котораго хватило бы на десять тысячъ человѣкъ и съ которымъ она справлялась одна только благодаря своей неутомимой энергіи, не ожидая отъ своихъ трудовъ ни наградъ, ни даже простого одобренія общественного мнѣнія.

Благородные примѣры всегда приносятъ прекрасные плоды. Многія дамы изъ общества попали по стопамъ этихъ двухъ героинь. Говоря о подобныхъ женщинахъ, нельзя пройти молчаніемъ дѣятельность миссъ Флоренсъ Ли, которая не только сама ухаживала за ранеными, но научила и другихъ разумному уходу за больными. Стремленіе къ такого рода дѣятельности пробудилось въ ней благодаря совершенно исключительному случаю: потерѣ любимаго ею брата, умершаго въ морскомъ госпиталь въ Шанхай. При мысли о томъ, какъ онъ лежалъ больной на рукахъ постороннихъ людей, пробудила въ сердцѣ миссъ Ли горячее желаніе отплатить другимъ за то, что было сдѣлано для ея брата.

Она была еще полуребенкомъ, когда подобный мысли стали приходить ей въ голову; она посвѣтывалась по этому поводу съ другомъ ея семьи, покойнымъ Винчестерскимъ епископомъ. Онъ отвѣтилъ, что ей слишкомъ еще рано посвящать себя столь тяжелой миссіи и слѣдуетъ подождать до тѣхъ поръ, пока горе ея утихнетъ, а умъ и воля созрѣютъ и окрѣпнутъ. Но ея рѣшеніе было уже принято и она жила лишь надеждой на осуществленіе ея плановъ. Она обратилась за указаніями къ миссъ Нейтингель, своему идеалу и предмету благоговѣйного уваженія, которая и помогла ей своими совѣтами. Свое поприще больничной сидѣлки миссъ Ли начала въ больницѣ Сентъ-Томаса, а затѣмъ перешла въ госпиталь королевской коллегіи, а позднѣе пополнила свои знанія въ дѣлѣ ухода за

больными за границей, въ больничныхъ заведеніяхъ Данії, Голландії, Франції и Германії; въ Кайзервертѣ она прошла обычный курсъ практическаго ухода за больными и получила дипломъ на званіе старшой діакониссы. Во Франції, благодаря любезности главнаго попечителя всѣхъ французскихъ гражданскихъ больницъ, миссъ Ли разрѣшено было работать подъ присмотромъ католическихъ сестеръ милосердія во всѣхъ главныхъ парижскихъ госпиталяхъ.

Сестры относились къ ней съ большою добротой и снисходительностью, какъ къ сестрѣ и другу, несмотря на то, что она была имъ чужая и по вѣрѣ, и по свѣтскому образу жизни. Она имѣла полную возможность поучиться у нихъ не только уходу за больными, но и бодрости духа въ тяжелыя минуты жизни, надеждѣ и довѣрію къ Промыслу Божію въ самомъ, казалось бы, отчаянномъ и безвыходномъ положеніи.

Едва успѣла она возвратиться въ Англію, какъ между Франціей и Германіей разразилась война и въ газетахъ сейчасъ-же появились описанія первыхъ кровопролитныхъ сраженій. Нѣмецкая побѣдоносная армія шла впередъ, не заботясь о судьбѣ раненыхъ, которые цѣлыми тысячами лежали подъ открытымъ небомъ безъ помощи и ухода. Жалость и скорбь охватили чуткую душу миссъ Ли, и она немедленно отправилась на арену военныхъ дѣйствій; въ Кельнѣ она впервые увидѣла на желѣзодорожной платформѣ раненыхъ солдатъ, лежавшихъ длинными рядами. Черезъ Кобленцъ и Триръ проѣхала она въ Метцъ къ мѣсту своего назначенія, потерявъ во время переѣзда въ толпѣ и давкѣ весь свой багажъ.

Маршаль Базенъ съ большей частью французского войска отсиживался въ крѣпости, осажденной пруссаками и баварцами подъ командой принца Фридриха. Миссъ Ли должна была служить въ госпиталѣ Марангѣ, въ тылу осаждающей арміи, своеобразномъ госпиталѣ, наскоро

устроенномъ въ амбарѣ старой фермы, лишенномъ са-
мыхъ примитивныхъ удобствъ. Сестра милосердія такъ-же
какъ и ея пациенты спала на мѣшкѣ, набитомъ соломой;
лѣкарствъ и съѣстныхъ припасовъ всегда недоставало. Въ
госпиталь поступали преимущественно тифозные больные,
такъ какъ сырая мѣстность благопріятствовала распро-
страненію этой эпидеміи. Всѣ двадцать двѣ кровати, на-
ходившіяся въ госпиталѣ, были постоянно заняты.

Не легко было служить въ подобномъ госпиталѣ: ти-
фозныхъ больныхъ, приносимыхъ на попеченіе миссъ Ли,
прежде всего необходимо было очищать отъ грязи, кото-
рой на нихъ выростало столько, что, прежде чѣмъ смы-
вать—ее приходилось зачастую соскабливать съ нихъ. Вы-
мывъ и уложивъ ихъ въ постели, имъ омывали почернѣвшія
губы, смачивали по ночамъ головы, чтобы облегчить
воепаленіе, перемѣняли тюфяки во избѣжаніе пролежней,—
все это происходило при самой неудобной обстановкѣ.

Иногда бредъ больныхъ достигалъ ужаснаго напряже-
нія, и слабая миссъ Ли едваправлялась съ ними. Остав-
шившись однажды ночью одна съ больными, она услышала силь-
ный шумъ надъ головой. Она сейчасъ-же поднялась на-
верхъ и застала тамъ солдата въ бреду, который хо-
тель сломать двери, собираясь уйти къ своей «милой ма-
тушкѣ». Миссъ Ли позвала на помощь другого больного;
имъ удалось убѣдить бредившаго бѣднягу, что онъ непре-
мѣнно будетъ дома завтра утромъ, и уложить его въ по-
стель. Бредъ другого оказался еще опаснѣе: онъ уже при-
нялся искать ножъ подъ подушкой у своего сосѣда. Къ счастью миссъ Ли удалось овладѣть ножомъ и спрятать
его отъ больныхъ. Но она страшно перепугалась, и когда
явился утромъ врачъ на свой обычный обходъ, она про-
сила его не оставлять ее больше ночью одну съ больными.

Нѣсколько недѣль оставалась она въ этомъ госпиталѣ;
часть бывшихъ на ея попеченіи больныхъ умерла, нѣко-
торые, поправившись нѣсколько, отосланы были домой; а

другіе, окончательно выздоровѣвшіе, вернулись къ своимъ обязанностямъ. 29 октября 1840 года Базень сдался; войска его въ качествѣ пленныхъ были отправлены въ Германію, и принцъ Фридрихъ шелъ на Парижъ. Окончивъ свою добровольно принятую миссію въ Метцѣ, миссъ Ли отправилась въ Гамбургъ, гдѣ поступила въ лазареть для раненыхъ солдатъ, находившійся въ вѣдѣніи прусской наслѣдной принцессы.

Нѣтъ необходимости шагъ за шагомъ слѣдить за дальнѣйшей исторіей ея жизни; возвратясь изъ Германіи, она пустилась въ путешествіе: посѣтила Соединенные Штаты и Канаду, гдѣ и осмотрѣла больницы и госпитали во многихъ городахъ. Теперь миссъ Ли занимаетъ място начальницы Вестминстерской общины сестеръ милосердія и по прежнему неутомимо трудится на благотворительномъ поприщѣ.

Безчисленное число діакониссъ и добровольныхъ сестеръ милосердія посвятили себя съ полнымъ самоотверженіемъ такой-же человѣколюбивой дѣятельности въ послѣднюю нѣмецкую войну; еще большее число женщинъ всѣхъ возрастовъ и сословій, которыхъ не въ военное только время, но и среди обычного теченія повседневной жизни посвящаютъ себя человѣколюбивой дѣятельности: усердно посѣщаются онѣ нищенскіе притоны и углы, гдѣ ютится нищета нашихъ большихъ городовъ, навѣщаются бѣдныхъ и больныхъ, обреченныхъ на полную беспомощность, если бы не теплое участіе этихъ скромныхъ женщинъ. Какіе страданія и ужасы приходится имъ встрѣтить! Но ни умъ, ни сердце, ни руки этихъ самоотверженныхъ труженицъ не грязнятся отъ этого близкаго соприкосновенія съ нищетой и неопрятностью, отъ исполненія услугъ самаго непріятнаго свойства. Стоитъ вспомнить хотя бы о неуставной и самоотверженной дѣятельности миссъ Гиль въ ость-индскихъ тюрьмахъ, миссисъ Викерсъ въ домѣ падшихъ женщинъ, миссъ Робинзонъ среди солдатъ въ Портсмутѣ.

Также богата примѣрами героического самоотречения и жизнь простыхъ бѣдныхъ людей, подвиги которыхъ большей частью остаются въ полной неизвѣстности. Мало того, среди бѣдныхъ людей встрѣчается даже больше христианской любви къ ближнему, чѣмъ среди людей богатыхъ. Они умѣютъ лучше понимать печали своихъ собратьевъ.

Къ числу такихъ людей безспорно принадлежитъ и недавно умершая Мэри Карпентеръ, въ лицѣ которой Англія лишилась одной изъ самыхъ усердныхъ и дѣятельныхъ сестеръ милосердія, всю свою жизнь посвятившей на служеніе всѣми покинутымъ бѣднякамъ, которыхъ стремилась возродить къ лучшей жизни. Она основала первое исправительное заведеніе для дѣтей-преступниковъ въ Бристолѣ, послужившее образцомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ учрежденій такого рода. Влекомая своимъ человѣколюбіемъ, она проникала въ такие глухіе притоны разврата и нищеты, куда не безопасно было проникать и полицейскимъ, но никакая нищета и никакой порокъ не могли испугать ее и вселить въ нее отвращеніе. Изъ этихъ убогихъ и грязныхъ помѣщеній она набирала дѣтей-оборванцевъ въ свои школы. Цѣлью рядомъ статей и лекцій старалась она пробудить въ обществѣ вниманіе къ интересовавшему ее вопросу. Она, наконецъ, побѣдила, потому что правительство сдалось на ея настойчивыя убѣжденія и основало по ея проекту исправительные и ремесленные учрежденія; и тѣ и другія оказали, какъ это выяснилось впослѣдствії, самое благотворное вліяніе въ дѣлѣ улучшенія участіи людей низшихъ классовъ. Тысячи людей, которые считались совершенно погибшими, вернулись благодаря имъ къ трудовой жизни и превратились въ полезныхъ членовъ общества, и все эти люди благословляютъ имя Мэри Карпентеръ. Даже самая старость не помѣщала ей продолжать свою дѣятельность на пользу ближняго. Шестидесяти лѣтъ отъ рода она еще разъ предприняла поѣзdkу въ Индію, съ цѣлью и тамъ положить начало своей педагоги-

ческой системы; она была въ Индіи всего на всего четыре раза, послѣднее же ея путешествіе относится къ 1876 г., когда ей было уже около семидесяти лѣтъ. Она дожила до счастья увидѣть плоды своихъ неустанныхъ трудовъ: цѣлое поколѣніе мужчинъ и женщинъ, которые безъ ея помощи остались бы можетъ быть навсегда погрязшими въ преступлениі и порокѣ.

Покойная м-съ Гизгольмъ избрала себѣ совершенно новое поприще дѣятельности, подавая руку помощи моло-дымъ дѣвушкамъ и женщінамъ, эмигрировавшимъ изъ страны, и слѣдя за ними до тѣхъ порь, пока онѣ не пристраивались куда-либо на надежные должности. Однажды, присутствуя на парадномъ обѣдѣ, устроенномъ въ ея честь наканунѣ ея отѣзда изъ Сутгемптона вмѣстѣ съ охра-няемыми ею многочисленными эмигрантками, она рассказала, что побудило ее избрать подобный родъ дѣятельности: «Я уже ребенкомъ научилась той истинѣ, что жизнь — обязанность, добросовѣстное исполненіе которой приобрѣ-таетъ человѣку вѣчное блаженство; сидя на колѣняхъ у матери, я внимательно вслушивалась и въ разговоры, ка-савшіеся эмиграціи, которые она вела обыкновенно со своими друзьями, людьми весьма замѣчательными. И у меня любимымъ моимъ занятіемъ еще въ самомъ раннемъ дѣствѣ было играть въ кораблики изъ орѣховой скорлупы, въ которыхъ я перевозила черезъ моря и океаны членовъ различныхъ семей, чтобы въ дальнихъ странахъ вновь соединить ихъ. Мысли о миссіонерствѣ и эмиграціи росли вмѣстѣ со мною, и я твердо рѣшила уже тогда прийти на помощь несчастнымъ. Энергіей и рѣшимостью своего характера я также обязана своей матери: она неустанно учила меня быть дѣятельной, умѣть съ твердостью пере-носить физическая лишенія и не позволять дѣтской робо-сти брать верхъ надо мною».

Молоденькой дѣвушкой она полюбила служившаго въ индійской арміи офицера. Прежде чѣмъ выдти за него за-

мужъ, она объявила ему однако, что дала себѣ слово посвятить себя человѣколюбивой дѣятельности на пользу своихъ ближнихъ даже и гдѣ-нибудь въ родной стороны. За это признаніе женихъ еще больше полюбилъ свою невѣсту и согласился помочь ей во всѣхъ ея начинаніяхъ, что и исполнилъ свято вѣщество, сдѣлавшись ея мужемъ.

Въ Индіи м-съ Гизгольмъ основала институтъ для дочерей европейскихъ солдатъ, существующій и понынѣ подъ названіемъ ремесленной школы, гдѣ и пробыла не сколько лѣтъ подрядъ въ качествѣ старшой учительницы. Въ 1838 году она посѣтила вмѣстѣ съ мужемъ Австралію.

«Здѣсь,—говоритъ она,—я встрѣтила множество женщинъ, безпріютныхъ и беспомощныхъ, при чмъ число ихъ все увеличивалось вновь прибывающими на корабляхъ и, такъ какъ почти никто изъ нихъ не находилъ себѣ работы, онъ принимались вести безнравственный образъ жизни. Тогда я поставила себѣ цѣлью спасти этихъ несчастныхъ отъ окончательной гибели и пристроить ихъ на надежные мѣста въ хорошихъ семьяхъ. Множество препятствій встрѣтила я при исполненіи этого плана, но я твердо шла къ своей цѣли. Прежде всего необходимо было пріобрѣсти довѣріе дѣвушекъ и убѣдить ихъ въ моемъ къ нимъ участії. Въ виду этого я добилась у губернатора разрѣшенія жить вмѣстѣ съ эмигрантками въ тѣсной каморкѣ въ баракѣ, наполненному крысами. Крысы я потравила, а сама осталась на своемъ посту. Наконецъ, мнѣ удалось основать общество для доставленія покровительствуемымъ мною дѣвушкамъ мѣсть въ Бушѣ и размѣстить въ надежныхъ рукахъ довольно большое число эмигрантокъ. Такъ какъ общество скоро распалось, я рѣшила сама отвозить дѣвушекъ въ Бушъ цѣльными партіями, отъ ста до ста пятидесяти человѣкъ каждая и занималась этимъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Часто приходилось мнѣ давать эмигранткамъ взаймы на ихъ путешествія довольно большія суммы денегъ, но

такъ какъ всѣ онѣ замѣчательно честно выплачивали мнѣ свои долги, то я не потеряла въ общемъ и девяты фунтовъ. Съ Божьей помощью я помѣстила до своего отѣзда на разныя должности болѣе тысячи дѣвушекъ, спасши такимъ образомъ весьма многихъ отъ развратной жизни, полной стыда и отчаянія. Надѣюсь, что мои дѣти будутъ продолжать теперь въ той или иной формѣ дѣло моей жизни, такъ какъ я приложила всѣ старанія, чтобы воспитать ихъ въ строгомъ повиновеніи долгу, учила ихъ полагаться во всемъ на самихъ себя, никогда не прибегая ни къ покровительству властей, ни къ просьбѣ денежныхъ субсидій у правительства».

Такъ какъ эта глава посвящена главнымъ образомъ описанію геройскихъ поступковъ женщинъ, то приведемъ еще нѣсколько яркихъ примѣровъ беззавѣтного мужества и полнаго самоотречения.

Пароходъ Жоржеттъ потерпѣлъ сильное крушеніе близъ береговъ западной Австраліи. Находившіяся на пароходѣ женщины и дѣти перемѣщены были въ лодку, которая и направилась къ берегу. Но тутъ сильная волна неожиданно опрокинула шлюпку, и всѣ сидѣвшіе попадали въ воду и, въ отчаяніи цѣпляясь за края шлюпки, бессильно баражтались среди волнъ. Въ эту минуту на вершинѣ крутой скалы показалась молодая женщина верхомъ на лошади. Это была миссъ Грэсъ, Вернонъ-Боссель. Въ мгновеніе ока она сообразила все, что случилось, и рѣшила во что бы то ни стало спасти погибавшихъ. Она дала шпоры своей лошади, спустилась внизъ по крутому склону и заставила свою лошадь войти въ море и проплыть до того мѣста, где боролись съ волнами утопавшіе. Ей удалось благополучно снять на берегъ женщинъ и дѣтей; когда она замѣтила, что въ водѣ, напрягая послѣднія силы въ борьбѣ съ прибоемъ, оставался еще одинъ мужчина, она вновь бросилась въ воду и спасла несчастнаго. Но сила прибоя была такъ велика, что прошло четыре часа, прежде чѣмъ

сняты были на берегъ всѣ утопавшіе, хотя крушеніе произошло почти у самаго берега. Наконецъ, самоотверженная молодая женщина, которая едва держалась на ногахъ отъ усталости, могла вернуться домой, за двѣнадцать миль отъ мѣста происшествія, чтобы обсушиться и прислать дальнѣйшую помошь спасеннымъ. Сестра ея продолжала начатое ею дѣло, принеся на берегъ платье и пищу для промокшихъ до нитки путешественниковъ; на другой день всѣ они получили пріютъ въ домѣ Вернонъ-Боссель, гдѣ и оставались пока оправились настолько, что могли снова пуститься въ путь. Къ сожалѣнію, ухаживая за спасенными на берегу во время бури, сестра героини простудилась и спустя нѣкоторое время умерла въ горячкѣ.

Столько-же самоотверженія и отваги выказала другая молодая дѣвушка, предпринявшая спасеніе нѣсколькихъ рыбаковъ близъ Шотландскихъ острововъ, когда никто не рѣшался на подобный подвигъ. Однажды во время страшной бури вся рыбачья флотилія острова Унста, гдѣ рыбачій промыселъ является единственнымъ источникомъ заработка всего мѣстечка, — оказалась въ морѣ. Въ минуту опасности всѣ онѣ благополучно вернулись въ пристань за исключеніемъ одной, которая опрокинулась въ борьбѣ съ яростью волнъ, такъ что сидѣвшія въ ней попадали въ воду и принялись отчаянно бороться съ прибоемъ. Молодая стройная дѣвушка Элленъ Петри принялась тогда убѣждать присутствовавшихъ попытаться спасти погибшихъ; ей отвѣчали, что это невозможно и всякая попытка пуститься въ море въ такую бурю грозить неминуемой смертью.

Тогда Элленъ рѣшила отважно пойти на встрѣчу этой смерти и вошла въ маленькую шлюпку; за ней послѣдовала ея невѣстка и старикъ отецъ, не владѣвшій одной рукою, но другой твердо направившій руль къ мѣсту бѣдствія. Двоє изъ рыбаковъ уже скрылись подъ водою, но остальные еще цѣлялись за киль своего опрокинутаго

судна. Когда наконецъ, съ помощью невѣроятныхъ успѣй, лодка Элленъ подошла къ погибшимъ, бѣшеная волна сорвала съ опрокинутой лодки одного изъ рыбаковъ и отбросила его на нѣсколько шаговъ. Онъ по всей вѣроятности утонулъ-бы, если-бы Элленъ не схватила его за волосы и не втащила-бы его въ свою лодку. Второго рыбака тоже приняли на лодку, и Элленъ благополучно вернулась на берегъ. Вскорѣ отецъ Элленъ скончался и она зарабатывала себѣ скучный кусокъ хлѣба, служа въ качествѣ горничной въ одномъ изъ соседнихъ замковъ и только смерть ея напомнила тѣмъ, которые знали о ея геройскомъ поступкѣ, отважное спасеніе рыбаковъ.

Въ заключеніе нельзя не вспомнить здѣсь о Гресь Дерлингъ, героинѣ Лонгстонскаго маяка. Пустынныя Фернскіе острова, расположенные противъ сѣверо-восточнаго берега Нортумберланда, представляютъ группу голыхъ базальтовыхъ скаль, омываемыхъ со всѣхъ сторонъ вѣчно бушующимъ моремъ. Въ бурное время къ нимъ невозможно подойти часто въ продолженіе цѣлыхъ недѣль; на нихъ никто не можетъ жить за исключеніемъ морскихъ чаекъ и дикихъ гусей, оглашающихъ окрестности своими унылыми криками. Только на одной изъ самыхъ отдаленныхъ изъ этихъ скалъ—Лонгстонской—поставленъ маякъ для судовъ, совершающихъ рейсы между Англіею и Шотландіею. Въ 1838 году смотритель маяка былъ старикъ, жившій тамъ со своей женой и дочерью.

Стояла темная и бурная сентябрьская ночь, когда пароходъ «Форваршайръ» шелъ изъ Гѣля въ Дунди. Пароходъ былъ въ довольно плохомъ состояніи: котлы внушили такое опасеніе, что въ дорогѣ сочли нужнымъ убавить пары; кое-какъ добрались до Сентъ-Абсъ-Гида, откуда страшная буря погнала пароходъ назадъ; утромъ, носимый вѣтромъ, онъ со страшной силой налетѣлъ на скалу Гаукерсъ и раскололся на двое. Девять человѣкъ экипажа сѣли въ шлюпку и направились по единственной открытой

имъ дорогѣ въ море. Встрѣчное судно принесло ихъ и доставило въ Шильдсъ. Остальные же матросы вмѣстѣ съ пассажирами были снесены въ море и утонули, кромѣ девяти, находившихся на передней части корабля, выброшенной на скалу; они метались и звали на помощь.

Гресь Дерлингъ услыхала съ маяка ихъ призывы; уже близился разсвѣтъ и Гресь держала послѣднюю смынку; ея внимательные, дальноворкіе глаза, несмотря на густой туманъ, разсмотрѣли несчастныхъ, цѣплявшихся за брашпиль на носовой части корабля. Она умоляла отца выйти въ море, чтобы подать помощь погибавшимъ. Старый Дерлингъ объявилъ было, что это было бы глупо идти на вѣрную смерть, но все-таки спустилъ лодку и оба пустились въ море, несмотря на угрожавшую имъ опасность. Но Господь поддержалъ этихъ самоотверженныхъ людей и лодка направилась къ мѣсту кораблекрушенія, при чмъ Гресь напрягала всѣ свои силы, работая веслами и старательно обходи буруны, чтобы лодка не разбилась о нихъ. Всѣ девять погибающихъ были спасены и три дня оставались на маякѣ, гдѣ женщины ухаживали за ними, стараясь поддержать ихъ утомленныя силы. Когда буря улеглась, спасенныхъ переправили на материки.

Всѧ Англія восторгалась героизмомъ молодой дѣвушки; художники являлись на маякъ, чтобы написать ея портретъ, поэтъ Бодсвортъ посвятилъ ей стихотвореніе. Театръ Адельфи предлагалъ ей 20 фунтовъ стерлинговъ за одинъ вечеръ, если она согласится показаться на сценѣ въ лодкѣ среди декорацій, изображающихъ кораблекрушеніе. Но она не согласилась оставить свою скалу, маякъ и стариковъ-родителей. Лучшей обстановки не нашлось для этой героини въ цѣломъ мірѣ. Всѣ, кто ее видѣлъ, съ большимъ уваженіемъ отзывались о ея неподдельной простотѣ, полномъ спокойнаго достоинства обложденіи, добротѣ и величии.

Года три спустя послѣ своего подвига она простуди-

лась и угасла въ нѣсколько мѣсяцевъ отъ чахотки, спокойная и бодрая съ полной вѣрой въ Промыселъ Божій. Незадолго до ея смерти посѣтила ее другая великодушная женщина, желавшая сказать ей послѣднее прости на порогѣ вѣчной жизни. Это была герцогиня Нортумберлендская, женщина большого ума, исполненная въ то-же время глубокой сердечной доброты и самоотверженія. Гресь уже умерла, и о ней рѣдко вспоминаютъ теперь, но подвигъ ея записанъ «въ небесныхъ скрижаляхъ, гдѣ послужитъ предметомъ прославленія ангеловъ, воспѣвающихъ великодушіе и самоотверженныя добродѣтели, свидѣтелемъ которыхъ явилась забывчивая земля».

На нортумберлендскомъ берегу, почти напротивъ Фернскихъ острововъ на высокой пирамидальной скалѣ стоитъ замокъ Бамборо. Въ бывшія времена и въ эпоху англійскихъ междуусобныхъ войнъ онъ служилъ крѣпостью, въ послѣднее же время онъ обратился, благодаря трудамъ лорда Крю, епископа Дургемскаго и архидіакона Шерпа, въ пріютъ для потерпѣвшихъ кораблекрушеніе моряковъ. Кораблекрушенія происходятъ тутъ очень часто и въ замкѣ лорда Крю, этого благодѣтеля человѣчества, приготовлено все необходимое для немедленной подачи помощи погибающимъ. Каждую бурную ночь извѣстное число патрулей ходитъ на Бамборо и, замѣтивъ судно, подвергающееся опасности, быстро спускаютъ спасательную шлюпку. Въ туманные дни на Бамборо звонятъ въ колокола, чтобы моряки знали о близости берега. При первомъ сигналѣ съ какого-либо корабля, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ на башнѣ въ замкѣ поднимаютъ обыкновенно флагъ, давая знать несчастнымъ, что ихъ несчастье замѣчено. Изъ замка даются также особые сигналы для рыбаковъ Святыхъ острововъ, которымъ иногда бываетъ легче подойти къ потерпѣвшему кораблю.

Такъ, подобно могущественному ангелу-хранителю, царить надъ моремъ этотъ благородный замокъ — духъ

вѣчно бодрствующій и великодушный, являя блестящій примѣръ того, что можетъ совершить на землѣ добрый человѣкъ, даже когда его кости уже тлѣютъ въ могилѣ. Всякій, кто видитъ издали высокія башни этого благодѣтельного зданія, щедро оказывающаго помощь всѣмъ несчастнымъ на сушѣ и на морѣ — благословляетъ память лорда Крю, какъ тысячи людей уже благословляли ее среди ужасовъ мрачныхъ, бурныхъ ночей.

ГЛАВА X.

СОЧУВСТВІЕ.

{ Таинственная сила сочувствія! Она похожа на серебряную цѣль, которая связываетъ сердце съ сердцемъ и душу съ душою.

Вальтер-Гомиц.

{ Человѣкъ относится съ любовью къ своимъ со-братьямъ; самыи бѣднѣйшіи изъ нащихъ чув-ствуетъ себя счастливымъ, если ему хоть разъ удалось оказать благодѣяние тѣмъ, которые въ чёмъ нуждаются—человѣкомилостивое сердце бьется въ груди каждого изъ насъ!

Бордсвортъ.

Сочувствіе является одной изъ величайшихъ таинствен-ныхъ силъ, управляющихъ человѣческой жизнью. Оно смягчаетъ злое начало въ человѣческой душѣ и поддерживаетъ ея добрыя стремленія, обезоруживаетъ всякое со-противленіе, умиrotворяетъ самыя суровыя сердца и раз-виваетъ всѣ благороднѣйшіе порывы человѣчества. Сочув-ствіе—одна изъ главнѣйшихъ основъ христіанства и запо-вѣдь Спасителя «возлюбите другъ друга» сама по себѣ является цѣлымъ откровеніемъ.

Древнее христіанское преданіе разсказываетъ, что свя-той Евангелистъ Іоаннъ, дожившій тогда уже до глубокой старости и настолько слабый, что не могъ ходить, прине-сенный однажды своими друзьями на рукахъ въ собраніе вѣрующихъ — сказалъ присутствующимъ: «дѣти, любите другъ друга». — Не имѣешь-ли что еще сказать намъ? — спросили его. «Говорю вамъ еще и еще: любите другъ друга, и все остальное приложится вамъ».

Слова апостола Павла сохраняютъ и понынѣ свой вѣчный и всеобщій смыслъ. Сочувствіе основывается на христіанской любви и представляетъ лишь измѣненное выражение душевной привязанности людей другъ къ другу. Исполненные сочувствія мы какъ-бы проникаемся душевнымъ состояніемъ другого, стараемся помочь ему, утѣшить и развлечь его, печалимся вмѣстѣ съ нимъ и радуемся его радостью. Безъ сочувствія не можетъ быть ни истинной любви, ни истинной дружбы; оно живеть и приносить двойное добро, вліяя благотворно и на того, кто сочувствуетъ, и на того, кто нуждается въ сочувствіи.

По словамъ извѣстнаго англійскаго духовнаго писателя Фаррара, «своимъ искреннимъ сочувствіемъ мы часто приносимъ близкимъ большую пользу, чѣмъ всей своей дѣятельностью и готовностью безъ низкой зависти признать чужія заслуги оказываемъ человѣчеству болѣе значительную услугу, чѣмъ какую могли-бы оказать всѣмъ напряженіемъ своихъ личныхъ честолюбивыхъ поступковъ. Человѣкъ теряетъ все: почетное положеніе, вліяніе, богатство и даже здоровье, и все-же онъ можетъ считать себя счастливымъ, если научился безмолвно смиряться передъ Господнимъ промысломъ—одно лишь въ жизни незамѣнно человѣческое сочувствіе, и жизнь безъ него превращается въ тяжелое бремя».

Нельзя конечно отрицать, что далеко не всѣ добрыя дѣла принимаются съ должной признательностью, но это не должно останавливать человѣка, преданнаго дѣламъ добра, потому что даже наиболѣе низко упавшій человѣкъ безусловно имѣетъ всѣ права на оказываемую другъ другу людьми взаимную помощь. Не слѣдуетъ забывать справедливыхъ словъ Іереміи Бентама, что счастье злого человѣка является для совокупности всего счастья человѣчества, какъ дѣлago—частицей столь-же необходимой, какъ и счастье доброго и благороднѣйшаго изъ людей. Кромѣ

того, никто не можетъ сдѣлать ни добра, ни зла, которое не обратилось-бы на него самого.

Сочувствіе дѣйствуетъ гораздо убѣдительнѣе всякаго насилия и принужденія: доброе, привѣтливое слово часто имѣло неизгладимое вліяніе надъ людьми, къ которымъ до того напрасно примѣнены были всѣ принудительныя мѣры. Сочувствіе пробуждаетъ въ душѣ любовь и послушаніе, суровость-же приводить лишь къ ненависти и сопротивленію. Недаромъ санскритская пословица гласить: «власть не представляетъ и половины той силы, какой располагаетъ кротость».

Понимаемое въ болѣе широкомъ смыслѣ сочувствіе подразумѣваетъ всѣ формы общественной благотворительности; оно стремится прийти на помощь несчастнымъ и страждущимъ, улучшить положеніе низшихъ классовъ, оказать возможное содѣйствіе въ дѣлѣ распространенія цивилизаций между людьми всѣхъ странъ и сословій и соединить дружескими узами всѣхъ враждующихъ и разъединенныхъ. Эти благородныя побужденія являются обязанностью каждого изъ настѣ, въ особенности же тѣхъ, кого судьба щедро надѣлила преимуществами богатства, званія или высокаго общественного положенія. Посвящающему хоть часть своего времени и своихъ силъ на увеличеніе общаго благосостоянія не требуется для этого ни особыхъ денежныхъ средствъ, ни особыхъ умственныхъ способностей. Мы склонны слишкомъ цѣнить силу богатства, забывая, что всѣ соціальные основы вытекаютъ изъ идеи братства. «Поступайте съ другими такъ, какъ вы хотите, чтобы другие поступали съ вами» — а исходя изъ подобного міровоззрѣнія, нельзя отрицать, что и бѣдный часто можетъ помочь богатому, слабый сильному, невѣжда знающему, и наоборотъ. Все обусловливается высшими степенями силы, потому что не ученики создаютъ своихъ учителей, не людьми бесполезными и беспомощными создаются тѣ, которые призваны поддерживать ихъ.

Человѣкъ можетъ сдѣлать изъ своей жизни какое угодно употребленіе и придать ей столько значительности и цѣнности, насколько чувствуетъ себя въ силахъ это сдѣлать, такъ какъ вполнѣ обладаетъ способностью управлять всѣми своими духовными силами.

Талантъ и умъ безусловно доставляютъ человѣку множество высокихъ наслажденій, но истинное счастье мы находимъ лишь въ любви и симпатіи. Люди, какъ и наши собственные дѣти, становятся намъ тѣмъ дороже и ближе, чѣмъ больше заботъ и страданій вынесли мы изъ-за нихъ.

Докторъ Кельвингтонъ писалъ своему другу, м-съ Флетчеръ, когда ей было всего 17 лѣтъ, — слѣдующее: «Я не знаю никого, кто пользовался бы такой всеобщей нѣжной и искренней любовью, съ какой все относятся къ вамъ, — убѣждень, что вы пріобрѣли ее благодаря вашей собственной способности любить».

Глубокаго сожалѣнія достойны тѣ люди, которые въ продолженіе цѣлой жизни эгоистично стремились лишь къ достижению собственного благополучія и, даже совершая доброе дѣло, думаютъ лишь о собственномъ душевномъ спокойствіи, или о томъ, какъ бы только избѣгнуть укоровъ совѣсти. Многіе, искренно убѣжденные въ уточненности своихъ чувствъ, любятъ нѣжно только самихъ себя, не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружающихъ. Они чрезвычайно вѣрливы и обходительны въ обществѣ, но посмотрѣли-бы вы, съ какой холодностью, суровостью и пренебреженіемъ обходятся они съ членами собственной семьи! Какое грустное впечатлѣніе производитъ на слушателя эпизодъ съ ребенкомъ, которому толковали о томъ, что на небѣ онъ увидится со всѣми близкими. «А папа будетъ тамъ?» — спросилъ онъ. — Конечно. — «Въ такомъ случаѣ я не хочу идти туда», — отвѣтило дитя.

Въ жизни чрезвычайно распространено проявленіе ложнаго сочувствія, горячо высказываемаго на словахъ, но не приносящаго никому практической пользы. Такъ извѣстный

англійскій писатель Стернъ, «отець сентиментального направлениі въ литературѣ», разсыпался въ сожаленіяхъ по издохшемъ ослѣ въ то время, какъ его собственная жена умирала съ голоду. Много богато одаренныхъ людей умѣютъ прекрасно говорить о страданіяхъ человѣчества, не желая и пальцемъ шевельнуть, чтобы помочь угнетенному.

Пѣвѣстный писатель, Александръ Ноксъ, говорить въ одномъ изъ своихъ произведений: «Чувство скорбѣ всего возбуждается сочувствіемъ. Сердце дѣйствуетъ на сердце; представленіе о живомъ человѣкѣ существенно необходимо для всякаго душевнаго движенія». Дѣлать добро во имя добра — вотъ что составляетъ истинное человѣческое достоинство.

Возрожденіе человѣчества совершается не столько благодаря отвлеченному познанію правды, сколько подъ вліяніемъ вдохновенія свыше, которое высказывается въ добромъ отношеніи, въ сочувствіи человѣка человѣку и всеяляетъ въ насъ убѣженіе о томъ, что всѣ люди—братья. Тотъ, кто стремится жить одной жизнью со своимъ ближнимъ, оказывая всякому нуждающемуся поддержку по мѣрѣ своихъ силъ въ нравственномъ, общественномъ и религіозномъ отношеніи, дѣйствуетъ согласно съ Высшей волей и очищаетъ тѣмъ свое собственное сердце отъ всякаго эгоизма, высокомѣрія и честолюбія. Принципъ состраданія и взаимнаго сочувствія и поддержки, проявляющійся на самой полезной для человѣчества аренѣ дѣятельности—облегченіи человѣческихъ невзгодъ и бѣдствій—приведенъ въ жизнь исключительно христіанствомъ и имѣть болѣе глубокое значеніе, чѣмъ какое-либо важнѣйшее научное открытие.

Лучшіе и благороднѣйшіе люди исполнены обыкновенно и самого горячаго сочувствія къ своимъ ближнимъ и выражаютъ его самыми энергичными образомъ въ словѣ и дѣйствіи. Превосходнымъ примѣромъ подобныхъ людей

можетъ служить епископъ Фенелонъ, авторъ «Телемака». Проповѣди его отличались необыкновенной простотой и сердечностью; вдохновленный человѣколюбіемъ онъ находили прямой путь къ сердцу ближнихъ. Съ рѣдкимъ тактомъ Фенелонъ умѣлъ обходиться съ людьми всякаго званія; встрѣчая на прогулкѣ кого-либо изъ своихъ прихожанъ-крестьянъ, онъ садился съ ними на траву, долго бесѣдовалъ и давалъ полезные совѣты. Часто онъ заходилъ къ нимъ въ хижины и охотно раздѣлялъ съ ними ихъ скромную трапезу. Во время войны за испанское наслѣдство домъ его былъ постоянно наполненъ больными и ранеными, которые были окружены наилучшимъ уходомъ. Вѣсть о добротѣ и благодѣяніяхъ Фенелона разнеслась не только среди его прихожанъ, но самые враги, наводнившіе страну, съ глубокимъ уваженіемъ относились къ великодушному епископу. Въ его глазахъ казалось не существовало разницъ религій, національностей и общественныхъ положеній и въ его покояхъ равно находили пріютъ всѣ несчастные, отторгнутые войной отъ родины и близкихъ.

Не разъ высказано было мнѣніе, что сочувствіе являлось также главнейшей чертою характера Нормана Меклеода: онъ интересовался даже самыми незначительными людьми; самый простой человѣкъ къ качествѣ члена общества-человѣческой семьи занималъ его и вызывалъ его сочувственное къ себѣ отношеніе. Одинъ кузнецъ такъ отзывался о немъ: «Навѣщая меня, онъ разговаривалъ со мною такъ, какъ-будто самъ былъ простымъ кузнецомъ».

Вступая въ отправленіе своихъ обязанностей суды въ Глазго, Меклеодъ сказалъ: «Человѣкъ сосредоточиваетъ на себѣ всю вообще дѣятельность и мышленіе человѣчества. Все, что живеть въ немъ и отъ него исходить, имѣть громадное значеніе въ міровой жизни. Намъ нужны живые люди: не однѣ ихъ книги или деньги, но они сами. Что значитъ тѣ и другія для нищихъ и отверженныхъ, угнетенныхъ и падшихъ, если они не могутъ прочесть въ взо-

рахъ сочувствующаго имъ человѣка ту любовь и участье, которыя говорять имъ о внутреннемъ миРѣ и облегченіи, обрѣтенномъ наконецъ измученнымъ сердцемъ. Съ какой безконечной благодарностью принимаютъ они всякое стараніе сблизиться съ ними со стороны добрыхъ людей, которые добровольно идутъ изъ полной комфорта обстановки въ пріютъ нищеты и горя, чтобы одобрить страдающихъ ласковымъ словомъ».

Въ другой разъ онъ сказалъ: «Я убѣжденъ, что народъ нашъ необходимо воспитывать въ понятіяхъ о необходимости исполненія каждымъ своего личнаго долга, состоящаго въ постоянномъ трудѣ, трезвости, добротѣ, разсудительности и цѣломудріи; воспитаніе должно научить человѣка исполненію долга—въ качествѣ отца его дѣтей, члена общества, государства; отсюда ясно, что воспитаніе народа должно быть все проникнуто христіанскимъ начальствомъ и основано на немъ».

Все высказанное Норманомъ Меклеодомъ вполнѣ примѣнимо къ Лондону, самому богатому и въ то-же время самому бѣдному городу въ миРѣ; мало кому известно, что представляетъ восточный конецъ Лондона, подавленный нуждой, преступлениемъ и порокомъ. Многіе охотно жертвовали деньги съ цѣлью возвысить по возможности умственный и нравственный обликъ народа, но рѣдкіе посвящали этой задачѣ свой трудъ и свое время. Блестящимъ исключениемъ является Эдуардъ Денисонъ, вполнѣ отдавшійся дѣлу нравственного оздоровленія восточнаго Лондона. Прежде всего онъ учредилъ здѣсь копѣчечныя сберегательныя кассы, убѣжденный, что отвлечетъ этимъ народъ отъ пагубной привычки тащить въ кабакъ весь свой заработокъ, заложивъ въ немъ стремленіе заботиться о будущемъ своемъ и своей семьи. Впослѣдствіи онъ основалъ тамъ-же школы, читальни, выстроилъ желѣзную церковь. Его усиляя принесли свои плоды, но конечно одинъ не могъ сдѣлать много для цѣлой массы несчастныхъ.

«Какъ это странно и ужасно,—говорить онъ,—что въ богатѣйшей странѣ міра громадный процентъ населенія обреченъ на постоянную голодовку и вымирание. Причина вѣроятно та, что мы приняли изумительное развитіе благосостоянія за послѣднія двадцать лѣтъ, не принявъ во вниманіе соединенныхъ съ нимъ усилий и жертвъ, которыхъ и не выполнили».

Къ несчастью, Норманъ Меклеодъ скончался, прежде чѣмъ успѣли появиться всходы того, что онъ посѣялъ — онъ указалъ лишь путь тому, кто пожелалъ бы слѣдовать за нимъ.

Жозефъ де-Метръ, известный французскій философъ, воскликнулъ однажды въ концѣ своей многотрудной жизни: «Не знаю, какова жизнь негодяя, я имъ никогда не былъ, но жизнь честнаго человѣка невыносима. Не много найдется среди насъ такихъ, путь которыхъ на этой глупой землѣ отмѣченъ истинно полезными и добрыми дѣлами. Я преклонюсь передъ тѣмъ, о комъ можно сказать: *«reg-transivit benefaciendo»*, кому удалось научить, утѣшить и возвысить своихъ близкихъ: все это безмолвные герои благотворительности, безвѣстные и безкорыстные. Но какъ живутъ остальные? Многие-ли изъ тысячи могутъ безъ ужаса спросить себя: «Что сдѣлано мною въ жизни? Какую память я по себѣ оставлю?»

Зло нашего времени коренится въ отсутствіи симпатіи, въ обособленности различныхъ классовъ общества; богатые и бѣдные сторонятся другъ друга; первые не желаютъ сочувствовать и направлять, вторые уважать и подчиняться.

Старый прекрасный принципъ, состоящій въ томъ, что неравенство состояній должно уравновѣшиваться проявленіемъ милосердія и любви родившихся въ лучшей долѣ по отношенію къ ихъ бѣднымъ собратьямъ замѣненъ привычкой выше всего ставить свой личный интересъ, въ силу котораго все, что стоитъ у насъ на пути, должно быть снесено и уничтожено.

Исчезло сочувствіе между работодателями и служащими. Въ большихъ фабричныхъ центрахъ хозяева и работники живутъ совершенно обособленной жизнью, нимало не понимая другъ друга. Желая повышенія заработной платы, рабочіе устраиваютъ стачки; стремясь понизить заработную плату, хозяева въ свою очередь уменьшаютъ число рабочихъ: положеніе сразу обостряется; часто во время переговоровъ волненіе и взаимное неудовольствіе только возрастаютъ, и рабочіе рѣшаются заставить хозяина согласиться на ихъ требованія съ помощью принудительныхъ мѣръ: поджога, вооруженного бунта и т. п. Дѣло оканчивается вмѣшательствомъ солдатъ или полиціи, но сколько вреда приноситъ оно съ собою уму и сердцу обоихъ враждующихъ становъ!

Подобнымъ-же образомъ обстоитъ дѣло и съ домашней прислугой: и тутъ исчезла всякая потребность сохранять между хозяевами и служащими какое-либо пріязненное отношеніе, между тѣмъ домашняя жизнь не можетъ быть основана единственно на принципѣ купли и продажи; прежде прислуза считалась членомъ семьи, и сами наемные слуги смотрѣли на себя съ этой точки зрењія и хозяева вполнѣ могли въ затруднительныхъ случаяхъ полагаться на ихъ добросовѣстность. Теперь-же все это измѣнилось: между нанимателемъ и нанимаемымъ не существуетъ ни малѣйшаго сочувствія, они словно живутъ въ разныхъ странахъ и говорятъ на разныхъ языкахъ.

Тѣмъ отраднѣе слышать изрѣдка о томъ или другомъ случаѣ самоотверженной службы прислузы старого закала. Такъ у одного старого небогатаго джентльмена служила въ продолженіе многихъ лѣтъ женщина по имени Анна Майер, не получая отъ своего господина ни жалованья, ни подарковъ. Тѣмъ не менѣе послѣ его смерти она отказалась отъ всякаго вспомоществованія изъ благотворительнаго общества, объясняя это тѣмъ, что она еще въ силахъ заработать себѣ кусокъ хлѣба. Подобная привязанность

служанки къ своему господину, исчезнувъ вмѣстѣ съ прошлымъ поколѣніемъ—будетъ для поколѣній новыхъ неизвѣстнымъ и чуждымъ чувствомъ.

Недостатокъ сочувствія является въ наше время все болѣе и болѣе распространеннымъ и замѣтнымъ элементомъ нашей общественной жизни. Мы не знаемъ другъ друга и не заботимся другъ о другѣ; каждый, не обращая вниманія на окружающихъ, рвется къ своей личной цѣли: богатству или извѣстности. Никому не приходитъ въ голову поддержать тѣхъ, которые обременены болѣе тяжкой ношей, чѣмъ наша: всякое чувство братства исчезло, и масса людей равнодушно шагаетъ по трупамъ, попирая права ближняго на жизнь и собственность.

Человѣкъ эгоистичный и праздный мало или вовсе не заботится объ остальныхъ людяхъ: «Что мнѣ за дѣло до нихъ,— думаетъ онъ,— чего ради я долженъ помогать имъ? Они сами ничего не сдѣлали для меня. Въ мірѣ вѣчно будетъ царить нужда: необходимо терпѣливо переносить то, чего нельзя измѣнить. Что-же я могу сдѣлать?» И этотъ придѣвъ: что я могу сдѣлать—повторяется слишкомъ часто. Іѣнивецъ является дѣятельнымъ животнымъ въ сравненіи съ этими безучастными людьми.

Со всѣмъ тѣмъ человѣкъ, не желающій обращать никакого вниманія на нужды и потребности своего ближняго и приходить на помощь нуждающемуся нравственными или материальными средствами, часто много проигрываетъ этимъ въ жизни по отношенію къ самому себѣ. Онъ не заботится объ улучшениіи питанія и воздуха, отравленного всевозможными міазмами въ бѣдныхъ и грязныхъ квартирахъ, и тифъ, горячка и другія заразительныя болѣзни, которыя развиваются въ нихъ, проникаютъ въ его комфортабельный домъ и уносятъ его близкихъ. Ему нѣтъ дѣла до нищеты, невѣжества и порока, которые гнѣздятся въ этихъ вонючихъ приютахъ разврата, но ночной воръ прокрадывается въ его уютный уголокъ. Онъ не заботится о

политикъ, но когда война разразится, онъ будетъ платить налоги и отдать въ военную службу своихъ сыновей; однимъ словомъ—человѣкъ, избравшій себѣ принципъ жизни поговорку: «какое мнѣ дѣло», рано или поздно силою обстоятельствъ придется къ убѣжденію, что его безучастное отношеніе ко всему вовсе не представляетъ особыхъ выгода.

Человѣкъ безучастный оказался виновникомъ общезвѣстной катастрофы: «Благодаря недостающему гвоздю лошадь потеряла подкову, потеря подковы привела за собою потерю лошади, потеря лошади была виной гибели человѣка».—Маленькия причины часто влекутъ за собою тяжелыя послѣдствія.

Политико-экономы считаютъ, что отношенія между хозяевами и прислугой имѣютъ въ основѣ чисто-денежный принципъ: известное количество работы за известное жалованье; быть можетъ они правы съ своей точки зрењія, но философъ-моралистъ, государственный дѣятель и человѣкъ вообще должны были бы смотрѣть на эти отношенія, какъ на общественный союзъ, который налагаетъ на обѣ стороны известныя обязанности и требуетъ взаимнаго сочувствія и привязанности.

«Да,—сказаль однажды Сидней Смитъ объ одномъ весьма известномъ парламентскомъ ораторѣ,—онъ утилитаристъ по убѣжденію! Онъ такъ жестокъ, что вы могли бы проѣхать по немъ въ тяжело нагруженномъ экипажѣ и это не произвело бы на него никакого впечатлѣнія; а если-бы пробуравить въ немъ отверстія — то я увѣренъ, что изъ нихъ посыпались-бы опилки. Подобные люди смотрѣть на себѣ подобныхъ, какъ на бездушные механизмы: они, повидимому, не имѣютъ никакого понятія о душевныхъ потребностяхъ и сердечныхъ порывахъ».

Куда скрылась позь міра былая честность, вѣрность и доброта душевная? Все повидимому исчезло безслѣдно и свелось лишь къ чисто денежнымъ вопросамъ. Взаимное

уваженіе и довѣріе точно также разсвѣялось, какъ дымъ: «Человѣка, не уважающаго другихъ, никто въ свою очередь не уважаетъ»,—сказалъ Гербертъ. Тому, кто хотѣлъ бы запастись житейской мудростью и руководящимъ добрымъ началомъ, слѣдуетъ вернуться къ прежнимъ временамъ.

Мы нуждаемся не столько въ научномъ образованії, сколько въ воспитаніи нравственному, въ пріобрѣтеніи привычки къ размышленію, внимательному отношенію къ жизни и умѣнью добыть себѣ счастье, потому что никогда богатство не можетъ дать ничего, кроме удовольствій низшаго порядка. Бѣрнсь говоритъ: «Не титулы и чины, никакія сокровища лондонскаго банка не въ силахъ доставить намъ душевный миръ и спокойствіе; точно также ни знанія, ни ученость, ни сила разума не дадутъ намъ истиннаго счастья. Если счастье не находить себѣ приюта въ нашемъ собственномъ сердцѣ—мы можемъ быть умны, богаты и славны, только никакъ не счастливы».

Богатые люди нерѣдко бываютъ такъ-же несчастны, какъ и бѣдные. Богатый въ своей погонѣ за деньгами часто теряетъ мало-по-малу охоту бороться съ затрудненіями другого рода. Нажившиѣ себѣ богатство дѣловые люди сплошь да и рядомъ не знаютъ, что съ нимъ дѣлать? Всѣ свои способности и стремленія онъ убилъ лишь на жажду пріобрѣтенія: кругъ его удовольствій очень ограниченъ, потому что его умъ и сердце не развиты: онъ не находитъ удовольствія ни въ книгахъ, ни въ прогрессахъ науки и искусства, ни въ помощи бѣдному и страдающему человѣчеству. А между тѣмъ у него въ рукахъ волшебный источникъ—деньги: онъ можетъ утишить муки нищеты, обрадовать отчаявшееся сердце вдовы или сиротъ, накормить голоднаго, напоить жаждущаго. Но нѣтъ, онъ весь преданъ накопленнымъ деньгамъ и ему жаль разстаться съ ними, чтобы прийти на помощь угнетенному судьбой.

Чѣмъ скромнѣе и проще нашъ образъ жизни, чѣмъ

меньше мы стремимся къ наживѣ, тѣмъ мы счастливѣе, потому что отсутствіе эгоизма имѣеть способность искренять наши пороки, заглушать себялюбивыя желанія, укрѣплять наши душевныя силы и развивать высшія духовныя стремленія человѣческой натуры. «Чѣмъ меньше у человѣка потребностей, тѣмъ онъ ближе къ Богу»,—сказалъ Сократъ. Когда слуга Микель Анджело смертельно заболѣлъ, пожилой уже скульпторъ, не обращая вниманія на свои собственныя болѣзни, день и ночь ухаживалъ за нимъ. «Любезнѣйшій другъ,—писалъ онъ своему приятелю Васари,— мнѣ тяжело писать, но не хочу оставить тебя безъ отвѣта: Урбино, какъ тебѣ известно, умеръ. Смерть его была для меня въ одно и то-же время и облегченіемъ и тяжкимъ испытаніемъ: облегченіемъ потому, что Урбино, при жизни окружавшій меня своими неустанными заботами, подаль мнѣ своей смертью примѣръ, какъ надо умирать безъ сожалѣнія и даже съ радостью. Онъ прожилъ со мною цѣлыхъ двадцать шесть лѣтъ и ни разу не измѣнилъ себѣ: былъ добръ, кротокъ, уменъ и преданъ мнѣ—и вотъ въ то время, когда я надѣялся найти въ немъ опору своей старости, онъ меня покидаетъ, оставивъ мнѣ лишь надежду свидѣться съ нимъ въ лучшей жизни».

Пріобрѣвшій себѣ всеобщее уваженіе картезіанскій монахъ Діонисій такъ наставлялъ супружескія пары: «Поступайте со своими слугами такъ, какъ вы желали бы, чтобы съ вами обращались другіе, если бы вы служили у нихъ. Выказывать по отношенію къ своимъ слугамъ терпѣніе, дружелюбное чувство, кротость и справедливость вмѣняется въ обязанность каждого хозяина и хозяйки; не слѣдуетъ обходиться съ прислугой надменно и сурово; проступки слугъ должны быть прощаемы со всей христіанской снисходительностью, или же въ крайнемъ случаѣ хозяинъ долженъ ограничиться дружескимъ выговоромъ и принять все мѣры къ исправленію провинившагося слуги, не забывая ни на минуту, сколько проступковъ ежечасно

совершаемъ мы, слуги Всевышняго, и съ какимъ милосердіемъ терпить все это нашъ Господь и Отецъ».

Мы трудимся и боремся не за себя лишь однихъ, но должны заботиться, чтобы нашъ трудъ не оставался безъ пользы и для другихъ. Семейныя узы и привязанности, любовь къ ближнимъ и друзьямъ, гражданскія обязанности и т. п. основаны на болѣе благородныхъ принципахъ и доставляютъ человѣку болѣе нравственнаго удовлетворенія, чѣмъ всевозможные эгоистичные денежные расчеты. «Никто изъ людей, преданныхъ наживѣ, или свѣтскимъ удовольствіямъ, или погонѣ за славой, не можетъ въ то-же время быть настоящимъ другомъ человѣчества»,—говорить Эпиктетъ. «Быть другомъ человѣка,—сказалъ между тѣмъ св. Антоній,—значитъ дѣйствительно жить». Любовь къ ближнему—это всеобъемлющее доброе начало. Такая любовь, просвѣтленная человѣческимъ разумомъ, является единственной спасительницей угнетеннаго человѣчества. Любовь къ совершенству неразлучно связана съ глубокимъ отвращенiemъ ко всему, что недостойно и грязно. Фруаскаръ выразился о Гастонѣ де-Фуа, какъ о «человѣкѣ настолько прекрасномъ во всѣхъ отношеніяхъ, что нѣть достойныхъ похвалъ, которыя могли бы выразить все величие его души; онъ горячо любилъ все, достойное любви и пламенно ненавидѣлъ все, заслуживающее ненависть». «Добродѣтель,—сказалъ также блаженный Августинъ,—представляетъ не что иное, какъ любовь, направленную къ добру; она любитъ достойное и ненавидитъ отвратительное».

«Что такое воздержанность,—говорить другой духовный писатель,—какъ не духовная любовь, которую не можетъ сорвать съ пути никакое физическое удовлетвореніе? Что такое благоразуміе, какъ не любовь, которую не можетъ соблазнить никакое заблужденіе? Что такое мужество, какъ не любовь, терпѣливо переносящая всѣ испытанія? Что такое справедливость, какъ не любовь, которая словно

по волшебству сглаживаетъ всякое неравенство въ жизни міра?» Стоики тоже признавали глубокое вліяніе любви на судьбы міра. «Пока отсутствовала среди людей братская любовь,—говорить Сократъ,—много ужаснаго происходило въ мірѣ въ силу необходимости; когда же возродился этотъ Богъ—счастье сдѣлалось, наконецъ, доступнымъ для человѣка».

Доброта и сочувствіе являются свѣтомъ и тепломъ жизни и съ благодарностью отплачиваются тѣми, на кого обращены, съ такой готовностью, какой никогда нельзя купить ни за какія деньги. Сочувствіе является добрымъ геніемъ домашняго очага, оно служить прочной связью между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми, господами и слугами и только та семья, среди которой оно царить, можетъ достигнуть истиннаго счастья.

Сэръ Артуръ Гельпсъ, извѣстный англійскій мыслитель и писатель говоритъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ: «Когда ты видишь человѣка, съ каждымъ днемъ богатѣющаго или достигающаго все большей извѣстности или высокаго положенія—ты готовъ причислить его къ людямъ, которымъ покровительствуетъ удача. Но если его частная жизнь идетъ беспорядочно и нестройно, если въ его домашней обстановкѣ нѣтъ комфорта и порядка или связей, основанныхъ на глубокой привязанности всѣхъ членовъ семьи между собой, если его слуги вспоминаютъ свое пребываніе въ его домѣ не иначе, какъ съ горечью, то я позволю себѣ замѣтить что это человѣкъ несчастный, и весь его жизненный успѣхъ сводится къ пурпурѣ. Какія бы онъ ни одержалъ побѣды, одной важной крѣпости онъ во всякомъ случаѣ не въ силахъ быть взятъ. Можетъ быть разумъ его, подобно солнцу, разсыпалъ въ различные направления свои яркіе лучи, тѣмъ не менѣе одного всегда недоставало въ нихъ: источника любви, теплого гнѣзда, которое свивается въ самой глубинѣ человѣческаго сердца».

Описывая образъ жизни венеціанскихъ патриціевъ,

Карданъ, извѣстный ученый XVI вѣка, съ особеной любовью останавливается на ихъ ласковомъ и въ высшей степени гуманномъ обращеніи съ прислугой.

Ясно, насколько сочувствіе и любовь необходимы въ семье. «Первичной формой общественныхъ отношеній является бракъ, затѣмъ семья и наконецъ государство»,—говорить Цицеронъ. Отецъ, находящійся во главѣ семьи — монархъ и правитель, но власть должна основываться на любви и сочувствіи. Всякаго рода прогрессъ имѣть свое начало въ семье: изъ этого источника, чистаго или уже помутившагося, проистекаютъ принципы, двигающіе жизнью общества. Жанъ Поль Рихтеръ говоритъ: «Благороднѣйшею и самой чарующей способностью, какой только природа могла надѣлить женщину для счастья всего ея потомства— это ея способность любить горячо и беззавѣтно, а часто безъ взаимности. Ребенка осыпаютъ ласками, поцѣлуйми, заботами, окружаютъ его любовью и уходомъ—на все это онъ отвѣчаетъ въ началѣ жизни капризами и криками; требуя больше всѣхъ, онъ отплачиваетъ меныше всѣхъ. Тѣмъ не менѣе мать не перестаетъ любить своего ребенка, и любовь ея словно растетъ вмѣстѣ съ его неблагодарностью и беспомощностью. Чѣмъ слабѣе ребенокъ, тѣмъ горячѣй любовь къ нему матери, тогда какъ отецъ обыкновенно больше привязывается къ тому изъ дѣтей, который сильнѣе и здоровѣе».

На мужѣ лежитъ обязанность управлять домомъ, на женѣ и матери—заботиться о его внутреннемъ благосостояніи. Но если отецъ не умѣеть управлять семьей съ помощью доброты и самообладанія, а мать не научилась создать изъ нея пріютъ комфорта и спокойствія—супружество такихъ людей грозить обратиться въ постоянную войну. Одна женщина, съ которой мужъ собирался разводиться, сказала ему: «Верни мнѣ въ такомъ случаѣ то, что я тебѣ принесла».—Ты, разумѣется, получишь назадъ все свое состояніе,—сказалъ онъ ей. «Я говорю не о немъ,

—возразила лэди,—возврати ми ѹ красоту и молодость, дѣство моей души, надежды и веселость, истинное мое багатство!»

Если супруги стремятся добыть себѣ истинное счастье въ своемъ союзѣ, оба должны быть правдивы, скромны, полны сочувствія ко всему окружающему и любви къ своимъ дѣтямъ. Мужъ долженъ найти въ женѣ вѣрнаго друга своей души, а жена въ мужѣ—крѣпкую поддержку. Въ семейной жизни можетъ встрѣтиться людямъ много испытаній, но все они преодолѣваются самообладаніемъ и терпѣніемъ. «Терпѣніе характеризуетъ истинно мужествен-наго человѣка и служить лучшимъ укараженіемъ женщины, —говорить Тертулліанъ,—его любятъ въ ребенкѣ, одобряютъ въ юношѣ, и во всякомъ возрастѣ оно имѣть свою цѣну».

Донъ Антоніо Геварра, разговаривая съ однимъ вален-сійскимъ дворяниномъ объ обязанностяхъ супруга, сказалъ ему, что если онъ собирается доказать что-либо разсер-женному человѣку, то ему не достанетъ на это силы Самп-сона и мудрости Соломона. Вотъ почему слѣдуетъ быть выносливымъ и терпѣливымъ въ жизни; одна унція хоро-шаго расположенія духа стоитъ цѣлої тонны меланхоліи.

Лучшимъ приготовленіемъ и къ внѣшней, и къ внутрен-ней жизни и дѣятельности женщины является тщательное развитіе въ ней женственности. Невозможно подыскать вполнѣ точнаго опредѣленія этого слова: съ одной стороны оно подразумѣваетъ нѣкоторую слабость, необходимость въ какой-либо нравственной поддержкѣ, потребность вѣ-рить, любить и подчиняться, а съ другой стороны извѣстную душевную силу, которая даетъ женщинѣ способ-ность охранять, ободрять и поддерживать. Преданная жена съ сочувствіемъ относится къ занятіямъ мужа: она ободряетъ его, утѣшаетъ и помогаетъ ему по мѣрѣ силъ. Она радуется его успѣхамъ и всеми силами старается смягчить его горе. Великій физикъ Фарадей на семье-

сять второмъ году жизни писалъ своей женѣ, съ которой счастливо прожилъ много лѣтъ: «Я горю желаніемъ видѣть тебя, дорогая, поговорить съ тобою и припомнить вмѣсть все то добро, которое ты мнѣ сдѣлала. Голова моя и сердце такъ полны, но мои воспоминанія такъ много теряютъ безъ тебя, даже когда я сижу въ кругу своихъ друзей. Тебѣ придется вновь принять на себя прежнюю обязанность: быть опорой моей слабѣющей памяти, согрѣть меня счастьемъ и забвеньемъ всего тяжелаго».

Прекраснымъ образцомъ сочувствующаго и безкорыстно преданнаго сердца можетъ служить известный поэтъ и писатель Чарльзъ Ламбъ. Страшное событие имѣло рѣшающее влияніе на всю его жизнь: сестра поэта, Мэри Ламбъ, нанесла однажды своей матери въ припадкѣ бѣшенства смертельный ударъ въ сердце кухоннымъ ножомъ. Ей было тогда лѣтъ двадцать. Съ этой минуты Чарльзъ рѣшился посвятить себя всего своей несчастной дорогой сестрѣ и добровольно сдѣлался ея неразлучнымъ спутникомъ, отказавшись отъ всякой мысли о любви и женитьбѣ и приложивъ всѣ старанія, чтобы вырвать изъ своего сердца единственный дорогой ему когда-то образъ.

По выходѣ изъ дома умалишенныхъ Мэри Ламбъ принялась за литературную дѣятельность. Газлитъ отзыvается о ней, какъ о самой благоразумной и высокообразованной девушки, какую онъ когда либо зналъ, хотя припадки бѣшенства и возвращались къ ней въ теченіе всей ея жизни. Когда она чувствовала наступленіе припадка, Чарльзъ заботливъ отводилъ ее въ психіатрическую больницу. Когда временное безуміе проходило, Мэри возвращалась къ брату, который съ восторгомъ привѣтствовалъ ее и съ заботливой нѣжностью обходился съ нею. Эта трогательная дружба брата и сестры сохранилась неизмѣнной въ продолженіе цѣлыхъ сорока лѣтъ и омрачалась только болѣзнью Мэри. Такимъ образомъ Чарльзъ благородно и мужественно исполнилъ свой долгъ.

Сочувствие къ ближнему часто проявляется въ горячемъ стремлениі спасти жизнь тѣхъ, которые находятся въ опасности. Мы уже привели не мало примѣровъ такого рода сочувствія. Припомнимъ здѣсь еще одинъ. Однажды лэди Уатсонъ собирала на берегу моря раковины для своей коллекціи. Поднявъ голову, она увидѣла вдали на рифѣ человѣка, окруженного со всѣхъ сторонъ водою. Она рѣшила спасти его. Приливъ быстро надвигался, и волны яростно катились къ берегу; казалось, спасти несчастнаго было невозможно. Тѣмъ не менѣе, лэди Уатсонъ предложила щедрую награду тому изъ лодочниковъ, который согласится подойти къ скалѣ. Сначала лодочники колебались, затѣмъ одинъ изъ нихъ отчалилъ и благополучно добрался до скалы и спасъ незнакомца, который, повидимому, уже изнемогаль, усиливаясь удержаться на скалѣ. Его доставили на берегъ. Каково было изумленіе лэди Уатсонъ, когда въ спасенномъ по ея настоятельнымъ просьбамъ незнакомцѣ она узнала собственнаго мужа!

Часто одно сказанное во - время слово неизгладимо-глубоко западаетъ въ душу человѣка: приходскій священникъ Ольней, другъ Купера, принадлежалъ къ числу людей, бесѣда которыхъ оказывала самое благотворное влияніе на всѣхъ, кто имѣлъ случай пользоваться ею.

«Одно воспоминаніе о милой женщінѣ спасло меня отъ безчисленныхъ искушеній, — писалъ одинъ путешественникъ, пробывшій нѣкоторое время среди полудикаго народа, гдѣ вель самыи необузданный образъ жизни.—Никто изъ моихъ родныхъ не зналъ ее: она умерла до моего переселенія на чужбину. Но любовь къ ней осталась жить въ моемъ сердцѣ; не разъ приходилось мнѣ въ жизни сталкиваться съ такими препятствіями, преодолѣть которыя я бы не въ силахъ, если бы не память о ней. Ни на минуту не приходило мнѣ въ голову, что я лишился ея любви, а потому, не желая быть недостойнымъ ея, я никогда не рѣшался ходить въ такія мѣста, куда

не могъ-бы повести ее съ собою, если бы она была жива. И когда мнѣ бывало скучно безъ товарищѣй, вмѣсто того, чтобы применить къ ихъ веселой компаніи, я вспоминаль о ней и находилъ поддержку въ мысли, что это дѣлается ради нея».

Слѣдующій примѣръ, приведенный однажды Робертомъ Коллейеромъ въ одной изъ его проповѣдей, произнесенныхъ имъ въ бытность его пааторомъ въ Нью-Йоркѣ, доказываетъ намъ, наоборотъ, насколько можетъ очертѣть сердце человѣка, незнакомаго и съ тѣнью сочувствія. Родина мистера Коллейера — Кейглей, но большую часть своей молодости онъ провелъ въ Ильклѣй, гдѣ учился кузничному ремеслу у кузнѣца Джека Бирча. Затѣмъ онъ промыгаялъ молотъ на должность проповѣдника у методистовъ. Переселившись въ Америку, онъ продолжалъ произносить свои необыкновенно живыя и поэтичныя проповѣди, отличавшіяся глубокой опытностью и знаніемъ человѣческаго сердца.

«Помню я,—говорилъ онъ,—какъ однажды, лѣтъ около тридцати тому назадъ, во время одного изъ нашихъ братскихъ собраній въ церкви методистовъ въ Англіи, одинъ изъ членовъ общинѣ разсказалъ, какъ онъ лишился сначала своей жены, а потомъ и всѣхъ своихъ дѣтей, умершихъ одинъ за другимъ отъ лихорадки, и какъ онъ во время всѣхъ этихъ испытаній сумѣлъ сохранить ясность души, чувствуя себя какъ бы закованнымъ въ ризу божественной благодати, и спокойствіе это не покидало его и въ ту минуту, когда онъ говорилъ съ нами. Тогда старый, всѣми уважаемый проповѣдникъ обратился къ нему и сказалъ: «Братъ, иди теперь въ свое жилище, пади на колѣни передъ Господомъ и не вставай до тѣхъ поръ, пока не почувствуешь въ себѣ новаго лучшаго человѣка. Изъ твоего разсказа видна только черствость твоего сердца, а вовсе не осѣнявшая тебя Божія благодать. Никогда религія не лишаетъ человѣка его способности глубоко чувство-

вать, напротивъ, она способствуетъ развитію человѣчности и чувства, и если бы въ тебѣ дѣйствительно билось человѣческое сердце, то понесенные тобою потери нанесли бы ему неизлѣчимую рану. Такъ чувствовалъ бы я и такъ какъ я не имѣю смѣлости считать себя болѣе безгрѣшнымъ, чѣмъ другіе, то и нахожу нужнымъ предупредить тебя: не смущай впередъ подобными рассказами нашихъ собраній, въ основу которыхъ положено столько братской любви».

Глубокое впечатлѣніе производитъ также другая поучительная исторія изъ «Собранія проповѣдей» Коллейера, свидѣтельствующая наоборотъ о высокомъ развитіи благородного чувства. Однажды въ морозный зимний день въ Эдинбургѣ два джентльмена стояли у дверей какого-то отеля, когда къ нимъ подошелъ маленький босоногій мальчикъ, еле прикрытый грязными лохмотьями и принялся просить ихъ купить у него спичекъ: «Вѣдь онѣ стоять всего одинъ пенни коробочка», —убѣждалъ крошка.—Прекрасно, только намъ ихъ не надо.—«Я отдамъ вамъ двѣ коробочки за одинъ пенни!»—Тогда, чтобы отвязаться отъ него,—рассказывается одинъ изъ двухъ джентльменовъ, напечатавшій разсказъ обѣ этомъ случаѣ въ одной изъ англійскихъ ежедневныхъ газетъ,—я рѣшилъ купить у него коробочку, но увидѣлъ, что у меня нѣтъ мелкихъ денегъ. «Я куплю у тебя завтра», —сказалъ я ему въ утѣшеніе. О, нѣтъ, сэръ, купите сегодня; я сбѣгаю, размѣняю вашъ деньги. Купите, я, право, такъ голоденъ.—Я далъ ему шиллингъ, и онъ побѣжалъ мнѣять его. Я долго ждалъ ребенка, но онъ не возвращался. Я рѣшилъ, что мои деньги пропали и махнулъ на нихъ рукой, хотя мнѣ и грустно было думать, что мальчикъ такъ обманулъ меня: въ его лицѣ было что-то располагающее и внушавшее довѣріе къ себѣ.

«Поздно вечеромъ слуга доложилъ мнѣ, что меня хотѣть видѣть какой-то маленький мальчикъ. Когда ребенокъ

шошелъ въ комнату, я сразу замѣтилъ удивительное сходство его съ мальчуганомъ, унесшимъ мой шиллингъ: оказалось, что это былъ его младшій братъ, еще болѣе оборванный, жалкій и блѣдный. «Вы джентльменъ, купившій у Санди спички?»—спросилъ онъ, пошаривъ предварительно въ своихъ лохмотьяхъ. «Да». «Получите четыре пенса сдачи; Санди не могъ самъ прийти сюда, онъ лежитъ; на него наѣхала телѣга и сбила его съ ногъ; онъ потерялъ свою фуражку, спички и одиннадцать пенсовъ съ вашего шиллинга; обѣ ноги его сломаны, и докторъ объявилъ, что онъ умретъ. Вотъ почему онъ не можетъ отдать вамъ всѣхъ вашихъ денегъ, онъ прислалъ все, что у него осталось». И мальчикъ, положивъ на столъ четыре пенса, зарыдалъ. Я покормилъ мальчика и мы отправились вмѣстѣ навѣщать Санди.

По дорогѣ я узналъ, что мальчики сироты и живутъ со злой и пьяной мачихой. Я засталъ Санди распостертымъ на кучѣ стружекъ и тряпокъ; онъ тотчасъ же узналъ меня и сказалъ: «Я размѣнялъ вашъ шиллингъ, сэръ, и торопился назадъ, когда на меня наѣхала телѣга; у меня сломаны обѣ ноги. А, бѣдняжка Вилли! Я навѣрно умру, кто будетъ заботиться о тебѣ, Вилли? Что станется съ тобой безъ меня?» Я взялъ за руку маленькаго страдальца и сказалъ ему, что не оставлю Вилли. Онъ довѣрчиво посмотрѣлъ на меня, словно хотѣлъ поблагодарить, но уже не могъ произнести ни слова. Голубые глазки помутились, онъ лежалъ неподвижно, жизнь отлетѣла отъ него.

Сочувствіе является лучшимъ украшеніемъ человѣчества. Вѣздѣ, гдѣ поселяются бѣдствія, обиды, невѣжество и нищета, сочувствіе протягиваетъ руку помощи и старается утѣшить и смягчить горе; слухъ его ловить каждый стонъ, а взглядъ видѣть каждую слезу и оно не успокоится, пока не осушить ея. Какъ много великихъ дѣлъ осуществилось съ помощью сочувствія! Вспомнимъ объ

уничтоженій рабства въ Англіи, Франції и Америкѣ, о распространеніи образованія въ народныхъ массахъ, о распространеніи воскресныхъ школъ, о благородной дѣятельности обществъ трезвости, о той помощи, которую оказали мужчины и женщины высшихъ сословій униженнымъ и падшимъ. Все это осуществилось лишь въ силу сочувствія.

Кромѣ этихъ благихъ начинаній широкое поле дѣятельности открыто для каждого, кто желалъ бы облегчить своимъ сочувствіемъ долю бѣдняка. Любящій Бога любить также всѣхъ своихъ ближнихъ безъ различія, богатыхъ и бѣдныхъ, и старается выказать имъ свое состраданіе на дѣлѣ. «Человѣкъ справедливый, — говоритъ Массильонъ, — не можетъ обращать вниманія на вздорные людскіе толки и самъ управляетъ всѣми событиями жизни. Все подчинено ему, самъ же онъ подчиненъ одному Богу».

«Что бы ни говорили объ ошибкахъ и заблужденіяхъ христіанскаго рвения, — пишетъ докторъ Мартино, — среди многихъ доктринъ, казавшихся людямъ болѣе рациональными, нѣть ни одного ученія, принесшаго человѣчеству хоть половину той пользы, которая открылась ему въ христіанствѣ. Еслибы не было церкви — гдѣ возникли бы школы? Если бы не миссіонеры, терпѣвшіе столько поражений и неудачь, смѣло идя къ своей цѣли, гдѣ находились бы въ настоящее время передовые пункты цивилизаціи, столько послужившіе уничтоженію первобытнаго варварства? Конечно, служители Христа не разъ стремились проводить въ жизнь не совсѣмъ можетъ быть рациональные идеи, но какое же ученіе, скажите мнѣ, развивало болѣе мудрыя понятія? Они, можетъ быть, излишне много говорили о презрѣніи къ земной жизни, но они-же и старались всѣми силами, по возможности, облегчить ее. Религія совершаеть полнѣйшее преобразованіе, проникая въ бѣдную семью: уменьшаются печали и недуги, исчезаетъ убожество обстановки, прекращаются ссоры и тяжелыя

минуты переживаются болѣе бодро, тупое отчаяніе замѣняется покорностью волѣ Божіей и надеждой на лучшее будущее».

«Даже бѣднѣйшій изъ бѣдняковъ, — говорить Вордсвортъ, — стремится оказать своему ближнему хоть какое-либо благодѣяніе». Жалкій сапожникъ первый основалъ школу для оборванцевъ въ Портсмутѣ. Докторъ Гутри сказалъ объ этомъ человѣкѣ: «Джонъ Паундсъ достоенъ самаго высокаго памятника, какіе когда-либо воздвигались въ Англіи: это одинъ изъ тѣхъ людей, которыми по праву гордится человѣчество». Англійскія воскресныя школы возникли по почину простого типографщика въ Глостерѣ, а ньюкастльскій башмачникъ положилъ начало миссіонерства въ Индію.

Бѣдняки лучше знакомы съ нуждами и печалями такихъ же бѣдняковъ, чѣмъ богатые. Жизнь человѣка богатаго слишкомъ разнится отъ жизни бѣдняка, слишкомъ многое препятствуетъ ихъ сближенію. Бѣдные люди вращаются обыкновенно въ кругу такихъ же бѣдняковъ, какъ они сами, они не могутъ не имѣть дѣла съ людьми грубыми и необразованными. На дѣтей въ бѣдныхъ семьяхъ смотрятъ только какъ на лишніе рты, въ силу чего имъ раньше времени приходится сталкиваться съ суровой дѣйствительностью. Для людей высшихъ классовъ бѣдняки представляются какъ-бы жителями невѣдомыхъ странъ.

Вотъ почему только бѣдные люди умѣютъ съ настоящимъ и глубокимъ сочувствіемъ относиться къ такимъ-же бѣднякамъ, какъ они сами; они понимаютъ насколько нуждаются въ такомъ участіи страдающіе братья. Чтобы ни говорили о милосердіи и щедрости богачей, никогда ни то, ни другое не достигаетъ тѣхъ размѣровъ, въ какихъ оказываются другъ другу поддержку бѣдняки. Въ тяжелыя минуты болѣзней, горя и неудачъ бѣдняки оказываются своимъ ближнимъ такую дѣятельную помощь, о какой и не снилось людямъ, поставленнымъ въ болѣе благо-

пріятнія уловії. Неустанно трудясь за самое скудное вознаграждение, они никогда не отказываются помочь товарищу въ случаѣ нужды или какого-либо несчастья: въ этой средѣ никогда не ощущается недостатка въ дружеской рукѣ, которая поправить подушку бѣдняку и оказать ему массу другихъ маленькихъ благодѣтельныхъ услугъ, столь дорогихъ для больного и помогающихъ ему терпѣливо переносить его страданія. Въ этомъ отношеніи простыя женщины незамѣнимы и готовы на всякое самоотверженіе; онѣ спокойно идутъ на всевозможныя опасности, до добровольного принесенія въ жертву собственной жизни, безропотно переносятъ нужды и лишенія, выказываютъ безграничное добродушіе и терпѣніе, и все это въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какихъ свѣтскіе люди и не подозрѣваютъ; а если-бы узнали, то можетъ быть не повѣрили-бы подобному самоотречению.

За послѣднее время громкую извѣстность снискала себѣ дѣятельность Роберта Рекса, а потому мы ограничимся лишь краткимъ очеркомъ его начинаній. Воскресные школы возникли задолго до его смерти. Выше мы упоминали о воскресной школѣ кардинала Барромео, которая насчитываетъ четыреста лѣтъ своего существованія. Въ Англіи воскресныя школы учреждены были много позднѣе. Нѣкто Вильямъ Кингъ, чесальщикъ на шерстяной фабрикѣ въ Дорслеѣ, основавшій тамъ-же воскресную школу (не имѣвшую, однако, успѣха, вслѣдствіе равнодушнаго къ ней отношенія общества), первый подалъ Роберту Рексу мысль о воскресныхъ школахъ.

Бродя однажды по одному изъ наиболѣе заброшенныхъ и грязныхъ кварталовъ Глостера, Кингъ и Рексъ увидѣли тутъ нѣсколько группъ оборванныхъ и неумытыхъ дѣтей, игравшихъ среди улицы. «Жалко смотрѣть на этихъ бѣдняжекъ, оскверняющихъ шумомъ и крикомъ воскресный день!» — воскликнулъ Кингъ. «Что правда—то правда, но какъ этому помочь?» — возразилъ Рексъ. «Откройте воскрес-

сную школу, мистеръ, какъ это сдѣлалъ я въ Дорслеѣ: къ сожалѣнію я слишкомъ занятъ, да и старъ къ тому же, мнѣ пора на отдыхъ».

Вскорѣ послѣ этого разговора Рексъ посѣтилъ глостерскую тюрьму, гдѣ познакомился съ молодымъ преступникомъ, приговореннымъ къ смерти за кражу со взломомъ. Разговорившись съ нимъ, Рексъ узналъ, что этотъ человѣкъ не получилъ ровно никакого образованія, имя Бога употреблялъ лишь въ качествѣ клятвы и не имѣлъ никакого понятія о существованіи загробной жизни. Свиданіе съ этимъ несчастнымъ произвело глубокое впечатлѣніе на Рекса. Онъ зналъ, что масса дѣтей, жившихъ въ окрестности города, не получали никакого образованія. Неудивительно, что многие попадали на путь преступленій.

Рексъ основалъ тогда воскресную школу: ему удалось пріобрѣсти расположение маленькихъ бродяжекъ, какъ онъ ласкательно называлъ ихъ, и обучить ихъ грамотѣ и катехизису, а также внушить имъ понятіе о порядкѣ. Въ 1783 году Рексъ устроилъ цѣлыхъ четыре школы, платя по шиллингу за каждое воскресеніе занимавшимся въ нихъ учителямъ. Каждое воскресеніе послѣ полудня въ эти школы заходилъ приходскій священникъ и слѣдилъ за успѣхами учениковъ. Школы Рекса обладали однимъ самымъ драгоценнымъ свойствомъ: искренней любовью къ дѣтямъ со стороны учащихъ.

Спустя почти тридцать лѣтъ послѣ основанія Рексомъ первыхъ воскресныхъ школъ, его посѣтилъ молодой квакеръ, Джозефъ Лавкастеръ, съ помощью энергіи котораго основано было общество, известное впослѣдствіи подъ именемъ «Британского и иностранного школьнаго общества», поставившаго себѣ цѣлью предоставлять ежедневное обученіе дѣтямъ бѣдняковъ. Опираясь на руку своего посѣтителя, явившагося къ нему за советами, Рексъ, которому было въ то время уже 72 года, повелъ его въ глухую улицу, гдѣ была основана первая воскресная школа. «По-

дожди, минутку», — сказалъ старикъ и, обнаживъ голову, произнесъ безмолвную молитву и затѣмъ, обернувшись къ Ланкастеру, сказалъ ему со слезами на глазахъ: «Съ этого мѣста я смотрѣль когда-то на заброшенныхъ дѣтей, осквернившихъ воскресеніе своими шалостями. Когда я задавалъ себѣ вопросъ, нельзя-ли чѣмъ-нибудь помочь бѣдѣ, — внутренній голосъ сказалъ мнѣ: «попытайся». И Богъ помогъ мнѣ совершить. Я никогда не могу пройти здѣсь, гдѣ слово «попытайся» такъ властно зажгло мою душу, не произнесъ благодарности Создателю, вложившему мнѣ въ сердце благостную мысль».

Такъ какъ Ланкастеръ зналъ, что Рексъ въ теченіе многихъ лѣтъ посѣщалъ мѣстныя тюрьмы и следовательно имѣлъ полную возможность освѣдомляться, не попалъ-ли на преступный путь который-нибудь изъ трехъ тысячъ дѣтей, надъ воспитаніемъ которыхъ онъ такъ много потрудился, — квакеръ спросилъ объ этомъ стараго джентельмена. Рексъ подумалъ немножко и затѣмъ съ радостной улыбкой отвѣтилъ: «Нѣтъ, ни одинъ изъ нихъ не сдѣлался преступникомъ!»

Мэри-Анна Клофъ, работница на фабрикѣ въ Гласго занимала въ обществѣ еще болѣе скромное положеніе, чѣмъ Робертъ Рексъ. Она была работницей на шерстяной фабрикѣ, тогда какъ онъ былъ журналистомъ. Тѣмъ не менѣе она сумѣла потрудиться въ пользу исцѣленія нравственныхъ язвъ общества. Ее побудило къ этому не образованіе, но простое женское сочувствіе. Окончивъ вечеромъ свою работу, она принималась за свою благотворительную дѣятельность. Она знакома была съ жизнью массы бѣдныхъ мальчиковъ — рабочихъ на литейныхъ заводахъ, о которыхъ, повидимому, никто не заботился, которыхъ никто не удерживалъ отъ порока. Почувствовавъ состраданіе къ нимъ, бѣдная работница сказала въ душѣ: «Попытайся обратить на путь истины и научить ихъ вѣрѣ въ Бога».

Задавшись этой благородной цѣлью, она немедленно приступила къ ея выполненію. Она выхлопотала себѣ разрѣшеніе занять комнату въ нижнемъ этажѣ той фабрики, на которой она работала. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней въ іюнѣ 1862 года, она собрала вокругъ себя множество заводскихъ мальчиковъ въ лохмотьяхъ и неумытыхъ: вскорѣ она отыскивала ихъ все больше и больше, приводила ихъ къ себѣ съ заднихъ дворовъ, гдѣ они проводили обыкновенно праздники, куря табакъ или предаваясь грубому и шумному веселью, учила ихъ читать, писать, пріучала къ порядку, дисциплинѣ и опрятности и внушала имъ понятія о правдѣ и Богѣ.

Заботы Мэри-Анны о заброшенныхъ дѣтяхъ не ограничивались одними воскресеньями. Едва окончивъ свой поденный трудъ, она отправлялась навѣщать своихъ мальчиковъ въ ихъ семьяхъ, если только возможно назвать семьюю ту среду, которая ютилась въ сырыхъ и грязныхъ подвалахъ. Она хорошо знала печальную исторію каждого изъ нихъ, ихъ лишенія и горькую участъ; съ помощью своей сердечной доброты, самоотверженія и такта она пріобрѣла надъ ними самое благотворное вліяніе, которое привело вскорѣ къ самымъ благопріятнымъ результатамъ. Мальчики—ея ученики скоро настолько выдѣлились изъ среды другихъ мальчиковъ, ихъ бывшихъ товарищей, своимъ прилежаніемъ, хорошимъ поведеніемъ и трудолюбіемъ, что на нихъ указывали, какъ на образцы, достойные подражанія. Мэри-Аннины мальчики всегда стояли на лучшемъ счету.

«Грустно думать,—сказалъ докторъ Гутри,—что многие, обладающіе въ десять разъ большими деньгами, большимъ запасомъ времени, большимъ образованіемъ, а слѣдовательно и большимъ вліяніемъ, не пожелали сдѣлать и десятой доли добра, совершенного одной бѣдной и темной работницей. Если-бы кто-нибудь изъ насть имѣлъ право привести въ свое оправданіе известныя слова: «Развѣ я сторожъ брату моему?»—то больше чѣмъ кто-либо имѣла

возможность произнести ихъ та, которая съ трудомъ про-
кармливала самое себя; начиная свой день съ первого
фабричного звонка и трудясь въ продолженіе многихъ ча-
совъ, когда большая половина свѣтскихъ людей еще наслы-
жалась сладкимъ сномъ. Между тѣмъ сколько позднихъ
вечернихъ часовъ отдавала она подвигамъ высокой хри-
стіанской любви, направляя на путь истины павшаго и
собственными руками залѣчивая нравственныя раны чело-
вѣчества».

Въ продолженіе трехъ лѣтъ трудилась Мэри-Анна Клофъ
на пользу ближняго, пока болѣзнь не заставила ее пере-
дать другимъ излюбленную ею дѣятельность. Но сѣмя,
брощенное ею, пустило корни и принесло богатую жатву.
Въ 1865 году основано было Гласговское религіозное обще-
ство заводскихъ мальчиковъ. За шесть лѣтъ въ спискахъ
его членовъ поименовано было свыше 14 тысячъ мальчи-
ковъ и дѣвочекъ, при которыхъ состояли надзирателями и
учителями тысяча пятьсотъ человѣкъ. Около трехсотъ
дженртльменовъ выразили желаніе читать молодымъ лю-
дямъ религіозныя лекціи въ разныхъ частяхъ города. Основ-
нымъ принципомъ общества принято было распростране-
ніе трезвости. Были учреждены копѣчные банки и сбере-
гательные кассы. Имѣя въ виду учрежденіе разумныхъ
развлеченій, общество составило нѣсколько религіозныхъ
хоровъ и по субботамъ устраивало музыкальные вечера.
Словомъ, приняты всѣ мѣры, съ помощью которыхъ можно
вызвать рабочее юношество изъ его порочной и невѣже-
ственной обстановки.

Лѣтомъ мальчики и дѣвочки обыкновенно отправляются
куда-нибудь за городъ на каникулы. Большею частью они
проводятъ это время въ Инверари, въ паркѣ герцога Ар-
гайлльскаго, почетнаго предсѣдателя Гласговского общества.
Польза, принесенная обществомъ, громадна: остается по-
желать, чтобы оно нашло себѣ возможно больше подра-
жанія во всѣхъ многолюдныхъ центрахъ. А между тѣмъ

подобные общества возникли въ настоящее время лишь въ нѣкоторыхъ городахъ Шотландіи. Другіе-же, густо населенные города съверной Англіи, не спѣшатъ устраивать у себя подобныя Глафговскому обществу учрежденія, хотя нѣтъ надобности высказывать, какія благодѣянія могли-бы оказать они въ этихъ мѣстностяхъ.

ГЛАВА XI.

ЧЕЛОВЪКОЛЮБІЕ.

Если хочешь быть другомъ Господа — любъ, изѣбся и служи своимъ ближнимъ.

Михаэль Солтинг.

Кроткое милосердіе—истинная отъцітельная песьть благородства.

Шекспиръ.

Какъ много стоновъ, не находящихъ себѣ отвѣта, вырывается изъ груди умирающихъ. Какъ много воплей вдовъ и сиротъ не доходить до нашего слуха. Какъ много слезъ, тѣлья много душъ, омраченныхъ тленными горемъ, мы не видимъ. Жестокій деспотизмъ находитъ себѣ поддержку, рука хищника укрѣпляется и тысячи людей, которые никогда не сделали намъ ничего дурнаго, страдаютъ отъ злого рабства.

Джонз Вульманъ, маскерь.

Люди неохотно отказываются обыкновенно отъ убѣжденія въ необходимости физической силы, примѣненной для руководства, исправленія и воспитанія ближняго. Въ самомъ дѣлѣ сила представляетъ нѣчто осваемое и безъ особыхъ размышеній направляетъ, куда хочетъ, то, что ей подвластно. Это самая краткая логика варваровъ, среди которыхъ первенство принадлежитъ тому, чья рука стрѣляетъ болѣе мѣтко и сильно.

Даже цивилизованные народы не могутъ еще освободиться отъ своей вѣры во всемогущество силы. Давно-ли люди самыхъ честныхъ принциповъ прибѣгали къ дуэли, какъ къ вѣрнѣйшему способу покончить со всѣми недоразумѣніями? И правительства точно также прибѣгаютъ обык-

новенно къ оружію, какъ къ самому вѣрному средству, наиболѣе рѣшительному въ различныхъ спорахъ по поводу территоріальныхъ вопросовъ или международныхъ конвенцій. Убѣжденіе въ неотразимости силы до такой степени вкоренилось въ насъ полученнымъ нами образованіемъ, исторія такъ тѣсно связываетъ понятіе о войнѣ съ понятіемъ о чести, славѣ, военныхъ подвигахъ и другихъ всевозможныхъ доблестяхъ, что мы не въ силахъ допустить возможности уберечь государственный и общественный строй отъ окончательного распаденія безъ примѣненія насильтственныхъ мѣръ, на основаніи одного человѣколябія и справедливости.

Несмотря, однако, на все это, сомнѣнія въ благотворности политики, основанной исключительно на насильтственныхъ мѣрахъ, стали за послѣднее время возникать все чаще и чаще: приходить къ тому выводу, что сила скорѣе вызываетъ сопротивленіе, чѣмъ подавляетъ его, порождаетъ духъ возмущенія, проявляющійся время отъ времени въ ненависти, кровопролитіяхъ и преступленіяхъ, доказательствомъ чemu можетъ служить едва-ли не каждый листъ исторіи человѣчества.

Становимся-ли мы умнѣе, благодаря этой опытности? Начинаемъ-ли мы дѣйствительно искренне проникаться убѣжденіемъ, что, имѣя въ виду исправленіе людей, мы должны прибѣгать къ иной мудрѣйшей и благотворной нравственной силѣ—кротости? Вѣдь милосердіе еще никогда не вызывало въ отвѣтъ ни тайного, ни явного противодѣйствія, никогда не развивало въ людяхъ порочныхъ наклонностей, а напротивъ по мѣрѣ силь облагораживало ихъ. Только сила любви обладаетъ способностью перевоспитывать въ самомъ благотворномъ направленіи тѣхъ, кто подпадаетъ подъ ея вліяніе, сдерживать дурныя стремленія и порывы злобы и смягчать самое строптивое сердце. Доброта беретъ верхъ надъ всяkimъ зломъ и придаетъ крѣпость добру. И во взаимныхъ отношеніяхъ націй она играетъ

ту же роль. Исторія достаточно учить нась, что она не разъ уже смягчала въковую вражду между отдельными сословіями и провинціями—стоитъ принять ее за основной принципъ международныхъ сношений, и война между отдельными націями отойдетъ въ область преданій. Подобная идея въ настоящее время можетъ показаться несбыточной мечтою, но будущія поколѣнія, надо надѣяться, доживутъ до сознанія, что всякая война является преступлениемъ и грѣхомъ.

Извѣстный американскій философъ Эмерсонъ говоритъ, что «любовь придала бы новый обликъ этому старому истрепавшемуся свѣту; сердце согрѣлось бы при видѣ того, какъ мгновенно всѣ интриги честолюбивой дипломатіи, арміи и флоты, форты и крѣпости замѣнились бы этими безоружнымъ ребенкомъ. Любовь прокрадывается туда, куда ее не пускаютъ открыто и, соединяя въ себѣ и опору, и власть и двигательную силу, совершилъ самимъ незамѣтнымъ образомъ то, что не по плечу насилию. Случалось ли вамъ замѣтить осенью въ лѣсу маленький грибокъ, растеніе, похожее на мягкую студенистую массу, который своимъ упорнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтнымъ давленіемъ достигаетъ мало-по-малу того, что пробиваетъ мерзлую почву и одѣваетъ въ концѣ-концовъ свою головку твердымъ покровомъ? Вотъ готовая эмблема силы любви. Эта сила позабыта людьми и кажется устарѣлой; между тѣмъ, когда ее примѣняли въ жизни человѣчества, она приводила къ самимъ блестящимъ результатамъ. Наше ветхое христіанство является единственнымъ, что сохранило еще понятіе о человѣколюбїѣ. Но придетъ время, когда эта любовь охватитъ всѣ людскія сердца и всѣ мировыя страданья растаютъ въ лучахъ всемирнаго солнечнаго сиянія.

Въ прошлые вѣка принципъ силы самимъ возмутительнымъ образомъ примѣнялся ко всѣмъ преступникамъ, умалищеннымъ и прокаженнымъ. Сумасшедшіе нерѣдко

заковывались въ цѣлѣ, какъ дикие звѣри, прокаженные изгнались за городскую черту и влачили жалкое существованіе въ уединеніи, вполнѣ разобщенные съ остальными людьми *).

Приговоренныхъ къ наказанію на галерахъ заставляли до тѣхъ поръ работать веслами, пока они не падали отъ изнеможенія, умирая въ страшныхъ страданіяхъ. Безъ разбора пола и возраста преступники скучивались въ общихъ тюрьмахъ, которыхъ превращались такимъ образомъ въ притоны ужасающаго разврата. Четыре столѣтія тому назадъ преступниковъ отдавали флорентійскимъ врачамъ для произведенія надъ ними вивисекціи.

Къ благороднѣйшимъ друзьямъ человѣчества принадлежалъ св. Винцентъ де-Поль. Отецъ его, лангедокскій фермеръ, готовилъ его въ священники, съ трудомъ содержавъ его въ коллегіи въ Тулузѣ. Позднѣе одинъ изъ родственниковъ оставилъ юношѣ наслѣдство, за полученіемъ кото-

*) Послѣдними, написанными для печати, словами Гейне—была съѣдующая трогательная исторія: «Въ 1480 году, какъ сообщаетъ лимбургская хроника, всѣ напѣвали и наспѣштивали пѣсни, очаровательный которыхъ еще не создавалось въ Германіи. Старики и молодежь, а въ особенности женщины съ ума сходили по этимъ пѣснямъ. На бѣду ихъ авторъ, юный клеркъ, былъ одержимъ проказою и, какъ всѣ несчастные прокаженные, изгнанъ былъ изъ общества. Всѣ, одержимые этой неизлѣчимой болѣзнью, скитались по землѣ, словно живые мертвцы, герметически закутанные съ головы до ногъ, съ лицомъ, закрытымъ капюшономъ, и держа въ рукѣ такъ называемую «Лазареву трещотку», которой они возвѣщали о своемъ приближеніи, чтобы здоровые могли успѣть скрыться. Такъ и этотъ клеркъ бродилъ печальный и угрюмый въ то время, какъ веселая поэтическая Германія наспѣштила его гармоничныя пѣсни... Часто въ чаду моихъ тяжелыхъ сонныхъ грезъ мнѣ видится бѣдный пѣвецъ лимбургской хроники, братъ мой по Парнасу, и его глубоко печальный взоръ, неподвижный и пристальный, устремляется на меня изъ подъ черного капюшона; и во мгновеніе ока, онъ опять скрывается съ глазъ моихъ и только, словно далекое эхо, въ смутномъ сновидѣніи до слуха моего доходитъ, замирая въ отдаленіи, отрывистый звукъ Лазаревой трещотки».

раго св. Винцентъ отправился моремъ въ Марсель. На обратномъ пути весь экипажъ его корабля попалъ въ руки морскихъ разбойниковъ, а самъ св. Винцентъ былъ раненъ стрѣлою въ схваткѣ, а когда поправился, то его вмѣстѣ съ другими пассажирами и экипажемъ заковали въ цѣпи и отвезли въ Тунисъ, гдѣ онъ принужденъ былъ работать на галерахъ. Благодаря тому, что онъ не переносилъ моря, его продали одному мавританскому врачу, а когда тотъ умеръ, перепродали одному фермеру, уроженцу Ниццы. Св. Винцентъ обратилъ своего нового хозяина въ христіанство, и оба рѣшили бѣжать во Францію, что и выполнили съ успѣхомъ.

Затѣмъ св. Винцентъ вступилъ въ братство, назначение которого было уходъ въ госпиталяхъ за больными. Впослѣдствіи случай привелъ его въ семью графа де-Жуаны, инспектора сосланныхъ на галеры преступниковъ, при дѣтяхъ которого онъ находился въ качествѣ воспитателя. Здѣсь молодому священнику пришлось близко познакомиться съ ужасной судьбой людей, прикованныхъ цѣпями къ гребной галерѣ, на которой они работали. Св. Винцентъ посвятилъ себя всецѣло стремленіямъ доставить возможное облегченіе несчастнымъ, узнавъ о чёмъ Людовикъ XIII назначилъ его главнымъ священникомъ при каторжныхъ. Легенда сообщаетъ, что, проникнутый глубокимъ сожалѣніемъ къ бѣднягамъ, св. Винцентъ даже помѣнялся однажды мѣстомъ съ однимъ ссыльнымъ и ходилъ нѣкоторое время въ цѣпяхъ, слѣды которыхъ сохранились на его тѣлѣ на всю остальную его жизнь. Многие изъ преступниковъ подъ его благотворнымъ вліяніемъ раскаялись въ своихъ злодѣяняхъ и смягчились сердцемъ. Путемъ энергичныхъ вмѣщательствъ ему удалось хотя нѣсколько облегчить судьбу каторжниковъ и провести нѣкоторая улучшенія въ тюрьмахъ.

Возвратясь въ Парижъ, онъ основалъ здѣсь общину сестеръ милосердія и тѣмъ направилъ къ врожденной же-

щинѣ благотворительной дѣятельности многихъ изъ своихъ послѣдовательницъ. Сестры его общины являлись первыми всюду, гдѣ нужны были силы и руки для добрыхъ дѣлъ и подвиговъ христіанскаго милосердія: онѣ ухаживали за больными, заботились о покинутыхъ дѣтяхъ, учили юношество. Вспоминая о своемъ рабствѣ въ Тунисѣ, св. Винцентъ усердно собиралъ деньги для выкупа плѣнныхъ въ Африкѣ, освободивъ такимъ образомъ свыше двухъ-сотъ человѣкъ, пока, наконецъ, въ 1816 году, союзный англо-французскій флотъ не положилъ конецъ злодѣйскимъ нападеніямъ корсаровъ, опустошивъ ихъ притонъ въ Алжирѣ.

Съ ужасомъ выслушиваемъ мы теперь рассказы о подземныхъ темницахъ и тяжелыхъ цѣпяхъ въ рыцарскихъ замкахъ средневѣковья, а между тѣмъ, если мы взглянемся хорошенько въ настоящее положеніе дѣль, то откроемъ немало ужаснаго и въ лѣтописяхъ преступленій, поступающихъ въ наши суды и по настоящее время.

Благодѣтельная тюремная реформа, проведеніе которой взялъ на себя извѣстный английскій филантропъ Джонъ Гоуардъ, обязана въ сущности простой случайности, личному приключенію этого благороднаго человѣка. Онъ отправился, подобно многимъ, въ Лиссабонъ, пострадавшій отъ памятнаго въ исторіи землетрясенія и привлекавшій къ себѣ тогда всеобщее любопытное вниманіе. Въ морѣ его судно захвачено было французскимъ разбойничимъ кораблемъ и самъ онъ попался въ плѣнь и перенесъ самое ужасное обращеніе: сначала онъ томился въ продолженіе двухъ сутокъ голодомъ и жаждой, затѣмъ, закованный въ цѣпи, брошенъ былъ вмѣстѣ съ другими плѣнными въ сырую и грязную подземную темницу. Спустя трое сутокъ имъ бросили туда баранью лопатку, которую несчастные, какъ звѣри, разорвали на куски руками и оглодали.

Спустя некоторое время Гоуардъ вырвался на свободу,

но, вернувшись на родину, онъ не даваль себѣ ни на минуту отдыха, пока ему не удалось освободить своихъ товарищей по плѣну. Вступивъ въ переписку съ другими англійскими плѣнными, изнывавшими по тюрьмамъ, онъ убѣдился, что тяжкія страданія, подобные перенесеннымъ имъ самимъ, выпали на долю всѣхъ, попавшихъ въ неволю.

Вскорѣ, получивъ должность главного шерифа въ Бедфордскомъ графствѣ, Гоуардъ имѣлъ полную возможность познакомиться съ тюремнымъ бытомъ.

Тюремное дѣло въ Англіи, какъ и во многихъ другихъ странахъ, находилось тогда на самой низкой ступени развитія. Преступники отбывали тамъ свои наказанія безъ всякой системы и разбора: отъявленные злодѣи помѣщались вмѣстѣ съ совершившими самые легкія преступленія: голодный, укравшій булку, находился въ обществѣ убийцъ и грабителей, проститутокъ и душегубцевъ, и все эти люди то ссорились, то сближались между собою. Брань, проклятія, циничные пѣсни, стономъ ходили по тюрьмѣ. Дьяволъ царилъ тутъ неограниченно, и молитва была совершенно незнакомымъ явленіемъ.

Гоуардъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ то впечатлѣніе, которое произвело на него обращеніе тюремной прислузы и начальства съ заключенными: «Многіе, которыхъ судъ объявилъ невиновными, или освобожденные за недостаткомъ уликъ, или такие, разбирательство дѣль которыхъ было отложено за неявкой въ судъ истца, пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи, отводились обратно въ тюрьму, где оставались до тѣхъ поръ, пока не уплачивали болѣе или менѣе солидныя суммы тюремщику, секретарю окружнаго суда и т. п. лицамъ. Многіе кредиторы, грозя въ яности продержать должниковъ своихъ въ тюрьмѣ, пока они не сгинутъ тамъ, приводили свои угрозы въ исполненіе, и люди действительно гнили и ржавѣли въ тюрьмѣ, изнывая отъ грязи и зараженнаго воздуха. Какъ ни велико число преступниковъ, окончившихъ

жизнь на висѣлицѣ, еще больше народа погибало въ тюрьмѣ отъ сырости и голода».

Прежде всего Гоуардъ сталъ настаивать на необходимости назначить тюремщикамъ, получавшимъ до той поры свое жалованье отъ оправданныхъ судомъ подсудимыхъ, опредѣленное содержаніе отъ правительства. Ему предложили привести примѣръ подобнаго порядка вещей и, сѣвъ на лошадь, онъ отправился отыскивать его по всей Англіи. Требуемаго примѣра онъ не нашелъ, но открылъ столько бѣдствій и страданій, что рѣшилъ посвятить себя окончательно проведенію тюремной реформы какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ государствахъ.

Въ Глостерѣ городской укрѣпленный замокъ, служившій тюрьмой, поразилъ его своимъ ужаснымъ видомъ. Должники содержались въ совершенно темныхъ камерахъ, преступники мужчины спали въ повалку тоже въ совершенно темномъ помѣщеніи. Среди заключенныхъ свирѣпствовали всевозможныя заразныя болѣзни. Въ епископскомъ городѣ Елайѣ, въ видахъ пресѣченія побѣговъ, преступниковъ приковывали въ острогахъ цѣпями къ полу, надѣвая имъ на шею желѣзный ошейникъ, усаженный острыми иглами. Въ Норвичѣ камеры помѣщались въ подвалахъ и были такъ скучно устланы соломой, что ея въ теченіе года выходило всего на одну гинею. Тюремщикъ здѣсь не только не получалъ жалованья, но еще платилъ за право занимать свою должность 40 фунтовъ стерлинговъ младшему шерифу. Какъ онъ долженъ былъ обирать заключенныхъ!

Такъ путешествовалъ Гоуардъ изъ тюрьмы въ тюрьму, и желаніе облегчить участъ заключенныхъ превратилось у него въ настоящую страсть. Онъ объѣхалъ всю Англію и вывелъ на чистую воду все мрачныя тайны британскихъ тюремъ, освободивъ на собственныея средства многихъ томившихся въ тюрьмѣ за ничтожные долги. Когда осмотръ тюремъ пришелъ къ концу, палата общинъ назначила ко-

миссію для разсмотрѣнія дѣла, передъ которой и предсталъ Гоуардъ, запасшійся цѣлымъ сводомъ замѣтокъ.

Пораженный обширностью и точностью собраннаго имъ матеріала, одинъ изъ членовъ спросилъ его какъ-то, на чьи средства онъ совершилъ свое путешествіе; вопросъ этотъ возбудилъ въ Гоуардѣ такой гнѣвъ, что онъ чуть не задохся, прежде чѣмъ нашелъ въ себѣ силы отвѣтить. Члены палаты, выразивъ Гоуарду горячую признательность за его труды, принялись по его почину за тюремныя реформы.

Въ 1774 году парламентъ утвердилъ проекты трехъ законовъ, опредѣлившихъ тюремщикамъ известное жалованье отъ правительства, запрещавшихъ имъ обирать наказуемыхъ и повелѣвавшихъ немедленно выпускать на свободу всѣхъ оправданныхъ. Всѣдѣ за этимъ законодательная палата утвердила билль объ устройствѣ при тюрьмахъ лазарета и о переустройствѣ и улучшеніи остроговъ и тюремъ.

Гоуардъ, какъ разъ въ то время заболѣвшій, едва оправившись, немедленно еще разъ произвелъ ревизію всѣхъ тюрьмамъ, чтобы убѣдиться, насколько добросовѣстно применяютъ къ дѣлу всѣ эти благодѣтельныя распоряженія.

Не удовольствовавшись Англіей, Гоуардъ предпринялъ осмотръ тюрмъ въ Шотландіи и Ирландіи. Онъ нашелъ ихъ не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ англійскія, и провелъ въ нихъ тѣ-же реформы. Однако онъ не остановился и на этомъ, а отправился на континентъ, съ цѣлью ознакомиться съ тамошними порядками. Двери Бастилии не открылись для него, и правительство пыталось даже арестовать его за наведеніе о ней справокъ, а другія французскія тюрмы, хотя и были по его мнѣнію плохи, но все же лучше англійскихъ. Въ отместку за враждебное отношеніе къ нему правительства Гоуардъ напечаталъ отчетъ государственной тюрмы, переведенный имъ на англійскій языкъ съ французскаго сочиненія, которое онъ досталъ съ большимъ трудомъ.

Онъ посѣтилъ Бельгію, Голландію и Германію и только въ Швейцаріи нашелъ тюремное дѣло поставленнымъ въ наиболѣе благопріятныя условія. Заключенные здѣсь работали, въ тюрьмахъ царствовалъ сравнительный порядокъ и дисциплина.

Послѣ трехлѣтняго странствованія, объѣхавъ болѣе тридцати тысячъ географическихъ миль и неустанно трудясь надъ пріобрѣтеніемъ матеріала, Гоуардъ издалъ свое знаменитое сочиненіе «О тюремномъ дѣлѣ», которое произвело громадное впечатленіе на общество. По требованію палаты общинъ Гоуардъ составилъ еще проектъ, проектъ учрежденія исправительныхъ заведеній, при чмъ побывалъ въ Амстердамѣ съ цѣлью изучить дѣятельность тамошняго исправительного дома, который онъ принялъ за образецъ. Побывалъ онъ въ Австріи и Италіи, гдѣ долго безуспѣшно добивался возможности проникнуть въ инквизиціонныя тюрьмы. Другія же тюрьмы онъ всѣ осмотрѣлъ и вернулся черезъ Францію на родину. Всюду, гдѣ онъ ни появлялся, его встречали съ неописанной радостью, арестантысыпали его благословеніями. Онъ раздавалъ милостыню и утѣшалъ несчастныхъ, но главныйшан его заслуга состояла въ томъ, что онъ открылъ всѣмъ человѣколюбивымъ и единомыслиющимъ людямъ глаза на настоящую потребность преобразованій въ тюремномъ дѣлѣ.

Осмотрѣвъ тюрьмы государствъ цѣлой Европы, Гоуардъ отправился въ Россію: онъ вошелъ въ Петербургъ одинъ, пѣшкомъ, чтобы сначала втайне позондировать почву: однако появленіе его не прошло незамѣченнымъ тамошней зоркой полиціей, и его потребовали къ императрицѣ Екатеринѣ. Представленный ко двору, онъ почтительно объявилъ ея величеству, что прѣхалъ въ Россію, имѣя въ виду осмотрѣть одни только тюрьмы и остроги, но не великолѣпные дворцы, наполненные блестящимъ обществомъ вельможъ.

Снабженный письменнымъ пропускомъ, онъ посѣтилъ всѣ тюрмы, остроги и госпитали въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ былъ пораженъ большой смертностью, свирѣпствовавшей во всѣхъ этихъ заведеніяхъ. Путешествіе въ Россію было не послѣднимъ въ жизни Гоуарда: онъ побывалъ еще въ разныхъ странахъ, а въ 1783 г. предпринялъ путешествія по Испаніи и Португаліи.

Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ Гоуардъ неустанно трудился, имѣя въ виду осуществленіе принятой имъ на себя задачи. Посѣщая тюрмы и остроги всѣхъ европейскихъ главныхъ городовъ, онъ сдѣлалъ дорогу въ 42 тысячи миль слишкомъ и истратилъ на благотворительныя дѣла и облегченіе участіи арестантовъ болѣе 30 тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Тѣмъ не менѣе онъ не считалъ себя въ правѣ остановиться на этомъ и рѣшилъ посѣтить тѣ страны, гдѣ свирѣпствовала чума, и попытаться найти средства противъ этой страшной гостьи. Онъ отправился въ Марсель, во Францію. Въ ноябрѣ 1785 года онъ очутился въ Парижѣ, куда вошелъ переодѣтый: тѣмъ не менѣе поліція въ ту же ночь накрыла его. Съ помощью хитрости онъ ускользнула отъ поліцейскихъ и благополучно добрался до Марселя, гдѣ осмотрѣлъ госпиталь св. Лазаря и получилъ всѣ необходимыя свѣдѣнія по интересовавшему его предмету.

Переправляясь затѣмъ на чумномъ пароходѣ (съ цѣлью имѣть возможность выдержать самый строгій карантинъ) на берега Адріатическаго моря, онъ заразился, заболѣлъ и пролежалъ сорокъ дней въ карантинномъ баракѣ, въ одиночествѣ и лишенный какой-бы то ни было помощи. На этотъ разъ онъ выздоровѣлъ и вернулся на родину. Однако въ 1789 году мы его встрѣчаемъ опять странствующимъ по Голландіи, Германіи и Россіи; онъ намѣревался пробраться въ Турцію и Египетъ, имѣя въ виду пополнить свои наблюденія надъ чумой. Но въ Херсонѣ, посѣщая, по обыкновенію, заключенныхъ, онъ сква-

тиль тифозную горячку и черезъ нѣсколько дней умеръ въ чужой странѣ на 64-мъ году отъ рожденія. Умирая, онъ выразилъ желаніе, чтобы его похоронили на одномъ изъ дофинейскихъ кладбищъ: «Опустите меня въ могилу безъ всякой торжественности, поставьте солнечные часы надъ камнемъ и предайте меня забвенію!»

Но никогда не покроетъ забвеніе имя великодушнаго человѣка и его высоко-христіанскую дѣятельность. Онъ былъ благодѣтелемъ самой отверженной части человѣческаго рода. Забывая о себѣ, онъ всецѣло предался заботамъ о тѣхъ, которымъ кромѣ него никто не пришелъ бы на помощь. Еще во время его жизни — стараяя его на пользу ближнихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, но благотворное вліяніе его не исчезло и съ его смертью; слѣды его замѣтны и понынѣ въ законодательствѣ Англіи и даже другихъ европейскихъ государствъ.

Современный ему известный политический писатель Буркѣ говоритъ о немъ слѣдующее: «Онъ провелъ цѣлые годы, странствуя по Европѣ, съ цѣлью проникнуть въ самую глубину тюремной жизни, одышать зараженнымъ воздухомъ госпиталей, измѣрить и опредѣлить весь міръ людскихъ бѣдствій и отчаянія, напомнить и всѣми забытымъ, облегчить судьбу бѣдняковъ и, сравнивъ всѣ страданія и печали человѣка въ разныхъ странахъ, подвести имъ общій итогъ — планъ замѣчательно оригинальный, свидѣтельствующій столько-же о великомъ умѣ, сколько о гуманномъ сердцѣ. Путешествіе его является, такъ сказать, кругосвѣтнымъ плаваніемъ милосердія и уже теперь во многихъ странахъ ощущаются благотворныя его послѣдствія».

По примѣру Гоуарда многія человѣколюбивыя сердца приняли на себя задачу содѣйствовать улучшенію тюремного быта. Преимущественно это были женщины: сопровождал одну изъ нихъ, м-съ Фрей, по тюрьмамъ, — Сидней Смитъ настолько былъ тронутъ всѣмъ видѣннымъ, что

расплакался какъ дитя. «Въ этомъ городѣ,—сказалъ онъ впослѣдствіи въ одной изъ своихъ проповѣдей,—я удостоился видѣть самое торжественное и христіанское, самое умили-тельное зрѣлище. Я видѣлъ святую женщину среди не-счастныхъ, жалкихъ заключенныхъ, искренно, отъ воего сердца призывавшихъ на нее благословеніе Божіе, обод-ренныхъ и угнѣщенныхъ ею, богоотворившихъ ее, какъ единственное существо, которое пришло къ нимъ съ лю-бовью, съ проктими поученіями о Богѣ и его милосердії!»

Путемъ упорныхъ настойчивыхъ трудовъ м-съ Фрей удалось совершенно измѣнить порядокъ тюремной жизни вообще и женскихъ тюремъ въ особенности, такъ что члены ревизіонной комиссіи, въ отчетѣ, представленномъ суду присяжныхъ послѣ посѣщенія ньюгэтской тюрьмы, сообщаютъ: «если-бы начала, примѣненная м-съ Фрей въ тюремной жизни арестантокъ, получили распространеніе и въ мужскихъ тюрьмахъ, — они несомнѣнно обеспечили-бы за тюрьмами самыи надежнымъ образомъ характеръ ис-правительныхъ заведеній. Такимъ образомъ преступники, почувствовавшіе раскаяніе, могли-бы вернуться впослѣд-ствіи въ общество въ качествѣ полезныхъ его членовъ, а не закоснѣлыхъ и вредныхъ злодѣевъ».

Извѣстная не менѣе м-съ Фрей благотворительница, м-съ Татноль тоже посвятила немало труда и времени улучшенію быта Уарвикской тюрьмы, гдѣ мужъ ея зани-малъ должность главнаго инспектора. Особенно ревностно заботилась она о малолѣтнихъ преступникахъ обоего пола, неустанно трудясь надъ ихъ нравственнымъ перевоспита-ніемъ, увѣнчавшимся полнымъ успѣхомъ.

Конечно, отдельныя личности не могли произвести полнаго переворота въ нравственному мірѣ преступниковъ. Рѣшить окончательно такой сложный и важный вопросъ способна только законодательная дѣятельность, которая должна изыскать средства устранить понужденія къ со-вершенію преступленій и такъ направить тюремную дис-

циплину, чтобы она сводилась къ нравственному исправлению преступника. Въ сущности это является долгомъ общества по отношению къ преступнику, зачастую сдѣлавшемуся такимъ лишь въ силу обстоятельствъ, посреди которыхъ онъ выросъ, недостатка образованія и юридического неравенства, созданнаго самимъ этимъ обществомъ.

Прежде общество какъ бы мстило преступникамъ и потому обходилось съ ними какъ съ дикими звѣрями, теперь оно рѣшило примѣнить къ нимъ кротость съ цѣлью вернуть ихъ въ общество. Въ такомъ воспитательномъ духѣ ведется тюремное дѣло въ Сингъ-Сингъ, въ штатѣ Нью-Йоркъ. Начало такому положенію дѣль дано было докладами м-ра Эдмондса, который отрицалъ всякую пользу въ системѣ насилия, принудительного обращенія преступниковъ къ дисциплинѣ, системѣ, основанной на одномъ изъ самыхъ низшихъ чувствъ человѣка—страхѣ. «Я достаточно пожилъ на свѣтѣ,—говоритъ онъ,— чтобы вполнѣ убѣдиться въ способности человѣка сохранить даже на самыхъ низкихъ ступеняхъ паденія сердце, которое можетъ быть тронуто добротою, совѣсть, которую можно пробудить съ помощью логики, и стремленіе къ лучшему: достаточно одного слова сочувствія и надежды, чтобы поддержать многихъ на пути къ добру». Руководствуясь замѣчаніями м-ра Эдмондса, въ тюрьмѣ Сингъ-Синга приняли за правило наказывать преступниковъ какъ можно рѣже и какъ можно чаще поощрять тѣхъ, которые подаютъ надежды на исправленіе.

Особенно благотворные результаты принесла новая система, примѣненная къ женщинамъ: послѣ того какъ въ тюремной церкви произнесена была рѣчь, указавшая арестанткамъ на необходимость самообладанія и исправленія характера, на то, что каждый человѣкъ долженъ сознавать и свято исполнять свои обязанности, если хочетъ счастливъ въ этой и будущей жизни,—замѣтно было, какъ женщины стали сразу стараться держать себя съ большими достоин-

ствомъ и спокойствиемъ: движенія ихъ поражали отсутствиемъ рѣзкости, тонъ разговора сдѣлался кроткимъ и покорнымъ; всѣмъ распоряженіямъ онъ подчинялись съ большой готовностью и охотой.

Замѣчательнаго успѣха на подобномъ же поприщѣ достигъ капитанъ Пильсбюри, начальникъ Уэстбюрийской тюрьмы въ Коннектикутѣ. Исполненный нравственнаго мужества, доходившаго почти до подвига, онъ въ корень измѣнилъ господствовавшій въ этой тюрьмѣ до него обычный суровый способъ обхожденія съ арестантами, крайне унижавшій и ожесточавшій ихъ; озлобленіе выросстало вмѣстѣ съ усиленіемъ наказаній; число преступниковъ увеличивалось, и штатъ все болѣе входилъ въ долги, добывая средства на содержаніе тюрьмы. Капитанъ Пильсбюри ввелъ по своемъ вступленіи совершенно иную систему—систему исправленія преступниковъ съ помощью человѣколюбія. Прежде всего онъ прекратилъ даже по отношенію къ самыми закоренѣлымъ преступникамъ обычай заковыванія ихъ въ кандалы, объявивъ, что будетъ вѣрить ихъ обѣщаніямъ не дѣлать попытокъ къ побѣгу. Подобный поступокъ словно по волшебству измѣнилъ отношенія: арестанты стали относиться къ своему начальнику съ уваженіемъ и довѣріемъ, дисциплина въ тюрьмѣ стала образцовой, такъ что скоро она получила возможность существовать на тѣ деньги, которыя зарабатывали преступники.

Особеннаго удивленія заслуживаетъ обращеніе капитана съ однимъ изъ преступниковъ—великаномъ. Это былъ отмѣнныи злодѣй, бѣжалій изъ острога и державшій своими преступленіями въ страхѣ цѣлую страну въ теченіе 17-ти лѣтъ. М-ръ Пильсбюри сказалъ ему: «надѣюсь, что ты не повторишь здѣсь своихъ попытокъ бѣжать, я-же со своей стороны постараюсь, насколько возможно, облегчить тебѣ пребываніе здѣсь. Хотя у насъ имѣется камера для одиночного заключенія, мы никогда не пользуемся ею. Я

быль-бы чрезвычайно огорченъ, если-бы меня довели до необходимости заключить въ нее кого-либо изъ моихъ арестантовъ. А потому ты можешь безпрепятственно разговаривать по тюрьмѣ, какъ и я, если будешь выказывать довѣріе, такое же, съ какимъ я отношусь къ тебѣ». Дружескія слова эти не произвели однако впечатлѣнія на преступника и скоро до капитана дошелъ слухъ, что злодѣй собирается бѣжать. Онъ снова принялъ увѣщевать преступника, но тотъ, не выказывая никакого раскаянія, лишь упорно отмалчивался. Тогда Пильсбюри объявилъ ему, что, узнавъ о его приготовленіяхъ къ побѣгу, долженъ посадить его въ одиночное заключеніе. Худощавый и маленький капитанъ, взявъ лампу, пошелъ впередъ, а великанъ послѣдовалъ за нимъ. Когда они очутились въ самомъ отдаленномъ и узкомъ мѣстѣ карридора, Пильсбюри повернулся къ арестанту и, глядя ему прямо въ лицо, спросилъ его: «ну, а теперь скажи, заслужилъ-ли я отъ тебя такого со мной обращенія? Не дѣлалъ-ли я все, что могъ, чтобы облегчить тебѣ пребываніе въ тюрьмѣ? Я вполнѣ тебѣ вѣрилъ, а ты собираешься такъ жестоко наказать меня за это довѣріе и причинить мнѣ громадный непріятности по службѣ. Хорошо-ли это? И все-же мнѣ жаль засадить тебя въ одиночную камеру, и если-бы я замѣтилъ, что ты питаетъ ко мнѣ хоть каплю довѣрія и расположенія»... Тутъ преступникъ не далъ ему договорить и зарыдалъ. «Сэръ,—воскликнулъ онъ,— въ продолженіе цѣлыхъ 17-ти лѣтъ я былъ злодѣемъ, но вы, сэръ, обращаетесь со мною по человѣчески...»—«Этого довольно, пойдемъ назадъ»—сказалъ капитанъ, и арестанту попрежнему была предоставлена свобода бродить въ тюремныхъ стѣнахъ гдѣ угодно! Онъ благополучно отсидѣлъ весь срокъ своего тюремнаго заключенія, хотя признавался своему другу, что не разъ одолѣвало его искушение бѣжать тѣмъ болѣе, что выполнить это было очень легко. Но помня данное капитану слово—онъ побѣдилъ самого себя.

Въ другой разъ, узнавъ, что одинъ изъ преступниковъ собирается убить его, капитанъ Пильсбюри немедленно призвалъ его и заставилъ выбритъ себя, не позволивъ никому присутствовать при этомъ. Хотя рука преступника, по всей вѣроятности, сильно дрожала, тѣмъ не менѣе онъ благополучно довѣль до конца свое дѣло. «Мнѣ сказали,—замѣтилъ ему тутъ-же капитанъ,—что ты собирался убить меня, но мнѣ кажется, что я еще могу довѣриться тебѣ». —«Даблагословить васъ Господь, сэръ!»—воскликнулъ тотъ. Такова сила вѣры въ благородныя стороны человѣческой души.

Величайшимъ препятствиемъ на пути къ исправленію является для преступника невозможность достать себѣ работу, послѣ того какъ онъ побывалъ въ тюрьмѣ. Благодаря сообщаемымъ о немъ полиціей свѣдѣніямъ, ему всюду отказываютъ въ трудѣ, и онъ часто поневолѣ обращается на путь порока и преступленія. На помощь такимъ несчастнымъ пришелъ Томасъ Райтъ, настоящій искренній другъ безпріютныхъ арестантовъ, человѣкъ небогатый и незнанный, но вдохновляемый теплой любовью къ падшему брату.

Получивъ въ дѣствѣ не обширное, но тщательное религіозное образованіе, онъ попалъ, тѣмъ не менѣе, по вступленіи своемъ въ жизнь со всѣми ея соблазнами — въ общество самой безнравственной манчестерской молодежи. Къ счастью врожденное ему эстетическое чувство, такъ же, какъ и собственная совѣсть скоро вступили въ его душѣ въ борьбу съ новыми его склонностями. Воспоминанія о наставленихъ его покойной матери окончательно отвлекли его отъ кружка новыхъ друзей. Познакомившись съ однимъ религіознымъ юношемъ, имѣвшимъ на него большое влияніе, онъ снова началъ посѣщать церковь.

Пятнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ ученики къ чугунному заводчику въ Манчестерѣ и, благодаря своему трудолюбію и прилежанію, достигъ постепенно

должности главного мастера формовщика съ жалованьемъ въ 3 фунта стерлинговъ слишкомъ въ недѣлю. Въ продолженіе многихъ лѣтъ это было его максимальнымъ доходомъ, что не помѣшало ему сдѣлать массу добрыхъ дѣлъ.

Однажды на заводъ, гдѣ служилъ Райтъ, явился неизвѣстный человѣкъ, нанялся въ поденные работники и прослужилъ тамъ нѣкоторое время, чрезвычайно добросовѣстно и хорошо исполняя свое дѣло. Скоро однако начальство завода узнало, что новый работникъ—выпущеный изъ тюрьмы арестантъ; Райту, который, при приемѣ работника на заводъ, ничего не зналъ о его прошломъ, поручили навести справки. На его разспросы работникъ отвѣчалъ сначала, что долго былъ заграницей, но въ концѣ-концовъ, заливаясь слезами, сознался, что онъ бывшій каторжникъ, но надѣется вернуться на путь истинный и трудомъ и честнымъ отношеніемъ къ дѣлу загладить свою прежнюю дурную славу.

Райтъ повѣрилъ ему и попросилъ хозяевъ оставить бѣдняка на заводѣ, предложивъ внести за него въ видѣ залога 20 фунтовъ стерлинговъ. За рабочимъ послали на квартиру разсыльного, но, такъ какъ его уволили еще наканунѣ, посланный не нашелъ его. Завязавъ въ узелокъ свое имущество, онъ покинулъ городъ.

Райтъ немедленно отправился по его слѣдамъ и нашелъ его въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Манчестера: въ отчаяніи, безсильный и беспомощный онъ молча сидѣлъ на камнѣ. Райтъ поднялъ его, утѣшилъ и сказалъ, что мѣсто остается за нимъ, и отъ него самого теперь зависѣтъ поддержать о себѣ славу честнаго рабочаго. Они вернулись вмѣстѣ на заводъ, и бывшій каторжникъ вѣръ себя впредь настолько хорошо, что вполнѣ оправдалъ ручательство за него Райта.

Этотъ случай произвелъ на Райта глубокое впечатлѣніе: онъ понялъ, что сочувствіе и человѣколюбіе безусловно способны совершенно возводить людей, въ родѣ вышеуказан-

наго рабочаго, что въ обязанность каждого истинного христианина вмѣняется протянуть такому человѣку руку помощи и облегчить ему возвращеніе къ трудовой жизни. И эту благородную миссію онъ, не колеблясь, принялъ на себя, хотя самъ былъ въ то время неизвѣстнымъ и темнымъ работникомъ и еще не видѣлъ себѣ ни откуда помощи и поддержки.

М. Райтъ жилъ по сосѣдству съ сальфордской тюрьмой и съ помощью одного молодого рабочаго, отецъ котораго служилъ въ тюремщикахъ, онъ получилъ отъ послѣдняго позволеніе присутствовать на вечернемъ богослуженіи въ тюремной церкви. Райтъ удовольствовался пока этимъ, выжидая удобнаго случая приступить къ дѣлу. Наконецъ, однажды вечеромъ тюремный священникъ обратился къ Райту съ просьбой, не можетъ ли онъ поставить на мѣсто одного арестанта, покидающаго на-дняхъ тюрьму съ искреннимъ желаніемъ вступить на честный путь труда. «Я приложу всѣ свои старанія, чтобы помочь ему въ этомъ»—отвѣчалъ Райтъ и сдержалъ свое слово.

Послѣ этого случая начальство тюрьмы допустило Райта къ болѣе близкому знакомству съ арестантами: Райтъ подолгу разговаривалъ съ несчастными, давалъ имъ хорошия совѣты и всѣми силами старался поддержать ихъ въ ихъ благихъ намѣреніяхъ исправиться и начать новую жизнь. Онъ сдѣлся посредникомъ между арестантами и ихъ семьями, присутствовалъ при выходѣ ихъ изъ тюрьмы и поддерживалъ ихъ первое время изъ собственныхъ скучныхъ средствъ, пока не находилъ возможности подыскать имъ мѣсто или работу.

Мало-по-малу наниматели стали съ большимъ довѣріемъ относиться къ рекомендациямъ Райта, слышавшаго за человѣка безусловно честнаго и кромѣ того предлагавшаго каждый разъ залогъ за рекомендуемыхъ имъ работниковъ, въ случаѣ если возникало какое-нибудь сомнѣніе въ нихъ.

Такъ скромно и молчаливо продолжалъ онъ исполнять

принятую на себя добровольно обязанность, избѣгая всякой огласки, которая, по его мнѣнію, могла бы только помѣшать ему въ его миссіи. Деятельность его принесла богатые плоды: въ течевіе нѣсколькихъ лѣтъ ему удалось пристроить около 300 арестантовъ. Ему удалось и несравненно болѣе трудное дѣло: отучить отъ пьянства и тѣмъ спасти отъ окончательного паденія многихъ женщинъ. Не разъ приходилось ему на колѣняхъ упрашиватъ разгневанныхъ мужей вновь принять къ себѣ раскаявшихся грѣшницъ, стосковавшихся по своей семье.

Одинъ изъ друзей Райта разсказываетъ слѣдующій замѣчательный случай въ его жизни. Человѣкъ, отбывшій наказаніе на каторжной работе въ Портландѣ, явился къ Райту съ рекомендательнымъ письмомъ отъ тюремнаго священника. Райтъ опредѣлилъ его сначала въ мусорщики, а затѣмъ, при видѣ его трудолюбія, досталъ ему выгодную должность работника на шоссейныхъ дорогахъ. Онъ настолько хорошо велъ себя и на этомъ новомъ мѣстѣ, что Райтъ выхлопоталъ ему позволеніе посѣщать какъ воскресные, такъ и вечерніе классы каноника Стоуэлля, гдѣ онъ мало-по-малу занялъ мѣсто преподавателя. Такимъ образомъ, бывшій портлендскій каторжникъ, благодаря своей необыкновенной способности къ преподаванію, сначала давалъ уроки богословія въ школѣ, а затѣмъ возвысился до должности священника.

Въ другомъ случаѣ, юноша, занимавшій должность управляющаго въ одномъ торговомъ заведеніи, растратилъ значительную сумму хозяйственныхъ денегъ. Молодому человѣку грозили уже судомъ, когда Райтъ, принявъ въ немъ участіе, упросилъ хозяина оставить его въ видѣ испытанія на прежней должности, говоря: «Дайте ему случай или еще разъ украсть, или сдѣлаться честнымъ человѣкомъ!» Юноша, осчастливленный тѣмъ, что избавился отъ наказанія и позора, съ новымъ усердіемъ принялъ за свою службу и добился того, что хозяинъ принялъ его въ члены

своего товарищества, а затѣмъ онъ сдѣлался и главой фирмы. Всю жизнь єтотъ человѣкъ не переставалъ благословлять имя Райта.

Послѣ долголѣтнихъ трудовъ на избранномъ имъ поприщѣ Райтъ удостоился наконецъ официального признанія полезности своей дѣятельности. Въ годовомъ отчетѣ о положеніи тюремнаго дѣла, капитанъ Вильямсъ отозвался о немъ, какъ о человѣколюбивѣйшемъ дѣятелѣ на благотворительномъ поприщѣ, имѣвшемъ такой успѣхъ въ своихъ благословленныхъ начинаніяхъ, что изъ 96-ти спасенныхъ имъ людей только пятеро не устояли на пути добра.

Въ случаяхъ, когда Райту не удавалось найти должностіи выпущеннымъ изъ тюрьмы арестантамъ, онъ поддерживалъ ихъ или собственными деньгами, или устраивалъ въ ихъ пользу подписку въ кругу своихъ друзей, съ дѣллю дать несчастнымъ возможность эмигрировать. Больѣ 940 человѣкъ переселиль онъ такимъ образомъ на чужбину, помогая имъ возродиться для новаго образа жизни. Нѣкоторые изъ этихъ эмигрантовъ становились впослѣдствіи его сотрудниками на поприщѣ благотворительности, стараясь въ свою очередь доставить занятія своимъ бывшимъ товарищамъ по несчастью, или давая имъ возможность эмигрировать. Одинъ изъ такихъ эмигрантовъ прислалъ въ 1864 г. Райту изъ Сѣверной Америки трогательное письмо въ которомъ, называя его своимъ вторымъ отцомъ и единственнымъ надежнымъ въ мірѣ другомъ, посыпалъ ему три фунта стерлинговъ въ пользу мужскаго исправительнаго заведенія въ Лондонѣ.

Межу тѣмъ Райтъ продолжалъ работать на своеемъ литеиномъ заводѣ, гдѣ проводилъ цѣлые дни отъ 5-ти часовъ утра до 6-ти вечера и позже. Вечера же посвящалъ своему служенію человѣчеству, проводя ихъ или въ тюрьмѣ, или въ исправительному домѣ, или въ воскресныхъ школахъ для бесприютныхъ дѣтей, или въ семьяхъ арестантовъ. Ему уже было за шестьдесятъ лѣтъ и здоровье его пошатну-

лось отъ безпрерывныхъ трудовъ; отдавая всѣ свои сбереженія освобожденнымъ изъ тюрмы преступникамъ, онъ ничего не скопилъ себѣ на старость. Тогда правительство, признавая все высокое значеніе заслугъ Райта, предложило ему мѣсто ревизора всѣхъ государственныхъ тюремъ съ жалованьемъ въ 800 фунтовъ стерлинговъ, давая ему такимъ образомъ полную возможность обеспечить себя и расширить поля своей дѣятельности. Однако Райтъ решительно отказался отъ этого назначенія: онъ былъ убѣжденъ, что стоитъ ему сдѣлаться правительственнымъ чиновникомъ, какъ арестанты перестанутъ видѣть въ немъ своего друга.

Узнавъ объ этомъ отказѣ, жители Манчестера составили между собою подписку съ цѣлью купить для Райта ренту, равную по размѣрамъ его годовому жалованью и составлявшую тѣмъ не менѣе едва сотую долю той суммы, которую онъ своей дѣятельностью сберегъ для государства. Въ подпискѣ принялъ участіе и королевское благотворительное общество. Такимъ образомъ составилась сумма, обеспечившая м. Райту ежегодный доходъ въ 182 фунта стерлинговъ. Въ то-же время, «въ знакъ выраженія своего глубокаго благоговѣнія къ великодушному другу человѣчества Томасу Райту», известный художникъ, Уаттъ, членъ королевской академіи, поднесъ манчестерской думѣ прекрасную картину, съ изображеніемъ благодѣтельного самарянина. Помѣщенная на самомъ видномъ мѣстѣ думскаго зала, картина эта равно характеризуетъ великодушіе артиста и благородство души изображенаго на ней Райта.

Райтъ и на старости лѣтъ не прекратилъ своей по-движнической дѣятельности. Подобно Гоуарду, онъ странствовалъ по странѣ, посыпая тюрмы, остроги, исправительныя заведенія и т. п. Много труда положилъ онъ въ дѣль распространенія школъ для бѣдноты. Онъ страстно желалъ доставить сыновьямъ бѣдныхъ людей возможность

честно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и избавиться такимъ образомъ отъ перспективы превратиться въ бродягъ и преступниковъ. Онъ смотрѣлъ на невѣжество какъ на главный источникъ всякаго зла и горячо убѣждалъ м-ра Кобдена, который проводилъ тогда свою систему народнаго образованія, сдѣлать ее обязательной. Кроме своего излюбленнаго дѣтища—школъ для бѣдноты—онъ несодѣствовалъ учрежденію нѣсколькихъ исправительныхъ школъ, конѣчныхъ банковъ и артели чистильщиковъ сапогъ. Онъ прилагалъ руку ко всякому, по мѣрѣ возможности, добруму дѣлу. Онъ любилъ, чтобы въ жизни не пропадала у него ни одна минута: «Трудись, пока не смерклось, ибо ночь близка»—таковъ былъ его девизъ.

Доживъ до 85-ти лѣтняго возраста, онъ почувствовалъ близость конца. Двадцать третій псаломъ не сходилъ съ его устъ; съ каждымъ новымъ наступленіемъ вечера онъ чувствовалъ себя постоянно «на разстояніи одного дня пути ближе къ дому». Онъ прожилъ жизнь не даромъ и теперь былъ у цѣли. 14 апрѣля 1875 года онъ тихо скончался, перейдя отъ жизни временной къ жизни вѣчной. То была жизнь, стоявшая жизни. Главнейшимъ принципомъ своей дѣятельности Райтъ считалъ довѣріе къ человѣку и избралъ правильный путь. Вѣра дѣлаетъ чудеса. Вѣрою въ человѣка мы вызываемъ наружу тѣ добрыя качества, которыя таятся въ глубинѣ его души: «Дурно думать о человѣкѣ,—говорить лордъ Болингброкъ,—признакъ узости души и кругозора. Пусть вы станете жертвой ошибки; лучше быть обманутымъ, чѣмъ несправедливымъ».

Перейдемъ теперь къ другому извѣстному филантропу. Еще не такъ давно все общественные учрежденія были недоступны для массы англійского народа. Никто не могъ проникнуть по буднямъ ни въ Британскій музей, ни въ Национальную галлерею, ни въ Виндзорскій дворецъ, ни въ другія хранилища замѣчательныхъ коллекцій и произведеній искусства. Упорно держалось мнѣніе, что стоить

только допустить въ подобные зданія народъ, и онъ немедленно примется скоблить дерево, портить камни, уничтожать и разрушать все, что лежитъ въ этихъ драгоценныхъ собранияхъ.

Покойный Джозефъ Юмъ, известный какъ свободомыслящий членъ парламента и директоръ Ост-Индской кампании, первый, если мы не ошибаемся, приложилъ всѣ усилия, чтобы измѣнить этотъ странный порядокъ дѣль и открыть народу доступъ сначала въ одно лишь собраніе нашихъ національныхъ достопримѣчательностей — Британскій Музей.

На первыхъ порахъ противъ неслыханного новшества раздалось множество порицаній, кричали, что коллекціи грозить порча и ломка, что нѣтъ ничего удивительного, если нѣкоторые экземпляры будуть украдены, словомъ общій голосъ говорилъ чуть-ли не о наступлении «потопа». Тѣмъ не менѣе, благодаря настойчивости м-ра Юма, музей открыли, рѣшивъ въ видѣ опыта впускать въ него не болѣе какъ по пяти и шести человѣкъ: къ посѣтителямъ приставленъ былъ одинъ изъ служащихъ при музее чиновниковъ, которому поручили зорко слѣдить за новой публикой и пресечь сю же минуту всякую попытку къ разрушенію, которое только и ждутъ будто бы произвести эти вандалы и варвары.

Однако послѣ того, какъ вторженіе въ музей варварскаго нашествія въ видѣ булочниковъ, мясниковъ, солдатъ и швей сдѣлалось совершившимся фактомъ, лордъ Стэнли, покойный графъ Дерби, объявилъ въ палатѣ общинъ, которой онъ былъ членомъ, слѣдующее: «Я былъ очень встревоженъ и озабоченъ новымъ проектомъ, но теперь могу сказать съ искреннимъ убѣжденіемъ, что, хотя вчера, 1-го мая, музей посѣтило 31,500 человѣкъ — въ немъ не было произведено ни малѣйшаго поврежденія». Такъ благополучно обошлось дѣло, и общество убѣдилось наконецъ въ возможности открыть народу свободный доступъ въ обще-

ственныхъ зданія для осмотра ихъ національной коллекціи археологическихъ рѣдкостей и произведеній искусства. Дѣло было въ самой простой истинѣ: народу повѣрили, и довольно.

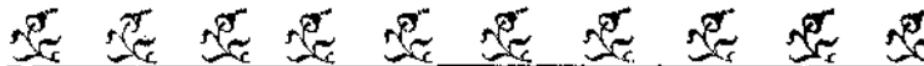
Мистеръ Юмъ не остановился на этомъ: онъ продолжалъ настаивать на возможно болѣе довѣрчивомъ отношеніи къ народу и необходимости открыть ему доступъ ко всевозможнымъ музеямъ и коллекціямъ, которые, доставляя своимъ посѣтителямъ развлеченіе, могли-бы въ то же время служить просвѣтительнымъ цѣлямъ. Путемъ неотступныхъ настойній, въ продолженіе ряда лѣтъ, ему наконецъ удалось добиться того, что двери Тоуера, Гэмптонъ-Корта, Вестминстерскаго аббатства и собора св. Павла открылись для всѣхъ желающихъ посѣтить ихъ безъ различія сословій. Обычай допускать въ подобныя мѣста публику привился мало-по-малу въ Англіи, и въ настоящее время народные развлеченія устраиваются не только въ садахъ и паркахъ Лондона, но и въ большой части большихъ мануфактурныхъ и другихъ центровъ.

Во время всемірной выставки 1851 года въ Лондонѣ также долгое время старательно обсуждался вопросъ, не слѣдуетъ-ли, во избѣжаніе какихъ-либо беспорядковъ со стороны народа, окружить городъ войсками. Рѣшеніе послѣдовало въ концѣ-концовъ въ отрицательномъ смыслѣ. И въ результатѣ изъ числа экспонатовъ ничего не было ни украдено, ни попорчено, и начальникъ полиціи, капитанъ Роузъ, въ своемъ отчетѣ комитету палаты общинъ приписалъ это примѣрному умѣнью народа вести себя, прибавивъ, что замѣчаемое за послѣднее время улучшеніе въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ отнести на счетъ предоставленнаго за послѣдніе годы народу права посѣщать общественные мѣста, другими словами—большаго къ нему довѣрія.

Созерцая художественные произведения, въ которыхъ такъ ярко выражаются дарованные человѣку свыше таланты и способности, неподражаемые формы пластической

красоты, полныя чистоты, поэзіи и граціи, воскрешающія въ памяти зрителя какое-либо благородное чувство, возвышенную мысль или великий подвигъ, — зритель незамѣтно для себя становится образованнѣй и мягче въ обращеніи и развивается умомъ и душою. Картины галлереи легко могли-бы при такихъ условіяхъ превратиться въ существеннѣйшій элементъ народнаго образования. Уже одинъ фактъ довѣрія къ народу, выражающійся въ свободномъ доступѣ его къ подобнымъ коллекціямъ, является самымъ лучшимъ воспитателемъ характера. Стоитъ показать человѣку, что вы вѣрите въ его чувство чести, и вы обезоружите безъ труда заложенное въ его природѣ злое начало. Чтобы сдѣлать людей болѣе гуманными, необходимо пріучить сначала къ тѣмъ вліяніямъ, которыя способствуютъ смягченію ихъ нравовъ; чтобы сдѣлать изъ людей хорошихъ гражданъ, надо доставить имъ возможность проявить свои гражданскія права и обязанности. Прежде чѣмъ научиться плавать — человѣкъ долженъ войти въ воду, прежде чѣмъ научитьсяѣздить верхомъ — онъ долженъ сѣсть на лошадь, а прежде чѣмъ стать полезнымъ и разумнымъ гражданиномъ — онъ долженъ получить свободу дѣйствій, соединенную со званіемъ гражданина.

ГЛАВА XII.

ПОДВИЖНИЧЕСТВО МИССИОНЕРОВЪ.

Терпѣніе — добродѣтель благочестивыхъ, пробінній измѣнъ ихъ мужества и оружію, съ помощью котораго они одолѣваютъ саму судьбу.

Мактомъ.

Вѣра приводитъ человѣка въ Богу, а любовь къ людямъ.

Лютерь.

И все же мы не теряемъ надежды, что честно изъятое вѣдѣсь на землѣ не погибнетъ, а доживетъ до усовершенствованія въ бойѣ свѣтломъ въ широкомъ мірѣ.

Клофъ.

Мы будемъ гонимы, но не погибнемъ!

Посл. къ Коринтіанцамъ. 2, 4.

Рассказываютъ, что герцогъ Веллингтонъ, на вопросъ одного священника, стоитъ-ли заниматься проповѣдью Евангелия въ Индіи — отвѣтилъ: «Въ чемъ состоить ваше назначеніе?» Священникъ отвѣчалъ словами Евангелия: «Идите и проповѣдуйте ученіе всему міру». — «Слѣдуйте этой заповѣди,—сказалъ герцогъ:—повиноваться—вотъ вашъ прямой долгъ».

И опасные и наименѣе излюбленныя людьми миссионерскія обязанности всегда находили тѣмъ не менѣе желающихъ пойти по стопамъ нашего Божественнаго Учителя. Христосъ проповѣдывалъ евреямъ и язычникамъ и св. апостоль Павель былъ первымъ христіанскимъ миссионеромъ: онъ основалъ церкви на востокѣ въ Коринтѣ, Эфесѣ, Солуни и нашелъ свою смерть въ Римѣ, куда также явился съ проповѣдью.

Миссіонерство требуетъ отъ человѣка, посвятившаго себя ему, много болыше самоотреченія и безусловной преданности долгу, чѣмъ всякое другое призваніе. Миссіонеръ долженъ отказаться отъ всѣхъ земныхъ радостей и не страшиться опасности и самой смерти. Онъ долженъ отречься отъ всѣхъ благъ цивилизациіи и жить въ средѣ дикихъ, иногда и людоѣдовъ. За свою преданность дѣлу и самопожертвованіе, онъ не получаетъ никакихъ наградъ, кромѣ сознанія святости своего долга, поддерживающаго его среди всѣхъ опасностей и бѣдствій. Такъ-называемые «великіе мыслители» безконечно проигрываютъ въ сравненіи съ миссіонерами, потому что первые являются большей частью представителями отрицанія, которое можетъ многое разрушить, но создать что-либо новое не въ силахъ. Оно можетъ пошатнуть основы нашей вѣры, но не дастъ ничего, что могло бы поддержать и возвысить нашъ нравственный міръ.

Когда кто-то замѣтилъ епископу Селуину, что для людей цивилизованныхъ вѣроятно крайне тѣжело пребываніе среди такихъ презрѣнныхъ существъ, какъ дикие, онъ отвѣтилъ: «Какое право имѣемъ мы называть дикихъ презрѣнными, мы, которыхъ Спаситель училъ не считать нечистымъ никакого человѣка. Я нахожу весьма неосновательными общепринятая теперь выраженія: «бѣдные язычники, погибающіе дикари,—я считаю гораздо ближе къ погибели тѣхъ христіанъ, которые, одаренные богато, сдѣлали такъ мало. Бѣднѣйшими-же являемся мы сами, когда, облеченные Божіей благодатью, оказываемся недостойными своего святого призванія. Идти въ среду язычниковъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что они суть наши братья, — много лучше, чѣмъ поддаваться фарисейскому самообольщенію, которое напшептываетъ миссіонеру, что онъ не таковъ какъ другие люди и долженъ благодарить за это Бога».

Сколькимъ обязаны мы Августину, первому проповѣд-

нику Евангелія въ Англіи. Августинъ посланъ быль въ Англію папой Григоріемъ вмѣстѣ съ 36-ю монахами-бенедиктинцами для обращенія въ христіанство англо-саксовъ. Кентскій король Этельбертъ радушно встрѣтилъ его. Женатый на королевѣ Бертѣ, христіанкѣ, Этельбертъ подъ ея вліяніемъ принялъ христіанство самъ, и Августину удалось обратить затѣмъ почти всѣхъ его подданныхъ; въ эпоху кончины Августина, въ 605 г., большая часть Англіи подчинилась духовному главенству римскаго престола.

Сѣверная Англія дольше была языческой страной, пока наконецъ Эдвинъ, вождь дружинъ къ сѣверу отъ Гумбры, не вступилъ въ бракъ съ христіанкой, сестрой короля Эдбальда кентскаго. Подъ ея вліяніемъ и благодаря увѣща-ніямъ привезеннаго ею въ страну Эдвина священника — вождь принялъ христіанство, хотя его дружины оставались язычниками. Имѣя въ виду основательно обсудить новое ученіе, виттенагемотъ, то-есть собраніе старѣйшинъ-мудрецовъ, явился, чтобы выслушать Эдвина, который изложилъ передъ нимъ причины, побудившія его принять христіанство, и затѣмъ у каждого члена отдельно спросилъ его мнѣнія объ обсуждаемомъ ими предметѣ.

Первымъ высказался верховный жрецъ, объявившій, что, по его мнѣнію, старые боги—Одинъ, Торъ и Фрейя, не имѣютъ никакого значенія, и онъ не желаетъ впредь поклоняться имъ. Всльдъ за нимъ всталъ старѣйший вождь дружинъ и рассказалъ слѣдующую притчу.

«Не случалось-ли тебѣ замѣтить, о, король, какъ иногда въ зимній вечеръ, въ то время какъ ты сидишь за столомъ со своими танами и альдерменами, когда веселый огонь трещитъ на твоемъ очагѣ, а на дворѣ злится вѣтеръ и выюга,—въ твои покой влетаетъ маленькая птичка. Впорхнувъ черезъ одну дверь, она промелькнетъ по залѣ и вылетаетъ въ другую. Мгновеніе этого перелета ей пріятно, потому что она не чувствуетъ ни дождя, ни леденящаго вихря, но это только мгновеніе. Птичка исчезла. Приле-

тъвь съ зимней стужи, она опять вернулась туда-же. Подобной этому полету представляется мѣц человѣческая жизнь, которая длится на землѣ минуту въ сравненіи съ долгимъ временемъ небытія, которое предшествовало рожденію и слѣдуетъ за смертью. Эта вѣчность темна и пугаетъ насъ, такъ какъ мы ея не понимаемъ. Если новое учение можетъ дать намъ какія-нибудь опредѣленныя свѣдѣнія обѣ этой вѣчности,—я готовъ принять его».

Рѣчь старого воина рѣшила дѣло. Собраніе торжественно отреклось отъ своихъ прежнихъ боговъ. Только когда Паулинъ объявилъ, что они должны разбить идолы прежнихъ боговъ, не нашлось между ними ни одного, настолько убѣженного въ новыхъ истинахъ, чтобы взять на себя грѣхъ подобнаго святотатства. Тогда верховный жрецъ, сѣвъ на лошадь, поскакалъ съ мечомъ и копьемъ къ храму, гдѣ ударилъ оружіемъ въ стѣны капища и окончательно разрушилъ ихъ. Послѣ этого Паулинъ крестилъ дружину Эдвина, а затѣмъ объѣхалъ области Деиру и Бернику, крестя въ водахъ Суаллэ и Юры всѣхъ, кто рѣшился подчиниться постановленію виттенагемотта.

Въ VII и VIII столѣтіяхъ свѣтъ христіанства распространился по всѣмъ языческимъ странамъ: Андомаръ водворилъ христіанство въ Галліи, Паулинъ и Вильфридъ въ Англіи, Килькенъ, Рудпертъ и Бонифацій въ Германіи.

Въ 826 году Ансгарій, по желанію императора Людовика Благочестиваго, высадился съ однимъ только спутникомъ на датскій берегъ. Но впослѣдствіи онъ учредилъ въ Даніі несолько училищъ, воспитавшихъ немалое число миссіонеровъ. Въ X столѣтіи проповѣдники христіанства появились въ Венгріи и Польшѣ, гдѣ избрали своей резиденціей Гнѣзенскую епархію. Много трудовъ приняли они на себя, не одинъ кончилъ мученической смертью свою святую дѣятельность. Они занимались не однимъ обращеніемъ въ христіанство, но старались всячески прийти на помощь населенію: помогали зараженнымъ чумою, соби-

рали деньги, чтобы выкупать пленных изъ рукъ невѣрныхъ, ухаживали за больными.

Въ X и XI столѣтіяхъ во вновь обращенные страны являлись миссіонеры искусства, соорудившіе тамъ церкви и соборы. Вдохновленные благочестіемъ, создавали они великия произведенія, дышавшія жизнью, правдой и любовью, полныя святой гармоніи. Какая разница съ архитектурными созданіями нашего времени, которая поминутно обращаются въ развалины, тогда какъ старые соборы стоять цѣлые вѣка и до сихъ поръ вызываютъ своимъ великолѣпіемъ восторгъ во всѣхъ, кто видитъ ихъ!

Есть извѣстія, что христіанскіе миссіонеры секты несторіанъ уже въ VII вѣкѣ посѣтили Китай; съ XII вѣка появляются въ немъ проповѣдники французы, протестанты же проникли въ Небесную имперію лишь съ 1807 года. Вообще миссіонерство въ Азіи и Африкѣ появилось пока еще только на окраинахъ. Апостоломъ Индіи былъ Францискъ Ксавье, побывавшій и въ Японіи, и Ласъ-Казасъ, одинъ изъ наиболѣе неутомимыхъ и ревностныхъ распространителей христіанского ученія въ западной Индіи.

«Въ то время,—говорить о немъ Артуръ Гельпсъ,—когда всюду торжествовала грубая сила, примѣнявшаяся въ особенности къ дѣлу миссіонерства, Ласъ-Казасъ смѣло выступилъ передъ королевскимъ совѣтомъ защитникомъ того мнѣнія, что миссіонерская дѣятельность должна, болѣе чѣмъ какая-либо иная, обходиться безъ поддержки военной силы, полагаясь единственно на помощь свыше. Его дѣятельность и до сихъ поръ можетъ служить образцомъ того, какъ должны поступать миссіонеры.

Ласъ-Казасъ родился въ Севильѣ и учился въ Саламанскомъ университѣтѣ, а въ 1498 году онъ сопровождалъ своего отца въ западную Индію въ путешествіи, предпринятомъ Колумбомъ. Тутъ онъ впервые увидѣлъ Америку. Вдослѣдствіи онъ исполнялъ обязанности священника въ Испаньолѣ, при чёмъ выказалъ блестящія оратор-

скія способности, много самопожертвованія и энергіи. Онъ всюду слѣдовалъ за испанцами, всѣми силами стараясь пріобрѣсти любовь и довѣріе индійцевъ и защитить ихъ отъ жестокости побѣдителей. Послѣ того какъ ему пришлось быть свидѣтелемъ многократнаго кровопролитія, Ласъ-Казасъ рѣшился побѣхать въ Испанію, чтобы заступиться за угнетенный народъ. Добившись свиданія съ королемъ Фердинандомъ, міссионеръ рассказалъ ему о всѣхъ несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ, которыхъ приходится переносить индійцамъ, погибающимъ, не успѣвъ получить понятія объ истинной вѣрѣ и Богѣ. Но дряхлѣющій король не обратилъ вниманія на представленія Ласъ-Казаса и только послѣ его смерти самоотверженому міссионеру удалось заинтересовать судьбой несчастныхъ кардинала Хименеса, новаго регента государства, который принялъ иѣ-которыхъ мѣры для защиты индійцевъ. Но отправленные вмѣстѣ съ Ласъ-Казасомъ въ западную Индію три монаха орена св. Іеронима, посланные съ цѣлью пресечь злоупотребленія губернаторовъ и судей, приняли ихъ сторону. Ласъ-Казасъ опять отправился въ Испанію, но нашелъ регента при смерти; за шестнадцатилѣтняго короля Карла V правилъ теперь его канцлеръ, съ которымъ Ласъ-Казасъ и завязалъ переговоры объ облегченіи участіи индійцевъ. Но къ несчастью вскорѣ умеръ и канцлеръ; вліяніе надъ королемъ перешло къ епископу Бургосскому, и всѣ начинанія Ласъ-Казаса пошли прахомъ. Тогда онъ отправился въ Индію съ твердою рѣшимостью попытаться сдѣлать что можно въ пользу несчастныхъ самому, безъ посторонней помощи. Онъ попытался основать колонію въ Куманѣ, гдѣ подружился съ индійцами, стараясь спасти ихъ отъ жестокости испанцевъ. Но, не встрѣчая ни откуда помощи и сочувствія, онъ принужденъ былъ въ концѣ концовъ сдаться и, удрученный неудачами, принялъ постриженіе въ домініканскомъ монастырѣ въ Испаньолѣ, гдѣ и провелъ 8 лѣтъ въ уединеніи и молитвѣ. Потомъ

онъ снова обратился къ миссионерской дѣятельности и отправился въ сопровождениі двухъ монаховъ въ Перу и Мексику. Въ Никарагуа ему удалось создать настолько сильную оппозицію губернатору, что благодаря ей отмѣнена была одна изъ предполагаемыхъ внутрь страны экспедицій, всегда крайне пагубно отзывающихся на туземцахъ. Такъ, напримѣръ, къ одной изъ такихъ экспедицій приставлено было въ качествѣ носильщиковъ тяжестей около четырехъ тысячъ индійцевъ, изъ которыхъ вернулось домой только четверо. Ласъ-Казасъ разсказываетъ, что если кто-нибудь изъ индійцевъ заболѣвалъ въ дорогѣ отъ усталости и голода и не могъ идти далѣе, ему срубали голову, чтобы поскорѣй отдѣлить его отъ партіи его товарищей и освободить такимъ образомъ оштейникъ и цѣпи, которыми онъ былъ прикованъ къ другимъ туземцамъ.

Ласъ-Казасъ съ двумя товарищами попытались, между прочимъ, съ цѣлью распространенія христіанства, проникнуть въ Тузулутанъ, «землю войны», какъ съ ужасомъ называли ее испанцы, которые три раза безуспѣшно нападали на ея храбрыхъ жителей. Но мужественные миссионеры, исполненные сознанія правоты своей задачи, рѣшились проникнуть въ Тузулутанъ, хотя бы цѣной жизни. Для начала они перевели на мѣстный языкъ и изложили въ стихотворной формѣ главныіе догматы христіанскаго ученія, такъ что пѣніе этой поэмы могло сопровождаться игрой на мѣстныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Затѣмъ они выучили новой поэмѣ четырехъ индійскихъ разносчиковъ, посыпавшихъ ежегодно Тузулутанъ со своими товарами. Ласъ-Казасъ снабдилъ кромѣ того разносчиковъ различными бездѣлушками, на которыхъ такъ падки туземцы: бусами, колокольчиками, маленькими зеркальцами и т. п.

Разносчики, встрѣтившіе радушный приемъ со стороны тузулутанскаго князя, спѣли однажды вечеромъ въ присутствіи старѣйшинъ свои религіозные гимны подъ акком-

панимента туземной музыки. Гимны произвели глубокое впечатлѣніе на туземцевъ, купцы пѣли ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ вечеровъ, и князь, по мѣстному кацкѣ, пожелалъ знать ихъ происхожденіе. «Насъ научили имъ благочестивые падры», отвѣчали купцы, и кацкѣ послалъ этимъ удивительнымъ людямъ приглашеніе явиться въ его страну. Вскорѣ кацкѣ принялъ христіанство, и Лась-Казасъ и его товарищъ Педро де-Ангуло воздвигли церковь въ Рабиналь. Они поучали народъ не однимъ только религіознымъ истинамъ, а также сообщали имъ свѣдѣнія о разныхъ ремеслахъ, объ употребленіи одежды, воды и мыла. Христіанство распространилось до области Кобань, и такимъ образомъ старанія великодушныхъ монаховъ увенчались неожиданнымъ успѣхомъ.

Когда Лась-Казасъ снова вернулся въ Испанію въ 1536 году, его надолго задержали тамъ, въ виду того, что онъ могъ сообщить правительству много полезныхъ свѣдѣній обѣ Индіи, и онъ приступилъ за это время къ изданію своего замѣчательного сочиненія «Опустошеніе Индіи», которое произвело сильное впечатлѣніе на общество. Ему предложили затѣмъ мѣсто епископа въ Куцко, въ Перу, а затѣмъ, когда онъ отклонилъ это предложеніе,—епископскій санъ въ Новой Мексикѣ въ Чіапѣ, убѣдивъ его, что отклонить это предложеніе было бы грѣхомъ. Такимъ образомъ Лась-Казасъ опять перебрался въ Америку, гдѣ поселился въ Сіудадѣ-Реалѣ, главномъ городѣ провинціи.

Епископскій санъ не измѣнилъ его образа жизни и его привычекъ, отличавшихся крайней простотой. Онъ продолжалъ дѣятельную борьбу съ рабствомъ, отказывая въ отпущеніи грѣховъ всякому, кто становился рабовладѣльцемъ, чѣмъ и снискалъ себѣ всеобщую ненависть завоевателей, величавшихъ его епископомъ-чортомъ и антихристомъ и неоднократно покушавшихся на его жизнь. Мужественный епископъ не обращалъ на это никакого вниманія и продолжалъ бороться съ несправедливостью и зломъ.

Неустрашимый миссионеръ сложилъ съ себя, наконецъ, въ 1547 г. епископскій санъ и умеръ въ Мадридѣ 92-хъ лѣтъ отъ роду, двѣнадцать разъ въ жизни переплылъ океанъ.

То, противъ чего 300 лѣтъ назадъ возставалъ Ласъ-Казасъ, не устранило и понынѣ: миссионерамъ всюду предшествуетъ пѣхота, конница или артиллерія, или является вслѣдъ за ними. Съ 1800 по 1850 г. англичане выдали болѣе 14-ти миллионовъ на христіанскія миссіи — превосходный памятникъ благоговѣнія и вѣры,—но за это же время военные издержки наши возросли до 2 миллиардовъ съ миллионами, и это является еще болѣе краснорѣчивымъ памятникомъ нашей вѣры въ силу оружія.

Въ Африкѣ миссионеры медленно подвигались къ своей цѣли путемъ невѣроятныхъ затрудненій. Привыкшіе къ комфорту цивилизованной жизни, они селились среди дикихъ племенъ и переносить разнаго рода лишенія было имъ тѣмъ тяжелѣ, что ихъ раздѣляли съ ними ихъ жены и дѣти. Дѣятельность ихъ отмѣчалась полнѣйшимъ безкорыстіемъ, потому что они получали отъ правительства самое скучное содержаніе.

Замѣчательнѣйшимъ среди дѣйствовавшихъ на югѣ Африки миссионеровъ является докторъ Моффатъ, который въ 1820 году переправился въ качествѣ миссионера черезъ Оранжевую рѣку къ бетчуанскимъ племенамъ. Имѣя въ виду выучиться языку туземцевъ, онъ жилъ среди нихъ, какъ равный, не обращая вниманія на ихъ дикость, и перекочевывалъ съ ними съ мѣста на мѣсто. Овладѣвъ ихъ языкомъ, онъ сталъ проповѣждывать имъ Евангеліе; много времени прошло, и много лишеній онъ перенесъ, прежде чѣмъ дикии научились внимать его спасительному слову. Рука обѣ руку съ христіанствомъ распространялась и цивилизация. Дикие и грязные туземцы умылись и одѣлись; дикии привыкали къ труду, строили дома, воздѣлывали сады и заводили школы для дѣтей и церкви для взрослыхъ. Моффатъ могъ вздохнуть съ облегченіемъ.

Зять Моффата, Ливингстонъ, продолжалъ его дѣло. Ливингстонъ проникъ въ центральную Африку, куда еще никогда не ступала нога бѣлаго, неустанно борясь со стихіями, дикими людьми и звѣрьми, подвергаясь сплошь и рядомъ смертельной опасности. Ему удалось забросить семена вѣры въ сердца самыхъ дикихъ племенъ и проложить путь къ дальнѣйшей дѣятельности новыхъ миссіонеровъ. Онъ и умеръ на своемъ посту въ Италѣ. Похороненъ Ливингстонъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, по праву отдыхая въ средѣ великихъ дѣятелей англійского народа.

Люди, даже вполнѣ некультурные, судить другъ о другѣ не по словамъ, а по дѣламъ. Нерѣдко называющіе себя христіанами только набрасываютъ тѣнь на чистое учение, котораго являются проповѣдниками. Съ какой ужасающей ясностью звучитъ это положеніе въ незавѣнномъ отвѣтѣ индійскаго вождя убѣждавшему его обратиться въ христіанство миссіонеру: «Христіанинъ лжетъ и обманываетъ, христіанинъ крадетъ, пьянствуетъ, убиваетъ, христіанинъ отнялъ у меня мои земли и вырѣзalъ мое племя—дьяволъ христіанинъ — я не хочу быть христіаниномъ!» «Подобныя слова,—говорить докторъ Гутри,—должны научить настъ съ осторожностью относиться къ выраженію нашихъ религіозныхъ убѣжденій, а разъ выразивъ ихъ—жить согласно съ ними».

Обратясь къ другой части свѣта, островамъ Тихаго океана, мы найдемъ въ миссіонерской средѣ, подвизавшейся тамъ, также не мало героевъ и подвижниковъ. Къ числу такихъ людей принадлежитъ прежде всего Джонъ Вильямъ, известный подъ названіемъ прромангскаго мученика. Жизнь его — цѣлый романъ, который начинается, однако, въ зрѣлыхъ его годахъ, потому что его дѣтство и отрочество не отличались ничѣмъ особыеннымъ. Мальчикомъ онъ поступилъ въ ученье къ одному лондонскому торговцу желѣзными издѣліями, живя у котораго, съ большимъ совершенствомъ и умѣньемъ выполняя разныя же-

лѣзныя работы. Юношь онъ сблизился съ дурными товарищами, хвалившимися своими атеистическими взглядами; но лучшія стороны его характера взяли къ счастью верхъ, и онъ сдѣлался впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ ревностныхъ преподавателей воскресной школы.

Миссіонерская дѣятельность среди язычниковъ возбуждала тогда всеобщій интересъ въ обществѣ. Джонъ Вилльямсъ почувствовалъ горячее къ ней влечение и послѣ нѣкоторыхъ колебаній предложилъ свои услуги лондонскому миссіонерскому обществу. Въ 1810 году, едва двадцати лѣтъ отъ роду, онъ ушелъ изъ своей мастерской и занялся литературой и богословіемъ, посыщая въ то же время мастерскія и фабрики, чтобы лучше и ближе познакомиться съ ремеслами и разными производствами, свѣдѣнія о которыхъ онъ могъ бы впослѣдствіи распространить вмѣстѣ съ религіозными началами въ средѣ дикихъ народовъ.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія капитанъ Кукъ открылъ во время своего кругосвѣтного плаванія въ Тихомъ океанѣ большое количество острововъ, дикое населеніе которыхъ отличалось то сравнительной кротостью нрава, то жестокостью и кровожадностью,—всъ безъ исключения были язычниками. Эти острова и избрало лондонское миссіонерское общество первоначальной ареной своей дѣятельности. Піонеры цивилизаціи работали тамъ уже въ продолженіе дѣлого ряда лѣтъ, но безъ особенного успѣха. Съ теченіемъ времени туземцы стали, однако, мало-помалу переходить въ христіанство. Такъ какъ миссіонеры постоянно настоятельно просили лондонское общество о присылкѣ имъ новыхъ товарищей, Джонъ Вилльямсъ, несмотря на его сравнительно недостаточную подготовку къ новой дѣятельности, отправленъ былъ вмѣстѣ съ другими миссіонерами въ Сидней. Передъ отъездомъ онъ женился на миссъ Мэри Чаннеръ, впослѣдствіи неутомимой его сотрудникѣ и помощницѣ въ дѣлѣ распространенія хри-

стіанства и цивилизації среди дикихъ. Изъ Сиднея новую партію місіонеровъ переправили на одинъ изъ острововъ Товарищества—Эймео. М-ръ Вілльямсъ немедленно принялся за изученіе талтійскаго нарѣчія, исполняя въ то же время всѣ желѣзныя работы для небольшого судна, которое місіонеры строили для Помарә, королевы Таити.

Вскорѣ мистера Вілльямса перевели сначала на островъ Гуагейнъ, а потомъ на островъ Райатеа, центральный и самый большой среди острововъ Таити, и здѣсь місіонерская его дѣятельность привела къ блестящимъ результатамъ. Онъ приложилъ всѣ старанія, чтобы вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства поспособствовать по мѣрѣ силъ улучшенію какъ физическаго, такъ и нравственнаго состоянія туземцевъ. Туземцы отличались крайней лѣнностью. Вілльямсу удалось пріучить ихъ къ труду и ввести у нихъ единобразіе вмѣсто прежняго беспорядочнаго сожительства.

По его примѣру они принялись строить себѣ дома, при чёмъ его уютный и комфортабельный домъ, выстроенный имъ самимъ и обставленный собственноручно сдѣланными имъ предметами служилъ для нихъ образцомъ. Вілльямсъ научилъ туземцевъ строить суда, уговорилъ въ видахъ будущаго развитія торговли разводить собственный сахарный и табачный плантациіи и обрабатывать на нихъ табакъ и сахаръ. Цилиндры для сахарного завода выточены были на станкѣ, изготовленномъ самимъ Вілльямсомъ.

Обучивъ такимъ образомъ туземцевъ разнымъ производствамъ и ремесламъ, Вілльямсъ принялся отыскивать рынки, гдѣ жители острова Райатеа могли бы сбывать свои произведенія. Онъ задумалъ распространить свои мирные завоеванія и на другіе острова Таити, такъ какъ держался убѣжденія, что коммерческія сношенія между островами, лучшіе чѣмъ что-либо, послужать распространенію цивилизації.

Такъ какъ его небольшія лодки не годились для этой

цѣли, онъ, горя желаніемъ поскорѣй привести въ исполненіе свои замыслы, отправился въ 1822 году въ Сидней и купилъ тамъ грузовое судно «Стараніе» въ семьдесят тоннъ. Сэръ Томасъ Брисбенъ, губернаторъ Новаго Южнаго Уэлльса, подарилъ ему нѣсколько экземпляровъ коровъ и овецъ для разведенія на островахъ скота. Всю отвѣтственность за задуманное предпріятіе Вилльямсъ долженъ былъ принять на себя, потому что нашлись люди, которые многократно давали ему понять, что его дѣло проповѣдывать, а не заводить торговлю. Но онъ держался того убѣжденія, что лондонское общество, вникнувъ въ важное значеніе его предпріятія, придетъ со своей стороны на помощь ему.

Въ 1823 году онъ смѣло направилъ свой корабль къ островамъ Гарвейскимъ, съ намѣреніемъ открыть островъ Раратонгу, еще неизвѣстный europейцамъ, но о которомъ ходило много неясныхъ легендъ между народонаселеніемъ Райатеа. Поиски Вилльямса оказались на этотъ разъ тщетными. И лишь во второй разъ, послѣ долгаго и тяжелаго плаванія при неблагопріятномъ вѣтрѣ, взобравшійся, по приказанію Вилльямса, на самую верхушку мачты матросъ-туземецъ объявилъ, что видитъ на горизонтѣ Раратонгу.

«Въ ту минуту, какъ мы, за недостаткомъ провіанта,— разсказываетъ Вилльямсъ,—уже почти готовы были отказатьсь отъ цѣли нашихъ продолжительныхъ поисковъ, жаркіе лучи восходящаго солнца разогнали облака, и матросъ вывелъ насъ изъ напряженного ожиданія, воскликнувъ: «Вотъ островъ, который мы ищемъ!» Переходъ отъ одного чувства къ совершенно противоположному другому совершился такъ быстро и рѣзко, что я до сихъ поръ, спустя много лѣтъ, еще живо помню то радостное впечатлѣніе, которое произвели на насъ слова матроса».

Миссіонеръ и его спутники встрѣтили у жителей острова самый радушный приемъ. Вилльямсъ сообщилъ, что явился съ цѣлью научить островитянъ Раратонги вѣрѣ въ истиннаго Бога. Вскорѣ владѣтель острова и его подданные

приняли христианство. Вилльямсъ, оставивъ на островѣ одного изъ туземцевъ - учителей, возвратился на Райатеа съ цѣлью предпринять новую экспедицію, чтобы соединить подъ своимъ попеченіемъ всю группу острововъ «Мореходцевъ», когда до него дошло изъ Лондона извѣстіе, что миссионерское общество опасается, какъ бы новые торговые предприятия не сообщили дѣятельности Вилльямса слишкомъ свѣтского характера. Въ то же время губернаторъ Нового Южнаго Уэлльса издалъ новые торговые уставы, послужившіе большими препятствіемъ къ развитію островной торговли. Тогда Вилльямсъ отправилъ свое судно въ Сидней, поручивъ своимъ друзьямъ продать его вмѣстѣ съ товарами, которыми оно было нагружено.

Вилльямсъ остался жить непрежнему на Райатеа, а Раратонгу только навѣщалъ по-временамъ. Въ 1827 году онъ отвѣзъ туда новыхъ миссионеровъ, м-ра и м-съ Питманъ, которые нашли по прибытіи, что народъ истребилъ уже старыхъ идоловъ, и нравственное и физическое его состояніе значительно улучшилось. М-ру Вилльямсу пришлось вскорѣ приняться за переводъ священнаго писанія на языкъ Раратонги, такъ какъ все книги до сихъ поръ существовали лишь на языкѣ Таити. Такимъ образомъ Вилльямсъ увидѣлъ себя вынужденнымъ составить грамматику раратонгскаго языка. Затѣмъ онъ составилъ для туземцевъ планъ церкви, которая была съ помощью туземцевъ и ихъ вождей отстроена въ два мѣсяца.

Во время постройки этой церкви произошелъ слѣдующій любопытный эпизодъ. М-ръ Вилльямсъ, забывъ однажды дома свой наугольникъ, послалъ за нимъ одного туземца съ дощечкой, на которой онъ написалъ женѣ просьбу отослать наугольникъ съ подателемъ дощечки. «Что мнѣ сказать?» — спросилъ туземецъ. — «Доска сама скажетъ, что мнѣ нужно, только передай ее», — отвѣтилъ Вилльямсъ. Туземецъ ушелъ, убѣженный, что надъ нимъ подшучиваютъ. Когда же м-съ Вилльямсъ, получивъ дощечку, прочла

ее и подала посланному наугольникъ, туземецъ побѣжалъ отъ нея, крича съ удивленіемъ: «Какъ мудры англичане! Они заставляютъ даже доски говорить за себя». И въ продолженіе нѣсколькихъ дней вокругъ него собиралась толпа, которая съ изумленіемъ выслушивала разсказъ о чудо-творной доскѣ, повѣщенной посланцемъ на веревкѣ себѣ на шею.

Принужденный прожить на Раратонгѣ до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь корабль отвезь-бы его на Райатеа, м-ръ Вилльямсъ постарался съ пользою провести здѣсь время. Онъ открылъ школу для туземцевъ, которые однако выказывали гораздо меныше способностей къ ученію, чѣмъ ихъ единоплеменники на Райатеа. Впрочемъ, когда Вилльямсъ перевѣлъ евангеліе на раратонгскій языкъ, обученіе попшло быстрѣе.

Нововведенія на островѣ пришлись однако по вкусу далеко не всѣмъ его жителямъ, и иѣкоторая часть молодежи, скучавшая по прежнимъ разнузданнымъ обычаямъ, составила заговоръ убить Вилльямса и бросить въ море тѣло его и его спутниковъ. Совѣтъ старѣйшинъ, когда заговоръ открылся, приговорилъ четырехъ его зачинщиковъ къ смертной казни. Вилльямсъ ходатайствовалъ о дарованіи имъ жизни. Пока шли совѣщанія по этому поводу, одинъ изъ старѣйшинъ спросилъ, какъ въ подобномъ случаѣ поступаютъ англичане. Ему отвѣтили, что въ Англіи существуютъ законы и суды, которые опредѣляютъ наказанія преступникамъ, согласно съ закономъ. «Пусть и у насъ будетъ такъ-же!»—заявили старѣйшины. И м-ръ Вилльямсъ и м-ръ Срелкельдъ составили для туземцевъ цѣлый кодексъ законовъ, изложивъ его самимъ простымъ и яснымъ языккомъ. Въ основу судопроизводства они положили судъ присяжныхъ, считая его лучшей гарантіей отсутствія произвола и несправедливости.

Напрасно прождавъ на Раратонгѣ нѣсколько мѣсяцевъ появленія какого-либо корабля, Вилльямсъ предпринялъ нѣ-

что неслыханное до сихъ поръ: онъ рѣшилъ собственноручно построить себѣ корабль. Орудій для постройки у него совсѣмъ не было. Прежде всего нужно было раздобыть пару кузнечныхъ мѣховъ. Изъ шкуръ трехъ убитыхъ козъ Вилльямсу удалось приготовить ихъ, но только новые мѣхи вмѣсто того, чтобы раздувать огонь—тушили его. Кромѣ того однажды ночью ихъ совершенно сѣли крысы, оставивъ только деревянный остовъ. Тогда Вилльямса осѣнила блестящая мысль, что если насосъ выкачиваетъ воду, отчего бы не заставить его производить движение воздуха,—и принялъся за постройку соотвѣтствующей машины, съ помощью которой онъ и заготовилъ всѣ необходимыя жѣлѣзныя части для будущаго корабля: вмѣсто молота онъ работалъ просверленнымъ камнемъ, и камень же служилъ ему наковальней. Каменный уголь замѣненъ былъ дре-веснымъ-кокосовымъ; испытывая недостатокъ въ жѣлѣзѣ, онъ сколачивалъ доски деревянными гвоздями: якорь былъ тоже деревянный и кромѣ того для той же цѣли приспо-соблена была бочка, наполненная камнями. Паруса сдѣланы были изъ цыновокъ, на которыхъ обыкновенно спали туземцы, и т. п. Послѣ пятнадцати недѣль работы корабль вышелъ въ море; онъ поднималъ до 80-ти тоннъ и носилъ название «Вѣстникъ мира».

Такъ какъ Райатеа отстоялъ отъ Раратонги болѣе, чѣмъ на 800 миль, то рѣшили, опасаясь за безопасность плаванія на новомъ кораблѣ, пойти сначала на островъ Айтутаке, находившійся отъ Раратонги всего въ 170 ми-ляхъ разстоянія. Несмотря на неблагопріятный вѣтеръ, плаваніе совершилось довольно благополучно. У м-ра Вилльямса былъ компасъ и квадрантъ, что значительно облег-чило ему путь. Принимавшій участіе въ экспедиціи ко-роль острова Раратонги, Макеа, ничему не удивлялся столько, какъ умѣнью европейцевъ указывать ту сторону, въ которой находился берегъ. «Никогда не назову я впредь воинами тѣхъ людей,—промолвилъ при этомъ Макеа,—ко-

торые дерутся на сушѣ: имени воина достойны только англичане, которые умѣть справляться съ морскими бурами!»

«Вѣстникъ мира» простоялъ въ Айтутаке около десяти дней и взялъ тамъ въ качествѣ обратнаго груза кокосовыхъ орѣховъ, свиней и кошекъ. Раратонгскія свиньи были чрезвычайно мелки и плохо разводились: вотъ почему, имѣя въ виду помочь этой бѣдѣ, Макеа взялъ съ собой семьдесятъ штукъ лучшей породы. Что-же касается кошекъ, то ими запаслись для уничтоженія крысъ, которыхъ составляли одну изъ 10 египетскихъ казней Раратонги: крысы всѣхъ мастей и величинъ бѣгали всюду: по столамъ, стульямъ, постелямъ, воровали мясо, ёли шкуры животныхъ, одежду, а въ случаѣ голода и собственныхъ крысятъ. Кошки поэтому были встрѣчены народонаселеніемъ Раратонги съ большимъ удовольствиемъ. Вмѣстѣ со свиньями онѣ не замедлили избавить островъ отъ ужасныхъ крысъ.

Добравшись на своемъ кораблѣ до Райатеа, м-ръ Вилльямъ нашелъ тамъ все въ самомъ лучшемъ порядкѣ и рѣшилъ распространить свою миссію на другіе соседніе острова. На «Вѣстникѣ мира» онъ пустился къ берегамъ острововъ «Мореходцевъ», до сихъ поръ никогда еще не посѣщаемыхъ миссіонерами, и всюду, куда проникалъ, вводилъ христіанство и распространялъ цивилизацію.

«Христіанство,—говорилъ онъ,—побѣждало всюду не съ помощью земной силы, но единственно благодаря собственному нравственному могуществу, тому свѣту, который всюду разливало, и тому духу любви и смиренія, которымъ оно было исполнено, такъ какъ благость—самый надежный ключъ къ человѣческому сердцу, въ какой-бы груди оно ни было: въ груди дикаря или въ груди цивилизованнаго человѣка. Народъ немедленно становился жаркимъ послѣдователемъ новаго ученія, какъ только слѣдствіемъ христіанства являлось милостивое обхожденіе съ ними ихъ вождей, когда-то столь кровожадныхъ и жестокихъ,

смѣтчившихся единственно подъ вліяніемъ евангельскихъ истинъ».

Послѣ долгихъ лѣтъ такихъ самоотверженныхъ тру-
довъ на чужбинѣ, м-ру Вилльямсу захотѣлось, наконецъ посѣтить свою родину. Отправивъ въ Таити свой знамени-
тый «Вѣстникъ мира», онъ прибыль въ Лондонъ на кито-
бойномъ суднѣ въ іюнѣ 1834 года. Тутъ м-ръ Вилльямсъ пред-
ставилъ британскому библейскому обществу рукопись своего
перевода священнаго писанія на гаргонгское нарѣчіе, кото-
рый былъ одобренъ и представленъ къ напечатанію. Кромѣ
того м-ръ Вилльямсъ составилъ отчетъ о наиболѣе важныхъ
результатахъ своей миссіонерской дѣятельности. Отчетъ
этотъ, написанный въ повѣстовательной формѣ, перепол-
ненный самыми интересными этнографическими и этноло-
гическими свѣдѣніями, привлекъ всеобщее вниманіе къ его
автору, которому пришлось держать рѣчи на многихъ ми-
тингахъ въ разныхъ частяхъ Англіи. Благодаря связямъ
со многими высокопоставленными лицами, а также со мно-
гими представителями науки и искусства, которая онъ за
это время пріобрѣлъ, — со всѣхъ сторонъ посыпались по-
жертвованія въ пользу его миссіонерскихъ задачъ. Часть
этихъ денегъ м-ръ Вилльямсъ издержалъ на пріобрѣтеніе
миссіонерского судна «Camden», и послѣ четырехлѣтняго
пребыванія въ Англіи супруги Вилльямсъ отправились
вмѣстѣ съ 16-ю новыми миссіонерами и ихъ женами на
новомъ суднѣ на острова Южнаго океана, куда и при-
были благополучно.

Обѣхавъ группу острововъ Товарищества и другихъ,
гдѣ миссіонеръ насадилъ уже начала христіанства и
цивилизациі, м-ръ Вилльямсъ отплылъ далѣе на Западъ и
благополучно совершилъ свое плаваніе, пока не высадился
вмѣстѣ со своимъ другомъ Гаррисомъ при Дилонской
бухтѣ на островѣ Ирроманго, принадлежащемъ къ группѣ
Гебридскихъ острововъ. Раздраженные варварскимъ обра-
щеніемъ съ ними какихъ-то европейцевъ, посѣтившихъ

также на корабль этот островъ ранѣе Вилльямса, туземцы въ отместку за то, что вынесли отъ бѣлыхъ, убили миссіонеровъ, при чёмъ Вилльямсъ и Гаррисъ были съѣдены ими: остальные поспѣшили спасти.

Таковъ былъ ужасный конецъ дѣятельности одного изъ самыхъ безкорыстныхъ и благородныхъ распространителей высокихъ истинъ и подвижниковъ на поприщѣ христіанской любви къ ближнему. Исполненный несокрушимой энергіи, онъ умѣлъ съ полной вѣрой въ дѣло терпѣливо выжидать богатыхъ всходовъ посѣянныхъ имъ сѣяній. Ничто изъ предпринятаго имъ не погибло: даже каннибалы Ироманго поддались наконецъ вліянію умироворяющаго ученія Христа и уничтожили своихъ идоловъ и ихъ капища.

По слѣдамъ м-ра Вилльямса пошли многіе другіе благородные дѣятели, какъ, напримѣръ, епископъ Ново-Зеландскій Джорджъ Сильвейнъ, который послѣ семилѣтнихъ непрерывныхъ трудовъ на материкѣ, приступилъ къ проповѣди Евангелия на пяти группахъ острововъ Меланезіи, расположенныхъ между материкомъ и Новой Зеландіей. Въ отвѣтъ на упреки друзей, которые ставили ему на видъ опасности, соединенные съ его предпріятіями,—онъ отвѣчалъ: «Куда купецъ проникаетъ съ цѣлью что-либо наѣхть, туда миссіонеръ долженъ идти за пріобрѣтеніемъ душъ». «Работая на этихъ островахъ,—писалъ онъ своему отцу,—нельзя, конечно, обойтись безъ риска, но, не рискуя, нельзя вѣдь и достичь чего-либо».

Рискъ былъ тѣмъ болѣе значителенъ, что епископъ совершенно не позволялъ вооружаться людямъ своего судна, «такъ что только присутствіе духа,—говоритъ капитанъ Эрскинъ,—избавили однажды на островѣ Маликало епископа и его спутниковъ отъ участія, постигшей Вилльямса».

Въ отвѣтъ на другіе укоры, будто, заботясь объ островитянахъ, онъ запускаетъ дѣла собственной епархіи, епи-

сколь увѣрять, что одно искелько не вредить другому; сердце его жило на отдаленныхъ островахъ, исполненное братской любви къ ихъ смуглымъ обитателямъ: ему казалось, что Богъ, превратившій его въ такого искуснаго мореплавателя, «указалъ ему путь по волнамъ, вздывающимся какъ горы, домъ—надъ морской бездной».

Въ 1855 году на помощь къ епископу Сильвейну прибылъ Джонъ Кольриджъ Паттесонъ; полный высокаго самоотверженія, онъ отправился съ проповѣдью къ жителямъ Ново - Гебридскихъ - Банксовыхъ, Соломоновыхъ и Санта-Круцкихъ острововъ, известнымъ своимъ людоѣдствомъ. Проповѣдь его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ и впослѣдствіи онъ писалъ: «Не вѣрьте свирѣпости жителей острововъ. Когда страсти ихъ возбуждены—они способны на варварскіе поступки, и я не могу отрицать того, что они почти людоѣды; но ужасные пиры свои они устраиваютъ обыкновенно послѣ битвы, не иначе. Если-же съ ними обходиться мягко и осторожно, то, мнѣ кажется, посѣщеніе ихъ не представляетъ никакой опасности. Подъ посѣщеніемъ я подразумѣваю сначала просто высадку на берегъ, затѣмъ можно побывать въ туземныхъ поселкахъ, а затѣмъ и провести тамъ дней десять».

Въ своихъ проповѣдяхъ въ Сидней высказалъ онъ слѣдующія положенія: «Любовь является всеобъемлющей силой. Пробужденная въ сердцѣ человѣка, она неизбѣжно вдохновитъ собою сердца его ближнихъ, къ какой-бы расѣ они ни принадлежали».

Поѣзду свою по Меланезійскимъ островомъ м-ръ Паттесонъ предпринялъ исполненный бодрости и самыхъ сильныхъ надеждъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ быстро пріобрѣлъ любовь и уваженіе дикарей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, съ полнѣйшимъ довѣріемъ относясь къ тѣмъ и другимъ. Онъ посѣтилъ и островъ Ирроманго, гдѣ погибъ м-ръ Вилльямсъ, и даже острова Фатэ, о свирѣпости жителей которыхъ ходили самые ужасные разсказы. Когда

однажды судно «Королевское Величество» потерпѣло крушение у береговъ этого острова,—населеніе Фатэ изерѣзalo всѣхъ 18 человѣкъ экипажа, изъ которыхъ 9 тутъ-же сѣли, а остальныхъ послали на жаркое своимъ друзьямъ.

Въ 1861 году Паттесонъ посвященъ былъ въ епископы Меланезийскихъ острововъ: онъ продолжалъ трудиться по-прежнему и въ этомъ новомъ санѣ, подвергаясь каждую минуту смертельной опасности, такъ какъ отравленная стрѣла дикаря могла каждую минуту настигнуть его. Но миссионеръ никогда не терялъ присутствія духа и сохранялъ свою обычную привѣтливость и радушіе. Сознаніе, что самъ Господь послалъ его спасать души язычниковъ, заставляло его пренебрегать всѣми опасностями.

Въ своемъ письмѣ къ лондонскому миссионерскому обществу съ просьбой о присылкѣ ему новыхъ сотрудниковъ, онъ говоритъ: «Человѣкъ, который, посвящая себя миссионерству, считаетъ это жертвой съ своей стороны, а также и тѣ, которые смотрятъ на наши кокосовые и коралловые острова съ романтической точки зрѣнія,—не подойдутъ мнѣ. Человѣкъ, убѣжденный, что всякая ручная работа унижаетъ его дворянское достоинство, точно также не годится для здѣшнихъ мѣстъ и будетъ только помѣхой для настоящихъ тружениковъ; онъ будетъ кромѣ того чувствовать себя крайне неловко, видя, что епископъ исполняетъ то, что онъ считаетъ унизительнымъ для себя. Если же къ намъ съ Божьей помощью вздумаетъ пріѣхать настоящій труженикъ,—онъ будетъ желаннымъ гостемъ и найдетъ счастье въ трудахъ, ведущихъ къ самымъ благотворнымъ результатамъ».

Этотъ призывъ не остался безъ отвѣта. Не изъ-за выгодъ покидали Англію эти самоотверженные люди, посвятившіе себя миссионерству, потому что они получали самое скромное содержаніе въ суммѣ около ста фунтовъ стерлинговъ въ годъ, впослѣдствіи ста пятидесяти. Всюду на ихъ посту подстерегали ихъ опасности. При Санта-Круцѣ въ

1864 году туземцы встрѣтили епископа и его сотрудниковъ выстрѣлами изъ луковъ, причемъ одному стрѣла пронзила грудь, а другому глазъ, гребцу Юигу отраженная стрѣла попала въ кисть лѣвой руки и онъ умеръ отъ столбняка, промолвивъ епископу: «Поцѣлуйте меня, я радъ, что смерть застала меня на моемъ посту».

Епископъ посѣтилъ вслѣдъ за этимъ Норфолькъ, острова Фиджи, Таити и другіе, всюду завоевывая новыхъ послѣдователей христіанской церкви. Онъ перевѣлъ на языкъ дикарей весь Новый Завѣтъ и часть Ветхаго. Однажды въ день Рождества Христова разбудилъ его на островѣ Норфолькѣ хоръ пѣвчихъ-меланезійцевъ, исполнявшій за дверьми его спальни гимнъ въ честь праздника. «Какъ сладостно было мнѣ слышать это пѣніе,—говорить онъ.—Голоса ихъ такъ отчетливо и звонко раздались въ тиши полуночи, въ тепломъ живительномъ воздухѣ этой волшебной страны. Долго не могъ я заснуть, размыслия о счастливой перемѣнѣ, произшедшей въ душевномъ настроеніи этихъ дикарей, о томъ, за что Господь послалъ мнѣ на долю великое счастіе быть свидѣтелемъ этой перемѣны, и преклонившись передъ Его безконечнымъ милосердіемъ».

Послѣдуетъ теперь за нимъ въ его послѣдней поѣздкѣ по Санта-Круцскому архипелагу. Это было время, когда разбойнические суда поминутно дѣлали набѣги на острова, похищая туземцевъ для работы на своихъ плантаціяхъ, вслѣдствіе чего многіе маленькие острова сдѣлались совершенно безлюдными. Такъ, человѣкъ пять туземцевъ увѣзено было квислендскими разбойниками и съ острова Нукапуа. Когда миссіонерское судно епископа подходило къ этому острову, матросы увидѣли у коралловаго рифа пять туземныхъ лодокъ. Въ одну изъ нихъ, гдѣ находилось двое старѣйшинъ, дружившихъ прежде съ епископомъ, перешель Паттесонъ и высадился съ нея затѣмъ на берегъ.

Въ это время въ корабельную лодку, которая стояла вмѣстѣ съ яликами дикарей, одинъ изъ туземцевъ, неожи-

данно вскочивъ, пустиль свою аршинную стрѣлу; его примѣру послѣдовали другіе. Тогда матросы принялись усиленно грести; тѣмъ не менѣе имъ удалось уйти изъ подъ стрѣлъ дикарей, только когда всѣ четверо почувствовали, что они ранены болѣе или менѣе тяжело. Епископъ быль очевидно убить на берегу. Вскорѣ два ялика, одинъ наполненный туземцами, а другой повидимому пустой, приблизились къ кораблю; яликъ съ туземцами ушелъ обратно, а пустой понесся по теченію. Когда онъ проплывалъ мимо корабельной лодки, одинъ изъ матросовъ увидѣлъ на немъ сапоги епископа. Лодка подплыла къ ялику и вскорѣ матросы вытащили изъ него завернутое въ цыновку тѣло епископа съ кроткой улыбкой, застывшей на губахъ. На груди его была прикреплена большая пальмовая вѣтка, подъ которой найдено было при осмотрѣ пять глубокихъ ранъ.

Романическая таинственность, сопровождавшая смерть епископа, напоминаетъ намъ легенды о мученикахъ первыхъ вѣковъ христіанства. Всѣ, знаяшіе его и любившіе сходились во мнѣнїи, что его постигла именно такая смерть, которую онъ желалъ встрѣтить, всегда готовый пожертвовать собою во имя своего долга. Очевидно, онъ погибъ жертвой мщенія за похищенныхъ съ острова Ну-капуа туземцевъ. Тѣло Джона Наттесона было погребено въ волнахъ Тихаго океана.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого печального события островъ Санта-Круцъ посѣтилъ командоръ Гуденауфъ, пожелавшій во что бы то ни стало увидѣть мѣсто кончины епископа, хотя со всѣхъ сторонъ совѣтовали ему не дѣлать этого, такъ какъ мѣстные туземцы славились своимъ вѣроломствомъ. Когда онъ высадился въ первый разъ, туземцы встрѣтили его привѣтливо, не то было во второй разъ... Вотъ какъ описываетъ онъ происшедшее въ письмѣ къ своей женѣ, которому суждено было быть его послѣднимъ письмомъ:

«Высадившись, я вдругъ замѣтилъ туземца, который готовился пустить стрѣлу, и едва я успѣлъ подумать, что это не болѣе, какъ пустая угроза,—стрѣла вонзилась мнѣ въ бокъ. Я тотчасъ же скомандовалъ матросамъ: къ лодкамъ! и выдернувъ стрѣлу, бросился, что есть силы, бѣжать внизъ по крутыму берегу, осыпаемый градомъ стрѣль. Достигнувъ лодки, я показалъ свою рану доктору, который основательно прижегъ ее ляписомъ и перевязалъ». Пять дней спустя онъ приписалъ: «Я чувствую себя почти здоровымъ: единственное, что меня беспокоитъ,—это боль въ спинѣ, лишающая меня сна. Я чувствую...» На этомъ прерывается его письмо, у него не хватило силъ дописать его.

Онъ умеръ жертвою отравленной стрѣлы, спокойно выслушавъ предупрежденіе доктора объ опасномъ положеніи, въ которомъ находился: вся его жизнь недаромъ была лишь подготовленіемъ къ смерти. Онъ приказалъ вынести себя передъ смертью на палубу и тамъ, обратясь къ стоявшимъ вокругъ его постели въ молчаливой печали спутникамъ его и товарищамъ, онъ заклиналъ ихъ смѣло идти по его слѣдамъ и не оставлять своихъ святыхъ задачъ. Затѣмъ онъ тихо скончался и тѣло его было опущено въ море.

Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ мѣста, намъ не приходится перечислять подвиги другихъ миссіонеровъ: іезуитовъ въ Японіи, Китай и Америкѣ—Сѣверной и Южной, Джона Элліота, первого миссіонера американскихъ индійцевъ и слѣдовавшихъ за нимъ Давида Брейнерда и Джонатана Эдвардса *), Мартейна, Гебера, Кэрри и Мерчмена,

*) Извѣній изъ своей церкви въ Коннектикутѣ за порицаніе свободныхъ правъ своихъ молодыхъ прихожанъ, Эдвардѣ посвятилъ себя проповѣди христіанства въ Стокбриджѣ въ средѣ индійцевъ, гдѣ пробылъ вмѣстѣ со своей женой болѣе шести лѣтъ. Здѣсь онъ написалъ лучшіе и самые глубокомысленные изъ своихъ трудинъ.

проповѣдывавшихъ въ Индіи; Чарльза-Фредерика Мэккензи, замученного въ Замбезе, и, наконецъ, Самуэля Марсдена, родоначальника австралійского миссіонерства *).

Будьте благословены, благородные христіанскіе герои, покрывшіе себя славою или умершіе въ неизвѣстности; всѣ, кто посвятилъ свое время и трудъ на благовѣстіе Евангелія, всѣ, кто пожертвовалъ своей жизнью за вѣру, всѣ, кто помогалъ несчастнымъ, нищимъ и непросвѣщеннымъ,— сподобятся вѣчнаго спасенія!

*) Превосходное описание жизни и дѣятельности этихъ миссіонеровъ заключается въ сочиненіи миссъ Юонъ: «Pioneers and Founders».

ГЛАВА XIII.

МЯГКОЕ ОБРАЩЕНИЕ СЪ ЖИВОТНЫМИ.

Въ глазахъ каждого животнаго отражается что-то человѣческое, лучъ непонятнаго свѣта, который словно пытается проникнуть въ тайну нашего про-
восходства надъ нимъ и отражаетъ въ себѣ пра-
сутствіе въ нась души къ внутренней жизни.

Рекліка.

Благочестивый милосердно относится къ своимъ животнымъ, безбожникъ не знаетъ состраданія.

Пр. Соломона 12, 10.

Тотъ, кто съ пренебреженіемъ относится къ ка-
кому бы то ни было созданію Божію,—выказываетъ
тупой и ограниченный духъ.

Вордсвортъ.

Съ какой жестокостью обращается постоянно человѣкъ съ животными: звѣрьми, птицами, лошадьми, или какими бы то ни было другими живыми тварями, на которыхъ онъ въ своемъ ослѣплѣніи смотритъ какъ на низшія су-
щества, созданныя лишь для того, чтобы служить ему. Гладіаторскія состязанія, бывшія въ ходу въ Римѣ, ис-
чезли, но бой быковъ въ Испаніи еще существуетъ и, по-
добно тому, какъ бывало римскія матроны находили удо-
вольствіе въ зрѣлищѣ окровавленныхъ гладіаторовъ, уми-
равшихъ на аренѣ амфитеатра, такъ въ настоящее время испанки упиваются картинами боя быковъ, отъ которыхъ съ отвращеніемъ отворачиваются англійскіе и нѣмецкіе солдаты. Собственно и англичане не безупречны относи-
тельно безпощаднаго обращенія съ животными: еще не

такъ давно народъ стекался толпами на бой быковъ между собою, а бои пѣтуховъ и травля барсуковъ не вывелись и до нашихъ дней. Спорть, то-есть въ сущности мучительство животныхъ, находитъ себѣ поклонниковъ, какъ въ богатомъ, такъ и въ бѣдномъ кругу. Въ 1822 году едва удалось другу животныхъ, Ричарду Мартейну провести законъ, принявшій ихъ подъ свою защиту, и все же нашлись судьи, которые объявили при этомъ, что быки должны оставаться виѣ закона.

Въ 1829 году билль о запрещеніи травли быковъ былъ отвергнутъ палатою община большинствомъ 73-хъ голосовъ противъ 28-ми. Правда, общественное мнѣніе было настолько противъ этой жестокой и безсмысленной забавы, что въ 1835 г. послѣдоваль все-таки указъ объ окончательномъ уничтоженіи. Дальнѣйшій уставъ общества покровительства животнымъ составленъ былъ на основаніи закона Мартейна. Къ сожалѣнію далеко не всѣ животные пользуются этимъ покровительствомъ закона.

Такъ, напримѣръ, птицы остались совершенно внѣ покровительства закона. Стоитъ лишь вспомнить объ избіеніи голубей въ Гурлингемѣ, гдѣ бѣдныхъ птичекъ выпускаютъ изъ западни и разряженныя дамы на пари стрѣляютъ въ нихъ. Кровь летить брызгами на пышныя платья, и каждый удачный выстрѣлъ встрѣчается рукоплесканіями. Раненая птичка съ раздробленнымъ крыломъ или лапкой, добравшись черезъ силу до ближайшаго лѣса, умираетъ въ тяжелой агоніи гдѣ-нибудь подъ кустомъ. Мода украшать перьями дамскія платья и шляпы принесла съ собой безжалостное избіеніе птичекъ. Въ газетѣ «Spectator» сообщалось однажды о свадьбѣ, на которой присутствовало одиннадцать молодыхъ девушки, одѣтыхъ въ бѣлые платья, украшенныя обшивками изъ лебяжьаго пуха и пуха красношеекъ. Какое ужасное избіеніе бѣдныхъ птичекъ должно было произойти ради одной этой свадьбы!

Торговля птичьими перьями приняла въ настоящее

время такие ужасающие размѣры, что нѣкоторымъ изъ самыхъ милыхъ созданій грозитъ въ скоромъ времени полнѣшее истребленіе: жаворонки, соловьи, красношейки уничтожаются безъ пощады и безъ разбора. Одинъ лондонскій продавецъ перьевъ получиль по одной только накладной 32 тысячи убитыхъ птицъ пѣвчихъ, 80 тысячъ водяныхъ и 800 паръ крыльевъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ парламентскимъ указомъ воспрещено было стрѣлять лѣсныхъ птицъ въ періодъ вывода птенцовъ, а затѣмъ едѣланы была попытка ограничить истребленіе дичи; но оба постановленія не принесли особенной пользы. Согласно послѣднему слову моды, дамскіе шапочки и токи должны быть украшены блестящими перьями дикаго селезня. Такъ какъ дома получить это украшеніе невозможно, то несчастныхъ птицъ разыскиваютъ по всемъ уголкамъ земного шара, особенно опустошается Индія, гдѣ водится огромное количество дикихъ утокъ особенно красивой породы *).

Въ Норвегіи жители съ гнѣвомъ и презрѣніемъ относятся къ англійскимъ туристамъ за массовое истребленіе ими дичи и лѣсныхъ птицъ. Юмористическій журналъ, выходящій въ Христіаніи, не такъ давно высказалъ по

*) Одинъ «другъ природы» пишеть изъ Кэйрпуря въ загорскую газету: «Недавно я слонялся вечеромъ по берегу одного изъ большихъ здѣшнихъ озеръ, когда мы попались на встрѣчу двою людей съ какими-то странного вида корзинами черезъ плечо. На мои вопросы они отвѣтили, что они птицеловы изъ Мадраса, и показали мнѣ до двухсотъ убитыхъ ими раполововъ, которыхъ, въ надеждѣ на хороший барышъ, несли въ Мадрасъ. Они рассказали мнѣ, что существуютъ этимъ промысломъ, распространеннымъ по всей странѣ, откуда птицеловы отправляютъ перья убитыхъ птицъ въ Англію. Такъ какъ они направились къ югу, то я спросилъ не въ Гуцуратѣ ли идутъ они теперь. Но, оказалось, что въ Гуцуратѣ этотъ промыселъ запрещенъ. Да здравствуютъ жители Гуцурута! Надо надѣяться, что ихъ примѣру послѣдуетъ и населеніе другихъ мѣстностей Британской Индіи, иначе эта красивая птица осуждена на совершившое исчезновеніе.

этому поводу слѣдующее: «Прошло то время, когда Англія принимала ревностное участіе въ политикѣ: она, повидимому, дремлетъ. За то въ теченіе цѣлаго лѣта Англія сплавляетъ къ намъ всѣхъ своихъ бездѣльниковъ, которые стрѣляютъ птицъ, ловятъ рыбъ и все уничтожаютъ и разрушаютъ, такъ что скоро отъ всей нашей дичи не останется и воспоминанія».

Чтобы ограничить это самовольство англійскихъ туристовъ, норвежскій стортингъ издалъ постановленіе, воспрещающее иностранцамъ носить съ собою, безъ особаго разрѣшенія властей, ружья и удочки.

Въ Англіи громадныхъ размѣровъ достигла ловля жаворонковъ: за три дня въ Лэкенхизѣ въ Суффолкѣ переволовлено было двѣ тысячи дюжинъ жаворонковъ, отправленныхъ въ Англію для приготовленія изъ нихъ особаго рода гастрономическихъ пирожковъ, употребление которыхъ за послѣднее время очень распространилось въ Англіи.

Однажды добрый человѣкъ рѣшилъ спасти отъ смерти жаворонковъ и провести лакомокъ. Дѣло происходило нѣсколько лѣть тому назадъ близъ Эбердина. Въ половинѣ марта поднялась снѣжная буря, и вся окрестность покрылась бѣлимъ саваномъ. Голодъ и холода вытѣснили птичекъ изнутри страны на берега моря, гдѣ жаворонки буквально покрыли собою всю землю, не отваживаясь взлетать кверху.

Этимъ воспользовалось множество народа, сбѣжавшагося ловить птицъ съ сѣтями, силками и западнями. Другъ птицъ, о которомъ мы говоримъ, встрѣтилъ какого-то парня, предлагавшаго ему купить жаворонка; птички помѣщались у него въ тѣсной клѣткѣ, гдѣ онѣ толпились, толкались, давили другъ друга, употребляя самыя отчаянныя усиленія, чтобы выбиться. Добрый человѣкъ купилъ всю клѣтку и пріютилъ птичекъ на время въ своеъ амбарѣ. Отправившись къ секретарю общества покровительства животнымъ,

онъ, къ своему крайнему огорченію, узналъ, что жаворонки почему,-то не находятся подъ защитой закона 1876 г., охраняющаго многихъ любимыхъ нами лѣсныхъ птичекъ.

Тогда этотъ другъ животныхъ рѣшилъ насколько возможно прийти на помощь бѣднымъ птичкамъ собственными средствами: онъ объявилъ занявшимся истребленіемъ птичекъ жителямъ, что согласенъ покупать ихъ живыми по той же цѣнѣ, которую имъ даютъ въ городѣ. Птицеловы, сообразивъ, что это предложеніе гораздо выгоднѣй, такъ какъ птицы, скупленныя добрымъ джентльменомъ, не подвергнутся избѣнію, а, напротивъ, будутъ пользоваться самымъ лучшимъ уходомъ, наносили ему болѣе 1000 штукъ жаворонковъ, такъ что онъ вынужденъ былъ нанять для нихъ особое помѣщеніе. По утрамъ звонкое пѣніе спасенныхъ птицъ становилось почти оглушительнымъ, и цѣлые стаи другихъ пернатыхъ пѣвцовъ собирались надъ домомъ, гдѣ они жили.

Спустя нѣкоторое время буря улеглась, и поля снова зазеленѣли. Въ жилищѣ птичекъ открыли окна и жаворонки со звонкимъ щебетаніемъ разлетѣлись по всѣмъ направлениямъ. Клѣтки изъ амбаровъ также вынесли въ поле, и спаситель птичекъ самъ освобождалъ своихъ пѣнниковъ. Иные, вырвавшись на свободу, сейчасъ же вспархивали въ вышину, другие летѣли низко надъ землею, скрываясь въ сосѣднемъ лѣсу. Выпущеные на волю жаворонки поселились въ окрестностяхъ Эбердина и каждую весну оглашали поля и лѣса звонкимъ и мелодичнымъ пѣніемъ. Можно себѣ представить радость гуманнаго человѣка!

Великій Леонардо да-Винчи, столь же знаменитый архитекторъ, философъ и художникъ, сколько известный другъ животныхъ, часто покупалъ клѣтки съ птичками съ цѣлью выпускать на свободу своихъ пѣнниковъ. Въ Луврской картинной галлерѣ есть картина, на которой великодушный артистъ изображенъ съ пустыми клѣтками у ногъ и порхающими надъ головой птичками.

Отшельники первыхъ эпохъ христіанства съ большой нѣжностью относились обыкновенно къ животнымъ, которые были ихъ единственными товарищами: птицы привлекали къ нимъ и даже дикия животные чувствовали себя въ безопасности въ ихъ близости; казалось, они инстинктивно понимали, что тутъ никто не тронетъ ихъ, тогда какъ обыкновенно птицы чувствуютъ приближеніе опасности: такъ вороны, спокойно сопровождавшія пахаря, на бороздахъ которого они лакомились хлѣбнымъ червякомъ, сей-часъ-же улетаютъ при приближеніи человѣка съ ружьемъ.

Святой Францискъ считалъ своими ближними всѣ живыя существа и изъ области поэзіи переносилъ эту идею въ дѣйствительную жизнь, обращаясь нерѣдко съ проповѣдью къ птицамъ. «Если вы обладаете способнымъ къ правильнымъ пониманіямъ жизни сердцемъ,—сказалъ другой философъ древности,—вы придетѣ къ убѣждѣнію, что въ каждомъ живомъ существѣ заключается зеркало жизни и каждое послужитъ вамъ поучительной книгой».

Совершенно иначѣ относятся къ этому предмету въ мѣстечкѣ Басъ-Рокъ при Фэрскомъ заливѣ, излюбленнѣйшемъ уголку мѣсто пребыванія шотландскихъ гусей. Яхты и пароходы съ охотниками и птицеловами то и дѣло появляются у скалистыхъ береговъ и убийственная пальба не умолкаетъ цѣлыми днями. Безчисленное количество птицъ убивается, другія же, раненые и окровавленные, мечутся въ смертельной тоскѣ надъ волнами, пока не умираютъ въ тяжкихъ мукахъ. На языкѣ людей, лишенныхъ сердца, это занятіе называется увлекательнымъ спортомъ. Птицы нерѣдко относятся другъ къ другу съ большей добротой и участіемъ, чѣмъ это дѣлаютъ люди. Однажды Эдвардъ изъ Банффа былъ свидѣтелемъ того, какъ двѣ морскія ласточки заботливо подняли на свои распростертые крыльшки убитаго имъ ихъ товарища и унесли хоронить его въ морскихъ волнахъ. Эдвардъ могъ бы застрѣлить и этихъ двухъ ласточекъ, но далъ имъ безпрепятственно за-

кончить ихъ подвигъ милосердія—прекрасный примѣръ любви къ ближнему, которымъ не худо бы воспользоваться каждому изъ нась.

Охота съ загономъ также принадлежитъ къ числу самыхъ недостойныхъ для болѣе или менѣе интеллигентнаго человѣка занятій; цѣлые стада куропатокъ, фазановъ, зайцевъ и другой дичи загоняются лѣсными сторожами или специальными охотниками въ одно какое-нибудь опредѣленное закрытое мѣсто, гдѣ охотники цѣлыми сотнями истребляютъ ихъ. Это тоже своего рода спортъ. Неужели можно допустить, что проявленіе подобной жестокости, служитъ выраженіемъ мужества? Серъ Чарльзъ Непиръ пересталъ охотиться на звѣрей и птицу, такъ какъ подобное избѣженіе беспомощныхъ существъ было свыше его силъ—это не помѣшало ему выиграть сраженіе при Міени. Когда генераль Утрамъ, рыцарь безъ страха и упрека своего времени, находился на излѣченіи въ Египтѣ вмѣстѣ со своей женою, одинъ изъ знакомыхъ принесъ имъ къ обѣду дичи. Утрамъ, печально посмотрѣвъ на птичку, промолвилъ: «Я далъ себѣ слово не охотиться больше на птицъ»—и не могъ заставить себя поѣсть ея, такъ что его другъ подарилъ жареную птицу бѣдной старухѣ-сосѣдкѣ.

Альбертъ Сіенскій изображается на средневѣковыхъ картинахъ ласкающимъ зайца, такъ какъ онъ считался покровителемъ этихъ животныхъ. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «Человѣкъ, который держитъ собакъ, чтобы травить звѣрей, самъ становится похожимъ на звѣря; есть люди, которые до-сыта кормятъ ословъ и муловъ, предназначенныхъ для перенесенія тяжестей, но спокойно предоставляютъ людямъ умирать съ голода». Одинъ французскій романистъ представляетъ англичанъ въ качествѣ варваровъ, главное удовольствіе которыхъ состоять въ томъ, чтобы бродить съ ружьемъ, убивая животныхъ, но онъ не видитъ бревна въ глазу своего соотечественника.

Во всякомъ случаѣ, еще въ Англіи водятся птицы, хотя за послѣдніе годы немало погибло ихъ отъ холода и голода, еще больше отъ охотничихъ пуль. Во Франціи-же всѣ лѣса поражаютъ своимъ безмолвіемъ: ни пѣнія, ни щебетанія не услышите вы въ прозрачномъ воздухѣ; всѣ бодрые маленькие пѣвцы лѣсовъ истреблены и съѣдены, а перья ихъ пошли на украшеніе дамскихъ нарядовъ; исчезли даже воробыи—самые довѣрчивые изъ окружающихъ человѣка пернатыхъ созданій.

Возмездіе не замедлило явиться. Деревья въ плодовыхъ садахъ уничтожаются червемъ, виноградники пожираются филоксерами, на листьяхъ кустарниковъ кистями висятъ гусеницы, которыми кормились бывало перебитыя птички, жатвы въ иныхъ мѣстахъ совершенно перестали приносить урожай. Ваттертонъ разсчиталъ, что пара воробьевъ способна истребить въ день столько червей, сколькихъ достаточно, чтобы пожрать въ недѣлю поль-акра всходовъ хлѣбныхъ растеній. Этихъ пернатыхъ защитниковъ Франція совершенно лишилась, благодаря собственному безразсудству.

Въ настоящее время во Франціи, благодаря почину министерства народнаго просвѣщенія, уже мало-по-малу вводятся разныя мѣры въ пользу покровительства животныхъ и птицъ. Такъ какъ дѣти обыкновенно склонны къ жестокости, то имъ первымъ и внушается въ школахъ сострадательное отношеніе къ животнымъ. Уже теперь возникло во Франціи около 500 юношескихъ обществъ покровительства животныхъ, которыхъ несомнѣнно принесутъ свою пользу. Въ Америкѣ точно также уже болѣе 2,000 мальчиковъ приписаны къ числу членовъ филадельфійского общества охраны животныхъ. Сколько требуется времени, чтобы вбить въ дѣтскія головы массу бесполезныхъ познаній и какъ мало внушается имъ человѣколюбиваго отношенія къ окружающему миру. Развивается преимущественно ихъ умъ, а сердце остается нетронутымъ.

Конечно, не легко и найти такихъ учитаѣй, которые сумѣли - бы затронуть въ душѣ ребенка ея лучшія струны. Гораздо чаще наши школы прибѣгаютъ къ физической силѣ: она проще и освѣзательнѣй; никто не задумывается о томъ, сколько горечи и ненависти вызываетъ она въ тайникахъ дѣтской души.

Нерѣдко учителя и воспитатели чрезвычайно жестоко обращаются съ дѣтьми, вѣреными ихъ попеченіямъ, держась крайне ошибочного убѣжденія, что дѣти обладаютъ такими-же умственными способностями и temperamentомъ, какъ ихъ родители и наставники. Ребенка, который не можетъ такъ же быстро и хорошо готовить своихъ урокъ, какъ остальные его сверстники, нерѣдко бранятъ и жестоко наказываютъ, не размыслия о томъ, какое горе причиняютъ они маленькому сердечку. «Отцы, не раздражайте чадъ своихъ», — говорится въ Библіи. Непомѣрная суровость или несправедливость вызываетъ въ сердце ребенка недовѣрчивость, тайное озлобленіе и недоброжелательство. Оскорблениe способенъ чувствовать даже самый маленький ребенокъ, и чувство горечи незамѣтно всасывается въ его сердце. Нельзя вспоминать безъ сожалѣнія объ одномъ отцѣ, сынъ котораго, умный и талантливый мальчикъ, встрѣчавшій тѣмъ не менѣе со стороны отца одну лишь строгость, умеръ въ самомъ юномъ возрастѣ. «Сынъ не разъ считалъ меня, вѣроятно, жестокимъ, — сказалъ этотъ человѣкъ одному изъ своихъ друзей, — и, конечно, имѣть для этого поводъ: онъ не зналъ, какъ глубоко любилъ я его въ душѣ, — теперь это ужъ непоправимо!»

Родители, которые сѣкутъ своихъ дѣтей, поступали бы гораздо благоразумнѣе, примѣнивъ это наказаніе къ самимъ себѣ, потому что, если ребенокъ вышелъ не такимъ, какимъ они хотѣли его видѣть, то виноваты въ этомъ прежде всего они сами. Ребенокъ не можетъ быть въ раннемъ дѣтствѣ самъ воспитателемъ своего характера: если онъ получиль въ наслѣдство отъ родителей неподвижный

или раздражительный нравъ, то родители должны съ своей стороны приложить всѣ старанія, чтобы возможной кротостью, терпѣніемъ и любовью смягчить и сгладить врожденные дитяти недостатки.

Воспитаніе очень часто ставить себѣ задачей сломить «упрямство» ребенка, при чмъ подъ упрямствомъ подразумѣвается воля; воля-же является необходимымъ элементомъ характера и поэтому нужно ее воспитывать, а не извращать. Воспитывать же волю отнюдь нельзя насищественными мѣрами или запугиваніемъ. Разъ пріучивъ ребенка повиноваться исключительно изъ страха, т.-е. внушивъ ему, что власть надъ чужой волей должна необходимо быть связана съ физической болью, воспитатель сдѣлалъ все, чтобы посѣять въ ребенка дурные задатки. «Первая вещь, увидѣнная или услышанная ребенкомъ, оставляетъ въ душѣ его неизгладимое впечатлѣніе,—говорить Рихтеръ.—Первое замѣченное дитятей проявление любви, несправедливости или какого-либо иного чувства бросаетъ тѣнь на всю его жизнь». Привычка внушать ребенку повиновеніе съ помощью физической боли незамѣтно, но неукоснительно приводить мало-по-малу къ возбужденію раздражительности, жестокости, деспотизма и приниженнности.

Послѣ того, какъ въ одномъ учебномъ заведеніи въ Англіи отъ жестокаго обращенія повѣсился одинъ изъ учениковъ,—другой рѣшился описать цѣлый рядъ существовавшихъ въ этомъ заведеніи наказаній: это былъ цѣлый кодексъ, примѣнявшійся къ тому-же съ самой сомнительной справедливостью. Въ англійскихъ школахъ тѣлесныя наказанія въ ходу болѣе, чмъ гдѣ-либо, и однажды въ «Таймсъ» помѣщена была статья м-ра Дрию, гдѣ онъ сравнивалъ съченіе мальчиковъ въ приютѣ Христа съ казекціей преступниковъ при лондонскомъ судѣ присяжныхъ; оказывается, что послѣдняя производится съ гораздо большей мягкостью.

Жестокое обращение съ дѣтьми воспитателей и родителей вызываетъ, въ силу подражанія, жестокость ихъ воспитанниковъ по отношенію къ другимъ, еще болѣе слабымъ и беззащитнымъ, чѣмъ сами они, существамъ: младшимъ товарищамъ и животнымъ. Громадное число жестокостей, которымъ ежедневно подвергаются животныя, вызывается прежде всего тѣми побоями, къ которымъ привыкъ ребенокъ дома или въ школѣ. Въ силу этого, встрѣчается ежедневно громадное количество дѣтей, которымъ доставляетъ громадное удовольствіе бить палкой несчастнаго ослика, топить кошекъ, привязывать камни къ хвосту собаки, обрывать крылья и лапки майскаго жука и т. п. Родители и наставники должны прежде всего сумѣть вызвать въ дѣтской душѣ самое мягкое отношеніе ко всему живому и воздержаніе отъ всякой попытки причинить кому бы то ни было боль и физическое страданіе. А достигается это лучше всего собственнымъ примѣромъ—отсутствіемъ желанія причинять боль и муку.

Остановимся здѣсь на описаніи осла, чрезвычайно полезного для человѣка животнаго, ладить съ которымъ во все не представляетъ особенного труда. Въ Швейцаріи ослы, нагруженные дровами, твердо и осторожно пробираются по узкимъ горнымъ тропинкамъ, доставляя жителямъ вѣренную имъ ношу. Осель въ этой странѣ—самый надежный товарищъ бѣдняка въ его ежедневныхъ трудахъ; упрямство осла, о которомъ сложилось столько разнообразныхъ разсказовъ, вызывается, надо думать, прежде всего дурнымъ и безчеловѣчнымъ обращеніемъ съ этимъ животнымъ. Между тѣмъ, вовсе не рѣдкость встрѣтить осла, всячески выказывающаго привязанность къ своему хозяину. Общепринятое выраженіе «яѣмое животное» является крайне ошибочнымъ, потому что животныя въ высшей степени обладаютъ способностью сообщаться другъ съ другомъ, конечно, не съ помощью словъ. Они обладаютъ богатымъ запасомъ разнообразныхъ звуковъ и интонацій,

разговариваютъ между собой знаками и т. п., понимаютъ разговоръ людей и идутъ на зовъ. Собаки, лошади, слоны и другія ручныя животныя въ особенности понятливы и повинуются человѣческому голосу.

Самымъ преданнымъ и вѣрнымъ спутникомъ человѣка является собака. Послушаніе, понятливость, сообразительность и почти разсудительность—вотъ отличительные свойства собаки. Лордъ Брумъ разсказываетъ о сообразительности шотландской овчарки, потерявшей на ярмаркѣ своего хозяина; послѣ долгихъ поисковъ ей удалось напасть на его слѣдъ; по этому слѣду она бѣжала до того мѣста, гдѣ дорога развѣтвлялась на три; собака понюхала одну тропинку, потомъ другую, и затѣмъ со всѣхъ ногъ пустилась бѣжать по третьей: очевидно, она разсудила, что если хозяинъ не пошелъ по первой и второй тропинкѣ, то третью не стоило и обнюхивать, такъ какъ больше ему некуда было свернуть.

Собаки обладаютъ и совѣствомъ часто въ большей мѣрѣ, чѣмъ люди. Однажды въ темную ночь сторожевая собака, выбѣжавъ изъ будки, вѣпшилась зубами въ проходившую мимо старуху, и когда та закричала,—съ ужасомъ отскочила. Оказалось, что она узнала въ ней по голосу ту старуху, которая обыкновенно кормила ее. Если-бы она могла говорить, то навѣрное воскликнула бы въ отчаяніи: «Какое я злое и неблагодарное животное! Укусить ту, которая всегда ласкала и кормила меня!» И собака была настолько пристыжена своимъ поступкомъ, что цѣлыхъ три дня не выходила изъ своей конуры, даже когда ее звали Ѣсть, пока наконецъ старуха не помирилась съ собакою, что привело послѣднюю въ восторгъ, такъ что онасыпала своего старого друга безчисленными выраженіями любви и признательности.

Трогательна преданность собакъ. Удивительна въ этомъ отношеніи исторія вѣрной собаки Боба, которая, проводивъ тѣло своего господина до Грей-Фріарского кладбища

въ Эдинбургъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ охраняла могилу своего господина, лишенную памятника. Цѣлые дни проводилъ Бобъ зимою и лѣтомъ и во всяку погоду на могилѣ своего господина и возвращался, даже если его проняли плетью. Съ тоски по своемъ хозяину онъ совершенно исхудалъ, такъ что отъ него остались лишь кожа да кости. Исторія эта сдѣлалась извѣстной, благодаря сборщику податей, который искалъ, съ кого бы получить налогъ за Боба. И хотя находились люди, которые хотѣли пріучить его къ себѣ, но Боба нельзя было оторвать отъ дорогой для него могилы! Когда, спустя четыре года, собака околѣла, ей воздвигли памятникъ у воротъ кладбища. Какой великий примѣръ любви и благодарности подалъ людямъ этотъ вѣрный Бобъ!

Капитанъ Голль разсказываетъ слѣдующій эпизодъ изъ жизни Вальтеръ-Скотта, произведшій на великаго романиста самое глубокое впечатленіе. Однажды къ Вальтеръ-Скотту подбѣжала незнакомая собака, которой онъ перебилъ камнемъ лапу; несчастный песъ подползъ къ своему обидчику и сталъ лизать ему руки, въ душѣ Вальтеръ-Скотта проснулось живѣйшее раскаяніе: онъ никогда не могъ простить себѣ этого поступка и полюбилъ съ этихъ поръ окружать себя собаками. Когда онъ писалъ свои романы, тутъ-же присутствовали и его собаки Немвродъ, Бранъ и Майда. Послѣдняя была его любимицей, и въ романѣ «Вудстокъ» мы находимъ съ большой любовью сдѣланное описание ея подъ именемъ Бевиса.

Вальтеръ-Скотъ разсказываетъ въ своемъ дневнике о собакѣ, спасшей своего хозяина во время пожара. Лордъ Форебъ проснулся однажды въ своемъ горѣвшемъ замкѣ, полуздущенный дымомъ, уже со слабыми проблесками сознанія. Уже комната его полна была огня и дыма, когда его огромная собака вскочила къ нему на постель и, схвативъ его за рубашку, вытащила его на лѣстницу на свѣжий воздухъ, гдѣ онъ пришелъ въ себя и поспѣшилъ спа-

стись. А сенъ-бернардскія собаки, спасающія и отрывающія изъ - подъ снѣга полузамерзшихъ путниковъ! Не менѣе интересна исторія собаки изъ Монтаржиса, которая тщетно защищала своего хозяина Обри де-Мондилье отъ нападенія его врага Ришара Макера, а затѣмъ помогла отыскать убийцу.

Вѣчный памятникъ снискала себѣ своей вѣрностью геркуланумская собака Дельта: когда городъ открыть былъ изъ-подъ лавы, скелетъ собаки найденъ былъ распростертымъ надъ скелетомъ двѣнадцатилѣтняго мальчика, кото-раго она, очевидно, самоотверженно запицала своимъ тѣломъ. Оба погибли, но на найденномъ тутъ же ошейнике собаки археологи нашли надпись, сообщающую о ея вѣрности и мужествѣ; оказывается, что она три раза спасла жизнь своему хозяину: однажды вытащила его изъ волнъ, другой разъ защитила отъ разбойниковъ и третій отъ волковъ.

Изъ всего видно, что въ животныхъ отражаются многія человѣческія качества. Гартлей замѣчаетъ въ своихъ «Наблюденіяхъ надъ человѣкомъ», что мы являемся въ глазахъ собаки какимъ-то высшимъ существомъ, которое она считаетъ за Божія намѣстника, уполномоченного принимать отъ нея поклоненіе, любовь и преданность, а потому и сами мы должны быть ея вѣрными защитниками и покровителями.

Дарвинъ говоритъ: «Явственные слѣды подобнаго убѣжденія мы находимъ въ глубокой любви собаки къ своему хозяину, любви, соединенной съ самопожертвованіемъ, покорностью и другими чувствами. Обращеніе собаки или обезьяны со своимъ хозяиномъ, когда онъ возвращается домой послѣ долговременного отсутствія, совершенно не похоже на ея поведеніе въ средѣ существъ, ей подобныхъ, съ которыми она себя чувствуетъ на равной ногѣ» *).

*) «Происходеніе видовъ». Дарвинъ.

Отсюда ясно, что многія «нѣмыя животныя» лучше пумнѣе не только многихъ людей, но и цѣлыхъ человѣческихъ рась.

Вотъ образецъ примѣрнаго поведенія собаки, оказавшейся въ одномъ случаѣ много благороднѣе человѣка: однажды фермеръ изъ Кумберланда побился объ закладъ въ томъ, что собака его отведеть совершенно самостоятельно цѣлое стадо овецъ изъ Кумберланда въ Ливерпуль, разстояніе между которыми опредѣляется болѣе чѣмъ въ сто миль. Скота было очень много, а дороги извилисты и затруднительны; нельзя было даже предвидѣть всѣхъ опасностей, которыхъ могли встрѣтиться собакѣ на пути, такъ что надежда выиграть пари была очень сомнительной. Однако, спустя нѣсколько дней, собака пригнала все стадо въ Ливерпуль, не потерявъ ни одной овцы,—но она была такъ измучена и истощена голодомъ, что тутъ-же скончалась, павъ жертвой жестокаго згоизма своего хозяина.

Обладаетъ-ли животное какими-либо правами? Если законъ не оберегаетъ его въ достаточной мѣрѣ, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ наравнѣ со всѣмъ живущимъ права на жизнь и ея радости. «Дѣло не въ вопросѣ, способны-ли животныя размышлять или говорить,—замѣчаетъ Геремія Бентамъ,—но въ томъ, способны-ли они ощущать страданіе? Вотъ въ чёмъ сила; и нравственная обязанность человѣка—обращаться съ животными гуманно и заботиться объ ихъ благосостоянії».

Сэръ Артуръ Гельпсъ приводитъ отрывокъ изъ сочиненій Вольтера, въ которомъ послѣдній жарко выступаетъ въ защиту правъ животныхъ: «Возможно-ли, чтобы кто бы то ни было держался искренно того убѣжденія, что животныя не болѣе, какъ машины, лишенныя пониманія, чувства и разума, что они только повторяютъ другъ друга и не способны совершенствоваться и познавать что-либо. Взгляните однако на птицу, которая, прильпая гнѣздо свое къ стѣнѣ, дѣлаетъ его полукруглымъ, а пристраивая

его въ углу, измѣняетъ форму его въ четверть круга, на деревѣ-же вьеть его совершенно круглымъ. Похоже-ли это на однообразіе въ дѣйствіяхъ? Неужели собака, послѣ трехмѣсячнаго обученія знаетъ столько же, сколько вна-
чалѣ, когда вы принялись учить ее?

Неужели лишь благодаря моей способности членораз-
дѣльной рѣчи—вы проникаетесь убѣжденіемъ, что я чув-
ствующее и мыслящее существо. Представьте себѣ, что я
молчу, но вы видите, что я возвращаюсь домой совер-
шенно разстроеннымъ, озабоченно принимаюсь за поиски
какой-то бумаги, отворяю ящикъ, гдѣ надѣюсь найти ее,
схватываю ее и прочитываю съ видимой радостью. На
основаніи всего продѣланнаго мною вы заключаете, что я
былъ сначала чѣмъ-то огорченъ, а потомъ обрадовался
чему-то, хотя я и не выразилъ своихъ чувствъ словами.

Вы съ полнымъ правомъ можете сдѣлать подобный же
выводъ и относительно собаки, которая, потерявъ своего
хозяина, ищетъ его по всѣмъ улицамъ, встревоженная и
внѣ себя отъ горя. Но вотъ она бѣжитъ въ домъ, бро-
дить изъ комнаты въ комнату и находить наконецъ сво-
его дорогого хозяина въ кабинетѣ, выражая ему свою ра-
дость прыжками, ласками и помахиваніемъ хвоста.

Эту - то собаку, сила привязанности которой часто
стоитъ много выше таковой у человѣка, какой-нибудь безсердечный фокусникъ науки готовъ безъ колебанія при-
гвоздить къ столу, чтобы произвести надъ нею вивисекцію,
чтобы наглядно показать функциї венъ. Она обладаетъ
тѣми-же органами, какъ и человѣкъ. Мудрый анатомъ, что
скажете вы на это? Неужели природа одарила это живот-
ное всѣми органами чувствъ только для того, чтобы оно
не чувствовало? всѣми нервами для того, чтобы оно не
ощущало горя? Стыдитесь! не обвиняйте природу въ та-
кой непонятной непослѣдовательности.

Ученые схоластики спрашиваютъ чѣмъ не менѣе: есть-
ли душа у безсловесныхъ животныхъ? Не понимаю такого

вопроса... Кто создалъ всѣ эти способности? Тотъ, который повелѣлъ произрастать травкѣ въ полѣ и землѣ тяготѣть къ солнцу».

Немало найдется людей, которые испытываютъ по отношенію къ животнымъ самую нѣжную любовь. Англійскій народный поэтъ Эбенезеръ Элліотъ сказалъ какъ-то: «Не знаю, какъ-бы я сталъ жить на свѣтѣ безъ своей собаки и кошки!» Однажды одинъ мальчикъ, томимый страстью къ путешествіямъ, бросилъ свою школу: его страстно влекло въ даль; одно обстоятельство его удерживало: онъ очень любилъ свою старую кошку Табби и потому боялся, какъ-бы ее не утопили или не отдали кому-нибудь въ его отсутствіе.

Торо, житель города Конкордъ въ штатѣ Массачусетъ, по своей любви къ животнымъ походилъ на древнихъ отшельниковъ. Въ 1845 году онъ удалился въ лѣсъ близъ уроціща Уальденъ-Пондъ и принялъ къ удивленію скворцовъ и бѣлокъ строить себѣ тамъ жилище. Скоро звѣрьки увидѣли, что новый сосѣдъ не имѣть никакого желанія вредить имъ: онъ проводилъ цѣлые дни, неподвижно сидя на какомъ-нибудь пнѣ или лежа на краю утёса. Бѣлки, зайцы и сурки стали мало-по-малу поближе знакомиться съ нимъ, разнося по лѣсу молву, что появился человѣкъ, который не имѣть никакого намѣренія убивать ихъ, и между человѣкомъ и звѣрьками завязалась самая довѣрчивая дружба. Они являлись къ нему по первому зову. Даже змѣи обвивались вокругъ его ногъ и не пробовали даже ужалить его. Бѣлки, которыхъ онъ бралъ на руки, ласкались къ нему и прятали къ нему голову на плечо. Даже рыбы въ рѣкѣ позволяли ему брать себя въ руки, увѣренныя, что онъ не сдѣлаетъ имъ никакого зла. Торо построилъ свою избушку надъ норкой полевой мыши, которую сначала это очень встревожило: вскорѣ она, однако, настолько успокоилась, что смѣло подходила къ нему и ёла съ нимъ за однимъ столомъ. Когда Торо доставалъ

кусочекъ сыру, полевая мышь подходила къ нему, садилась на руку и брала свою долю; поѣвъ, она утирала лапки и мордочку и спокойно удалялась.

«Ничто не производить такого вліянія на воспитаніе животныхъ,—говорить его преподобіе Джонъ Вудъ,—какъ доброта и заботливость. Твердость, идущая рука объ руку съ любовью и кротостью,—непобѣдимое оружіе въ рукахъ человѣка, и едва-ли найдется животное, которое не было бы укрощено имъ. Мне довелось быть однажды свидѣтелемъ укрощенія мистеромъ Рареемъ великолѣпной, маленькой вороной лошади, чистыхъ арабскихъ кровей, которая, налетѣвъ на него словно тигръ, кусалась, лягалась и ржала въ одно и то же время. Не прошло получаса, какъ Рарей и лошадь оба лежали на землѣ, при чемъ голова всадника поклонилась на заднemъ копытѣ, тогда какъ другое касалось его виска. Онъ сумѣлъ нагляднымъ образомъ убѣдить животное, что не имѣлъ никакого желанія причинить ей боль или зло, и лошадь, вместо страха и озлобленія, почувствовала расположеніе къ человѣку, который, не причинивъ ей никакой боли, заставилъ ее тѣмъ не менѣе покориться».

Часто жестокое обращеніе съ животными является результатомъ легкомыслія и неразвитости: такъ въ Италіи дѣти любятъ привязывать веревочки къ ногѣ птицы и при каждой ея попыткѣ вспорхнуть тянуть ее книзу; когда она окончательно теряетъ силы, ее ощипываютъ живую, отрываютъ ей лапки и крылья. Дѣтамъ, очевидно, никто не внушаетъ въ этой странѣ состраданія ко всякой живой твари. На замѣчаніе и упрекъ въ жестокости они обыкновенно отвѣчаютъ: «*Non é cristiano*»—это не христіанинъ.

Въ Неаполѣ лошадямъ приходится таскать за собою до такой степени нагруженныя телѣги, что сбруя врѣзается имъ въ тѣло до крови. Измученные и загнанные лошади нерѣдко лежатъ безъ движенія по краямъ дороги; люди ждутъ, пока заживутъ ихъ раны, чтобы снова впрѣчь

ихъ въ повозки. Однажды утромъ по Strada de Рома въ тяжело нагруженной телѣгѣ бѣхала на базаръ толпа огородницъ и огородниковъ. Лошадь, бѣжавшая рысью, споткнулась и упала на влажной мостовой. И пассажиры, и вся ихъ кладь полетѣли черезъ голову лошади. Однако лошадь подняли, корзины опять поставили въ телѣгу, пассажиры размѣстились тутъ-же, и лошадь, получивъ ударъ бича, опять поплелась вдоль улицы.

Въ Англіи нѣть болѣе рабства! Только для лошадей сохранилось оно въ полной силѣ: стоить только посмотреть на омнибусы, дрожки и телѣги. Джемсъ Гуль, секретарь канцеляріи государственного совѣта, еще въ 1602 году заявлялъ, что Англія по справедливости называется адомъ для лошадей. Въ дрожки запрягаютъ обыкновенно старыхъ, загнанныхъ лошадей, прихрамывающихъ на одну ногу. Съ какой осторожностью она поднимаетъ и опускаетъ ее, обѣгая большие камни, которые причиняютъ ей особенную боль. Ломовой лошади приходится еще хуже: она надрывается надъ работой въ продолженіе цѣлой жизни, въ жаръ и морозъ и непогоду, а жизнь кончаетъ обыкновенно на живодеріѣ.

Одна сострадательная женщина, по имени Лизетта Рость, ежедневно выходила со своей прислугой на скользкую дорогу по крутымъ улицамъ отъ Темзы близъ Лондонского моста и посыпала ее пескомъ, чтобы облегчить страданія несчастныхъ лошадей, которыхъ она не забыла и умирая: по духовному завѣщанію она оставила значительную сумму на то, чтобы лондонскія скользкія улицы постоянно посыпались пескомъ.

Даже красивыя лошади, везущія на прогулку щегольские экипажи гордыхъ красаціцъ, все время страдаютъ отъ неудобной узды, врѣзающейся въ ротъ, нерѣдко покрытый кровавой пѣной. Если-бы эти лошади умѣли говорить, онѣ навѣрное сказали-бы, что все эти люди и джентльмены грубые тираны. А между тѣмъ большинство изъ нихъ

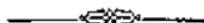
посыщаетъ митинги анти-вивисекціонистовъ, выражая свой протестъ противъ жестокаго обращенія съ животными. Это не мѣшаетъ намъ убивать на каждой скачкѣ въ Ливерпуль не менѣе пяти лошадей, которымъ переламываютъ ноги и спины. «Мнѣ часто думается,—говорить сэръ Артуръ Гельпсъ,—что порабощеніе лошади явилось настоящимъ несчастьемъ для міра. Порабощеніе это съ самыхъ раннихъ поръ способствовало только угнетенію и насилию: ему обязаны мы принимавшими огромные размѣры грабежами средневѣковья; оно-же явилось и орудіемъ наиболѣе кровопролитныхъ войнъ, потому что безъ помощи лошадей человѣкъ никогда не втащилъ бы пушекъ въ горы, да и полководецъ, которому пришлось бы совершать пѣшкомъ свои переходы, не вынесъ бы этого и очень скоро утолилъ бы свою жажду завоеваній».

Въ книгѣ Іова, три тысячи четыреста лѣтъ тому назадъ говорится: «Ты ли сообщилъ силу коню и облекъ его шею гривой? Въ силахъ ли ты испугать его какъ саранчу? Онъ смеется надъ опасностью и восторгается силою и не отворачивается отъ меча. При трубномъ звуки онъ радостно ржетъ и издалека чуетъ битву и призывъ вождей».

Въ тѣхъ же выраженіяхъ описываетъ Виргилій въ своихъ «Георгикахъ» военную лошадь: «Гордый конь, услыша издали зовъ трубы и шумъ войны, прядеть ушами и, дрожа отъ нетерпѣнія, не стоять на мѣстѣ, роетъ землю копытами и рвется въ битву».

Боевые кони, изображеные на фризѣ Партиона, находящемся въ настоящее время въ Британскомъ музѣѣ, указываютъ на то, какъ греки гордились этими животными; восхищеніе конями пеласговъ выразилось въ созданіи мифологическихъ кентавровъ. Съ помощью главнымъ образомъ лошадей завоеваны были Мексика и Перу: туземцы приняли за боговъ скачущихъ всадниковъ и всюду обращались въ бѣгство передъ ними. А между тѣмъ эти люди, не имѣвшіе понятія о порабощеніи лошадей, достигли вы-

сокой степени цивилизациі: испанцы нашли въ ихъ странѣ массу прекрасныхъ домовъ, окруженныхыхъ цвѣтущими садами. Такимъ образомъ и тутъ неизбѣжно представляется человѣку вновь столь избитый уже вопросъ: идемъ-ли мы на самомъ дѣлѣ къ цивилизациі и прогрессу, становимся ли мы развитѣе и лучше, чѣмъ были римляне и греки или мексиканцы въ эпоху высшаго расцвѣта своей жизни?

ГЛАВА XIV.

ЧЕЛОВЪЧНОЕ ОБРАЩЕНІЕ СЪ ЛОШАДЬМИ.

Глава его слыши добротой, и все похвали, расточаемы ему, подобны потокамъ, вытекающимъ изъ клюта, который бьетъ все той же высокой и полноводной струей.

Шекспиръ.

Молитъся умѣть тотъ, кто искренно любить и человѣка, и итацу, и звѣра; тотъ, кто равно любить и большое и маленькое созданіе такъ, какъ Богъ, все создавшій, все одинаково любить.

Колериджъ.

Бюффонъ называетъ лошадь благороднѣйшимъ пріобрѣтеніемъ человѣка, и въ самомъ дѣлѣ, сколькими удовольствіями и пользой мы ей обязаны! Въ молодые годы въ расцвѣтѣ своей красоты она обыкновенно бываетъ любимицею своего хозяина, который не нарадуется на веселую и гордую осанку чуднаго животнаго. Позднѣе она, смотря по породѣ и способностямъ, служить въ упряжи или въ качествѣ ломовой лошади, безропотно работая на человѣка, нося для него всевозможныя тяжести и грузы; Тѣмъ старательнѣй, казалось бы, должны охранять люди ея беспомощную старость, на дѣлѣ же лошадь обращается на старости лѣтъ въ самаго несчастнаго раба. Ломовую лошадь принуждаютъ, осыпая ее пинками, таскать непосильные тяжести, извозчичья лошадь проводить по всякой погодѣ на улицѣ цѣлые дни напролѣтъ. Ноги ея покрываются ранами отъ постоянной Ѣзы по каменистымъ дорогамъ по сырости и слякоти,—человѣкъ безжалостенъ къ

старой лошади, потому что не видить большей для себя потери, если она околбъетъ: все равно въ концѣ-концовъ придется свести ее на живодѣрю.

На югѣ Франціи существуетъ еще болѣе безчеловѣчный способъ освобождаться отъ старыхъ лошадей. Спекуляторы, занимающіеся разведеніемъ піявки, устроили на берегахъ Гаронны искусственныя болота, куда стаскиваются всѣ старые и негодные лошади всей окрестности. Миriadы піяковъ впиваются имъ въ глаза, ноздри и другое наиболѣе чувствительные органы; тщетны судорожныя старанія лошади освободиться отъ нихъ. Изнемогая отъ страшной потери крови, лошади втягиваются наконецъ въ зловонную тину, гдѣ и погибаютъ. Въ Бордо каждый годъ уничтожается такимъ образомъ отъ 18 — 20 тысячъ лошадей.

Къ сожалѣнію и въ Англіи немногіе слѣдуютъ примѣру герцога Веллингтона, который до самой смерти берегъ коня, бывшаго подъ нимъ въ день битвы. Въ газетѣ «Truth» появилось какъ-то письмо одной леди, краснорѣчиво описавшей страданіе лошадей, котораго она была свидѣтельницей. «На улицѣ стояла парная коляска, вожжи были до того натянуты, что несчастныя животныя не могли закрыть рта. Я подошла къ кучеру, тщетно убѣждая его отпустить немного вожжи; онъ свысока взразилъ мнѣ: «Госпожа любить, чтобы вожжи были натянуты. Они у насть привыкли къ этому». Пристяжная въ особенности страдала и употребляла всѣ усилия, чтобы хоть нѣсколько освободиться. Взглядъ ея, полный невыносимаго страданія, долго еще будетъ преслѣдоватъ меня.

Человѣкъ, который болѣе чѣмъ кто-либо сдѣлалъ добра лошадямъ, назывался Эдуардомъ Фордгемъ-Флауэромъ, «лошадинымъ миссіонеромъ». Весь свой трудъ, свое время и средства посвятилъ онъ на уничтоженіе жестокаго обычая натягивать удила такъ, чтобы лошадь не имѣла возможности держать головы въ естественномъ положеніи, но

всегда носила ее откинутой назад. Мистеръ Флауэръ на одномъ митингѣ назвалъ эти удилы кандалами, а «лэди и джентльмены, которые пользуются этимъ орудіемъ пытки, — добавилъ онъ, — стоять того, чтобы ихъ сослали на галеры».

Мистеръ Флауэръ неотступно и мужественно противостоялъ словомъ и дѣломъ въ продолженіе всей своей жизни какъ противъ рабства лошадей, такъ и противъ рабства людей.

М-ръ Флауэръ родился въ Гертфордѣ, но отецъ его со всей семьей, состоявшей изъ жены и 5-ти сыновей, переселился въ 1808 году въ пріобрѣтенное имъ близъ Гертфорда имѣніе Марденъ-Гилль. Маленький Эдуардъ очень любилъ животныхъ и съ пяти лѣтъ началъ Ѵздоръ верхомъ на маленькому шотландскомъ пони, «little Moses», на которомъ онъ каждый день Ѵздоръ на почту.

Когда ему минуло шесть лѣтъ, дядя его подарила ему новаго хорошенъкаго пони и къ нему сѣдло, уздечку и хлыстикъ. Однажды маленький Эдуардъ ударилъ своего пони за то, что тотъ испугался чего-то на дорогѣ. Отецъ Эдуарда увидѣлъ это: «За что ты бѣшь свою лошадку, Недъ?—«За то, что она трусить и не хочетъ бѣжать впередъ». «Развѣ ты не видишь, что направляя ее прямо въ глубокую яму?» Затѣмъ отецъ слегка ударилъ хлыстикомъ маленькаго наѣздника. «Какъ тебѣ это нравится?»— спросилъ онъ его. — «Совсѣмъ не нравится»— отвѣтилъ обиженный ребенокъ. «Ну, такъ помни, что никогда не надо бить лошади безъ самой крайней необходимости».

Марденъ-гилльскіе пашни и покосы, представлявшіе около тысячи акровъ земли, не приносили м-ру Флауеру особенной выгоды. Къ тому же онъ вздумалъ разводить мериновъ, и это предпріятіе, не увенчавшись успѣхомъ, унесло у него много денегъ. Тогда старшій сынъ Флауеровъ, Джонъ, посланъ былъ въ Америку для ознакомленія съ тамошней жизнью и вскорѣ прислалъ оттуда письмо съ

восторженнымъ описаніемъ страны Соединенныхъ Штатовъ.

Продавъ въ 1817 году свое англійское помѣстье, мистеръ Флауерь со всѣмъ своимъ семействомъ эмигрировалъ тогда въ Америку. Въ Ливерпуль наняты были два корабля для перевозки имущества: на нихъ, кромѣ самихъ Флауеровъ, помѣщалось человѣкъ около ста прислуги и несолько паръ скота и собакъ.

Оба судна разгрузились въ Филадельфіи, красивомъ и чистомъ городѣ, тогда еще не особенно заселенномъ. Мистеръ Флауерь принялъ снаряжать въ путь по направлению къ западу (на купленную старшимъ его сыномъ полосу земли близъ рѣки Вабаша въ штатѣ Иллинойсъ) поѣздъ со своими домочадцами и имуществомъ. Путешествие было восхитительное: день и ночь, за неимѣніемъ отелей, гдѣ ночевать, путники проводили на воздухѣ. Страна была еще довольно безлюдна; время отъ времени попадались лишь бѣдныя деревни, зародыши будущихъ городовъ, гдѣ путешественники возобновляли свой запасъ хлѣба и съѣстныхъ продуктовъ. Только переходъ черезъ Аллеганскія горы оказался очень утомительнымъ для лошадей.

Достигнувъ рѣки Огіо, м-ру Флауеру пришлось, за неимѣніемъ пароходства, сплавить свой грузъ внизъ по течению рѣки къ мѣсту своего назначенія. Медленно потянулись внизъ по рѣкѣ три громадные плота. Тутъ Флауерамъ впервые пришлось познакомиться съ невольничествомъ: рѣка Огіо служила границей между рабовладѣльческими и свободными штатами. Нерѣдко бѣглые невольники переправлялись черезъ рѣку, спасаясь отъ своихъ жестокихъ господъ, а тѣ гнались за ними, ловили ихъ и отводили обратно.

Однажды поутру м-ръ Флауерь услыхалъ подъ поломъ своей комнаты въ погребѣ страшные пронзительные крики; онъ поспѣшилъ на дворъ и въ полуоткрытую дверь по-

греба увидѣль, что хозяинъ немилосердно бьетъ бичомъ негритянку. Флауерь вступилъ за нее, и, испугавшись его угрозъ, хозяинъ удалился.

Путешественники отправились далѣе опять по сухому пути, мимо колоніи Гармони, основанной Джономъ Раппомъ и его послѣдователями *). Въ колоніи находился рядъ бревенчатыхъ домовъ, церковь, школа и двѣ мастерскія. Подойдя къ восточному берегу рѣки Вабашъ, караванъ Флауеровъ переправился на другую сторону съ помощью паромщика. И это былъ единственный человѣкъ, встрѣченный имъ въ этой мѣстности. Дальше двинулись къ сѣверу черезъ преріи, которыя представляли чарующее зрѣлище: холмистой, волнообразной пеленою уходили они въ необозримую даль, покрытая свѣжей травой и прелестными полевыми цветами, подернутая серебристымъ, прозрачнымъ туманомъ. Караванъ двигался по компасу; указывала путь Флауерамъ также ярко горѣвшая на небосклонѣ «Большая Медвѣдица».

Наконецъ эмигранты приблизились къ мѣстечку Піанкишау, на крайнемъ западѣ, покинутому не такъ давно индійцами. Мѣстность была пустынная, но англичане дѣятельно принялись за постройку себѣ жилищъ, и скоро въ безлюдной мѣстности возникло поселеніе. Къ несчастью, наступалъ уже юль: обрабатывать землю было уже поздно, и голодъ давалъ себя чувствовать новымъ поселенцамъ.

*) Раппіты, несмотря на мистический характеръ ученія своей секты, аскетизмъ и ожиданіе скораго пришествія Христа, сумѣли провести въ своей жизни благотворныя начала практическаго христианства: они считаютъ своей обязанностью трудиться, быть постоянно готовыми къ самоотверженію, руководствоваться въ жизни простотой, смиреніемъ и молитвой. Такъ какъ въ основу ихъ общественного устройства положено совмѣстное пользованіе имуществами, и каждый работаетъ для всѣхъ, то въ жизни ихъ не представляется случая ни для проявленія эгоизма, ни для расточительности. Въ такихъ словахъ ови сами себя характеризовали въ разговорѣ съ нѣмецкимъ путешественникомъ Нейгофомъ.

шись случайно попадавшимися оленями, которые цились или приносились обыкновенно домой съ вени возгласами: «Что дадите тому, кто убил олена?!» лодъ такъ измучилъ наконецъ новыхъ поселенцевъ, ни рѣшили побѣхать куда-нибудь поискать себѣ съѣст-припасовъ. Сопровождаемый нѣсколькими рабочими, дѣ Флауерь побѣхалъ за продовольствіемъ въ мѣстечко я-Тоунъ, отстоявшее отъ ихъ поселенія на два дня. Тамъ они нашли возможнымъ пріобрѣсти крупы, и нѣсколько копченыхъ окороковъ; переправясь не затрудненій черезъ рѣку Вабашъ, они доставили все роголодавшимся колонистамъ, которые встрѣтили ихъ спасающей радостью.

къ долгое время приходилось колоніи бороться съ зными неудобствами и препятствіями. Наконецъ еръ построилъ себѣ новый прочный домъ, и Эдуардъ иль въ Лексингтонъ за своей матерью, которую не хотѣть подвергать всѣмъ затрудненіямъ первоначального пребыванія на новыхъ мѣстахъ. Тѣмъ временемъ въ окрест- стали возникать и другія поселенія, и положено начало городу Альбіонъ, главному въ настоящее время въ провинціи Эдуардъ.

гда Эдуарду Флауеру исполнилось четырнадцать отецъ послалъ его къ школьному учителю, поселившись въ колоніи Уаррингтонъ. Такъ какъ школа находилась довольно далеко, то мальчикъ въ хорошую погоду окрашенія пути проходилъ болотомъ. Однажды онъ индейку и отнесъ ее въ подарокъ своему учителю. ль пришелъ въ восторгъ при мысли о вкусномъ обѣде тѣхъ поръ Недъ сталъ его любимцемъ, и оба, вмѣсто чтобы заниматься, ходили вмѣстѣ на охоту. Можно представить, какъ успѣшно подвигалось ученіе юнаго эра! Пробывъ въ школѣ шесть мѣсяцевъ, онъ вынесъ я полнѣйшее незнаніе самыхъ основныхъ правилъ этики, а затѣмъ отецъ взялъ его изъ школы и от-

далъ подъ его присмотръ свои многочисленныя стада. Такъ кончилось полученнное Эдуардомъ въ Америкѣ образование.

Эдуардъ по-прежнему любилъ охотиться, и убиваемая имъ лѣсная дичь и олени составляли важное подспорье въ продовольствіи колонистовъ. На охотѣ Флауеру довелось пережить немало интересныхъ и опасныхъ приключений. Въ штатѣ Иллинойсъ еще водилось въ то время довольно много черныхъ, сѣрыхъ и бурыхъ медвѣдей. «Однажды утромъ,—рассказываетъ м-ръ Флауерь,—когда я, въ сопровожденіи иѣсколькихъ рабочихъ, черезъ поле, засѣянное кукурузой, направлялся въ лѣсъ, чтобы вырубить тамъ нѣсколько деревьевъ, дорогу намъ неожиданно перерѣзаль громадный медвѣдь, поднявшійся при нашемъ приближеніи на заднія лапы. Онъ хотѣлъ, повидимому, скрыться отъ насъ, по направленію къ болоту. Собаки первыя кинулись на него, но онъ быстро передумалъ ихъ. Тогда мы вчетверомъ, вооруженные топорами, стали наступать на него и убили его, послѣ долгой и упорной борьбы; это было очень кстати: убитый медвѣдь сослужилъ намъ хорошую службу, такъ какъ наше продовольствіе оставляло желать очень многаго».

Послѣ долговременныхъ большихъ трудовъ и затратъ страна стала наконецъ значительно измѣняться къ лучшему; пустыня застроилась и покрылась хорошо обработанными полями и посѣвами, хотя первое время и трудно было оберегать скотъ и пашни отъ набѣговъ дикихъ звѣрей. Эдуардъ Флауерь принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ работахъ колонистовъ, и единственno эта привычка къ упорному труду, но никакъ не уаррингтонская школа и ея учитель, выработала въ немъ такой энергичный и непреклонный характеръ, не отступавшій ни передъ какими затрудненіями и препятствіями.

Старый Флауерь сдѣлалъ ошибку, пріобрѣтя такое значительное помѣстье въ совершенно незаселенной странѣ;

которая спустя лишь лѣтъ двадцать привлекла значительное число поселенцевъ. Кромѣ того немало непріятностей пришлось перенести Флауеру изъ-за негровъ—и невольниковъ, и свободныхъ. Какъ мы уже говорили, рѣка Огіо отдѣляла свободный штатъ Иллинойсъ отъ рабовладельческаго Кентукки. Тамъ встрѣчалось немало мягко-сердечныхъ господъ, которые отпускали за нѣкоторое вознагражденіе своихъ черныхъ рабовъ. Многіе изъ этихъ негровъ селились въ городѣ Альбіонѣ, въ пятистахъ миляхъ разстоянія отъ помѣстія Флауеровъ. По другую же сторону рѣки мѣстность полна была невольниковъ, переносившихъ самое жестокое обращеніе отъ своихъ господъ. Цѣлые семьи распродавались порознь въ различные штаты и на различные плантациіи. Многіе негры, покинувъ своихъ господъ, цѣлыми мѣсяцами скрывались въ рѣкахъ и болотахъ по ту сторону рѣки, или уходили въ Альбіонъ, или же, наконецъ, пробирались въ свободную страну Канаду.

Преслѣдуя бѣглецовъ при помощи особо выдрессированныхъ собакъ-ищеекъ, хозяева отводили ихъ назадъ въ неволю и подвергали еще худшимъ истязаніямъ. Кромѣ того тогда-же составилась въ странѣ цѣлая шайка аферистовъ, которые, переправляясь черезъ Огіо, ловили бѣглыхъ и свободныхъ невольниковъ и, сплавляя ихъ по течению рѣки Миссисипи, продавали въ Новомъ Орлеанѣ. У Флауеровъ работалъ однажды красивый и сильный негрь, честный, трудолюбивый и преданный. «Ты, вѣроятно, выкупился на свободу?»—спросилъ у него однажды Эдуардъ.—«Нѣть, господинъ,—ответилъ тотъ,—я просто бѣжалъ отъ своего хозяина, который обращался со мной какъ нельзя хуже». Вскорѣ послѣ этого разговора прежній хозяинъ невольника накрылъ его на фермѣ Флауера и, связавъ, потащилъ за собою. Негру удалось уѣхать вторично; умирая отъ голода, онъ явился къ Флауерамъ, объявивъ, что хозяинъ напаль уже на его слѣдъ и гонится за нимъ.

Бѣгледа опустили въ безводный колодецъ, куда время отъ времени бросали хлѣбъ для прокормленія негра. Хозинь на этотъ разъ не могъ найти его. Когда преслѣдователи удалились, Эдуардъ Флауерь вытащилъ негра изъ колодца, подарилъ ему большой запасъ хлѣба и посовѣтовалъ бѣжать куда-нибудь подальше. Направившись къ Канадѣ, негръ не успѣлъ еще переплыть рѣку, какъ опять попался въ руки своихъ преслѣдователей. На этотъ разъ онъ, доводенный до полнаго отчаянія, рѣшительно объявилъ, что лучше умреть, чѣмъ вернуться къ своему хозяину. Когда полицейскій явился взять его, онъ убилъ его выстрѣломъ изъ пистолета, за что и былъ повѣшенъ.

Подобные случаи постоянно повторялись, и м-ръ Флауерь возмущался до глубины души такимъ положеніемъ дѣль въ странѣ, слившей «свободной». Одно время онъ намѣревался даже покинуть ее, но, затративъ такія большія суммы на первое обзаведеніе на новомъ мѣстѣ, не имѣлъ достаточно средствъ, чтобы взяться опять за какое-либо другое предпріятіе.

Между тѣмъ шайка, работавшая надъ похищеніемъ людей, все возрастала и рѣшила выжить мѣшавшаго ей Флауера изъ страны. Флауерь со своей стороны приготовился къ стойкому отпору.

«Однажды вечеромъ,—рассказываетъ мистеръ Эдуардъ Флауерь,—я возвращался съ охоты вдвоемъ со своимъ товарищемъ, усталый и голодный. Мне было въ то время лѣтъ уже девятнадцать. Подходя къ дому, мы услышали за деревьями соѣдняго лѣса громкій споръ, и голосъ моего отца явственно произнесъ: «Пока я живъ, я не выпущу изъ рукъ этихъ поводьевъ!» Я съ товарищемъ бросился на этотъ голосъ, и мы увидѣли отца, державшаго за поводья лошадь, на которой былъ прикрученъ веревками къ сѣдлу одинъ изъ нашихъ рабочихъ-негровъ. «Пустите лошадь, а не то—выстрѣлю въ вѣсть!—говорилъ одинъ изъ занимавшихся захватомъ негровъ людей. Мы бросились на вы-

ручку отца со своими топорами и повалили двухъ негодневъ на землю, а остальные убѣжали въ лѣсъ».

Съ помощью судьи Мозеса Мичеля разбойники были переловлены людьми Флауера, во главѣ которыхъ находился Эдуардъ Флауерь. Современемъ, благодаря трудамъ и хлопотамъ Флауеровъ, ловль и торговлѣ людьми вдоль всего Огіо нанесенъ былъ рѣшительный ударъ, и штатъ Иллинойсъ никогда, благодаря этимъ самоотверженнымъ людямъ, не сдѣлался рабовладѣльческимъ.

Люди, которымъ Флауеры мѣшали заниматься пхъ по-зорнымъ промысломъ, платили имъ самой пламенной ненавистью. Составилась цѣлая компанія заговорщиковъ, намѣревавшаяся убить Эдуарда Флауера, который самимъ энергичнымъ образомъ противодѣйствовалъ торговлѣ не-счастными неграми. Къ счастью, слухи объ этомъ дошли до одного земляка Флауеровъ, Джека Эллиса, поселившагося въ густыхъ лѣсахъ въ окрестности, гдѣ онъ часто охотился вмѣстѣ съ Эдуардомъ. Джекъ явился однажды къ сестрѣ Эдуарда и подъ строжайшей тайной сказалъ ей: «Посовѣтуйте Неду отъ моего имени бѣжать отсюда какъ можно скорѣе, иначе ему не сдѣлать». Такъ какъ въ Эдуарда Флауера уже стрѣляли однажды, когда онъ сидѣлъ у себя дома за ужиномъ, — совѣтъ Джека былъ принятъ, и м-ръ Флауерь-отецъ вмѣстѣ съ Недомъ на слѣдующее же утро покинули домъ. Тутъ разыгралась страшная драма. Такъ какъ въ странѣ еще не знали объ ихъ отѣздѣ, то дня черезъ два къ дому Флауеровъ явилась толпа неизвѣстныхъ людей, объявившихъ, что желаютъ переговорить съ м-ромъ Флауеромъ младшимъ. Ричардъ, двоюродный братъ Эдуарда, вышелъ къ нимъ: едва успѣлъ онъ взяться за ручку двери и пріотворить ее, какъ разбойники кинулись на него и изрубили его своими топорами. Убѣйцы скрылись и никогда не были найдены.

Флауеры прибыли въ Англію въ 1824 году, семь лѣтъ спустя послѣ своей эмиграціи въ Америку, и Эдуарду

пришлось смынить на европейский костюм свою охотничью куртку и енотовую шапку, нарядъ жителей североамериканскихъ дѣственныхъ лѣсовъ. Влюбившись въ дочь своего родственника Бенжамена Флауера, Эдуардъ выразилъ своему отцу желаніе остаться въ Англіи подъ предлогомъ нѣкотораго пополненія своего образованія. Отецъ согласился и выдѣлилъ ему нѣкоторую сумму изъ своихъ доходовъ, и Эдуардъ поселился на время въ Нью-Ланаркѣ въ Шотландіи у Роберта Оуэна, одного изъ выдающихся філантроповъ своего времени. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ онъ занимался такъ усердно, что даже подорвалъ свое здоровье; кроме того, онъ въ продолженіе полугода учился еще въ Лондонѣ у доктора Келлей въ Тринити-Скверѣ.

Двадцати одного года онъ отправился въ Бирмингамъ, гдѣ поступилъ на службу къ одному хлѣботорговцу, плачившему ему сначала сто фунтовъ въ годъ, а затѣмъ взысившему это вознагражденіе до 400 фунтовъ. Тогда онъ женился на любимой женщинѣ. Спустя нѣкоторое время онъ поселился въ Стратфордѣ на Авонѣ, гдѣ завелъ громадную пивоварню. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ онъ былъ городскимъ мэромъ и мировымъ судьей въ Уарвишерѣ, который прославился на весь околотокъ своимъ радушнымъ гостепріимствомъ. Эдуардъ Флауэръ съ особенной любовью встрѣчалъ обыкновенно своихъ американскихъ друзей. Въ 1864 году онъ по собственной инициативѣ торжественно отпраздновалъ трехсотлѣтіе рожденія Шекспира.

Разбитый три раза параличемъ, онъ принужденъ былъ въ 1869 году отиравиться на излѣченіе въ Римъ, откуда проѣхалъ въ По на югъ Франціи. Во время этого путешествія ему поминутно приходилось видѣть всюду жестокое обращеніе съ лошадьми, ослами и мулами. Перебравшись въ 1873 году на жительство въ Лондонъ, онъ приложилъ всѣ усилия, чтобы уничтожить пытку, причиняющую лошадямъ мундштуками и удилами. Онъ написалъ по

этому поводу письмо въ «Times», напечатанное, благодаря содѣйствію м-ра Артура Хельпса, говорилъ о томъ-же на митингѣ общества покровительства животнымъ, издавалъ брошюры («Мундштуки и удила», «Лошади и ихъ упряжь») и обратилъ наконецъ на этотъ предметъ должное вниманіе общества.

Мистеръ Флауэръ въ слѣдующихъ словахъ изображаетъ общепринятую въ Англіи моду запрягать и винзудывать лошадей. «Узду натягиваютъ обыкновенно возможно туже, чтобы заставить лошадь высоко держать голову; ремень, соединяющій узду и подпругу, мѣшаеть ей въ то же время закидывать голову назадъ. Другіе тугіе ремни охватываютъ туловище лошади, отчего голова и хвостъ бѣднаги крѣпко связаны вмѣстѣ. Чтобы хоть нѣсколько ослабить эти путы, несчастное животное, стоя на мѣстѣ, неестественно выставляетъ впередъ свои переднія ноги и отбрасываетъ назадъ заднія, стараясь достигнуть этимъ хоть нѣкотораго сокращенія мускуловъ спинного хребта, и получаетъ въ результатѣ воспаленіе ладьеобразной kosti. Головные ремни, стѣсняю дыханіе лошади, развиваются сапъ и другія болѣзни, а также болѣзни ушей. Если му-чимая давленіемъ ремней лошадь вскидываетъ голову вверху—ее пытаются усмирить, еще туже стягивая орудія пытки—ремни. Такова мода; она мнѣ кажется сильнѣе даже гуманнаго чувства, но все-же я не теряю надежды на возможность перемѣны ея въ будущемъ: прежде точно также по требованію моды обрѣзали у лошадей хвосты, а теперь это уже вышло изъ моды: вотъ почему я смыю надѣяться, что теперешній варварскій способъ запрягать лошадей уступить мѣсто болѣе гуманному».

Мистеръ Флауэръ съ особымъ воззваніемъ относительно перемѣны въ способѣ запряжки лошадей обращался къ англійскимъ лэди, такъ какъ былъ убѣждѣнъ, что незнакомыя съ организмомъ лошадей женщины позволяютъ своимъ кучерамъ наиболѣе жестокого обращаться съ бѣдными

животными. «Познакомьтесь сами,—пишетъ онъ между прочимъ,—съ нѣжными органами животныхъ, которыхъ доставляютъ вамъ столько удовольствія и удобствъ, и берегите ихъ; они же сумѣютъ отблагодарить васъ за доброе обращеніе съ ними!»

Несомнѣнно, что мистеру Флауеру удалось по крайней мѣрѣ процентовъ на тридцать смягчить жестокое обращеніе съ лошадьми со стороны многихъ болѣе мягкосердечныхъ владѣльцевъ ихъ. Лордъ Ли написалъ однажды мистеру Флауеру слѣдующее: «Искренно поздравляю васъ съ достигнутыми вами успѣхами и надѣюсь, что недалеко время, когда лошадь, обремененная мундштукомъ, удилиами, наглазниками и другими орудіями пытки, будетъ встрѣчаться такъ-же рѣдко, какъ солдатъ въ полномъ вооруженіи, и вы найдете возможнымъ поздравить себя съ тѣмъ, что облегчили участъ лошадей въ той же мѣрѣ, въ какой нѣкогда Уильберфорсъ облегчилъ судьбу несчастныхъ негровъ».

М-ръ Флауерь обратилъ вниманіе и на ломовыхъ лошадей. Съ помощью своей жены, онъ уже подъ старость написалъ книгу «Лондонскіе камни», появившуюся съ портретомъ Макадама, много потрудившагося надъ улучшеніемъ дорогъ: по теоріи Макадама улицы должны быть вымощены камнями такой величины, чтобы они могли проходить сквозь имѣющее не болѣе двухъ вершковъ въ диаметрѣ кольцо, вѣсомъ не болѣе четырехъ лотовъ каждый. Кромѣ того ихъ должно укладывать такъ, чтобы они приходились плотно другъ къ другу углами и образовывали твердую и непроницаемую поверхность. Въ наше же время улицы мостятся камнями, достигающими по величинѣ кулака громаднаго и дюжаго человѣка, и ломовымъ лошадямъ чрезвычайно тяжело таскать по такимъ мостовымъ до-нельзя нагруженныя телѣги.

Такимъ образомъ м-ръ Флауерь всю свою жизнь выступалъ горячимъ защитникомъ не только людей, но и

безсловесныхъ животныхъ. Когда вспыхнула война между съверными и южными американскими штатами, м-ръ Флауеръ, вѣрный своимъ убѣжденіемъ, прочелъ во всѣхъ концахъ Англіи немало лекцій въ защиту негровъ. Послѣ смерти старика Флауера, который умеръ въ Америкѣ въ самый разгаръ освободительной войны, газеты въ Америкѣ съ благодарностью вспоминали о его борьбѣ съ рабовладѣльчествомъ въ Иллинойсѣ, прибавляя слѣдующій отзывъ о его сыне: «Въ упорной борьбѣ, сопровождавшей въ 1823 году попытку узаконить рабовладѣльчество въ Иллинойсѣ, онъ проявилъ большие чѣмъ кто-либо самаго искренняго героизма. Голоса противныхъ партій въ государствѣ раздѣлились тогда почти на двѣ равныя части, и только благодаря голосу англійскихъ колонистовъ, неизмѣнно вотировавшихъ за свободу, рабовладѣльчество было уничтожено».

Пусть человѣчество вспомнитъ эти великие труды Флауера на пользу людей и животныхъ въ ту минуту, когда придется пора воздвигнуть памятникъ м-ру Эдуарду!

ГЛАВА XV.

ОТВѢТСТВЕННОСТЬ.

Все, что сделано благороднымъ человѣкомъ,
озарятъ міръ на долгіе годы.

Лонгфелло.

Учись такъ, какъ будто проживешь вѣчность;
живи такъ, чтобы быть готовымъ умереть хоть
завтра.

Anselus de Insulis.

Долгъ возлагается на человѣка вмѣстѣ съ его жизнью и прекращается лишь съ его смертью, охватывая всю его жизнь. Онъ повелѣваетъ намъ заботиться о нравственномъ и физическомъ образованіи нашихъ дѣтей, обязываетъ насъ показывать имъ хороший примѣръ, въ силу которого они привыкали-бы поступать справедливо и честно. Долгъ охватываетъ не только семейную жизнь человѣка, но и его отношенія къ своей отчизнѣ, правительству и ближнимъ. Исполненіе этого долга связано съ великой нравственной отвѣтственностью, и только человѣкъ, глубоко проникшійся сознаніемъ этой отвѣтственности, можетъ надѣяться на добросовѣстное выполненіе своихъ обязанностей. Этимъ сознаніемъ отвѣтственности и уваженіемъ къ общественнымъ правамъ и обязанностямъ обусловливается неприкосновенность всего строя общественной жизни. «Родъ человѣческій скоро пришель-бы къ погибели,—говорить Вальтеръ-Скоттъ,— если-бы люди отказались помогать другъ другу. Начиная съ того момента, какъ мать принимается пеленать ребенка, и до того, какъ чья-либо сострадательная

рука поддержать слабѣющу голову умирающаго—ни одинъ изъ нась не можетъ обойтись безъ посторонней помощи. А потому всѣ нуждающіеся въ помощи имѣютъ полное право требовать ея отъ своихъ близкихъ, а тѣ, кто не оказывають ея, имѣя полную возможность это сдѣлать,—преступны».

Мы уже дѣлали попытку доказать въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ все неизмѣримо благодѣтельное значеніе примѣра. Главныйшей обязанностью человѣка является обязанность показать хороший примѣръ своимъ ближнимъ, потому что онъ лучше, чѣмъ какіе-либо совѣты и наставленія, воспитываетъ характеръ. Но для того, чтобы явить союю такой благодѣтельный примѣръ, человѣкъ долженъ обладать мужествомъ, скромностью и самоотреченіемъ. Вѣра и мужество являются главными орудіями человѣка въ борьбѣ съ искушеніями, которые окружаютъ его со всѣхъ сторонъ. «Побѣда добра надъ зломъ,—говоритъ лордъ Эрскейнъ,—способствуетъ обращенію всякаго зла въ добро, тьмы въ свѣтъ и кривды въ правду».

Лучшіе и благороднѣйшіе люди переживають минуты сомнѣнія и слабости, когда они чувствуютъ какъ колеблются самые основные принципы ихъ вѣры; но это колебанія минуты, и человѣкъ, истинно добродѣтельный, возвращается къ тому, что считалъ истиной, и борется за нее попрежнему твердо. Никто не можетъ вполнѣ искренно вѣрить въ систему отрицанія, убивающую лучшую часть человѣческой души, надежду и вѣру. Зло побивается не отрицаніемъ, но только дѣятельной добротой.

Самая наука одержала лучшія свои побѣды съ помощью одной только вѣры: только вѣра помогла Ньютона проникнуть въ тайну законовъ вѣчнаго движенія, она же поддержала Кеплера, Дальтона и Фарадея.

Къ отрицанію приводятъ нась только уныніе и отчаяніе человѣкъ начинаетъ съ сомнѣнія въ существованіе Бога, невѣрія въ человѣка, собственный долгъ, невѣрія во все,

исключая себя самого и своихъ эгоистическихъ побуждений. Насть обуреваютъ страсти, мракъ, заблужденіе, эгоизмъ, и душа не находитъ себѣ выхода изъ этого лабиринта. Цѣнность жизни обусловливается степенью нашей дѣятельности на пути исполненія данныхъ намъ свыше законовъ; и только на этомъ пути приобрѣтаетъ человѣкъ свободу, вѣкъ которой не можетъ быть настоящей жизни.

Всякое испытаніе, которое посыпается человѣку, очищаетъ его душу. Прикованный надолго къ постели тяжелымъ недугомъ, одинъ богатый и беспечный человѣкъ впервые спросилъ себя: «Былъ-ли я хоть на что-нибудь полезенъ въ жизни? даль-ли кому-нибудь счастье? Облегчилъ-ли чье-нибудь горе? Будетъ-ли хоть для кого-нибудь замѣтно мое исчезновеніе изъ міра?» Отвѣтъ получился самый неутѣшительный, но вопросъ не прошелъ безслѣдно. Больной, оправившись, постарался въ корень измѣнить свою жизнь и посвятить ее полезной для своихъ ближнихъ дѣятельности. Случай къ этому уже не разъ представлялся ему и прежде, только у него не хватало воли совершить доброе дѣло, а главное не доставало любви, настоящей теплой любви къ Богу и людямъ. Религія-же представляетъ не что иное какъ договоръ вѣчной любви, болѣе глубокой, чѣмъ самая вѣра и надежда, той любви, которая освѣщаетъ и вдохновляетъ собою всѣ наши обязанности.

Сознаніе долга облегчаетъ намъ жизненный путь, помогаетъ намъ глубже проникать въ жизнь, подчиняться, преодолѣвать препятствія и противостоять искушеніямъ. Видно на опытѣ, что люди большей частью становятся такими, какими дѣлаютъ себя сами. Борясь съ влечениемъ ко злу, мы тѣмъ самымъ приобрѣтаемъ влечение къ добру, и постоянныя усилия мало-по-малу облегчаютъ намъ путь и приводятъ насть къ цѣли нашихъ стремленій.

Лучший и самый легкій путь къ успѣху—это стремление къ подражанію избранному для себя самимъ человѣкомъ наиболѣе яркому и совершененному образцу. Попытки

подражать такимъ образцамъ, даже неудачными, все-таки ведутъ къ самосовершенствованію. Человѣкъ, сильный духомъ, никогда не пройдетъ безслѣдно въ мірѣ. Какъ-бы ни былъ онъ мало образованъ, какими-бы ни обладалъ посредственными способностями, невысокимъ положеніемъ въ обществѣ, какъ-бы ни былъ незамѣтенъ и бѣденъ,—онъ всегда приобрѣаетъ себѣ уваженіе и пользуется вліяніемъ на окружающихъ, если только отличается достаточной силой воли. Умъ человѣка никогда не притупляется отъ усиленной дѣятельности, но часто покрывается ржавчиной небрежнаго отношенія къ нашей умственной жизни. «Пылкое воображеніе,—сказалъ Пертесъ, очень талантливый и обладавшій громаднымъ запасомъ силы воли человѣкъ, — это соль земной жизни, душа человѣческой природы, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что на человѣка, богато одареннаго, возлагается и большая отвѣтственность». Одному юношѣ, онъ сказалъ слѣдующее: «Идите впередъ бодро и съ надеждой: вотъ совѣтъ старика, вынесшаго въ свое время на своихъ плечахъ немало житейскихъ печалей. Надо умѣть бодро смотрѣть въ лицо опасности и, не падая духомъ, покоряться необходимости. Сознаніе кратковременности нашей земной жизни не должно мѣшать намъ возможно полнѣе пользоваться этой жизнью—иначе мы будемъ лишены всякой энергіи въ дѣятельности».

Юность—пора дѣятельности и стремленія къ прогрессу. Вступая въ жизнь, молодой человѣкъ имѣетъ возможность проявить свою личность со всевозможныхъ сторонъ. Если его родители позаботились воспитать въ немъ понятіе о достоинствѣ человѣческой личности—онъ будетъ стремиться жить такъ, чтобы не бросить никакой тѣни на ихъ честное имя и не сдѣлать ни одного поступка, который заставилъ бы ихъ покраснѣть за него. «Докажи, что ты достойный потомокъ своихъ предковъ»,—говорилъ Періандръ, одинъ изъ семи греческихъ мудрецовъ. Но если юноша не заявилъ себя въ началѣ своего поприща—мало надеждъ ожи-

дать отъ него какихъ-либо благородныхъ дѣль и стремлѣній въ пору его зрѣлости.

Дѣти не забываютъ ни одного обращеннаго къ нимъ слова, а въ особенности нагляднаго примѣра. Ни одинъ дурной нашъ поступокъ не проходитъ безслѣдно: возмездіе не замедлитъ. Преступая законъ вѣчной истины, мы всюду открываемъ послѣдствія своего преступленія. Св. евангелистъ Матеей сказалъ: «За всякое праздное слово, сказанное людьми—они отвѣтятъ передъ Господомъ въ день судный. Ибо отъ словъ своихъ оправданъ будетъ человѣкъ и отъ словъ своихъ осужденъ будетъ».

Дурные поступки отличаются еще большей долговѣчностью, чѣмъ слова. Они живутъ вѣка и по наслѣдію переходятъ отъ одного къ другому. Память о чьей-либо жизни и то вліяніе, которымъ она пользовалась на окружающихъ, не проходитъ вмѣстѣ съ нею. «Нѣть поступка,—говорить Томасъ Мальмсбери,—который не вель за собою такого длиннаго сцѣпленія послѣдствій, какое не въ силахъ охватить умъ человѣка». «Каждый окружающій насъ атомъ,—говорить Баббаджъ,—пропитанъ добромъ или зломъ и, сохранивъ въ себѣ мысли и дѣла мудрецовъ, смѣшиваетъ ихъ въ вѣчномъ движеніи съ дѣлами и поступками ничтожнѣйшихъ изъ людей. Самый воздухъ похожъ на исполненную книгу, на страницахъ которой запечатлѣлось все, что когда-либо произнесъ человѣкъ».

И такъ, каждое слово, мысль, поступокъ оказываютъ свое вліяніе на судьбу человѣка и вліяніе это сказывается на цѣломъ рядѣ грядущихъ поколѣній. Вотъ почему каждый изъ насъ долженъ проникнуться глубокимъ сознаніемъ той отвѣтственности, которая лежитъ на насъ за каждое наше слово и даже мысль». Дурные книги имѣютъ еще болѣе вредное вліяніе, чѣмъ дурные слова, потому что они воспитываютъ мышленіе и волю грядущихъ поколѣній, продолжая жить, когда самій прахъ ихъ авторовъ давнымъ-давно уже истлѣлъ въ могилѣ. «Искусство книгопе-

чатаанія,—говорить Фридрихъ Шлегель,—блестательнѣйшес изобрѣтеніе человѣческаго ума, запятнано, тѣмъ не менѣе, быстрымъ распространеніемъ порочныхъ, безнравственныхъ и атеистическихъ мыслей. Это оно вызвало къ жизни цѣлое море ничтожныхъ и вздорныхъ книгъ, полныхъ остротъ, похожихъ на мыльные пузыри, и трескучей скуки, море, по которому шатается современный умъ, подвергая себя опасности окончательно потерять изъ виду компасъ здраваго смысла и путеводную звѣзду истины».

Шлегель правъ: на каждомъ писателѣ лежитъ громадная ответственность; вредная книга такъ легко попадаетъ въ руки нашего юношества и, нерѣдко остроумно написанная,—распространяетъ незамѣтно, но прочио свои ядовитыя сѣмена, отравляя ими чистую душу. Мнѣніе Стерна, что порокъ, лишенный грубой оболочки, теряетъ свою силу—какъ нельзя болѣе ошибочно: грубость, напротивъ, отталкиваетъ, тогда какъ порокъ, прикрытый остроумными и блестящими парадоксами, незамѣтно вѣдается въ душу. Эти слова какъ нельзя болѣе примѣнимы къ моднымъ французскимъ и англійскимъ романамъ, которыми такъ зачитываются наши молодыя дамы, романамъ, посвященнымъ блестящему изложению всевозможныхъ прелюбодѣяній, убийствъ, разврата и другихъ гнійныхъ язвъ нашей общественной жизни.

Есть и другой родъ сочиненій, вызывающихъ въ насть непрерывный смѣхъ и издѣвателство надъ жизнью—вѣрный признакъ легкомыслія и пустоты подобныхъ творений, и эти книги вредны не менѣе первыхъ. Какая разница между подобными книгами и настоящими серьезными трудами лучшихъ писателей даже въ области романа. Локгарть выразился о дѣятельности Вальтера-Скотта въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Какой глубокой благодарностью обязаны мы длинному ряду его сочиненій, издававшихся въ теченіе дѣлыхъ 30-ти лѣтъ, сочиненій, всецѣло посвященныхъ распространенію здоровыхъ, благородныхъ чувствъ,

вдохновлявшихъ своимъ величиемъ человѣческую душу, подвиговъ, подсказывавшихъ презрѣніе ко всему недостойному и низкому, сочиненій, заложившихъ въ душу своихъ читателей столько началь любви и снисходительности, столь отличной однако отъ холоднаго индефферентизма, сочиненій, проникнутыхъ мягкостью, чуждой сентиментализму, и блеставшихъ остроумiemъ, чуждымъ цинизму и пошлости, сиявшихъ миѳnями и убѣжденіями, основой которыхъ было одно лишь начало: честь и отвага». Эта похвала можетъ быть немного преувеличена, но вполнѣ заслужена, и самъ Вальтеръ-Скоттъ съ полнымъ правомъ могъ сказать о себѣ: «Я приближаюсь къ концу своего жизненнаго пути. Я можетъ быть былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей своего времени, и миѳ отрадно думать, что во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ не найдется и слѣда стремленій смутить чью-нибудь душу, пошатнуть чью-либо вѣру: я не написалъ по крайней мѣрѣ ничего такого, въ чемъ могъ бы горько раскаяться въ своей предсмертной часѣ».

То-же самое могъ бы сказать о себѣ и Диккенсъ — народный писатель въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. «Я прочиталъ главнѣйшія сочиненія Диккенса, — говоритъ менчестерскій епископъ, — и не нашелъ ни одной строки, содержащей какой-либо безнравственный намекъ, что-либо способное пробудить порочную или низменную мысль въ своеемъ читатель. Напротивъ, все сочиненія Диккенса принесли неизмѣримую пользу Англіи, научивъ насть уважать высокія добродѣтели, спрятанныя подъ грубой оболочкой, познавать высокіе примѣры христіанской любви къ ближнему. Англія обязана вѣчной благодарностью великому романисту за все, что онъ сдѣлалъ, чтобы возвысить и облагородить человѣчество».

Книга — это живой голосъ, духъ, вѣчно скитающейся по землѣ, мысль человѣка, отдѣленного отъ насть непроницаемымъ покровомъ пространства и времени. Родъ чело-

вѣческій вымираетъ, разрушаются самые незыблемые памятники, остается одна лишь все переживающая мысль: что такое Платонъ — онъ давно превратился въ ничто, только дѣла и мысли живутъ понынѣ. Вотъ почему, тогда какъ хорошая книга — драгоцѣннѣйшее сокровище жизни, дурная — духъ мучительный и порочный. И каждый честный писатель долженъ никогда не терять изъ виду этой страшной отвѣтственности, которой отмѣчены всѣ литературные произведения.

«Въ послѣднее мое свиданіе съ Водевортомъ, — говорить одинъ изъ друзей этого замѣчательнаго поэта, — я поразился его угнетенному состояніемъ: онъ видимо изнемогалъ подъ бременемъ своихъ семейныхъ несчастій и недуговъ. «Мнѣ все равно, какъ бы ни отзывался міръ о моихъ трудахъ, — сказалъ онъ, — единственное утѣшеніе я нахожу въ томъ, что во всѣхъ моихъ стихотвореніяхъ не найдется ни одной строчки, которая казалась бы мнѣ порочной или унизительной. Сходя въ могилу, я не страшусь, что мои созданія будутъ разсадниками зла и разврата».

Приведемъ въ заключеніе этой главы басню знаменитаго русскаго баснописца Крылова, содержащую въ себѣ хороший урокъ писателямъ. Она носить заглавіе: «Разбойникъ и Сочинитель».

Въ жилище мрачное тѣней
На судъ предстали предъ судей
Въ одинъ и тотъ-же часъ — грабитель
(Онъ по большимъ дорогамъ разбивалъ
И въ петлю, наконецъ, попалъ),

Другой былъ славою покрытый сочинитель:
Онъ тонкій разливалъ въ своихъ твореныхъ ядъ,
Вселяя безвѣrie, укореняя развратъ,
Быль, какъ сирена, сладкогласень,
И, какъ сирена, быль опасень.

Въ аду обрядъ судебный скоръ,
 Нѣтъ проволочекъ безполезныхъ,
 Въ минуту сдѣланъ приговоръ:
 На страшныхъ двухъ цѣпяхъ желѣзныхъ
 Повѣшены большихъ чугунныхъ два котла,
 Въ нихъ виноватыхъ рассадили,
 Дровъ подъ разбойника большой костеръ взвалили,
 Сама Мегера ихъ зажгла
 И развела такой ужасный пламень,
 Что трескаться стала въ сводахъ адскихъ камень.
 Судъ къ сочинителю, казалось, былъ не строгъ:
 Подъ нимъ сперва чуть тлѣлся огонекъ,
 Но тамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣ разгорался.
 Вотъ вѣки протекли, огонь не унимался.
 Ужъ подъ разбойникомъ давно костеръ погасъ,
 Подъ сочинителемъ онъ злѣ каждыи часъ.
 Не видя облегченья,
 Писатель наконецъ кричить среди мученья,
 Что справедливости въ богахъ нимало нѣть,
 Что славой онъ наполнилъ свѣтъ,
 И ежели писалъ немножко вольно,
 То слишкомъ ужъ за то наказанъ больно;
 Что онъ не думаль быть разбойника грѣший.
 Тутъ передъ нимъ во всей красѣ своей
 Съ шипящими между волосъ змѣями,
 Съ кровавыми въ рукахъ бичами,
 Изъ адскихъ трехъ сестеръ явилася одна.
 «Несчастный, — говорить она, —
 Ты-ль Провидѣнію пеняешь?
 И ты-ль съ разбойникомъ себя равняешь?
 Предъ лютостью твоей ничто его вина.
 По лютости своей и злости
 Онъ вреденъ быль,
 Пока лишь жилъ;
 А ты — уже твои истѣли кости,

А солнце разу не взойдетъ,
 Чтобы новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ,
 Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣть,
 Но, разливалясь, вѣкъ отъ вѣку лютѣть.
 Смотри (тутъ свѣтъ ему узрѣть она дала),

Смотри на злыхъ всѣ дѣла
 И на несчастія, которыхъ ты виною!
 Вотъ дѣти — стыдъ своихъ семей,
 Отчаянныя отцовъ и матерей:
 Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены? — Тобою!
 Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
 Супружество, начальство, власти,
 Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти
 И связи общества рвался расторгнуть? — Ты!
 Не ты-ли величалъ безвѣрье просвѣщенъемъ?
 Не ты-ль въ приманчивый, въ прелестный видъ облекъ
 И страсти, и порокъ?
 И вотъ, опоена твоимъ ученьемъ,
 Тамъ цѣлая страна
 Полна
 Убийствами и грабежами,
 Раздорами и мятежами,
 А до погибели доведена тобой!
 Въ ней каждой капли слезъ и крови ты виною.
 И смѣль ты на боговъ хулой вооружиться?
 А сколько впредь еще родится
 Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золь!
 Терпи-жъ: здѣсь по дѣламъ твоимъ и казни мѣра!»

Сказала гнѣвная Мегера
 И, крышкою захлопнула котель.

ГЛАВА XVI.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Все живущее должно умереть и снискать себѣ
вѣчность.
Демокритъ.

Я слышу не доходящій до вѣкъ призывъ, который
говорить мнѣ, что я не долженъ больше оставаться.
Я вижу невидимую для вѣка руку, которая манитъ
меня отхода вдаль.
Тейлоръ.

Юноша вступаетъ въ жизнь, полный самыхъ заманчи-
выхъ надеждъ. Миръ разстилается передъ нимъ, какъ усы-
панный цветами лугъ, весь залитый солнцемъ. Но время
быстро охлаждаетъ его пламенные грезы. Свѣжесть утра
смѣняется полдневнымъ зноемъ, а затѣмъ и мрачной
ночью. Юность проходитъ, наступаетъ врѣмѣсть, а за-
тѣмъ человѣкъ долженъ мало-по-малу привыкать и къ
мысли о старости и смерти—концѣ всего.

Конецъ этотъ представляетъ обыкновенно итогъ всей
его минувшей жизни со всѣми ея неизгладимыми словами
и поступками, которые перейдутъ потомству. Наше про-
шлое не покидаетъ насъ ни на минуту. «Каждый грѣхъ,—
говоритъ Іеремія Тэйлоръ,—представляется намъ сначала
обольстительнымъ видѣніемъ съ лучезарнымъ лицомъ». Когдѣ человѣкъ, стоя на рубежѣ жизни, не сумѣлъ до-
тѣхъ поръ покинуть стези порока — конечно приближеніе
старости пугаетъ его и исполняетъ отчаянія.

Добрые-же принципы, напротивъ, представляютъ на-

дежный оплотъ, который не въ силахъ пробить никакое оружіе. «Истинная религіозность,—говоритъ Сесиль,—это жизнь и здоровье души; кто обладаетъ ею, тотъ достаточно вооруженъ противъ всякаго зла».

Всѣ мы знаемъ и чувствуемъ приближеніе «вѣстника, который,—по словамъ Карлейля,—равно настигаетъ и дѣятеля и празднаго, настигаетъ среди удовольствій и занятій, измѣняетъ человѣка въ корень и отсылаетъ его въ невѣдомый міръ».

Смерть неизбѣжна, и песочные часы могутъ служить лучшей эмблемой нашей земной жизни. Песокъ безпрерывно убываетъ до послѣдней кручинки, послѣ чего наступаетъ тишина и смерть. Даже вѣнценосцы должны перешагнуть къ престолу черезъ могилы своихъ предковъ и мимо тѣхъ же гробницъ прахъ ихъ относятъ въ свое время въ могилу.

Когда известный англійскій художникъ, Давидъ Вильки, посѣщая Эскуріаль, остановился передъ знаменитой картиной Тиціана «Тайная Вечеря», водившій его по дворцу монахъ-іеронимитъ сказалъ ему: «Болѣе шестидесяти лѣтъ гляжу я на эту картину; за это время одинъ за другимъ исчезли вѣсъ мои товарищи; старшіе меня и однихъ лѣтъ со мною, а также и многие изъ тѣхъ, кто значительно младше меня. Не одно уже поколѣніе прошло — лишь образы, нарисованные на этой картинѣ, остаются безъ измѣненія, и, когда я долго всматриваюсь въ нихъ, мнѣ начинаетъ казаться, что дѣйствительность — это они, а мы только мимолетныя тѣни».

Старость должна уступать мѣсто юнымъ, а молодежь въ свою очередь посторонится передъ новыми поколѣніями. Тѣмъ не менѣе на склонѣ жизни, когда мы только уже прозябаемъ и становимся въ тягость себѣ и другимъ, — въ насъ особенно настойчиво начинаетъ пробуждаться жажда жизни. «Собаки,—сказалъ Фридрихъ Великий своимъ grenадерамъ, которые колебались идти на встречу

вѣрной смерти, — вы хотѣли бы жить вѣчно!» И это выраженіе примѣнімо ко многимъ старикамъ.

Киръ, царь персидскій, приказалъ вырѣзать на свое мѣсто надгробномъ камнѣ слѣдующія слова: «О, человѣкъ, кто бы ты ни былъ и откуда бы ты ни пришелъ, знай, что я основатель персидской монархіи: не завидуй ничтожному пространству земли, покрывающему мое тѣло!» И Александръ Великій былъ нескажанно тронутъ этой надписью, указывавшей на тлѣнность и шаткость всего земного.

Перикль замѣтилъ, умирая, что окружающіе, прославляя его за то, что другіе могли бы совершить не хуже, — не упомянули о главнѣйшемъ благородномъ стремленіи всей его жизни: не сдѣлать несчастнымъ ни одного афинянина.

Тяжелыя минуты отчаянія переживаетъ душа тѣхъ людей, которые не умѣютъ въ достаточной мѣрѣ управлять собою, — если передъ ними воздвигается неожиданно предѣлъ, дальше котораго не можетъ идти ихъ непомѣрное честолюбіе. Александръ Великій залился слезами, узнавъ, что нѣтъ болѣе въ мірѣ страны, которую онъ могъ бы покорить. Точно также Махмудъ Газневидъ, первый магометанскій завоеватель Индіи, плакалъ, какъ ребенокъ, разсматривая въ послѣдній разъ передъ смертью свои драгоценности: «Сколько перенесъ я трудовъ, лишений и опасностей для того, чтобы пріобрѣсти эти сокровища! — воскликнулъ онъ! — И вотъ я умираю и наявки разстаюсь съ ними». Онъ былъ похороненъ въ стѣнахъ дворца, гдѣ, какъ говорить легенда, бродила впослѣдствіи его неутѣшная тѣнь.

Одной изъ самыхъ страшныхъ была кончина французскаго короля Карла IX. Всѣ ужасы Варооломеевской ночи *), на которую онъ далъ нѣкогда свое согласіе, возвставали въ его разгоряченной фантазіи въ послѣднія ми-

*) Избіеніе католиками безоружныхъ и спящихъ протестантовъ въ 1572 г.

нуты его земной жизни, и образы замученныхъ протестантовъ постоянно преслѣдовали его. «Не понимаю, что дѣлается со мною весь эти послѣдніе дни, — говорилъ онъ своему придворному доктору, — меня словно бьетъ ни въ минуту не прерывающаяся лихорадка: во снѣ и на яву встаютъ передъ мною, ежеминутно смѣняя другъ друга, отвратительныя, чудовищныя кровавыя сцены, трупы убитыхъ, истекающіе кровью. О, что бы я далъ, чтобы воротить жизнь столькихъ невинныхъ и слабыхъ, погибшихъ въ ту ужасную ночь!»

Сидней Смитъ посѣтилъ однажды вмѣстѣ съ сэромъ Самуиломъ Ромилльи извѣстный своимъ красивымъ мѣсто- положеніемъ замокъ Говардъ. Взглянувъ на виднѣвшійся вдали фамильный склепъ владѣльцевъ замка, онъ воскликнулъ: «Какъ тяжело было умирать всѣмъ людямъ, разставаясь съ такой восхитительной страной!»

Когда врачи объявили кардиналу Мазарини, что онъ не проживетъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, онъ сталъ съ грустью бродить по своимъ великолѣпнымъ картиннымъ галереямъ: «И такъ я долженъ разстаться со всѣмъ этимъ! Съ какимъ трудомъ пріобрѣталъ я эти дивныя произведения, и вотъ приходитъ время, когда я буду лишенъ возможности любоваться ими». Бріеннъ подошелъ къ нему, и Мазарини, взявъ его подъ руку, промолвилъ: «Я слабѣю, какъ я плохо вижу!» И все-же онъ возвращался поминутно къ волновавшей его мысли: «Видите-ли вы, мой другъ, это дивное твореніе Корреджіо и эту Тиціановскую Венеру, и эту несравненную картину Каракчи? Страшно подумать, что скоро я покину все это. Прощайте, милыя картины, которыя я такъ любилъ и которыя столько стоили мнѣ!»

Есть однако въ мірѣ и худша страданія: смерть еще не самое ужасное изъ нихъ и не внушаетъ никакого страха человѣку, который чувствуетъ себя правымъ. Любовь сильнѣе смерти, которая является желаннымъ отды- хомъ для человѣка, добросовѣстно исполнившаго свой долгъ.

«Да будетъ благословенъ Господь,—сказалъ передъ смертью казненный Стюартами за свои республиканскія убѣжденія сэръ Генри Венъ,—за то, что Онъ сподобилъ меня умереть за правое дѣло!» Однажды, присутствовавшіе при кончинѣ однаго извѣстнаго полководца стали вспоминать о его побѣдахъ и числѣ отнятыхъ имъ у враговъ знаменъ. «Что значатъ всѣ эти такъ-называемые славные подвиги!—воскликнулъ старый воинъ.—Глотокъ воды, поданный жаждущему Христа ради—стоитъ больше всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ».

Сэръ Джонъ Муръ, смертельно раненный, сказалъ, умирая, подошедшему къ нему доктору: «Мнѣ нельзя уже помочь: спѣшите къ тѣмъ, кому ваше присутствіе еще можетъ доставить облегченіе». «Другъ мой,—промолвилъ Вальтеръ-Скоттъ передъ смертью, обращаясь къ своему зятю,—будь хорошимъ, благочестивымъ человѣкомъ: ничто кромѣ этого сознанія не поддержитъ тебя въ ту минуту, когда ты, подобно мнѣ, будешь лежать на смертномъ одрѣ».

Кантъ, величайший философъ новѣйшаго времени, скончался 80-ти лѣтъ отъ роду: «Я не боюсь смерти,—говорилъ онъ,—потому что знаю, какъ надо умирать. Если-бы я зналъ, что эта ночь—послѣдняя въ моей жизни, я вскинулся бы, простирая руки къ нему: хвала Господу! Конечно иначе встрѣтился бы я смерть, если-бы, живя, сознательно причинилъ какое-нибудь зло кому-либо изъ своихъ близкихъ».

Раньше, еще въ болѣе молодые годы, Кантъ сказалъ: «Отнимите у человѣка надежду и сонъ, и онъ сдѣляется несчастнѣйшимъ въ мірѣ существомъ. Вотъ когда человѣкъ начинаетъ ощущать въ полной мѣрѣ тягость жизни, которая не по силамъ нашей слабой природѣ. Единственное, что поддерживаетъ насъ—это сіяющая намъ вдали надежда увидѣть когда-нибудь обѣтованный край».

Однимъ лишь путемъ является человѣкъ въ мірѣ; для того-же, чтобы выйти изъ него, существуетъ тысяча путей. Рожденіе и смерть образуютъ волшебный кругъ, въ кото-

ромъ вращается наша жизнь. Богъ, призвавъ насъ къ жизни, вручаетъ намъ и ключи къ ней. Мы обязаны трудиться, любить нашихъ ближнихъ и добросовѣстно исполнять свой долгъ. «Истинное благочестіе выражается въ неукоснительномъ исполненіи нами долга,—говоритъ Іеремія Тэйлоръ.—Религія заключается болѣе въ дѣятельной любви, чѣмъ въ познаніи Божества. На небесахъ, конечно, мы должны сначала видѣть, а потомъ любить, здѣсь же мы должны начинать съ любви, и она откроетъ глаза и сердца наши, чтобы мы увидѣли и уразумѣли».

Для того, чтобы пріобрѣсть возможность смѣло глядѣть въ глаза грядущему, — мы должны трудиться изо-дня-въ-день, мужественно и неустанно. Единственное, что даетъ намъ возможность бодро и безропотно переносить всю горечь и лишнія земной жизни, — это надежда на жизнь вѣчную, которая осушитъ всѣ слезы, вознаградить за всѣ печали. Истинное и прочное богатство человѣка — это добро, которое онъ приноситъ, живя, своему ближнему. Когда кто-либо умираетъ, люди обыкновенно спрашиваютъ: «Оставилъ онъ послѣ себя какое-нибудь состояніе?» Но ангелы, встрѣчающіе на небесахъ его душу, зададутъ ему иной вопросъ: «Какія добрыя дѣла открываютъ тебѣ доступъ сюда?»

Все имѣть свой конецъ въ этомъ преходящемъ мірѣ: у каждой книги есть послѣдняя страница, у всякой проповѣди заключительное слово, у всякаго собранія окончательная рѣчь, у всякой жизни послѣднее дѣло, послѣднее слово умирающаго. «Выведи, Господи, душу мою изъ темницы, чтобы я вознесъ хвалу имени Твоему святому!»—Таковы были послѣднія слова св. Франциска Ассизскаго. «Здѣсь покоятся»...—возвѣщаетъ начало каждой надгробной надписи; и глубочайшія тайны даннаго существованія открываются въ свое время—въ день второго пришествія.

Таково время, которое береть отъ насъ на вѣру нашу юность, наши радости и все, что мы можемъ дать

ей, и платить намъ старостью и безмолвной могилой, въ которую заключаетъ исторію нашего земного странствованія, когда мы совершили все, что намъ было суждено. Но, вѣрую, Господь воззоветъ меня въ свое время и изъ этой могилы, земли и праха.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДОЛГЪ. ПЕРЕВОДЪ Н. НАДЕЖДИНА.

Главы.	стр.
I. Долгъ—совѣсть	3
II. Исполненіе долга	27
III. Правдивость и честность	53
IV. Неподкупные люди.	79
V. Мужество—устойчивость	103
VI. Постоянство до конца—Савонаролла	143
VII. Морякъ	170
VIII. Соадѣть	200
IX. Героизмъ добрыхъ дѣлъ	233
X. Сочувствіе	264
XI. Человѣкомиліюбіе	294
XII. Подвижничество миссіонеровъ	320
XIII. Мягкое обращеніе съ животными	345
XIV. Человѣчное обращеніе съ лошадьми	366
XV. Отвѣтственность	380
